

А.Н. Сорокин

Очерки

источниковедения каменного века

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

А. Н. Сорокин

**Очерки источниковедения
каменного века**

Москва, 2016

УДК 902/904
ББК 63.4
С65

Утверждено к печати Ученым советом Института археологии РАН

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР:
профессор, доктор исторических наук *Н. Б. Леонова*

РЕЦЕНЗЕНТЫ:
доктор исторических наук *С. А. Васильев*,
доктор исторических наук *С. В. Ошибкина*,
кандидат исторических наук *В. Я. Шумкин*

С65 **Сорокин А. Н.** Очерки источниковедения каменного
века. М.: ИА РАН, 2016. — 248 с.
ISBN 978-5-94375-191-2

Монография посвящена изучению ряда ключевых теоретических проблем источниковедения каменного века. В её основу положена критика источников, базирующаяся на фундаментальных принципах геоархеологии. В издании получили разработку многие актуальные вопросы современной науки.

Для археологов, студентов исторических факультетов, краеведов и всех любителей отечественной археологии.

УДК 902/904
ББК 63.4

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, 2016

ISBN 978-5-94375-191-2

© Сорокин А. Н., 2016

Наука не религия, в ней ничего нельзя принимать на веру.

Принять на веру – лучший способ ошибиться.

Роберт Вуд

ВВЕДЕНИЕ

Судьбой мне было уготовано прийти в археологию около полувека назад, в романтический период развития науки. Во второй половине 1960-х гг. и вплоть по середину 1980-х гг. – в пору расцвета социализма – советское государство вело активное народнохозяйственное строительство и финансировало полевые археологические изыскания, как новостроечные, так и сугубо научные. Немаловажно и то, что многие хоздоговорные и бюджетные экспедиции были постоянно-действующими. Бесперебойность финансирования, пусть в ряде случаев и не очень обильного, позволяла иметь укомплектованный штат и отлаженную инфраструктуру, давала возможность планирования. Важно и то, что именно плановость обеспечивала длительную перспективу работ, возможность реального прогнозирования и уверенность в будущем.

Уже на старте, помимо подмосковных курганов, городищ и селищ, мне посчастливилось побывать на раскопках таких уникальных памятников, как Чёрная Гора, Сунгирь, Владычино, Володары, Маслово болото, Тростенское озеро, Крымские мустьерские стоянки в окрестностях

г. Белогорска и мезолитические – в бухте Ласпи. А чуть позднее, в годы студенчества, «проходить университеты» Гнёздово, Смоленска, Новгорода Великого, Елисеевичей и Хотылево 2. В 1975 г., будучи студентом третьего курса кафедры археологии Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, я получил – по рекомендации О. Н. Бадера – свой первый Открытый лист по форме № 2 на разведки по Великим Мещёрским озерам, который давал право не только на поиск памятников, но и их шурфовку. Наступила пора взросления и накопления полевого опыта. В 1978 г. после окончания университета меня взяли лаборантом в Сектор новостроечных и хоздоговорных экспедиций Института археологии АН СССР, а здесь уже приходилось изучать всё, что затапливалось и сносилось в ходе масштабных строительных работ. Пришлось копать поселение Шоссейное в зоне строительства Белгородского водохранилища, курганы у хут. Веселого в Ставропольском крае, обследовать зоны затопления Верхнеокского гидроузла, Деснинского, Ржевского и Чебоксарского водохранилищ, бессчётное количество объектов мелиоративного, дорожного и гражданского

строительства Нечернозёмного Центра, сотни километров ниток нефте- и газопроводов, кабельных линий оптико-волоконной связи. Все это позволило познакомиться со значительным числом разновременных памятников, начиная от позднего палеолита и вплоть до современности, накопить бесценный профессиональный опыт. Однако то, что было впитано с «молоком Alma-mater» и позднее, уже в годы практической работы, постепенно перестало удовлетворять. Немаловажную роль в трансформации моих представлений сыграл накапливаемый с годами жизненный опыт. Особую роль в его формировании, помимо специальной литературы, сыграло общение со специалистами естественного профиля¹. Уже с университетской скамьи всем студентам-археологам становится известным, что раскопки – это разрушение, а в сухом остатке от полевых будней, помимо романтических воспоминаний, скапливаются дневники, чертежи, фотографии, находки и отчёты. Они-то – в значительной мере – и становятся источниками наших представлений о прошлом, той базой, на основе которой сочиняются гипотезы и пишутся курсы «древней истории». Рано пришло осознание того, что мы часто бываем единственными профессионалами, кто видел сам источник в процессе полевых изысканий, участвовал в его разрушении и созидании (Клейн, 1978; Шер, 2004; Колпаков, Назаренко, 2004). Из неистребимого желания

зафиксировать и сохранить всё максимально полно при обычном цейтноте хоздоговорных работ, в начале 1980-х гг., пришло понимание ущербности раскопок по условным горизонтам, родилась и была внедрена в жизнь система пространственной фиксации артефактов (Сорокин, 1987, 1989а, 1990а). Эта методика не без моих усилий была закреплена в начале 1990-х гг. в действующей полевой инструкции.

Постепенно выкристаллизовалось понимание и ещё одного печального обстоятельства: многое губится не только разного рода мелиоративными, дорожными и железнодорожными работами, сооружением водохранилищ, каналов, объектов мелиоративно-ирригационного строительства, заводов, зданий гражданского назначения, дачных и коттеджных посёлков, прокладкой нефте-, газо- и продуктопроводов, при возведении которых превентивные охранные раскопки представляют наименьшее зло, или портится целенаправленными действиями чёрных копателей, наносящих невосполнимый вред памятникам археологии (Макаров, 2004, 2005, 2013). Эпизодически угрозы возникают и внутри профессионального сообщества. И на эти вызовы тоже необходимо уметь отвечать. Среди недавних сенсационных разоблачений можно вспомнить происшествие, связанное с именем японского археолога Синити Фудзимуру, имевшего мировую известность и получившего за свои открытия

¹ Свою искреннюю признательность мне особенно хотелось бы выразить Леониду Рувимовичу Серебрянному, Леопольду Дмитриевичу Сулержицкому, Андрею Алексеевичу Величко, Ивану Ивановичу Судницыну, Майе Павловне Гласко, Раисе Габдрахмановне Грачёвой, Юрию Николаевичу Грибченко, Ольге Николаевне Успенской и Александре Амуриевне Гольевой.

прозвище «Рука Бога», который оказался обыкновенным мошенником. В 2000 г. он попался на том, что пытался закопать предметы каменного века на месте своих раскопок, но благодаря видеосъемке обман был раскрыт (Интернет-ресурсы: <http://www.archae.ru>; <http://mifov.net>; <http://astrophyzika>; <http://gorod.tomsk.ru>).

К сожалению, методика «улучшения качества источника» используется и некоторыми отечественными исследователями (Кольцов, Жилин, 1999; Беляев, 2011; Карачаров, 2014). Разумеется, не эти отдельные негативные проявления определяют лицо науки. Однако их следует выявлять и обнажать, ибо, как учит народная мудрость, дурные примеры, особенно для молодёжи, заразительны. Опыт показывает, что наиболее действенной «прививкой» от их распространения служит источниковедческая критика (Авдусин, 1972, 1980; Формозов, 1977; Клейн, 1978; Беляев, 2011; Фальсификация исторических источников..., 2011). Более того распространение фальшивок недопустимо, так как неизбежно приведёт к выхолащиванию целей и задач археологии.

По мере накопления полевого опыта перестали удовлетворять и те стандартные интерпретации, которые неизбежно всплывают в голове, когда пытаешься осмыслить добытое в процессе полевых изысканий. И здесь, как нельзя кстати, оказались востребованы идеи геоархеологии с её повышенным вниманием к совместным изысканиям с почвоведом, геоморфологами, палеогеографами и другими специалистами-естественниками. В результате постепенно выкристаллизовалась картина

(Сорокин, 1986; 1987; 1989б; 2000; 2002; 2003а; 2003б; 2004а; 2004б; 2004в; 2004г; 2005; 2006а; 2006б; 2006в; 2006г; 2006д; 2006е; 2007а; 2007б; 2007в; 2008; 2010; 2011а; 2011б; 2012а; 2012б; 2013; 2014а; 2014б; Смирнов, Сорокин, 1989; Кравцов, Сорокин, 1991; Николаев, Якумин, Александровский и др., 2002; Грачева, Сорокин, Малясова и др., 2006; Грачева, Сорокин, Тишков, 2008; Сорокин, Ошибкина, Трусов, 2009; Грачева, Сорокин, 2014; Sorokin, 1999; 2006; 2007; Vandenberghe, Gracheva, Sorokin, 2010; Gracheva, Vandenberghe, Sorokin, 2015) во многом отличная от той, которая сложилась в области мезолитоведения к середине 1980-х гг. (Археология СССР: Мезолит..., 1989). Первобытная археология никогда не была чужда естественнонаучным дисциплинам. Совсем неудивительно поэтому, что на рубеже XX–XXI вв. оказалась столь востребована геоархеология, воплотившая в себя лучшие традиции отечественной и мировой науки (Geoarchaeology: Earth Science..., 1976; Butzer, 1982; Воробьева, Медведев, 1984; Медведев, Несмеянов, 1988; Leach, 1992; Waters, 1992; Бердникова, Ощепкова, Ветров, 1997; Brown, 1997; Медведев, Генералов, Дроздов и др., 1996; Воробьева, Бердникова, 1998; Медведев, Воробьева, Ситливый и др., 1998; Кузьмин, 1998; Медведев, Воробьева, 1998; Rapp, Hill, 1998; Воробьева, Бердникова, 1999; Воробьева, Бердникова, 2001; Бердникова, Воробьева, 2002; Тетенькин, 2003; French, 2003; Кузьмин, 2005; Бердникова, Воробьева, Леви и др., 2005; Леонова, Несмеянов, Виноградова и др., 2006; Goldberg, Macphail, 2006; Rapp, Hill, 2006; Васильев, Бозински, Бредли и др., 2007; Медведев, 2008; Butzer, 2008; Зайков, 2010; Инешин, Тетенькин, 2010; Питулько, Павлова, 2010; Woodward, Huckleberry,

2010; *Bebermeier, Schütt*, 2011; *Cordova Carlos, Beach*, 2011; *Зайков, Юминов, Зайкова и др.*, 2012; *Cannell*, 2012; *Geomorphic Processes...*, 2012; *Бердникова, Воробьева, Липнина и др.*, 2015; *Геоархеология...*, 2015; *Canti, Huisman*, 2015; *Weisler, Love*, 2015). Очевидно и то, что настало время синтеза и теоретического осмысления накопленного опыта. Некоторыми из этих соображений мне и хочется поделиться с читателями. Однако прежде, чем перейти к их изложению, необходимо кратко коснуться ещё одной проблемы.

В процессе работ многое было исследовано и постигнуто мною самим, многому удалось научиться от своих коллег и по литературе. В результате стала воочию понятна книжная премудрость, с которой впервые познакомился ещё в студенческие годы, об обязательности критики археологического источника (*Авдусин*, 1972, с. 25) и её актуальности для первобытной археологии (*Формозов*, 1977). Пришло понимание необходимости её пропаганды, особенно для начинающих, а это неизбежно приводит к неоднократному повторению прописных истин, ибо, как известно, повторенье – мать ученья. Хорошо осознавая бесконечность темы источниковедческой критики, остановлюсь лишь на одном её аспекте, а всякий ли памятник археологии может быть опорным? По-видимому, всё зависит от того, какие цели ставит перед собой исследователь и к каким выводам он собирается, если вообще собирается, прийти. По паре-тройке отщепов обычно можно судить об их эпохальной принадлежности, например, к каменному веку или эпохе бронзы. Ряд каменных орудий или

характерных сколов даже вне контекста бывает можно вполне достоверно отнести к тому или иному этапу каменного века – мустье, верхнему палеолиту, мезолиту или неолиту. В этом смысле любые материалы содержат некую исходную информацию и могут стать опорой для конкретных выводов (*Клейн*, 1978; *Шер*, 2004). Однако если мы хотим получить достоверную и развернутую характеристику комплексов и выстроить на основе их анализа адекватную картину первобытности, то обязаны в качестве опорных выбирать представительные коллекции, отвечающие целому ряду требований. В идеальном виде это должен быть источник, обладающий всей совокупностью материалов и артефактов «живой» культуры, добытых из стратифицированных напластований. В таком случае геоархеологический объект должен представлять собой своеобразную «ископаемую этнографию». Совершенно очевидно, однако, что в плане соответствия «живой» культуре археология и даже геоархеология весьма ущербны, как по самим материалам, большинство которых (особенно из органических веществ) не сохраняется до момента изучения памятника, так в ряде случаев и по артефактному набору, стратиграфии напластований и спектру потенциальных естественнонаучных образцов. Предметы из неорганических материалов, добываемые преимущественно в ходе археологических раскопок, также не обладают всей полнотой набора реальной жизни, ибо нам чаще достаются лишь отдельные эпизоды технологических цепочек и трудовых операций,

отходы производства и использования, а также предметы, значительно трансформированные постседиментационными процессами. Это же относится к жилым и хозяйственным объектам, очагам, кострищам, ямам и шире – биоценозам, включая палеоландшафт, палеопочвы и особенности природной среды. Однако и в том скудном наборе, который нам удаётся добыть, целесообразно стремиться к максимальной полноте и достоверности данных. Это означает, что при прочих равных всегда необходимо разборчиво и щепетильно подходить к выбору анализируемых источников, то есть заниматься их предметной критикой (Формозов, 1977; Клейн, 1978; Авдусин, 1980; Беляев, 2011). Практика показывает, что гораздо чаще в своей неполноте и ущербности виноваты не сами археологические источники, а исследователи, которые их изучают и создают. А также те специалисты, которые полученные разными способами сведения анализируют, препарируют и интерпретируют. Чем менее компетентен археолог, тем меньше объективных данных он в состоянии добыть, зафиксировать, извлечь, распознать и осмыслить. Одновременно чем более амбициозные задачи он себе ставит, тем больше вероятность совершения им подлога. Данное обстоятельство лишним раз подчеркивает необходимость критики источников и выделения среди них надежных, сортированных и фальсифицированных (Сорокин, 1990). Пропаганда критики отнюдь не означает, что целью данной работы служит исключительно поиск фальсификатов или подлогов. Думать так было бы глубочайшим

заблуждением. Свою цель автор видит в стремлении к научной чистоте используемых сведений, проверяемости и достоверности выводов, не претендуя, разумеется, на их исключительность или непогрешимость. Необходимость развития идей критического источниковедения каменного века определяется тем непреложным фактом, что «объективность любого исторического источника достигается его критикой». В свою очередь «Основной целью критики источника является доказательство надёжности используемых для выводов материалов» (Авдусин, 1972, с. 25; Формозов, 1977). Таким образом, источниковедческая критика служит надёжным средством противодействия любым негативным явлениям в археологии. И здесь абсолютно уместно вспомнить, что «...девальвация понятия подлинности и достоверности грозит причинить науке глубокий вред» (Беляев, 2011, с. 63).

Очевидно и другое. Наука не стоит на месте, поэтому чем позднее живёт один исследователь по сравнению с другим, тем большую совокупность сведений он обязан усвоить из предшествующего опыта. Только в этом случае он может предложить нечто своё, отличное от мыслей его предшественников. Это и есть развитие науки, однако оригинальные данные и их интерпретации мы получаем далеко не всегда, более того – крайне редко. Обычно идёт рутинная работа, связанная с количественным приращением материалов и их публикацией. Но и без этого, без усилий сотен и даже тысяч собирателей и публикаторов невозможно появление исследователей, способных осмыслить

всю совокупность накопленных данных и предложить гипотезы, непротиворечиво объясняющие закономерности, которыми движет история.

Неудивительно, что по мере развития знания стандартные объяснения перестают удовлетворять. С сомнения в очевидном и начинается, собственно, нормальная исследовательская работа. Стоит только задуматься, а так ли всё было на самом деле, или, а почему это происходит и нет ли какого-либо иного объяснения наблюдаемому? – как привычные объяснения начинают рассыпаться. Так неоднократно бывало и со мною. В итоге, когда вызревает иное решение, вдруг задаёшься вопросом, а почему никто не догадался об этом раньше? И как же не видели этого предшественники, если это абсолютно очевидно? Но подобное случается постоянно и «невидение» существует именно потому, что всегда проще использовать имеющееся готовое решение,

воспользоваться стандартным объяснением феномена, прикрыться расхожим штампом, чем попытаться найти разгадку своему сомнению и обосновать или, напротив, развеять его. Попытку иными глазами взглянуть на многие очевидные вещи и явления и представляет собой эта книга. Человек, как известно, видит исключительно то, что готов увидеть, и мои представления не составляют исключения. Все мы – дети своего времени, но смотреть на прошлое глазами вчерашнего дня – это означает стоять на месте. А жизнь заключается исключительно в движении (Головнёв, 1995, 2009).

Нет необходимости строить иллюзий, что предлагаемое здесь – истина в последней инстанции. Любые идеи преходящи. Если, однако, эта книга станет, хотя бы, маленьким шажком в бесконечном процессе познания или окажется для кого-либо стартовой ступенькой в профессии, цель, которую ставил себе автор, будет достигнута.

Список литературы

- Авдусин Д. А.* Полевая археология СССР: Учебное пособие. М.: Высшая школа. 1972. – 345 с.
- Авдусин Д. А.* Полевая археология СССР: Учебное пособие. М.: Высшая школа. 1980. 2-е издание. – 335 с.
- Археология СССР: Мезолит СССР / Отв. редактор – *Л. В. Кольцов*. М.: Наука. 1989. – 352 с.
- Беляев Л. А.* Заметки о фальсификатах в археологии // Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов / Отв. редакторы – *А. Е. Петров, В. А. Шнирельман*. М.: ИА РАН. 2011. С. 51–66.
- Бердникова Н. Е., Воробьева Г. А.* События и геоархеологические объекты // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана, использование. Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН. 2002. Вып. 2. С. 4–12.
- Бердникова Н. Е., Воробьева Г. А., Леви К. Г., Аржанникова А. В.* Позднеледниковье и раннее послеледниковье Прибайкалья как природно-культурный феномен (особенности природных и культурных процессов) // Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности. Культуры и обще-

- ства Северной Азии в историческом прошлом и современности. Иркутск: Изд-во РГПЦ «Радиян». 2005. С. 15–25.
- Бердникова Н.Е., Воробьева Г. А., Липнина Е. А., Медведев Г. И.* † Роль геоархеология в археологических исследованиях // Материалы VI Международной научной конференции «Древние культуры Северного Китая, Монголии, Байкальской Сибири», Хуххот, КНР, 11–16 октября 2015 г. Пекин. 2015. Т. III. С. 1033–1041.
- Бердникова Н. Е., Ощепкова Е. Б., Ветров В. М.* Геоархеологические аспекты исследований в долине Белой // Дуловские чтения 1997 года (Секция археологии и этнографии): Материалы докл. и сообщ. Иркутск: Листок. 1997. С. 142–145.
- Васильев С. А., Бозински Г., Бредли Б. А., Вишняцкий Л. Б., Гиря Е. Ю., Грибченко Ю. Н., Желтова М. Н., Тихонов А. Н.* Четырехязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита. – СПб.: Петербургское востоковедение. 2007. – 264 с. («Геоархеология», стр. 221).
- Воробьева Г. А., Бердникова Н. Е.* Геоархеологические объекты как основа для изучения природно-культурных циклов (Байкальская Сибирь) // Циклы природы и общества: Материалы VI Международной конференции «Циклы природы и общества». Ставрополь: Изд-во Ставропольского ун-та. 1998. Ч. 2. С. 81–83.
- Воробьева Г. А., Бердникова Н. Е.* К тафономии культурных остатков в геоархеологических объектах // Геохимия ландшафтов, палеоэкология человека и этногенез. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 1999. С. 421–423.
- Воробьева Г. А., Бердникова Н. Е.* Археотафономия: этапы, процессы, циклы (в порядке дискуссии) // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН. 2001. С. 53–70.
- Воробьева Г. А., Медведев Г. И.* Плейстоцен – голоценовые отложения юга средней Сибири и археологические остатки в геологических слоях. Иркутск: Изд-во Иркутского университета. 1984. – 44 с.
- Геоархеология и археологическая минералогия – 2015. Миасс: Институт минералогии УрО РАН. 2015. – 203 с.
- Головнёв А. В.* Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН. 1995. – 607 с.
- Головнёв А. В.* Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН. 2009. – 496 с.
- Грачева Р. Г., Сорокин А. Н.* Локальный ландшафт мезолитических стоянок Заболотского геоархеологического полигона и его изменение во времени // Труды IV (XX) Археологического съезда в Казани. Казань: Отечество. 2014. Том V. С. 37–40.
- Грачева Р. Г., Сорокин А. Н., Малясова Е. С., Успенская О. Н., Сулержицкий Л. Д., Чичагова О. А.* Культурные слои и погребенные почвы в условиях заболоченных задровых равнин: возможности и ограничения методов археологических и природных реконструкций // Культурные слои археологических памятников. Теория, методы и практика. Материалы научной конференции / Ред. – С. А. Сычева, А. А. Узянов. М.: НИИ-Природа. М. 2006. С. 186–211.
- Грачева Р. Г., Сорокин А. Н., Тишков А. А.* Эволюция почв и ландшафтов задровой равнины: результаты междисциплинарных исследований // Материалы Международной конференции «Взаимодействие человека и окружающей среды в бореальной лесной зоне: прошлое, настоящее и будущее». Москва-ЦГЛЗ, 24–30 июля, 2008. М.: ИГ РАН. 2008. С. 32–34.
- Зайков В. В.* Юность геоархеологии. Екатеринбург: УрО РАН. 2010. – 175 с.
- Зайков В. В., Юминов А. М., Зайкова Е. В., Таиров А. Д.* Основы геоархеологии. Миасс. 2012. – 263 с.

- Инешин Е. М., Тетенькин А. В.* Человек и природная среда севера Байкальской Сибири в позднем плейстоцене. Местонахождение Большой Якорь 1. Новосибирск: Наука. 2010. – 270 с.
- Карачаров К. Г.* Спасательные археологические полевые работы как вариант «черной археологии» // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы охранных археологических исследований. Материалы VII научно-практической конференции «Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры», посвященной 90-летию со дня рождения В. Ф. Генинга (Нефтеюганск, 14–16 мая 2014 г.). Екатеринбург: Изд-во «Магеллан». 2014. С. 199–2003.
- Клейн Л. С.* Археологические источники: учебное пособие. Л. Изд-во Ленинградского государственного университета. 1978. – 120 с.
- Кольцов Л. В., Жилин М. Г.* Мезолит Волго-Окского междуречья: памятники бутовской культуры. М.: Наука, 1999. – 157 с.
- Колпаков Е. М., Назаренко В. А.* Методология археологических раскопок // Археолог: детектив и мыслитель. Сборник статей, посвященный 77-летию Льва Самойловича Клейна / Отв. редакторы: Л. Б. Вишняцкий, А. А. Ковалев, О. А. Щеглова. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета. 2004. С. 100–105.
- Кравцов А. Е., Сорокин А. Н.* Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита. М. 1991. – 66 с.
- Кузьмин Я. В.* Геоархеология палеолита и неолита юга Дальнего Востока России: современное состояние и перспективы // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий (материалы международного симпозиума). Новосибирск: Наука. 1998. Т. 2. С. 86–93.
- Кузьмин Я. В.* Геохронология и палеосреда позднего палеолита и неолита умеренного пояса Восточной Азии – Владивосток. 2005. – 281 с.
- Леонова Н. Б., Несмеянов С. А., Виноградова Е. А., Воейкова О. А., Гвоздовер М. Д., Миньков Е. В., Спиридонова Е. А., Сычева С. А.* Палеоэкология равнинного палеолита (на примере комплекса верхнепалеолитических стоянок Каменная Балка в Северном Приазовье). М.: Научный мир. 2006. – 360 с.
- Макаров Н. А.* Грабительские раскопки как фактор уничтожения археологического наследия России // Сохранение археологического наследия России. 19 марта 2004 года. / «Круглый стол» Совета Федерации. М. 2004. С. 13–24.
- Макаров Н. А.* Круглый стол «Сохранение археологического наследия России» в Совете Федерации Федерального собрания РФ // РА. 2005. № 1. С. 5–6.
- Макаров Н. А.* Археология и грабительские раскопки: комментарий к общеизвестному // РА. 2013. № 2. С. 191–192.
- Медведев Г. И.* Геоархеология. Сюжеты истории формирования // Антропоген. Палеоантропология, геоархеология, этнология Азии. Иркутск: Изд-во «Оттиск». 2008. С. 133–155.
- Медведев Г. И., Воробьева Г. А.* К проблеме группировки геоархеологических объектов Байкало-Енисейской Сибири // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий / Материалы международного симпозиума. Новосибирск: Наука. 1998. Т. 2. С. 148–159.
- Медведев Г. И., Воробьева Г. А., Ситливый В., Ков Н., Купэ Д., Липнина Е. А.* Новый взгляд на динамику формирования культурных отложений палеолитического местонахождения Мальта // Главнейшие

- итоги в изучении четвертичного периода и основные направления исследований в XXI веке. СПб. 1998. С. 267–268.
- Медведев Г. И., Генералов А. Г., Дроздов Н. И., Лбова Л. В., Акимова Е. Б., Бердникова Н. Е., Ветров В. М., Воробьева Г. А., Горюнова О. И., Заика А. Л., Ласточкин С. В.†, Липнина Е. А., Макулов В. И., Осадчий С. С., Ощепкова Е. Б., Савельев Н. А., Ташак Е. В. Проблемы научной экспертизы и практики изучения геоархеологических объектов Байкальской Сибири (методология, методы, рекомендации). Красноярск-Иркутск-Улан-Удэ. 1996. – 53 с.
- Медведев Г. И., Несмеянов С. А. Типизация «культурных отложений» и местонахождений каменного века // Методические проблемы археологии. Новосибирск: Наука. 1988. С. 113–142.
- Николаев В. И., Якумин П., Александровский А. Л., Белинский А. Б., Демкин В. А., Женони Л., Грачева Р. Г., Лонжинелли А., Малышев А. А., Раминьи М., Рысков Я. Г., Сорокин А. Н., Стрижов В. П., Яблонский Л. Т. Среда обитания человека в голоцене по данным изотопно-геохимических и почвенно-археологических исследований (Европейская часть России) / Коллективная монография под ред. В. И. Николаева. М.: Триест. 2002. – 190 с.
- Питулько В. В., Павлова Е. Ю. Геоархеология и радиоуглеродная хронология каменного века Северо-Восточной Азии. Санкт-Петербург: Наука. 2010. – 264 с.
- Смирнов А. С., Сорокин А. Н. Деснинская экспедиция в 1984–1985 гг. // КСИА. 1989. Вып. 196. С. 12–19.
- Сорокин А. Н. Мезолит бассейнов Десны и Оки (по материалам работ Деснинской экспедиции) // КСИА. 1986. Вып. 188. С. 28–35.
- Сорокин А. Н. Опыт исследования мезолитических памятников с неокрашенным культурным слоем // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тезисы докладов. М. 1987а. С. 238–239.
- Сорокин А. Н. Культурные различия в мезолите бассейна р. Ока // КСИА. 1987б. Вып. 189. С. 41–46.
- Сорокин А. Н. Исследования на новостройках и сохранность археологических памятников // Новое в методике археологических работ на новостройках РСФСР. Тезисы научно-практического семинара. М. 1989а. С. 40–41.
- Сорокин А. Н. Ресетинская культура // Археология СССР. Мезолит СССР. М. 1989б. С. 84–86, 260.
- Сорокин А. Н. Методика исследования памятников зандровой зоны // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. Тезисы областной научно-практической конференции. Луганск. 1990а. С. 13–14.
- Сорокин А. Н. Бутовская мезолитическая культура. М. 1990б. – 220 с.
- Сорокин А. Н. Парадоксы источниковедения мезолита Восточной Европы // Тверской археологический сборник / Отв. редактор – И. Н. Черных. Тверь. 2000. Вып. 4. Т. 1. С. 37–48.
- Сорокин А. Н. Мезолит Жиздринского полесья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы. М.: Наука. 2002. – 251 с.
- Сорокин А. Н. Природные процессы и их роль в «контактах» древнего населения // Контактные зоны Евразии на рубеже веков. Самара. 2003а. С. 53–57.
- Сорокин А. Н. О культурургенезе в мезолите Восточной Европы // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Посвящается 100-летию О. Н. Бадера. Материалы международной научной конференции 6–10 октября 2003 г. Пермь. 2003б. С. 60–62.

- Сорокин А. Н. Рецензия: Кольцов Л.В., Жилин М.Г. Мезолит Волго-Окского междуречья: памятники бутовской культуры. М.: Наука, 1999. – 157 с. // РА. № 3. 2001. С. 154–162.
- Сорокин А. Н. Смешение традиций или традиция смешения? (Часть 1) // РА. № 1. 2004а. С. 111–119.
- Сорокин А. Н. Смешение традиций или традиция смешения? (Часть 2) // РА. № 2. 2004б. С. 71–78.
- Сорокин А. Н. Диалог о генезисе культуры кунда // РА. № 3. 2004. С. 79–88.
- Сорокин А. Н. Мезолит Оки // Проблемы первобытной археологии Евразии (к 75-летию А. А. Формозова). М. 2004в. С. 164–186.
- Сорокин А. Н. Мезолит Волго-Окского бассейна // Проблемы каменного века Русской равнины. М.: Научный мир. 2004г. С. 69–91.
- Сорокин А. Н. Мезолитические стоянки низовьев р. Мокши / Редактор – Леонид Б. Вишняцкий // «Stratum plus». № 1. 2003–2004. Санкт-Петербург, Кишинев, Одесса, Бухарест. 2005. С. 359–443.
- Сорокин А. Н. Диалог о генезисе кундской культуры // Тверской археологический сборник / Отв. редактор – И. Н. Черных. Тверь. 2006а. Вып. 6. Т. 1. С. 97–115.
- Сорокин А. Н. К проблеме финального палеолита Центральной России // РА. 2006б. № 2. С. 91–98.
- Сорокин А. Н. К проблеме финального палеолита Центральной России // РА. 2006в. № 4. С. 87–94.
- Сорокин А. Н. Мезолит Оки. Проблема культурных различий. М.: ТАУС. 2006г. – 312 с.
- Сорокин А. Н. Финальный палеолит Центральной России: проблема и решение // 2-й Северный археологический конгресс. Доклады. Екатеринбург. Ханты-Мансийск: Чароид. 2006д. С. 338–361.
- Сорокин А. Н. Проблемы мезолитоведения. М.: Гриф и К. 2006е. – 214 с.
- Сорокин А. Н. Природные процессы и их роль в культуругенезе // Влияние природной среды на развитие древних сообществ. Материалы научной конференции. Йошкар-Ола. 2007а. С. 34–41.
- Сорокин А. Н. Еще раз о проблеме культуругенеза в финальном палеолите и мезолите Европы // Каменный век Европейского Севера. Сыктывкар. 2007б. С. 22–35.
- Сорокин А. Н. О «восточной» ориентации в археологии // Проблемы археологии каменного века (к юбилею М. Д. Гвоздовер). М.: Дом еврейской книги. 2007в. С. 109–118.
- Сорокин А. Н. Мезолитоведение Поочья. М.: Гриф и К. 2008. – 327 с.
- Сорокин А. Н. Еще раз о проблеме «постсвидерских» культур Восточной Европы // Человек и древности. Памяти Александра Александровича Формозова. М. 2010. С. 188–202.
- Сорокин А. Н. Финальный палеолит Центральной России: есть ли выход из тупика? // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса, 2011 г. Санкт – Петербург – Москва – Великий Новгород. 2011а. Том 1. С. 91–93.
- Сорокин А. Н. О мезолитической подоснове неолитических индустрий Северной Евразии // Археологические памятники Восточной Европы. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 14. Воронеж. 2011б. С. 27–40.
- Сорокин А. Н. Многослойные памятники Русской равнины: состояние и перспективы // Феномен геоархеологической многослойности Байкальской Сибири. 100 лет Байкальской научной археологии: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня открытия Б. Э. Петри Улан-Хады / Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Вып. 1. Иркутск: Изд-во ИГУ. 2012а. С. 205–218.

- Сорокин А. Н. О сырьевых стратегиях и других штампах в археологии // Восточноевропейские древности: сборник научных трудов (Вестник Острогжского историко-художественного музея им. И. Н. Крамского. Вып. 2) / Отв. редактор – Ю. Д. Разуваев. Воронеж: ИПЦ «Научная книга». 2012б. С. 82–92.
- Сорокин А. Н. Пролог. М.: ИА РАН. 2013. – 144 с.
- Сорокин А. Н. Сырьевые стратегии в практике палеолита // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2014а. Т. 7. С. 81–96.
- Сорокин А. Н. К вопросу о специфике костяных и роговых орудий в качестве археологических источников // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2014б. Т. 7. С. 37–53.
- Сорокин А. Н., Ошибкина С. В., Трусов А. В. На переломе эпох // М.: Гриф и К. 2009. – 388 с.
- Тенькин А. В. От «хозяйственного уклада» до «геоархеологии»: реконструкция научного дискурса Иркутской школы // Известия Лаборатории древнейших технологий. Иркутск: Иркутский государственный технический университет. 2003. Вып. 1. С. 8–25.
- Формозов А. А. О критике источников в археологии // СА. 1977. № 1. С. 5–14.
- Шер Я. А. Еще об археологических источниках и заключенной в них информации // Археолог: детектив и мыслитель. Сборник статей, посвященный 77-летию Льва Самойловича Клейна / Отв. редакторы: Л. Б. Вишняцкий, А. А. Ковалев, О. А. Щеглова. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета. 2004. С. 114–123.
- Bebermeier W., Schütt B. Geoarchaeology – A New Discipline? // Die Erde. 2011. Vol. 142, is. 3. P. 209–212.
- Brown A. G. Alluvial Geoarchaeology: Floodplain Archaeology and Environmental Change. Cambridge: Cambridge University Press. 1997. – 377 p.
- Butzer K. W. Archaeology as Human Ecology. – N. Y.: Cambridge University Press. 1982. – 362 p.
- Butzer K. W. Challenges for a cross-disciplinary Geoarchaeology: The intersection between environmental. History and geomorphology // Geomorphology. 2008. Vol. 101, is. 1–2. P. 402–411.
- Cannell R. J. S. On the definition and practice of Geoarchaeology // Primitiv Tider. 2012. V. 14. P. 31–45.
- Canti M., Huisman D. J. Scientific advances in geoarchaeology during the last twenty years // Journal of Archaeological Science. 2015. Vol. 56. P. 96–108.
- Cordova C. E., Beach T. Soils, sediments, and geoarchaeology: Introduction // Catena. 2011. Vol. 85. P. 83–86.
- French C. Geoarchaeology in Action: Studies in Soil Micromorphology and Landscape Evolution. London: Routledge. 2003. – 291 p.
- Geoarchaeology: Earth Science and the Past / Eds. D. A. Davidson, M. L. Shackley. London: Duckworth. 1976. – 408 p.
- Geomorphic Processes and Geoarchaeology: from Landscape Archaeology to Archaeotourism. International conference held in Moscow-Smolensk, Russia, August 20–24, 2012. Extended abstracts. Moscow-Smolensk: Universum. 2012. – 317 p.
- Goldberg P., Macphail R. I. Practical and Theoretical Geoarchaeology. Oxford: Wiley- Blackwell Science. 2006. – 479 p.

- Gracheva R., Vandenberghe J., Sorokin A., Malyasova E., Uspenskaya O.* Mesolithic–Neolithic settlements Minino 2 and Zamostye 5 in their geo-environmental setting (Upper Volga Lowland, Central Russia) // *Quaternary International*. # 370. 2015. 29–39. www.elsevier.com/locate/quaint/http://dx.doi.org/10.1016/j.quaint.2015.02.001.
- Leach, E. K.* On the definition of Geoarchaeology // *Geoarchaeology*. 1992. Vol. 7, is. 5. P. 405–417.
- Lisitsyn S.* From: Sergey Lisitsyn, 15 Mar 2011 // *Сорокин А. Н. Лепота избранного*. М.: Гриф и К. 2012. P. 197–199.
- Rapp G.Jr., Hill C. L.* *Geoarchaeology. The Earth – Science Approach to Archaeological Interpretation*. New Haven: University Press. 1998. – 274 p.
- Rapp G.Jr., Hill C. L.* *Geoarchaeology. The Earth – Science Approach to Archaeological Interpretation*. – New Haven: University Press. 2006. 2-nd Edition. – 368 p.
- Sorokin A. N.* On the problem of influence of Volga-Oka Mesolithic to the origine of Kunda culture // *L'Europe des derniers chasseurs: Epipaleolithique et Mesolithique. Actes du 5-e colloque international UISPP, commission XII, Grenoble, 18–23 septembre 1995*. Edite par Andre Trevenin, sous la direction scientifique de Pierre Bintz. Paris: Editions du CTHS. 1999. P. 425–428.
- Sorokin A. N.* The Final Palaeolithic in Central Russia // *Archaeologia Baltica*. Klaipeda. 2006. T. 7. P. 120–135.
- Sorokin A. N.* The Final Palaeolithic of Central Russia: Problem and Solution // *Studies in the Final Palaeolithic Settlement of the Grate European Plain / Ed. by M. Kobusiewicz & J. Kabacinski*. Poznan. 2007. P. 157–173.
- Vandenberghe, J., Gracheva, R., Sorokin, A.* Postglacial floodplain development and Mesolithic-Neolithic occupation in the Russian forest zone // *Proceedings of the Geologists' Association*. 2010. Volume 121. Issue 2. P. 229–237.
- Waters M. R.* *Principles of Geoarchaeology: A North American Perspective*. Tuscon: University of Arizona Press. 1992. – 399 p.
- Weisler M. I., Love S.* *Geoarchaeology // International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. 2-nd edition. – Oxford: Elsevier. 2015. Vol. 10. P. 53–57.
- Woodward J., Huckleberry G.* Editorial Introduction: 25 Years of Geoarchaeology // *Geoarchaeology: An International Journal*. 2010. Vol. 25, No. 1. P. 1–5.

Интернет-ресурсы

- http://www.archae.ru/archae-news/archae-news2_433.html
- <http://astrofizika.opk.ru/viewtopic.php?id=685>
- http://gorod.tomsk.ru/index-1211233488.php?Comment_page_num=2
- <http://mifov.net/?p=1891>

1: ПРОБЛЕМА ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ МЕЗОЛИТА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ¹

*«Этот могильник отражает процесс смешения
пришлого населения с кремневым инвентарем ...
и местного населения с кварцево-сланцевым инвентарем»*

Жилин, 1999, с. 7

Вступление

Под термином «источниковедение» в исторической науке понимается теория и методика изучения и использования исторических источников. Археологические источники являются разновидностью исторических, и, значит, под источниковедением в археологии следует понимать теорию и методику исследования археологических памятников в качестве исторических источников, а под источниковедением мезолита – специфику в качестве источников памятников названного времени. Поскольку большинство наиболее выразительных мезолитических стоянок Восточной Европы располагается в полесьях и их культурные слои приурочены к песчаным отложениям, выявление специфики этого рода источников является одной из основных задач данной работы. Следовательно, задача исследования заключается в том, чтобы

установить, как сказывается приуроченность к зандровым ландшафтам на формировании и в характере источника, который мы исследуем?

В момент функционирования мезолитической стоянки основная масса продуктов жизнедеятельности скапливалась на дневной поверхности. Естественно, что в процессе обитания какая-то часть изделий втапывалась в грунт, или, если рылись ямы и сооружались заглублённые жилища, опускалась ниже уровня дневной поверхности. Некоторые артефакты могли проседать в почву под собственным весом. Более легкие предметы могли транспортироваться вверх или вниз различными землеройными животными, червями и насекомыми или перемещаться корнями деревьев. Наконец, они могли быть перемещены с первоначального места вследствие размыва или в результате

¹ Впервые опубликовано в сборнике «Практика и теория археологических исследований. Труды отдела охранных раскопок». М. 2001. С. 4-30.

оползневых процессов и т. д. Развеивание отложений, довольно обычное на песчаных грунтах, приводило к обнажению и перемешиванию части находок или слоя в целом или, наоборот, к перекрыванию и консервации части артефактов, появлению эффекта их слоистости. Выброс из ям и котлованов перекрывал дёрн и те находки, которые лежали на нём. Одновременно на каких-то участках, как правило в местах наиболее активного обитания и перемещения, вытаптывалась трава и происходила частичная переработка почвы. Уже в процессе жизнедеятельности и особенно после оставления стоянки материальные остатки неизбежно перекрывались и погребались песчаными отложениями. Хотя скорость этого процесса вряд ли стоит преувеличивать. В какие-то моменты в результате развеивания, размыва или других естественных причин артефакты вновь могли оказываться на поверхности. Поскольку песок хорошо промывается, органика, как правило, довольно быстро разлагается, но именно она и придаёт основную цветность горизонту обитания. Немаловажную роль в прокрашивании напластований и формировании культурного слоя играют также естественные красители вроде угля или охры, являвшиеся в эпоху каменного века неизменным «спутником» человека, своеобразным маркёром его местобитания. В отличие от органики каменные изделия почти не подвержены гниению, но и они частично видоизменяются, например, покрываются патиной, окатываются, люстрируются или на них может возникать псевдоретушь. Наконец, под

воздействием охлаждения или нагревания они тоже могут разрушиться. В голоцене довольно активны процессы почвообразования, поэтому формирующийся культурный слой мезолитического памятника неизбежно включался в них и подвергался их воздействию. Прежде всего происходило изменение собственной окраски культурного слоя, если она была, и находки «включались» в естественный почвенный профиль. Утрата собственной окраски культурного слоя и замещение её почвенной окраской, а также известная рассредоточенность артефактов по вертикали, приводили к тому, что находки как бы «повисали» в заполнителе и при раскопках они воспринимаются не иначе как во взвешенном состоянии. Суть этого явления отражает широко употребляемый в литературе термин «горизонт залегания находок», призванный подчеркнуть отсутствие собственной окраски культурного слоя памятника и особенность пространственного распределения в нём находок. Конечно, горизонты залегания находок характерны не только для мезолитических памятников, окраски бывают лишены культурные слои памятников и других эпох, но именно для мезолитических слоёв это состояние наиболее часто встречающееся, можно сказать рядовое. На деле, однако, это положение может быть и псевдовзвешенностью, то есть находки фактически продолжают сохранять то пространственное распределение, которое они приобрели в момент формирования культурного слоя памятника, но визуально из-за отсутствия собственной окраски слоя они начинают

восприниматься не иначе, как утратившие контекст. Между тем одновременно с псевдовзвешенностью действительно могло происходить частичное или полное перемещение артефактов и сырья за счёт жизнедеятельности фауны и флоры или воздействия иных факторов. Эта естественная сортировка материала в том или ином виде затрагивала культурные слои всех памятников. В одних случаях, однако, она приводила к полной переработке их структуры, в других – лишь к частичной. Если через какой-то промежуток времени на данном месте возникала другая стоянка, то разделенность артефактов по вертикали могла возникать и существовать лишь при наличии между двумя разными горизонтами обитания стерильной прослойки, слабой активности фауно- и флоротурбации, а также отсутствия криогенеза и других видов педотурбации. В ряде случаев процессы почвенной дистурбации могли быть столь интенсивны, что от смещения артефактов и слоёв не могла спасти даже стерильная прослойка. Тем не менее, было бы ошибкой утверждать и обратное, что слои всех мезолитических памятников, где заполнителем служит песок, оказывались смешанными. Просто ситуация, при которой находки могут быть перемещены, а слои смешаны, вполне реальна, и эту возможность нужно также реально оценивать как при полевых исследованиях, так и на уровне осмысления и интерпретации материала. Вот почему задачи определения основных форм разрушения культурного слоя или, напротив, его непотревоженности и установление «чистоты»

материала, с которым в каждом конкретном случае мы имеем дело, являются главными при изучении мезолитических стоянок, приуроченных к песчаным и супесчаным отложениям. В современных условиях для установления пространственной структуры памятника и определения его «чистоты» положительные результаты даёт полевая методика фиксации находок по трём координатам с последующим составлением профилей распределения находок или построением трехмерных компьютерных моделей (Сорокин, 1990; Борисенко, Бубнов, Смирнов, 1996). Во всяком случае, опыт использования материалов, раскопанных и полученных с применением данной методики даже в начале – середине 1980-х гг., когда только начиналась её разработка применительно к мезолитическим памятникам Европейской части страны, показывает их надёжность. Ниже будут приведены примеры использования данных пространственного распределения артефактов на стоянках Исток 1, Шильцева Заводь 5, Беливо 4А и других для решения проблемы взаимодействия мезолитического населения, однако сначала следует немного подробнее остановиться на некоторых общих проблемах, возникающих при исследовании полесских памятников.

Постановка проблемы и определение понятий

В процессе анализа материалов Жиздринского полесья было установлено (Сорокин, 2000), что здесь имеются как «чистые» комплексы, так и такие, где примесь крайне незначительна. Есть

и полностью смешанные материалы, оставшиеся, правда, за рамками исследования. Но среди анализированных коллекций есть стоянка Ресета 2, которая даёт чёткие поликультурные признаки. Синкретизм наблюдается и в Ресете 3, где имеется сочетание ресетинских и так называемых постсвидерских элементов. Поликультурность прослежена и в Красной 1 «Вася», для которой характерно сочетание аренбургских, свидерских и недостаточно ясных по генезису компонентов. Несомненные признаки поликультурности присутствовали и в других регионах, где приходилось работать автору. Аналогичная картина прослеживалась и по литературным данным. В результате в процессе работ возникла проблема выяснения природы синкретизма и задача проверки стандартных вариантов реконструкции. Важность проблемы генезиса памятников с поликультурными признаками вряд ли стоит специально доказывать, ибо обилие подобных комплексов несомненно. Тем не менее, их природа не была предметом специального изучения. По-видимому, именно в силу массовости вопрос их формирования и не был ранее предметом специального изучения, ибо казался очевидным. Во всяком случае, ни одного подобного примера мне не известно. Зато довольно давно с молчаливого согласия исследователей открытие в ходе раскопок подобных материалов практически всегда служило основой вывода о взаимодействии разных групп населения или, если совместно находили разновременные

изделия, это обстоятельство неизбежно воспринималось за факт длительного сохранения традиций. При таких стандартных трактовках древняя история воспринимается как цепь неизбежных контактов, а территории с подобными памятниками – в виде бесконечной череды контактных зон. Учитывая глобальность феномена, необходимо разобратся, а нет ли каких-либо других более прозаических причин его объяснения? Рассмотрим это подробнее.

Совершенно очевидно, что в географическом плане территория Жиздринского полесья представляет собой типичный пограничный район, расположенный на стыке Волжского и Днепровского бассейнов. Более того, судя по имеющимся геоморфологическим данным (*Личков, 1944; Абатуров, 1968; Любушкина, 1961, 1967, 1971; Любушкина, Пащканг, Васильева и др., 1966*), в эпоху московского оледенения он относился к Днепровскому, а во время валдайского – уже к Волжскому бассейнам. Всё сказанное свидетельствует, что при традиционном подходе Жиздринское полесье представляет собой типичную контактную зону. Значит и расположенные здесь памятники обязаны были дать смешанные черты, метисные комплексы, свидетельствующие о контактах палеопопуляций. Постараемся разобратся с этим детальнее.

Термин «контактная зона» заимствован из этнографии, где он применяется для обозначения географического пространства, в пределах которого происходит взаимодействие различных этно-

сов (Андреанов, Чебоксаров, 1975; Арутюнов, 1982; Козлова, 1982). В философском плане под термином «контактная зона» подразумевается универсальная познавательная категория, которая отражает специфичность процесса культурно-исторического развития в пространственно-временном поле соприкосновения и взаимодействия качественно различных культурных явлений (Дергачёв, 1990). Слово «контакт» в переводе с латинского языка означает соприкосновение, связь. Т. о., этот термин призван отразить особые географические территории на периферии качественно различных и относительно самостоятельных культурных явлений, своего рода переходных зон, где, с одной стороны, осуществляется обмен и передача культурных достижений, а с другой – именно в них этот процесс протекает в наиболее концентрированном виде. Причём процесс обмена и передачи культурных достижений осуществляется как между одновременными, так и последовательно развивающимися во времени явлениями. Следовательно, в философском плане термин «контактная зона» призван отразить особую культурно-историческую функцию, возникающую в процессе связи или взаимодействия, по крайней мере, двух носителей культурного феномена, в её пространственно-временных границах (Дергачёв, 1990, с. 77).

В археологии это понятие также употребляется, но используется оно чаще всего применительно к сравнительно поздним этапам развития человечества, как правило, при анализе тех общностей,

которые, находятся уже на стадии производящего хозяйства (Массон, 1989; Преемственность и инновации., 1981; Культурные взаимодействия., 1997). В трудах, посвящённых каменному веку и мезолиту, в частности, он используется лишь эпизодически (Формозов, 1977; Археология СССР: Палеолит СССР, 1984; Археология СССР: Мезолит СССР, 1989). Специфика понятия «контактная зона» в археологии состоит в том, что она не дана археологу непосредственно, а реконструируется в результате определённых исследовательских процедур. В археологических исследованиях контактная зона обнаруживается как статистически наблюдаемое на пространственно-временной периферии двух или более соприкасающихся культурных ареалов явление, сочетающее в себе различные по содержанию и исходным культурным традициям материальные объекты, признаки и/или их свойства (Дергачёв, 1990, с. 78). Не будет, однако, натяжкой сказать, что область применения этого термина в археологии гораздо уже, чем в этнографии, так как в археологии чрезвычайно мало признаков, по которым можно судить о фактах обмена и заимствования. Впрочем, и для этнографов вопросы этнокультурных контактов и характер возникающих при этом связей, следы их воплощения и материализации представляют одну из наиболее сложных областей исследования. В этой связи уместно привести нижеследующую цитату. «При рассмотрении конкретных случаев взаимодействия контактирующих народов

выявляются различные по своей природе и происхождению случаи – заимствования, апперцепция, однонаправленные влияния, обоюдное взаимодействие, сотворчество, симбиоз, отталкивание и т. д. Все они формируются под воздействием совокупности исторически определенных факторов... *При сравнительной теоретической ясности проблемы практически обычно трудно выявить, как сложились те или иные сходные явления, или к какому типу их отнести* (курсив мой – А. С.), поэтому необходимо по возможности конкретное рассмотрение каждого случая, сопоставление его с фактами, известными для других локальных групп этого же народа или родственных народов. Фронтальный сопоставительный обзор традиционной культуры двух или более контактирующих народов может выявить некоторые общие закономерности или, по крайней мере, показать, что в разных сферах традиционной культуры действовали разные закономерности» (Чистов, 1993, с. 3). Следовательно, если даже для этнографов, которые непосредственно изучают взаимодействие разных народов, возникают трудности различения и классификации форм контакта, причём требуется фронтальное сопоставление всех данных, что же тогда говорить об археологии, где объектом исследования являются отнюдь не сами процессы взаимодействия народов, а всего лишь их специфические следы.

В отличие от философии или этнографии, если говорить о контактах населения по материалам археологии,

то возможно анализировать исключительно материальные следы – артефакты (комплексы), оставленные в результате взаимодействия двух или большего числа групп людей, живших одновременно. Случаи прямого наследования в силу того, что речь в этом случае идёт исключительно о развитии той же самой традиции, здесь не рассматриваются. Представляется очевидным, что формы взаимодействия, прослеживаемые по археологическим данным, могут быть различными, но нам важен лишь один, однако весьма существенный аспект этих взаимоотношений: отражаются или нет факты взаимодействия в материальной культуре? Говоря иначе, присутствуют или нет в каждом конкретном случае непосредственные материальные свидетельства контакта? Такими свидетельствами, вероятно, могут быть как единичные предметы, заимствуемые путём обмена, так и массовые вещи, поступающие в случае постоянных и прочных связей или даже «слияния» населения разных культур. Археологически подобное состояние может быть зафиксировано по наличию комплексов с би- или поликультурными признаками. Здесь, однако, следует обратить внимание на то обстоятельство, что природа генезиса синкретических комплексов двойственна: она может быть генетической и естественной. Под генетической природой следует понимать такие би- или поликультурные комплексы, которые образовались путём непосредственного взаимодействия населения, то есть в результате аккультурации. Под естествен-

ной – такие материалы, «поликультурность» которых была вызвана некими природными факторами, или непроизвольно «навязана» археологическим комплексам методикой раскопок, применяемой конкретными исследователями. Чтобы разобраться с генезисом синкретических материалов, следует гипотетически рассмотреть возможные варианты или модели взаимодействия при разном количестве участников.

Моделирование

Допустим, что на какой-либо территории существовала только одна группа населения, тогда контактировать ни с кем она не могла и археологами будут встречены только монокультурные памятники, а различия между ними будут хронологическими и/или функциональными. Если сопоставлять друг с другом памятники только одного типа, предположим стоянки, и считать, что на контрольной территории одновременно обитали две разных группы населения, то теоретически могут быть найдены «чистые» памятники каждой из двух археологических культур, а в случае контактов их населения – ещё и «метисные». В конкретном случае под метисацией по аналогии с антропологией подразумевается сочетание в одном комплексе признаков разных культурных традиций. В самом деле, при слиянии двух компонентов образуется всего один вариант метисации ($A+B = AB$, где A и B – это памятники двух разных археологических культур, а AB – это комплекс, в котором сочетаются признаки

двух культур одновременно), то есть всего в наличии будут представлено три «варианта культуры». Теоретически можно предположить, что какая-либо популяция неоднократно контактировала с уже метисной группой населения, но археологически результат этой «вторичной метисации» выделить практически невозможно, так как $A+AB = AAB$ или просто AB , $B+AB = ABB$ или тоже просто AB .

Можно заметить, что если контактируют три разных в культурном отношении группы населения (A, B, V), то вариабельность существенно возрастает: потенциально могут быть найдены «чистые» памятники каждой из этих культур и метисные, либо всех культур, либо только тех, население которых взаимодействовало друг с другом. Предположим, что все три группы населения контактировали между собой. Тогда, помимо «чистых» памятников трёх разных культур, неизбежно возникнут не менее четырех вариантов коллекций с поликультурными признаками или «метисов первого порядка» (AB, AV, BV, ABV). Следовательно, всего археологически могут быть найдены следы семи разных культур и культурных типов. При повторном взаимодействии какого-либо населения с уже метисным населением может возникнуть ещё не менее 12 «метисных вариантов второго порядка» ($A+AB = A^2B, A+AV = AV^2, A+BV = ABV, A+ABV = A^2BV, B+AB = AB^2, B+AV = ABV, B+BV = B^2V, B+ABV = AB^2V, V+AB = ABV, V+AV = AV^2, V+BV = B^2V, V+ABV = ABV^2$) и шести «метисных вариантов третьего

порядка» ($АБ+АВ = АБВ$, $АБ+БВ = АБВ$, $АВ+АБВ = АБВ$, $АВ+БВ = АБВ$, $АВ+АБВ = АБВ$, $БВ+АБВ = АБВ$), то есть всего 18 вариантов. Правда, результаты и всех этих «повторных метисаций», как и в случае с двумя культурами, археологически также выделить будет практически невозможно, так как все они будут давать сочетания, состоящие в конечном итоге из двух или трех компонентов «метисов первого порядка» ($АБ$, $АВ$, $БВ$, $АБВ$). При контакте четырех разных групп количество основных и «метисных комплексов первого порядка» возрастает до 10, а «метисов второго и третьего порядка» будет, по крайней мере, вдвое больше чем при метисации трёх культур и т. д. по нарастающей. Фактически, начиная уже с трёх групп населения (культур), потенциально на любой территории будет присутствовать всё возрастающее число «метисных» памятников, что, по сути, приобретает лавинообразный и неконтролируемый характер. Но всё это как бы идеальная картина. Более реальна, по-видимому, другая ситуация, при которой не все группы населения могли взаимодействовать друг с другом или вариант, при котором либо «чистые», либо «метисные» стоянки одной или нескольких культур могли не сохраниться или, в силу определённых причин, не быть раскопанными. Следовательно, археологическая вариативность будет определяться как реальными обстоятельствами формирования и бытования археологических источников, так и состоянием изученности конкретного региона.

При анализе вариативности следует, однако, обратить внимание на тот немаловажный факт, о котором говорилось выше: любые би- и поликультурные комплексы могут образовываться как в результате непосредственного взаимодействия населения или собственно культурного взаимодействия, так и в тех случаях, когда происходит элементарное механическое наложение разнородных материалов друг на друга, причём как «чистых» материалов, так и уже обладающих поликультурными признаками. Методологически важно то, что непосредственно контактировать могло только одновременно жившее население, а люди, отделённые друг от друга временем, не могли непосредственно взаимодействовать друг с другом. Тем не менее, археологически довольно обыденна ситуация, когда на одном памятнике в пределах одного слоя исследуются материалы с заведомо разновременными изделиями. Стандартность залегания в одном слое или литологическом горизонте находок разных культур и даже эпох следует подчеркнуть особо. Это позволяет предположить, что комплексы с би- или поликультурными признаками могут возникать и по независящим от человека причинам, например, в результате механического смешения материалов. Для нас сейчас не столь важно, что было непосредственной причиной, вызвавшей образование того или иного метисного комплекса, достаточно констатации самого факта, что они могут образовываться в результате культурных и внекультурных процес-

сов. Под «внекультурными» следует понимать такие случаи, которые вызваны естественными (природными) процессами, в отличие от культурных (генетических), то есть таких, которые осуществлены непосредственно людьми. Спецификой природных процессов служит то, что в них в силу объективных обстоятельств может стандартно реализовываться ситуация «контактов» разновременных материалов. Следовательно, если при культурном взаимодействии (аккультурации) метисные комплексы будут иметь лишь признаки синхронных культур, то при механическом и природном «взаимодействии» стандартной является ситуация «контактов» (сочетания) разновременных изделий, хотя, как это хорошо понятно, и синхронные материалы могут быть смешаны механически тоже. Природа механического смешения по сути своей двойственна: она может быть результатом деятельности людей (позднейшие перекопы) и результатом природных нарушений. Установив присутствие в одном комплексе разновременных материалов, мы можем считать это фактом именно механического смешения, а никак не продуктом культурных контактов населения. Такая простота теоретического вывода на практике, однако, не бывает столь же явной: различие «культурно» и «естественно» образованных коллекций упирается в ряд проблем, главной из которых является слабая разработанность для восточно-европейского мезолита времени бытования отдельных типов вещей, то есть собственно хронологи-

ческих различий. Таким образом, для различия характера контакта – культурного или природного – требуются какие-то другие, более веские признаки, кроме сочетания разных культурных компонентов на одном памятнике. К этому мы вернёмся позже, пока же достаточно лишь подчеркнуть разницу в природе археологически наблюдаемых явлений при формальном сходстве их результатов. И при взаимодействии населения, и при механическом смешении артефактов будут возникать синкретические комплексы. Необходимо подчеркнуть особо, что потенциальная вариабельность поликультурных сочетаний при механическом смешении материалов выше, чем при культурных взаимодействиях, так как механически могут смешиваться любые материалы, тогда как в контакт могут вступать только синхронные группы населения.

Если для возникновения контактов разных групп населения территориального пересечения (наложения ареалов) не требуется, то для появления механически смешанных материалов обязательной является такая ситуация, когда ареалы разных культур не просто накладываются друг на друга, но и совпадают традиционные места их поселений. Если в силу каких-либо условий разновременные памятники, бытовавшие на одной территории, не совпадали друг с другом, то есть отсутствовала сама возможность для их случайного объединения, а синкретизм комплексов всё же присутствует, то он мог быть вызван исключительно аккультурацией.

Напротив, если разновременные памятники разных культур территориально совпадали, то весьма высока вероятность для их механического объединения и дублирования. Число «чистых» и «метисных» поселений в каждом конкретном случае, следовательно, может отличаться от рассмотренной идеальной модели, причём в случаях аккумуляции, как правило, в сторону уменьшения числа вариантов. Если же мы наблюдаем случаи сочетания всех культур в пределах конкретной территории, то более вероятна именно природная, а не культурная метисация коллекций. При этом крайне важно доказать разновременность материалов, входящих в би- или поликультурные комплексы, тогда можно уверенно говорить о факте механического смешения.

Следует ясно понимать, что для того, чтобы возник синкретический комплекс не обязательно наличие двух групп разнокультурного населения, живущих в непосредственной близости друг от друга в одно время. Вполне достаточно присутствия на одном и том же месте стоянок двух разных культур, причём не обязательно даже, чтобы они были одновременны. Материалы, оставленные на одном месте в разное время разным в культурном отношении населением, в силу перекопов или природных факторов могут быть смешаны механически. И при участии людей, и при «игре природных сил» результат в обоих случаях будет одним и тем же: при раскопках археологом будет получена коллекция с бикультурными при-

знаками, а если культур было несколько – с поликультурными признаками. Для установления природы образования би- или поликультурного комплекса должна быть установлена синхронность археологических культур, население которых могло взаимодействовать друг с другом, а также должны быть определены природные факторы, способствующие возможному механическому смешению. Всё это подразумевает рассмотрение генезиса заполнителя культурного слоя, основные причины и механизмы его разрушения, а также выявление «метисных» форм изделий или технологий, присутствие которых доказывает факт аккумуляции, говоря иначе: закономерность возникновения комплекса с би- или поликультурными признаками.

Обсуждение данных

Анализ ситуации показывает, однако, что картина полиморфизма стандартно наблюдается во всех сравнительно полно изученных регионах Восточной Европы, таких как Поволжье, Поднепровье, Понеманье, Поприпятье, Подонье, Поочье или другие места, как будто вся её территория представляла собой одно огромное контактное место. Но вряд ли это исторически могло быть, а, значит, эта проблема требует осмысления и должна быть всесторонне изучена. В этой связи становится очевидным тот факт, что без каких-либо сознательных ограничений разделить археологически наблюдаемые признаки на природные и историко-культурные невоз-

можно. В силу высокой вероятности механического смешения материалов и их вполне естественной «метисации» на зандровых объектах есть основания полагать, что в качестве такого ограничения могут быть предложены «находки-маркёры» и гибридные (метисные) технологии. Их отсутствие в поликультурных комплексах может расцениваться как указание на естественную природу наблюдаемого явления (механическое смешение материалов). Напротив, присутствие «находок-маркёров» и/или гибридных (метисных) технологий со всей очевидностью указывает на генетическую связь, то есть факт аккультурации. Следовательно, изделия, на которых одновременно присутствуют признаки разных культурных традиций или бинарных технологий, являются своеобразными «маркёрами контактов» разноэтничного населения. Они позволяют рассматривать конкретный комплекс с поликультурными признаками, где они найдены, непосредственным (бесспорным) свидетельством контакта, взаимодействия или слияния. Отсутствие «маркёров контакта» делает менее вероятным общение разных групп населения друг с другом и, напротив, усиливает вероятность естественного (природного) «взаимодействия» находок. Сложнее обстоит дело в тех случаях, когда «маркёры контакта» единичны или их бинарность сомнительна. Вместе с тем, отсутствие явных маркёрных вещей и технологий на каких-либо отдельных памятниках, стандартно относимых к «смешанной традиции», ещё не выводит их автома-

тически из этого круга и не отменяет возможность их рассмотрения в качестве продуктов аккультурации. Однако данное обстоятельство ни в коей мере не выводит их из-под объекта критики, а, напротив, требует применения к ним не просто самого пристального внимания, строгой источниковедческой критики, но и поиска новых (строгих, иных) доказательств их механической несмешанности.

Нет никакого сомнения, что контакты древнего населения не начинались с непосредственного заимствования тех или иных технологических приемов и мгновенного появления «находок-маркёров», «метисных предметов», «синкретических изделий» или «метисных технологий», а им, скорее всего, должен был предшествовать момент (этап) обмена отдельными готовыми изделиями. Тем не менее, если на памятнике в наличии имеется только сочетание разных в культурном отношении находок и признаков, пусть даже многочисленных, и нет «находок-маркёров» и/или «гибридных технологий», считать, в силу высокой вероятности механического происхождения таких «комплексов», их бесспорным свидетельством и результатом культурного взаимодействия вряд ли оправдано. При нынешней изученности мезолита Восточной Европы, при отсутствии значительных серий независимых дат, позволяющих строго (в пределах нескольких лет) синхронизировать отдельные памятники, отличить, когда имел место обмен вещами, а когда случайное смешение

находок, оставленных подвижным мезолитическим населением, посетившим одно и то же место, мы не можем. Более того, мы не располагаем данными о площади охотничьих и рыболовных угодий одной мезолитической группы и числе одновременно существовавших популяций одной культуры в пределах бассейна конкретной водной системы. Причём ссылаясь на этнографические данные о самой возможности контактов разноэтничного населения вряд ли уместно, так как мы не знаем ни конкретной численности древнего населения, проживавшего на любой территории, ни их одинакового возраста, то есть, была ли вообще возможность для встречи конкретных популяций и реализации их контакта. Калька этнографических данных на мезолит или палеолит в данном случае просто не корректна, так как этнографы исследуют современные им общества, то есть прошедшие такой же длительный путь развития, что и все остальные цивилизованные страны, и закономерности, фиксируемые этнографами, могут быть уже не теми, что были несколько тысяч лет тому назад. Единственно, в чём можно быть уверенным, так это в том, что по мере общественного развития численность населения возрастала, и возможность возникновения контактов повышалась, но это не означает, что такая возможность была и реализовалась в древности постоянно. И это не значит, что любой памятник с синкретическими признаками и даже серия таких памятников механически не смешаны.

Если взять бассейн любой восточно-европейской реки или окрестности крупного озера, сравнительно хорошо изученных в археологическом отношении, то они практически не дают памятников только одной культуры, а всегда дают примеры присутствия материалов разных культур. И здесь же обязательно есть некоторое число стоянок с би- и/или поликультурными признаками. Традиционно это интерпретируется как свидетельство контакта, оставившего их населения (Кольцов, 1998). Уместно, однако, спросить, а на чём основывается такой вывод? Сказать, что только на интуиции конкретного исследователя, было бы справедливо лишь отчасти. Ведь археолог при раскопках действительно порой наблюдает и фиксирует эти «комплексы». Правда, сплошь и рядом бывает так, что сама используемая методика раскопок «по условным горизонтам» или «литологическим слоям» приводит к тому, что памятник из стратифицированного превращается в смешанный, то есть такой, пространственное распределение материалов на котором без особых усилий уничтожается и превращается из естественного в заданное исследователем. Результатом раскопок по условным горизонтам или литологическим слоям, не имеющим, как правило, ничего общего с реальной археологической стратиграфией, становится коллекция находок, которую, в лучшем случае, можно расчленить лишь типологически и то далеко не всегда. В тех случаях, когда комплексы с поликультурными признаками повторяются, создаётся подобие (види-

мость) установленного факта. Тем не менее, этот факт мнимый, либо неправильно понятый, либо вольно или невольно навязанный исследователем материалу. Данный источниковедческий аспект всегда нужно иметь в виду, чтобы не абсолютизировать наблюдаемое, а чётко понимать, с каким источником в каждом конкретном случае мы имеем дело, и каким метаморфозам мог быть подвергнут конкретный памятник, прежде чем он достался археологу-исследователю и археологу-читателю.

Совершенно очевидно, что при отсутствии строгих доказательств контакта, более уместно предположить возможность механического смешения разнокультурных материалов и метаморфозу самого источника, чем факт реального взаимодействия населения. Это будет значительно меньшим искажением исторической картины, чем при традиционном подходе (Кольцов, 1998), когда любой памятник с поликультурными признаками воспринимается за факт контакта, оставившего его групп населения. Источниковедческая критика и отсутствие чётких критериев для различения процессов аккультурации и механического смешения обязывают воздерживаться от констатации обмена или контакта по тем материалам, в которых нет метисных форм или, говоря иначе, «находок-маркёров». Нет сомнения, что если контакт населения происходил, он неминуемо должен был реализоваться материально. Ведь в результате обмена, то есть эпизодических связей, продукты обмена будут фиксироваться

как узнаваемые (=чуждые) предметы и сложения новой материальной культуры не будет. Новая культура – это не столько итог постоянного взаимодействия разных групп населения, сколько процесс их слияния и объединения (процесс образования культур путём деления, несомненно, существовавший в истории, здесь не рассматривается, так как он не требует контакта разных групп населения). Вот почему результатом процесса взаимодействия должно быть не просто образование синкретической коллекции, состоящей из смеси разнокультурных вещей, но и должна происходить «материализация контакта» – образование би- или поликультурных компонентов или иначе – метисных форм изделий и технологий. В керамике – это могут быть иные примеси, форма, технология, наконец, орнаменты (Бобринский, 1977; Цетлин, 1991, 1998), в каменных изделиях – форма, сочетание признаков и/или технологий, ранее не характерных для каждой из культур, население которых взаимодействовало друг с другом. Поскольку, как уже не раз отмечалось, простое сложение признаков может происходить и в результате естественных (внекультурных) причин, то для установления факта взаимодействия разных групп населения (аккультурации) обязательным является присутствие метисных изделий, наличие «бикультурных технологий» или использование при изготовлении каких-либо форм технологий, явно не характерных ранее для их производства. В противном случае – при отсутствии

«бикультурных технологий» и/или «вещей-маркёров» – любые предположения о взаимодействии населения так и останутся предположениями, не подтвержденными доказательствами. Совершенно очевидно, что предыстория появления синкретического комплекса, когда ещё не начали возникать «изделия-маркёры», конечно же, должна существовать, однако её фиксация заключается не просто в констатации синкретических материалов, а в строгом доказательстве синхронности конкретных культур, население которых потенциально могло вступать в контакт друг с другом. Результат культурного взаимодействия заключается в неприменном присутствии «метисных» изделий и/или «метисных технологий». Иные способы доказательства иллюзорны и не могут рассматриваться в качестве объективных. В самом деле, могут ли свидетельствовать о контактах населения даже многочисленные коллекции с поликультурными признаками, постоянно встречающиеся в Восточной Европе, если в них нет находок-маркёров и отсутствуют бинарные технологии? Нет, не могут. Не могут потому, что существует естественный (природный) механизм образования поликультурных «комплексов». А раз он есть, то само присутствие коллекции с синкретическими признаками не является бесспорным фактом её генезиса в результате культурного взаимодействия (аккультурации). И как здесь не вспомнить выражение Г. Эггерса «И археологические памятники могут лгать» (цит. по Клейн, 1978, с. 66), или

высказывание, приписываемое Спинозе, что «наука тысячи раз наталкивалась на одну и ту же неприятность: то, что легче всего себе вообразить, отнюдь не всегда объективно истинно».

Уместно спросить, какова вероятность того, что гончар привезёт с собой со старого места жительства помимо навыков и необходимых инструментов, разумеется, если последние нужны, ещё и сырьё. По-видимому, она ничтожна. Более вероятно, что будет привезён лишь необходимый минимум посуды, а новые горшки будут изготавливать уже из местного сырья. Вполне естественно при этом, что, если гончар не был инкорпорирован в новый для него коллектив, он будет изготавливать посуду по старой, привычной для него технологии, сохраняя родовую традицию. Тогда встаёт вопрос, а будут ли в составе глиняной массы какие-либо изменения? Без сомнения, будут. Причём чем более существенные различия будут в естественных компонентах сырья между старым и новым местом жительства гончара, тем больше будет этих отличий. Археологически это будет расцениваться не иначе как «смешение традиций». Фактически же никакого смешения нет. Таким образом, прежде чем говорить о влиянии, смешении или контакте населения на основании «иной рецептуры части посуды» надо, во-первых, установить природный состав глин из окрестностей стоянки, во-вторых, выяснить, нужны ли в конкретном случае традиционные отощители глиняной массы или они уже стали бесполезными. В-третьих, – про-

вести сравнение выборок двух или большего числа стоянок на предмет различий естественных и искусственных добавок и, наконец, в-четвёртых, определить характер наблюдаемых различий с точки зрения их исторического содержания. В какой-то мере именно на знании природных компонентов сравниваемых комплексов керамики и антитезе «старых» (= принесённых) и «новых» (= изготовленных на новом месте) и можно разобраться с тем, имеем ли мы дело с метисацией или другим, уже естественным процессом образования поликультурных признаков. Иное дело с каменными изделиями, хотя и здесь переход на местное сырьё мог иметь значение. Свицерские комплексы Посожья не только гораздо более микролитичны, чем свицерские коллекции Полесья и Польской низменности, но в них практически сразу исчезает «ладьевидный» нуклеус. Нет сомнения, что традиционная кремнёвая свицерская индустрия в данном случае видоизменилась в соответствии со скудными сырьевыми возможностями Посожья. Разница при этом такова, что прошло около 20 лет с того момента, как была раскопана стоянка Яново, и до того момента, когда её культурная принадлежность была определена как свицерская (Копытин, 1973, 1992; Зализняк, 1989). Известно, что инвентарь стоянок позднего этапа кундской культуры и по сырью, и по типологии резко отличается от наиболее раннего комплекса – стоянки Пулли, изготовленного из «импортного» белорусского сырья. Значит ли, что здесь мы на-

блюдаем переход «пуллийского» населения на новое для него некачественное сырьё (Янитс, 1990) или «пуллийское» население не имеет отношения к населению, известному по комплексам позднего этапа? Вопрос пока остаётся открытым. Население усть-камской культуры в раннем мезолите пользовалось сырьём лучшего качества, чем население Марийского Поволжья в позднем мезолите (Ластовский, Борисов, Нестеренко, 1989; Ластовский, 1993; Никитин, 1989, 1996). Означает ли данный факт, что это было разное население (Бутаков, Галимова, Мозжерин, Галимова, 1999) или те и другие стоянки были оставлены предками и их потомками? Мне представляется справедливым именно второе предположение. В Карелии имеются стоянки с кремнёвым и с кварцевым инвентарем. Одно их оставило население или нет? Вопрос тоже пока остаётся открытым (Панкрусев, 1978; Филатова, 1978, 1982, 1994; Гурина, 1989). Эти примеры можно множить до бесконечности и ответы на них вряд ли удастся всегда свести к простому выводу.

Полагаю, что отсутствие или единичность метисных форм на фоне массового количества памятников с бикультурными признаками является свидетельством того факта, что большая часть этих коллекций смешана механически, а никак не в результате взаимодействия разных популяций. В противном случае и «находки-маркёры» и метисные технологии были бы обычным явлением, однако этого мы как раз и не наблюдаем. В этой связи уместно вспомнить

данные по социальной психологии, свидетельствующие о том, что не только для примитивных обществ, но и вплоть до современности для этнических групп характерно противопоставление «мы» и «они». Давно замечено, что «мы» – это всегда «люди» в прямом значении слова, то есть, люди вообще, тогда как «они» – не совсем люди. При этом понятие «мы» относится к соплеменникам, а «они» – к соседям, к чужеродному окружению. Из лингвистики и этнографии достоверно известно, что самоназвания множества племён и народов в переводе означает просто «люди», тогда как ближайшие соседи не просто соседи, но ещё и «варвары» в негативном значении этого слова (Токарев, 1964; Бромлей, 1973, 1983; Гумилев, 1993; Поршнев, 1979). По мнению антропологов, сам факт расселения человека современного вида говорит не столько о его плодовитости, сколько о закономерном действии закона взаимного отталкивания, хотя не было и нет на Земле ни одного вполне изолированного от соседей племени или народа (Алексеев, 1984; Человек заселяет..., 1997; Поршнев, 1979; История первобытного общества, 1983; История первобытного общества, 1986). Именно противопоставление своей общности другой всегда способствовало фиксации и закреплению собственных этнических отличий и, тем самым, – скреплению общности (Поршнев, 1979, с. 99). Тем не менее, в этнографии нет культуры в единственном числе, а есть лишь соотношение культур. Есть лишь двойственный процесс: культурного обособления

(создания всевозможных отличий «нас» от «них») и культурной ассимиляции или аккультурации путём заимствований. В истории оба они не существовали друг без друга, но выступали в самой разной пропорции (Поршнев, 1979, с. 107; История первобытного общества, 1983, 1986) и задача археологического исследования – установление конкретных фактов путём строгой фиксации наблюдений и доказательства их истинности.

Таким образом, ответ на вопрос, могут ли быть массовыми контакты древнего населения при отсутствии или единичности «вещей-маркёров» и гибридных технологий, напрашивается сам собой. Не могут. Многочисленные комплексы с би- и поликультурными признаками, даже при условии их повторяемости, не являются всегда результатом взаимодействия между собой разных групп древнего населения, но в ряде случаев они образуются как результат метаморфоз источника, парадокс источниковедения. Опыт свидетельствует, что практически на любой территории имеются памятники, содержащие в себе признаки разных культур. Если такие полиморфные «комплексы» начинают повторяться, то из-за этой повторяемости возникает эффект их «объективной реальности». Рождается тип памятника с поликультурными признаками. Реальность же этой поликультурности чисто источниковедческая, но никак не культурная. Как ни парадоксально звучит, но на практике мы обычно исследуем то, что сделала с памятником природа, естественная история, а никак не творец

истории – человек. Только пунктуальный источниковедческий анализ и критика источника могут дать основание для заключения – с чем в каждом конкретном случае мы имеем дело: с реальным свидетельством контакта древних людей или «контактом» вещей, с объективной реальностью или «иронией» источника. Именно источниковедческая критика может показать, что вывод о раннем проникновении днепро-донецкой культуры на север был сделан всего по нескольким черепкам одного сосуда (Формозов, 1977, с. 11). А утверждение о пластинчатом инвентаре раннего этапа льяловской культуры было основано на материалах небольших раскопок стоянок Сущёво и Николо-Перевоз 2В (Раушенбах, 1964, 1979), где помимо льяловской была как ни странно ещё и верхневолжская керамика. Как и о том, что заключение о пластинчатом инвентаре верхневолжской культуры в момент её выделения базировалось лишь на антиезде отщепового характера инвентаря льяловской культуры и пластинчатого инвентаря волго-окского мезолита (Крайнов, Кольцов, 1983). Нельзя исключить, что и проблема «волосовского облика» каменного инвентаря льяловской культуры является тоже исключительно источниковедческой, ибо в ряде случаев рыхлая волосовская керамика в отличие от льяловской могла и не сохраниться.

Приведем несколько примеров непосредственно касающихся источниковедения мезолита. Значительные коллекции подъёмного материала были собраны в Полесье на оз. Нобель. Все они дают

сочетание типичных свидерских наконечников с высокими трапециями. В археологическую литературу эти пункты вошли как памятники нобельского типа (Исаенко, 1976, с. 27–42; *Telegin*, 1981, р. 513–322; *Telegin*, 1982, с. 128–137; Археология УССР, 1985, с. 83–108; *Telegin*, 1985, с. 124–148). Лишь последующие исследования Л. Л. Зализняка показали, что и на Волини и в Припятском Полесье имеются «чистые» свидерские финально-палеолитические стоянки и мезолитические коморницкие, а все случаи совместных находок культуруобразующих типов – результат их механической смешанности, а не культурной метисации (Зализняк, 1989; 1991; 1996).

На мезолитической стоянке Песочный Ров в Новгород-Северском полесье на р. Десна М. В. Воеводским были встречены двусторонне обработанные изделия, которые он счёл за своеобразный признак деснинской мезолитической культуры (Воеводский, Формозов, 1950). Работа с описями, проведённая автором, показала, что все эти предметы происходят из поздних ям и раскопов. Последующие раскопки этого памятника, проведённые Л. Л. Зализняком, подтвердили, что двусторонне обработанные изделия к мезолитическому комплексу отношения не имеют.

На некоторых из стоянок типа Студенок в Новгород-Северском полесье, включая эпонимный памятник, присутствует неолитическая керамика, а на ряде неолитических стоянок типа Вырчище – мезолитоидный кремь. Эти наблюдения послужили

основанием для вывода о том, что индустрия типа Студенок лежит в основе неолита с ямочно-гребенчатой керамикой Украины (Неприна, 1976; Неприна, Зализняк, Кротова, 1986; Зализняк, 1989). Выполненный автором источниковедческий анализ показал, что эта керамика ни в Студенке, ни в других стоянках с мезолитическим инвентарем не связана, а присутствующие на памятниках типа Вырчище мезолитические кремневые изделия – это тоже механическая примесь.

В Юго-Восточном полесье на стоянке Тетерев 3 кукрекские вкладыши встречаются совместно с постсвидерскими наконечниками (Зализняк, 1984, с. 61); на стоянке Приборск 3 аренбургские наконечники найдены вместе с яниславицкими остриями (Зализняк, 1984, с. 56); в Бородянке 3В имеются яниславицкие острия и кукрекские вкладыши (Зализняк, 1984, с. 52); в Рудом Острове встречены яниславицкие острия и постсвидерские наконечники (Зализняк, 1984, с. 49); в Мартыновичах – аренбургские наконечники и коморницкие острия (Зализняк, 1984, с. 41); в Коросте – свидерские наконечники и высокие трапеции (Зализняк, 1984, с. 26); в Полесье на стоянке Мураги песочноровские наконечники найдены вместе с постсвидерскими наконечниками стрел (Зализняк, 1991, с. 61); в Кудлаевке 6 – коморницкие и постсвидерские материалы и т. д., и т. п.

На стоянках Белорусского полесья Аврамов Бугор и Бабулин Бугор совместно залегают материалы аренбургской, свидерской и песочноровской культур

(Калечиц, 1987), в Красновке – яниславицкой и кундской культур (Ксензов, 1994; 1997).

Сходная картина наблюдается и в полесьях России. При раскопках стоянки Рессета 3 в Жиздринском полесье в 1983 г. было найдено погребение фатьяновской или среднеднепровской культур (Дукельский, Сорокин, 1986). Оно залегало на 140 см ниже основания культурного слоя. Пятно могильной ямы в плане не прослеживалось, хотя, судя по размерам сооружения и очертаниям нижней части, оно имело размеры не менее 2×3 м. Погребение было обнаружено исключительно благодаря присутствию в заполнении могильной ямы отдельных находок. Раскопки велись горизонтальными зачистками до той поры, пока не были вскрыты углистые полосы конструкции погребального сооружения. Только после этого на профиле стали видны едва различимые очертания самой могильной ямы. В её заполнении были найдены изделия эпохи бронзы, что вполне естественно, а также – неолита и мезолита, причём сюда попал и развал неолитического сосуда, украшенный ямочно-гребенчатым орнаментом. Заполнение погребальной ямы представляет собой закрытый комплекс, возникший в момент погребения умершего воина фатьяновской культуры. Однако в нём по воле случая совместились воедино находки, отстоящие между собой во времени на несколько тысячелетий. Мы не имеем данных об осознанном или случайном помещении разновременных находок в заполнение

этой могилы, но факт их одновременного попадания туда налицо. Для нас важна и другая, прослеживаемая здесь, особенность, когда в процессе раскопок в плане и на профилях не была замечена довольно крупная яма эпохи бронзы, прорезавшая мезолитический культурный слой. Этот наглядный пример красноречиво свидетельствует о самой главной специфике полесских памятников: глубокой геоморфологической переработке культурных слоёв и полной неразличимости (к моменту раскопок) на памятнике литологии разновременных отложений. Что же тогда говорить о возможности механической смешанности на территории полесий отложений и находок одной эпохи.

На стоянках Альба 1 и 3 рессетинские наконечники стрел встречаются с ранненеолитической керамикой. На стоянке Борки рессетинские острия найдены вместе с льяловской и сетчатой керамикой. Означает ли это, что они «доживают» до столь позднего времени или перед нами типичный случай механического смешения разновременных находок? Ответ очевиден.

Любой многослойный памятник на территории Мещёрской низменности, а среди них следует, в первую очередь, назвать те, которые содержат органику и многие годы служат объектами пристального внимания археологов, как Чёрная Гора, Владычино, Шагара 1 и 2, Совка 1 и 2, Ибердус и др., дают обилие разнокультурных и разновременных материалов, заключенных в однородную жирную гумусированную толщу, наход-

ки из которой разделить даже типологически – задача практически невыполнимая. Характерно, что именно они занимают наиболее выразительные участки берега, которые были у воды, начиная с мезолита и вплоть до современности. Географическая локализация и топография этих удобных для жизни озёрных берегов сделала их не просто привлекательными и пригодными для заселения в течение всего голоцена, но и определила их незавидную источниковедческую участь.

Этот список можно продолжать и далее, но и уже сказанного достаточно для вывода о всеобщности для территории полесий Восточной Европы памятников с поликультурными признаками. Из перечисленного также ясно, что в ряде случаев при раскопках мы получаем не поликультурные, а именно смешанные материалы, что генезис «комплексов с синкретическими признаками» именно механический, а никак не культурный.

Опыт свидетельствует, что присутствие поздней примеси на памятниках полесий не является чем-то экстраординарным, напротив, наличие «чистых» комплексов служит скорее исключением, чем общим правилом. Объяснение этому факту лежит в буквальном смысле на поверхности: по рекам и особенно вокруг озёр не так много удобных для заселения мест и люди вынуждены были неоднократно осваивать одни и те же участки. Конечно, география и геоморфология конкретных регионов претерпевала изменения

и места поселений, которые не оказывались у воды, переставали посещать. Тем не менее, оставалось достаточное число и таких участков, которые не теряли своего практического значения в течение тысячелетий. Именно здесь возникали объективные предпосылки для механического смешения материалов. По мере исторического развития менялись сами способы адаптации и то, что представляло ценность для мезолитического охотника или рыболова, становилось непригодным для жизни в неолите и теряло всякий практический интерес. Но особенно резко приоритеты сменились с появлением металла, когда сначала в эпоху бронзы наступление степных ландшафтов на полесья позволило продвинуться скотоводческому населению культур боевых топоров на чуждые ранее для них территории лесной зоны. А затем, уже с распространением железа и развитием имущественного неравенства, особый интерес стали представлять высокие, часто водораздельные участки, где было удобно оборудовать городища. Если для мезолита с его редким населением и малыми подвижными коллективами, оставлявшими в результате своего пребывания небольшое пятно артефактов, вероятность какой-либо территории остаться вторично не освоенной ещё сравнительно велика, то позднее в связи со всё более прогрессирующим ростом населения таких мест остаётся все меньше и меньше, поэтому монокультурные поселения становятся скорее исключением, чем правилом.

Число так называемых «многослойных поселений», где оказались смешанными разновременные и разнокультурные материалы, столь велико и мы исследуем их столь часто, что сам этот термин с некоторых пор принято писать без кавычек. Подобное было бы справедливо, если бы исследователи имели дело со стратифицированными объектами, термин же «многослойные поселения» часто применяется и к таким памятникам, у которых слои не разделяются. В этих случаях фактически имеется не археологическая стратиграфия отложений и артефактов, а более или менее сохранившиеся почвенные профили, которые к археологическим находкам имеют лишь то отношение, что включают их. Таким образом, термин «многослойные поселения» превратился в свой антипод, то есть из понятия «памятник с несколькими отдельными стратиграфическими слоями» в памятник, слои которого перемешаны. На практике понятие культурного слоя здесь из анализа его состояния заменяется фактом констатации или фиксации присутствия разновременных материалов в одном месте (слое). Но если «многослойные» поселения (в смысле памятников со смешанными культурными слоями) – это норма для керамических периодов, когда факт смешанности легко установим, то можно допустить, что и в бескерамическую эпоху смешение разнокультурных материалов, если не норма, то явление вполне возможное. Так ли это? Да, как говорилось выше, и для мезолита это явление рядовое. Более того, фактически нет ни одной срав-

нительно полно изученной территории или речного бассейна, которые бы давали монокультурные материалы, и где бы ни было параллельно с ними «поликультурных» материалов. Куда бы мы ни посмотрели, будь то Украина, Белоруссия или Россия; Днепровский, Волжский, Окский, Днестровский, Деснинский или Камский бассейны; Припятское, Волыньское, Киевское, Юго-Восточное, Брянско-Жиздринское, Мещёрское полесья, Балахнинская низина, Камская низменность и др., монокультурность присуща лишь тем, как правило, локальным участкам полесий, которые были недостаточно хорошо исследованы. Эта же картина характерна и для других сходных с полесьями геоморфологических регионов, как, например, территории Литвы – Понеманье, Украины – Причерноморская низменность, или юга России – Прикаспийская низменность. Любой, сравнительно полно изученный, регион даёт примеры культурного многообразия и присутствия некоторого числа памятников, где имеются «поликультурные» признаки. Традиционно эти факты интерпретируются как контакты населения, а регионы, где присутствуют поликультурные памятники, обозначаются термином «контактные зоны». В этой связи уместно спросить, много ли можно назвать на территории Восточной Европы мест, где бы ни было признаков «контактных зон»? Фактически, кроме слабо изученной периферии, они отсутствуют. Значит, логично предположить, что имели место не массовые контакты разнокультурного, фактически сплошь и рядом враждебно-

го, населения, а нечто другое, более реальное, но менее уловимое или совсем не уловимое, как при традиционном подходе, когда любой случай сочетаемости разнокультурных находок воспринимается за факт контакта древнего населения. Конечно, было бы нелепо вообще отвергать какие-либо контакты населения в древности, но были ли они столь часты, чтобы число памятников, где есть поликультурные признаки, приближалось или даже превышало число памятников, где нет синкретических признаков? Ответ очевиден. По-видимому, на всех этих территориях имело место нечто другое, какие-то другие более реальные и вполне объективные, например, некие естественные (= природные) процессы, результатом которых было массовое разрушение и смешение культурных слоёв, естественная генерация (образование) поликультурных «комплексов». Именно негативное воздействие этих естественных (природных) процессов и может быть тем механизмом, который вызывает трансформацию археологических памятников, приводит к образованию коллекций с поликультурными признаками. Действительно, сколько можно судить по имеющимся данным, роль природных факторов в видоизменении и уничтожении культурного слоя чрезвычайно высока (Александровский, 1989; Александрова, 1990; Сычева, Леонова, Узянов и др., 1998; Демкин, Лукашов, Ковалевский, 1992; Демкин, 1997; Wood, Johnson, 1978). Судя по всему, ключевая роль в трансформации археологических источников принадлежит почвенным процессам.

Почвенные процессы и «культурогенез»

Анализ литературы и полевой опыт подсказывают, что главную роль в трансформации геоархеологических объектов играют естественные, прежде всего почвенные, процессы. Поскольку процессы почвообразования и почворазрушения – это природные явления, которые происходят в голоцене при известных условиях повсеместно (*Веклич, Матвишина, Медведев и др., 1979*), можно предположить, что их воздействие не просто закономерно и проявляется повсюду, но именно этот механизм является главной причиной метаморфоз, происходящих с памятниками (*Wood, Johnson, 1978; Сычева, Леонова, Узянов и др., 1998*).

Судя по естественнонаучным данным, всеобщий характер педогенеза и педотурбации и служит тем конкретным и основным, правда, далеко не единственным механизмом, который обладает способностью метаморфозы – превращения слоя из той субстанции, как он сформировался, в то состояние, в котором он достаётся археологу для непосредственного изучения. Следовательно, «многослойный» памятник (в смысле памятник со смешанными культурными слоями) при определённых условиях под воздействием процессов почвообразования и разрушения почвы неминуемо получается из первоначально стратифицированного объекта. В ходе почвообразования изменяется собственная окраска конкретных культурных слоёв, происходит почвен-

ная окраска вмещающих находки горизонтов с возможным одновременным перемещением самих артефактов. А педотурбация является тем главным механизмом, в результате воздействия которого происходит частичное или полное смешение находок и естественным путём образуются (генерируются) «комплексы» с поликультурными признаками. Наиболее активно механизм метаморфоз слоёв действует на песчаных грунтах. Именно с такими грунтами археолог имеет дело при изучении памятников полесий.

Почва не является статичным телом – это динамичная, открытая система, в которой может действовать множество процессов, перемещающих из одного места в другое не только почвенные материалы, но и объекты, включая артефакты. По имеющимся данным, в ходе формирования почв действуют две противоречивых тенденции: горизонтизация, когда материалы почвы дифференцируются на профили, имеющие горизонты, и гомогенизация, когда образование горизонтов затрудняется, и их содержимое может перемешиваться или нарушаться иным способом. Обе этих тенденции не являются взаимоисключающими (*Роде, Смирнов, 1972; Палеопедология, 1974; Wood, Johnson, 1978*). Различные процессы гомогенизации имеют общее название «педотурбации», являющегося синонимом термина «перемешивание почвы». Под педотурбацией в специальной литературе понимается биологическое, химическое или физическое перемещение, смешивание и циркуляция почвенных материалов.

Педотурбация является одной из главных причин, приводящих к изменению, а часто и уничтожению собственной цветности и структуры культурных слоёв. Выделяются девять основных видов педотурбации, которые вызывают перемещение и циркуляцию почвенных материалов: 1) фаунотурбация – животные, особенно землеройные виды; 2) флоротурбация – растения (рост корней и падение деревьев); 3) криотурбация – замораживание и оттаивание, солифлюкция; 4) гравитурбация – массовые оползневые сбросы; 5) аргиллитурбация – разбухание и ссыхание глин; 6) аэротурбация – воздействие газов, воздуха, ветра; 7) акватурбация – воздействие воды; 8) кристаллотурбация – рост и уменьшение солевых кристаллов; 9) сейсмотурбация – землетрясения.

Для почв полесий характерны все эти процессы, но сейсмотурбация или аргиллитурбация крайне редки и имеют лишь локальное значение. Судя по имеющимся данным, в полесьях наиболее широко распространены фаунотурбация, флоротурбация, аэротурбация и акватурбация.

Как установлено, роющие млекопитающие и насекомые могут совместными усилиями перемешивать и уничтожать почвенные горизонты за сравнительно короткий срок, измеряемый всего несколькими десятилетиями. Земляные грызуны и суслики обеспечивают переворачивание 15–20% поверхностной почвы за один сезон, тем самым полностью перемешивая её за 5–6 лет. Ими ежегодно выносятся на поверх-

ность от 7,5 до 14 т/га почвенных материалов. Даже обычные дождевые черви способны ежегодно выносить на поверхность до 3,5 т/га земли. Крупные млекопитающие, такие как лисы, волки, барсуки, зайцы, лесные сурки и др., легко проникают вглубь на несколько метров даже в подпочву, вынося, как установлено, на поверхность человеческие кости и другие предметы с глубины до 2,5 м. Ещё более активны кабаны. Раки не менее эффективны, чем роющие млекопитающие. На ландшафтах с мелким или колеблющимся уровнем грунтовых вод они способны рыть норы глубиной до 5–8 м. Муравьи способны выносить на поверхность мелкие бусы, черепки керамики и другие небольшие предметы через культурно стерильный горизонт, поднимая их с глубины до 2 м.

Многие углубления в земле обязаны своим происхождением, помимо выветривания, тому, что здесь валялись крупные млекопитающие такие, как лоси, олени, лошади или бизоны. С деятельностью дождевых червей, как правило, связано «размывание» контуров ям. Немаловажен и другой эффект, связанный с дождевыми червями, ими закапывается в почву всё, что лежит на поверхности. Зафиксированная скорость погружения камней и других тел может достигать до 5 мм ежегодно. Поскольку их деятельность убывает с глубиной, объекты вблизи поверхности погружаются быстрее, чем объекты на большой глубине. Легкие материалы, оставшиеся на поверхности, могут за длительный период времени сконцентрироваться

в «искусственном» поверхностном слое, в котором стратиграфия бывает практически стёрта, и объекты разных временных периодов размещаются в ложной ассоциации.

Флоротурбация представляет собой механическое перемешивание почвы растениями, происходящее в период роста и гниения корней, когда образуются структуры типа «кратовин» и в результате падения деревьев, когда корни выворачивают массу земли на поверхность и создают микрорельеф в виде холмиков и западин. Хорошо известны случаи, когда такие природные образования принимаются за жилища (*Newell, 1981; Микляев, Долуханов, 1986; Doluchanov, Miklyayev, 1986; Doluchanov, Gey, Miklyayev et al., 1989*).

Когда зимой от мороза промерзает почва, а это в Средней полосе явление рядовое, артефакт с меньшей, чем почва теплопроводностью может перемещаться вверх в результате морозного вытягивания. Если камень или металл проводят тепло лучше, чем окружающая почва, лёд может образоваться под предметом и вытолкнуть его (морозное выталкивание). При прочих равных обстоятельствах высота предмета может определять величину морозного вспучивания: чем больше от горизонтали отклоняется первоначально предмет, тем он испытывает более сильное морозное вспучивание, чем предмет такой же длины, но лежащий горизонтально. В свою очередь вертикально ориентированные длинные предметы испытывают более сильное морозное вспучивание, чем ко-

роткие предметы. Артефакты, лежащие ближе к поверхности, испытывают морозное воздействие сильнее, чем глубоко лежащие, поэтому и выталкиваются вверх активнее нижележащих. Если перемещаются органические материалы (кость, дерево, уголь) и они используются для радиометрического датирования, даты могут расходиться с их стратиграфическим положением в слое. По мере того, как фронт замерзания движется через почву, более мелкие предметы, включая используемые для датирования, склонны двигаться перед фронтом замерзания, тогда как более крупные предметы продолжают оставаться сверху. Результатом этого может быть ситуация, когда отсортированные крупные материалы покоятся сверху, а более мелкие скапливаются снизу. Сосредоточение мелких органических остатков, в том числе и разновременных, в одном слое при их использовании для углеродного датирования может приводить к омоложению находок и в перекрывающем слое или создавать иллюзию обратной стратиграфии. Вымораживание артефактов характерно для всех районов, подверженных сезонным промерзаниям грунта, включая, естественно и пояс полесий лесной зоны.

Развеивание поверхности приводит не просто к образованию котловин выдувания на дюнах и изменению их рельефа, но сплошь и рядом из-за этого на поверхность выносятся артефакты, обнажаются скопления находок и слои, за счёт чего облегчается смешивание древних и более молодых находок.

Названные и другие имеющиеся данные свидетельствуют, что культурные слои под воздействием почвенных процессов существенно видоизменяются, а культурные остатки в них могут погружаться в почву или, напротив, выталкиваться на поверхность, могут дифференцироваться по размерам и распадаться на фракции. Находки могут концентрироваться в глубинных слоях, могут переориентироваться в почве, наконец, перемещаться горизонтально, вертикально или по касательной. Результатом этого могут быть ложные ассоциации артефактов с сопутствующими искажениями в интерпретации. Прежде чем приступать к интерпретациям, которые зависят от присутствия артефактов и слоёв в их первоначальном положении, мы обязаны убедиться, что они не были видоизменены или передвинуты одной или другой формой перемешивания почв. Любая интерпретация памятника должна быть основана на учёте этих возможных перемешиваний, наиболее характерных для конкретного типа почв (Роде, Смирнов, 1972; Wood, Johnson, 1978). Точная оценка педотурбации отложений на каждой стоянке абсолютно необходима для правильной археологической реконструкции.

Специальные совместные исследования почвоведов и археологов показывают, что в полесьях процессы педотурбации, а также вызванное ими разрушение культурных слоёв и перемещение материалов, объективно усиливаются за счёт рыхлости отложений. Именно с этими процессами здесь связано объ-

ективное действие «механизма поликультурности». Для понимания причины его «запуска» крайне важно следующее обстоятельство. Любой полевой исследователь, работающий в зандровой зоне Восточной Европы, постоянно сталкивается с фактом, которому до сих пор никто из нас почему-то не придавал должного значения. Этот факт заключается в том, что и во время разведок и при раскопках основной массы расположенных здесь памятников *находки начинают встречаться непосредственно в дёрне, то есть на современной дневной поверхности.* Совершенно очевидно, что это не обман зрения, не археологическая причуда, а закономерная и абсолютно стандартная ситуация. *Присутствие находок на дневной поверхности и есть главный признак деструкции слоя.* Но из этого наблюдения неминуемо следует один крайне важный вывод: *в древности ситуация была абсолютно такой же.* И в древности какая-то часть артефактов тоже находилась на поверхности. Причина этого заключается, по-видимому, даже не в том, что накопление перекрывающих отложений вообще не происходило или что процесс шел слишком медленно. (Величина осадконакопления в ряде случаев может быть определена как разница между современной дневной поверхностью памятника и уровнем максимального распределения находок на нем.) Причина выноса изделий на поверхность состоит в том, что в интерстадиалы постоянно действуют процессы почвообразования и сопутствующие им процессы педотурбации.

Поскольку их действие наиболее активно проявляется в поверхностном слое, это обстоятельство служит основанием пространственного перемещения артефактов по вертикали и является причиной «выноса» части изделий вверх, по направлению к дневной поверхности. Именно из-за процессов почвообразования и педотурбуции при обычной скорости накопления перекрывающих отложений в каждый конкретный момент человек, приходя на место, которое до него уже было кем-то однажды занято, селится непосредственно на культурном слое предшествующего времени. В результате каждое последующее население неминуемо оставляло свои артефакты на изделиях предшествующего времени. *Постоянное действие механизмов почвообразования и педотурбуции и стандартное отсутствие из-за них в подавляющем большинстве случаев перекрывающих отложений являются главными причинами непосредственного «контакта» разновременных вещей и образования метисных «комплексов». Именно эти причины лежат в основе «происхождения» би- и поликультурности многих исследуемых нами памятников. Для обозначения процесса культурного взаимодействия в науке употребляется термин «аккультурация», корректное обозначение способа «внекультурного генезиса синкретических комплексов» мне не известно. Можно предложить по меньшей мере три синонимичных термина для его обозначения: конгломерация (от латинского – *conglomeratio* – механическое смешение чего-либо разнород-*

ного, беспорядочная смесь), миксация (от английского mix – смесь, смешивать) и натурация (от латинских слов nature – природа и ratio – мысль, замысел или иначе – природный «замысел»). Поскольку термин конгломерация уже употребляется в геологии и некоторых других естественных науках для обозначения агрегатного состояния вещества, более нейтральными представляются термины миксация и натурация, причём если первый из них указывает лишь на сам факт смешения, то второй отражает естественный (природный) характер этого образования, поэтому он представляется более уместным. *Натурация – это механизм естественного пути генезиса синкретических «комплексов». Природа лишь помогала человеку и завершала за него то, что он сам никогда не делал: педотурбуция «сортировала и видоизменяла» состояние разновременных культурных слоёв, уничтожала их собственную окраску и «смазывала» пространственное распределение материалов, иногда в минимальной степени, а чаще – довольно значительно или даже полностью. В результате из-за случайного планиграфического совпадения мест поселений и наложения одно- и разновременных, одно- и разнокультурных находок под воздействием природных процессов запускался «механизм естественной поликультурности» и происходило формирование археологических источников особого рода. Поскольку случайное планиграфическое совпадение неминуемо реализовывалось в наиболее удобных*

для жизни местах конкретного водоёма, то стандартно возникала и реализовывалась ситуация дублирования поликультурных «комплексов». Действие природных факторов носит объективный характер и проявляется вне зависимости от воли и желания субъекта истории – человека, поэтому мы неминуемо вынуждены сталкиваться с фактами естественного «генезиса поликультурных комплексов» или феноменом натурации. *Натурация – это объективный природный закон образования «поликультурных комплексов».* Следовательно, одной из основных исследовательских задач должно быть установление фактов натурации.

Здесь необходимо прибавить, что если природа, как свидетельствуют немногочисленные данные, ещё эпизодически сохраняла структуру пространственного распределения материала до момента раскопок, то несовершенная полевая методика неминуемо доводит находки до уровня подъёмного материала, завершая, таким образом, уже рукотворный «процесс создания источника по первобытной истории». В силу этого полагаю, что только источниковедческая критика способна дать ответ на вопрос, с чем конкретно мы имеем дело, только она позволяет говорить о «чистоте» и надёжности любой добытой коллекции. Таким образом, анализ данных конкретного памятника, перекрёстное сравнение их с другими материалами, выделение «чистых» и представительных коллекций, выяснение причин и механизмов разрушения

слоя или, напротив, степени сохранности, то есть осуществление критики, позволяют оценить возможности любого комплекса в качестве археологического источника и определяет границы его дальнейшего использования. Только всё это вместе взятое может привести к выработке реальной этнокультурной истории мезолита.

Даже при условии чёткого осознания мезолитическими коллективами территориальных границ, вряд ли у нас есть основания для утверждения, что они имели возможность постоянно контролировать свою «кормовую территорию». Малочисленность населения в палеолите и мезолите скорее предполагает, помимо периодичности (цикличности) возвращения одного и того же коллектива на одно и то же место, крайне редкую их «пересекаемость» с другими коллективами. Весьма вероятно, что любая территория, если для этого были соответствующие условия, могла посещаться разнокультурным населением не только синхронно, при этом создавались потенциальные возможности для контактов населения, но и диахронно, когда возможности для непосредственного взаимодействия не возникало вообще. Особенности седиментации в полесьях таковы, что напластования – за редчайшим исключением – прирастают крайне медленно. В результате, в случае отсутствия перекрывающих отложений или их рыхлости, более поздние находки начинают «контактировать» с более ранними сами по себе, уже чисто механически.

Подобное, как выясняется, археологи и наблюдают повсеместно на практике. Причём, как правило, у нас нет достаточного числа объективных способов проверки природы наблюдаемого при раскопках «контакта». Да и понятие синхронности комплексов для мезолита – вещь довольно условная, поскольку точность датирования памятника или отдельного комплекса даже до столетия никогда не приближается.

В тех случаях, когда одно и то же место неоднократно посещалось разнокультурным населением, естественным образом появлялась возможность для механического смешения материалов. Эта возможность неминуемо реализовывалась при планиграфическом совпадении разных памятников. В данном случае под планиграфическим совпадением следует понимать как непосредственное перекрывание одного скопления другим (вертикальное совмещение), так и просто «соприкосновение» или «смыкание» разных пятен (скоплений) находок между собой (горизонтальное совмещение). При перекрывании «объём» слоя увеличивается по вертикали, при соприкосновении – за счёт увеличения площади скопления. При частичном наложении (совпадении) в плане разных мест обитания или их элементов происходит увеличение по объёму и площади. Если позволяет полевая методика, например, при использовании пространственной фиксации материала, случаи вертикального наложения стоянок друг на друга могут быть установлены как разные горизонты в уровнях залегания находок.

Показательны в этом отношении раскопки верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка 2, где три культурных слоя непосредственно налегают друг над другом (Леонова Н., 1990; Миньков, 1990), или мезолитической стоянки Исток 1, где присутствуют два слоя. На стоянке Замостье 5 выделено девять культурных слоёв, включая четыре мезолитических (Сидоров, Сорокин, 1998), на стоянке Замостье 2 – пять слоёв, в том числе два мезолитических (Lozovski, 1996) и т. д. «Соприкосновение» – вещь более обычная. Это разные пятна находок или разные скопления на одном памятнике, причём речь тут может идти как о следах одной и той же культуры (Чёрная 1, Петрушино 1, Борисово 1, Смячка XIV, Иенево 2, Соболево 5), так и разных культур (Мирное, Тихоново 1, Заозерье). В случаях «соприкосновения» одновременность или разновременность либо вообще не устанавливается, либо устанавливается с большим трудом. Главные причины этого заключаются как в неточности самих методов датирования, так и невозможности в ряде случаев достоверного соотнесения радиоуглеродных образцов и слоя.

Если таких мест, где случайно совпадают стоянки разных культур, несколько, то возникает вероятность стандартного повторения одних и тех комплексов с библиополикультурными признаками. Как показывает опыт, в пределах одного региона не так много участков, удобных для заселения, причём среди них всегда есть такие, которые бывают потенциально доступны в течение длительного периода

времени. Например, в озёрной Мещёре наиболее удобными являются места стоянок Владыченская Береговая, Чёрная Гора, Шагара 1 и 2, Великодворье, Пошица, Коренец; на Масловом болоте – окрестности пунктов Маслово Болото 1, 2, 5 и 8; при истоке р. Колпь – Колпинской 1; на Заболотском торфянике – южный створ котловины в окрестностях дд. Замостье и Минино (Замостье 2, 5, 6, Сулать 1, 2, Минино 1 и 2) и устье верхний р. Сулать при впадении в Заболотское озеро в окрестностях с. Заболотье (Заболотье 1); в Жиздринском полевье – урочище Красное; на оз. Скорбеж у истока р. Яхрома – Языково; на створе Плещеева озера и р. Вексы – Польцо, на Ивановском болоте – стоянки Ивановское 3, 7 и 10; на Тростенском озере – Никольская Правая, Крапивец и Никольская 2; на оз. Круглом – мыс при впадении р. Альба (Мышецкое); на оз. Селигер – Синяя Гора; на оз. Волго – Ланино; на оз. Удомля – Троица; на оз. Неро при древнем устье р. Сара – Варос; на оз. Сомино – Торговище; на Галицком озере – стоянки Умиление и Пески, на Чухломском озере – Федоровское и т. д. Не случайно именно в них сосредоточены наиболее выразительные «многослойные» памятники. Археологи, раскапывая повторяющиеся «комплексы» с би- или поликультурными признаками, обычно воспринимают наблюдаемое за реально установленные факты и лишь вопрос времени, когда их количественные наблюдения приведут к «качественному» выводу – констатации «закономерности синкретических комплексов»

и выделению их в новый культурный тип памятника или новую археологическую культуру. Так возникает своеобразный источниковедческий эффект «генезиса» метисных археологических культур. Конечно, для керамических комплексов эта тенденция не столь выражена, но для мезолита она вполне осязаема и обыденна. Крайне негативную роль в появлении поликультурных комплексов может сыграть, как упоминалось, и полевая методика: при раскопках на косой штык или условными и литологическими горизонтами происходит, часто неосознанное исследователями, разрушение пространственной структуры распределения находок. В результате этого памятник из стратифицированного искусственно превращается в нестратифицированный, а коллекция – в поликультурную. Но и без этого вероятность возникновения эффекта поликультурности достаточно высока при условии, что конкретная территории посещалась более чем одной группой населения.

Нынешнее состояние изученности территории Восточной Европы позволяет утверждать, что найти на ней такие места, которые бы в ходе исторического развития посещались лишь один раз, крайне трудно. Как правило, отыскать их можно лишь на периферии региона. Центральная же часть на протяжении верхнего палеолита и мезолита осваивалась неоднократно, а со времён неолита, по-видимому, уже на постоянной основе. Очевидно поэтому, что чем лучше изучен конкретный район Восточной Европы, тем более пеструю в культурном

отношении картину мы можем наблюдать. При этом следует обратить внимание ещё на одну особенность археологических источников: наиболее часто чёткие «поликультурные» признаки даёт именно подъёмный материал, то есть тогда, когда археолог изначально имеет дело с механически образованным «комплексом» находок, оторванным от контекста. Причём если крайние проявления визуально осязаемы, то близкие по времени предметы распадаться на типологические комплексы будут с трудом или не будут совсем.

В истории как параллельно, так и последовательно действовали несколько процессов – социальных, биологических, природных и т. д. Человек как любой биологический вид должен был выполнять функцию жизнеобеспечения и продолжения рода, как социальный организм – трудиться, соблюдать общественные нормы и обеспечивать передачу культурных традиций. В процессе своей жизнедеятельности он создавал духовные ценности, предметы материальной культуры, заселял и осваивал те или иные территории, используя для этого природные материалы и свойства окружающей среды. Воздействие человека на среду и среды на человека было обоюдным. Как результат симбиоза человек – среда археологу достаются лишь овеществлённые и натурализованные следы и негативы процесса и, если особенно повезёт, – останки самого человека. К следам духовной и, главным образом, материальной деятельности относится всё то, что мы называем па-

мятниками: места обитания – поселения, стоянки, места забоя животных, рыбной ловли, мастерские, святилища и т. д., а также тем или иным образом изменённый ландшафт. Если во время бытования памятника воздействие человека на природу было достаточно ощутимо, то после оставления человеком места временного пребывания или постоянного жительства на геоархеологический объект всё активнее начинали воздействовать естественные процессы. При этом сам культурный слой (заполнитель и артефакты) становился достоянием лишь естественной истории, в результате чего он видоизменялся, часто до неузнаваемости, или разрушался совершенно.

Если в случае планиграфического наложения двух разнокультурных сезонных стоянок выявить это вполне реально по присутствию отдельных пятен скоплений, то при наложении друг на друга разных типов памятников, например, «места забоя» на стоянку – это задача практически непосильная. Нельзя выделить и мастерские, случайно оказавшиеся на территориях стоянок: как правило, у нас нет критериев для их различения, ибо часто мастерские по первичной обработке камня, включённые в контекст стоянки, воспринимаются лишь как элемент её культурного слоя, а отнюдь не как отдельный и самостоятельный объект. Поскольку для мезолита охотничье вооружение принято считать культурно значимым признаком (Формозов, 1959, 1977), при анализе материалов надо всегда учитывать тот факт, что

оно обладает способностью летать, и наличие специфического охотничьего вооружения в чужеродном комплексе вовсе не означает его закономерного присутствия и не свидетельствует в пользу контакта какого-либо населения в древности. Действительно, упавший сверху наконечник способен глубоко проникнуть в землю и оказаться в чуждом ему слое. Например, именно как случайные можно рассматривать два так называемых постсвидерских наконечника в Иенево 2 и Брагино.

При неоднократном использовании одних и тех же мест одним и тем же населением нивелируются хронологические различия в комплексах, и происходит планиграфическое «смазывание» разнофункциональных пятен на памятниках, разумеется, при условии, что они были изначально. В действие как бы включается механизм «культурной нивелировки». При посещении одних и тех же мест населением разных культурных традиций из-за механического смешения слоёв и материалов нивелируются культурные, хронологические и функциональные различия между комплексами отдельных культур. Это приводит к «возникновению» синкретических коллекций. В таких случаях мы наблюдаем действие механизма «естественной поликультурности». И «культурная нивелировка», и «естественная поликультурность» являются главными причинами информационного шума, «размытости культурных признаков» и культурного многообразия. Подтверждением этому служат наблюдения, полученные

при раскопках торфяниковых стоянок: шлейфы дают обычно прекрасную стратиграфию разновременных слоёв и находок, зато суходолы, напротив, стратиграфически «смазаны», а находки в них перемешаны.

Нельзя не учитывать и ещё один немаловажный источниковедческий аспект: любой археолог-практик интуитивно старается найти и исследовать «богатый» памятник, чтобы в кратчайшие сроки и с минимумом затрат получить результат. Бедные стоянки и микроскопления внимания не привлекают: информация, извлекаемая из них, не сопоставима с огромными затратами труда. Вот почему периферия стоянок изучается от случая к случаю, а микроскопления, как правило, становятся объектом изучения не специально, а в тех исключительных случаях, когда памятник исследуется «на снос». Поскольку «бедные» стоянки изучаются лишь sporadически (Кравцов, 1988; Кравцов, Жилин, 1995; Гусенцова, 1993), неизбежным результатом этого является получение в массовом числе стоянок «многоразового посещения», причём нельзя исключать, что эти памятники были оставлены часто разным в культурном отношении населением. Отсюда нормой становятся не «чистые, одномоментные» комплексы, а «усредненные, культурно сивелированные» и поликультурные материалы. Конечно, и небольшие скопления могут давать примесь, но вероятность появления такой примеси все-таки меньше того, что дают «крупные» памятники (Кравцов, Леонова Е., 1994; Кравцов, 1998). Поэтому

совершенно очевиден вывод, к которому приходят исследователи при изучении планиграфии находок, что число микроскоплений обратно пропорционально площади скопления, причём, чем больше площадь скопления и выше содержание находок, тем более равномерно распределяется в нём материал (Леонова Н., 1977, 1994; Леонова Е., 1998).

Для приведения в действие «механизма естественной поликультурности» необходимо присутствие ряда условий, среди них:

1) планиграфическое совпадение двух или большего числа памятников разных культур;

2) включение слоёв памятников в голоценовые почвенные профили;

3) присутствие в качестве заполнителя культурного слоя рыхлых отложений;

4) действие процессов педотурбации, развеивания, аллювиальных, делювиальных и др.

Опыт показывает, что обязательным является лишь первое условие, а остальные могут присутствовать либо все, либо выборочно. Результат также может быть либо полным, когда происходит полная переработка разных культурных слоёв с переотложением находок, либо частичным. В таких случаях перемещёнными оказываются лишь отдельные предметы, например, наиболее мелкие или наиболее крупные из них, длинные, или, напротив, короткие.

При исследовании торфяниковых стоянок Заболотского палеоозера на территории задровой Верхневолжской низменности был сделан ряд наблюдений,

которые полезно учитывать и при исследовании «дюнных» полесских памятников. Было, например, выяснено, что в льяловских слоях стоянки Замостье 5 каменные изделия немногочисленны, но они относительно чётко распадаются на бытовые комплексы. В то же время синхронный льяловский слой Замостья 2, дающий большое число изделий, на бытовые комплексы не разделяется. И в Замостье 5, и в Замостье 2 были зафиксированы случаи сортировки каменных изделий в пределах суходольных участков и отмечены факты концентрации мелких находок на склоновых участках. При сравнении распределения на суходолах и в шлейфах установлено, что наиболее активно переоткладываются на береговых склонах чешуйки и другие изделия мелких размеров, что каменные изделия транспортируются на минимальные расстояния от суходолов, тогда как органика, особенно древесина, выносятся достаточно далеко. Наблюдается разное соотношение каменных, костяных и деревянных изделий на суходольных и прибрежных частях стоянок и в шлейфах. Имеются случаи резкого доминирования на суходолах каменных изделий, тогда как в шлейфах чаще встречаются костяные и роговые предметы или древесина. А на прибрежном участке стоянки Манино 2 зафиксирована концентрация костных остатков с малым содержанием мяса (рёбер, челюстей, фаланг, позвонков, когтей и т. д.). В обоих мезолитических слоях стоянки Замостье 2, имеющих водный генезис, почти нет резцов, зато многочисленны рубящие орудия.

Это неудивительно, учитывая значительное количество древесины в них. И не имеет, разумеется, никакого отношения к культурным признакам. Все эти наблюдения однозначно говорят о том, что происходит своеобразная естественная и искусственная сортировка материалов, которую надо учитывать при оперировании данными процентных соотношений как при сравнении разных памятников друг с другом, так и для установления характера конкретного участка памятника.

Полевая практика свидетельствует, что культурные слои стоянок каменного века могут полностью лишиться своей первоначальной окраски, либо, крайне редко, – сохранять её целиком или избирательно на отдельных участках. Стандартной является ситуация, когда в результате разрушения культурных слоёв первоначально многослойных памятников происходит образование «комплексов, обладающих поликультурными признаками», в которых опытный исследователь может выделить признаки разных культурных традиций. Между тем, в случае повторяемости таких «комплексов», а она, как правило, неизбежна, возникает видимость присутствия именно синкретических, а не смешанных комплексов. Конечно, если на памятнике находят керамику разных культур, то никто не усомнится в необходимости и корректности её типологического разделения на отдельные комплексы. Эта процедура стала настолько привычной, естественной и обыден-

ной, что не вызывает уже ни малейшей желания усомниться в ней. Гораздо сложнее процедура разделения каменного инвентаря, который из-за своих природных свойств выглядит более однородным, чем керамика. Следует, тем не менее, отметить, что процедура типологического деления на комплексы в любом случае субъективна и напрямую зависит от квалификации специалиста. Нет сомнения, что находки будут тем лучше разделены на типологические комплексы, чем выше квалификация конкретного исследователя. Между тем, вряд ли будет серьёзным преувеличением сказать, что любой из выделенных комплексов будет отражать именно мнение конкретного исследователя, но никак не тот реальный комплекс, который некогда был в употреблении и попал в культурный слой (Клейн, 1978).

Анализ литературы показывает, что если обратиться к каменному инвентарю «многослойных памятников», то он чаще всего описывается суммарно. В лучшем случае в нём выделяются те или иные «яркие вещи», которые относительно чётко интерпретируются в культурном и хронологическом отношениях. При этом наиболее просто отсортировываются наиболее поздние материалы или, напротив, наиболее ранние по отношению к другим. Близкие хронологически орудия, заготовки и отходы производства, сырьё и нуклеусы разделить, как правило, не удаётся. Облик комплекса становится аморфным. Например, в 80-е годы

XX в. во время работы с коллекциями, отнесёнными разными исследователями к так называемым бутовским², а их насчитывалось не менее 94, мною было установлено, что в них нет ни одного общего для всех памятников типа орудий (Сорокин, 1990). Вместе с тем по отдельности все категории их орудийного набора присутствовали в памятниках других археологических культур. При традиционном в то время суммарном рассмотрении тех же коллекций не удалось также локализовать и ареал этой культуры (Сорокин, 1990). Поиск причин показал, что такая «размытость» возникает всегда, когда привлекаются коллекции без учета их характера и источниковедческой надёжности. Только сознательное разделение всего массива материала по источникам поступления, отбраковывание смешанных, мелких и сортированных коллекций, выделение из всей совокупности надёжных и достоверных комплексов позволило достаточно чётко определить набор

культурообразующих признаков и в результате этого – локализовать ареал данной культуры, уточнить её характеристику, периодизацию и хронологию (Сорокин, 1990). Позднее аналогичная работа была проведена и с коллекциями, атрибутированными в качестве иеневских. Полученный результат также разительно отличается от традиционных представлений об иеневской культуре (Кравцов, Сорокин, 1991). Таким образом, в обоих случаях процедура критики источников дала положительные результаты.

В процессе изучения материалов Жиздринского полесья, было высказано предположение, что памятники с поликультурными признаками могли образоваться как за счёт непосредственных контактов древнего населения, так и путём механического смешения разнокультурных и хронологически разновременных материалов. Поскольку непосредственных свидетельств контактов населения в ходе изысканий

² Здесь необходимо небольшое пояснение. В 1970–1980-е годы, когда мною активно разрабатывалась бутовская проблематика, материалы эпонимной стоянки Бутово 1 из-за их малочисленности и невыразительности не использовались для разработки характеристики культуры (Сорокин, 1990). Позднее, когда было установлено, что и к этому памятнику в 1987 г. была применена «методика улучшения источника» (Кольцов, Жилин, 1999, с. 57), стала очевидной нецелесообразность дальнейшего использования термина «бутовская культура» в силу его искусственного характера (Сорокин, 2008, с. 147–152). Для обозначения совокупности материалов, имеющих в орудийном наборе симметричные наконечники с вентральной ретушью, было предложено именовать их по одному из наиболее выразительных комплексов — стоянке Задне-Пилево 1 — задне-пилевской культурой (Сорокин, Ошибкина, Трусов, 2009, с. 181). Совершенно очевидно, однако, что полностью избежать использования старого термина, особенно при историографических обзорах и переиздании статей, опубликованных до 2008 г., практически невозможно.

Одновременно категорически не могу согласиться с использованием словосочетания «бутовская культура» в силу того, что «термин прижился» (Lisitsyn, 2012, p. 198) или «чтобы не ввести в заблуждение читателя» (Колосов, 2015, с. 33). Вольно или невольно это означает признание правомерности процедуры «улучшения качества источников», что совершенно недопустимо. Не вызывает сомнения, что в силу разных обстоятельств археологический источник можно не понимать или неверно истолковывать добытые сведения, но нельзя сознательно приписывать ему несуществующих свойств и данных. Особенно в таких очевидных случаях, как с Бутово 1.

получено не было, пришлось предположить, что главной причиной механического смещения материалов служит то обстоятельство, что все эти памятники располагаются в полесьях. Особенностью полесий в качестве геоморфологических зон, как хорошо известно, служат песчаные отложения, из-за рыхлости которых постоянно имеются потенциальные предпосылки для перемешивания слоёв и находок. А разного рода педотурбации, естественные для интерстадиалов, активизируют и реализуют на практике эту потенциальную возможность. Проверка гипотезы подтвердила правильность сделанного вывода.

Когда мы исследуем памятник с поликультурными признаками, то с чем мы в каждом конкретном случае имеем дело? Действительно с результатом взаимодействия (контакта) древнего населения или «контактом» вещей, с проявлением культурной традиции или «традицией дублирования смешанных коллекций», с аккультурацией или натурацией? Ответ не может быть одним и общим для всех случаев. Лишь конкретный предметный анализ коллекции с учетом пространственной структуры памятника может установить, имеем ли мы дело с поликультурными или именно смешанными материалами. Поэтому выяснение сути наблюдаемого явления в каждом отдельном случае является конкретной источниковедческой задачей любого исследования. Следует, однако, ясно представлять, что один и тот же по форме результат – по-

ликультурную коллекцию – мы будем иметь при диаметрально противоположных посылах: и при культурном взаимодействии разных групп древнего населения и при природном смешении. Поэтому необходим анализ любого конкретного памятника или их совокупности для того, чтобы установить истину. Причём установить её подчас будет невозможно: какую-то часть материалов даже при всей тщательности раскопок разделить заведомо не удастся, потому что они могут быть полностью смешаны к моменту раскопок или потому, что во время раскопок использовалась такая методика, которая не позволяет судить об их пространственном распределении. Наконец в случае образования поликультурного комплекса в результате взаимодействия населения коллекцию также не удастся корректно разделить. Но для доказательства факта аккультурации недостаточно лишь констатации наличия синкретического комплекса, необходима доказательная база из других данных. Прежде всего, сюда относится наличие находок-маркёров и/или метисных технологий. Таким образом, только источниковедческий анализ при прочих равных может привести к выводу о природе механизма образования поликультурного комплекса. С учётом всего сказанного о памятниках зандровых низменностей и механизмах поликультурности постараемся проверить эту гипотезу на реальных материалах. Для этого, прежде всего, обратимся к материалам Волго-Окского бассейна.

Проверка гипотезы

Обращаясь к материалам Центральной России, интересно коснуться актуального и дискуссионного для Волго-Окского междуречья вопроса взаимодействия населения так называемых бутовской и иеневской культур. К сожалению, у нас нет содержательного монографического исследования по памятникам, имеющим признаки «смешанной традиции». И вообще нет предметного обзора мезолитических стоянок пояса полесий, из которого можно было бы почерпнуть всю совокупность данных об их слоях, основных причинах разрушения и современном состоянии. Поэтому и при решении проблемы взаимодействия населения названных культур в настоящее время приходится оперировать лишь отдельными отрывочными данными, накопленными разными исследователями.

Термин «памятники смешанной традиции» был предложен автором в середине 1980-х годов для того, чтобы обозначить присутствие в Волго-Окском бассейне стоянок, имеющих черты так называемых бутовской и иеневской культур. Подобный термин вполне адекватно отражал ситуацию, сложившуюся в вопросе о взаимоотношениях населения этих культур: во-первых, была не понятна природа этого смешения – механическая она или генетическая, а во-вторых, и в том, и в другом случае мы имеем дело с традицией, либо культурной, либо природной. Ведь и при механическом смешении разнокультурных и разновременных материалов, если есть их

повторяемость, возникает источниковедчески значимая ситуация.

Всего к так называемым «памятникам смешанной традиции» разными исследователями было отнесено не менее 12 пунктов – это стоянки Беливо 4А, Брагино, Высокино VI, Дмитровское 1, Журавец 1, Иенево 2, Исток 1, Коприно, Крапивец, Староконстантиновская IV, Тростенская 3 Северная и Шильцева Заводь 5. Сразу приходится констатировать, что в этом списке присутствует несколько памятников, не пригодных для источниковедческого анализа. Например, коллекции Коприно, Тростенской 3 Северной и Крапивца представлены лишь подьёмным материалом, и никаких планиграфических наблюдений по ним сделать невозможно. Стоянки Иенево 2, Дмитровское 1, Высокино VI, Журавец 1 и Староконстантиновская IV исследованы по условным горизонтам разной мощности, кроме того часть их материалов к настоящему времени оказалась депаспортизированной, поэтому соотношение разнокультурных изделий на них также установить невозможно. А это было бы интересно, ведь в Дмитровской 1 есть не только постсвидерские и постаренбургские наконечники, но и асимметричный наконечник с боковой выемкой, у которого брюшко оформлено плоской ретушью и который может рассматриваться как метисный. Впрочем, толщина черешка этого наконечника такова, что без дополнительной подработки он вряд ли поместился бы в древко, то есть присут-

ствие вентральной ретуши может объясняться исключительно функциональной необходимостью, а никак не заимствованием или метисацией.

На стоянке Староконстантиновская IV разнотипные наконечники довольно многочисленны, но метисные формы отсутствуют. В публикации материалов памятника отмечается преимущественное залегание симметричных наконечников с вентральной ретушью в нижних горизонтах слоя, а асимметричных с боковой выемкой – в верхних (Крайнов, Кольцов, 1983). Однако состояние отчетной документации не даёт основания для корректной проверки этого заключения, так как на планах и в описи отсутствуют данные о глубине залегания находок. Следовательно, достоверность этого сообщения невелика, так как при раскопках по условным горизонтам исключены микростратиграфические наблюдения, и установить присутствие перекопов, западин или «падения» слоя просто нереально, поэтому даже случай конкретного нахождения одного предмета ниже другого не может являться очевидным доказательством его «перекрывания» или «подстилания». Материал памятника, исследованного по условным горизонтам (в конкретном случае их мощность достигала 20 см), может рассматриваться лишь как подъёмный, а подъёмный материал не может быть стратифицированным. Интересно, однако, то, что, судя по полевым данным исследователя памятника – Д. А. Крайнова, все асимметричные изделия залегали в нижних горизонтах и подстилали симметричные наконеч-

ники (Крайнов, 1970-А; 1971-А; 1975-А). Это наводит на мысль, что прозвучавшее в статье утверждение о соотношении глубин так называемых постсвидерских и иеневских наконечников в Староконстантиновской IV не соответствует действительности и исходит не из реальных полевых наблюдений, а из представлений Л. В. Кольцова о позднемезолитическом возрасте иеневской культуры и раннемезолитическом возрасте так называемой бутовской культуры (Кольцов, 1989, с. 68–86). В этом отношении гораздо более достоверны наблюдения на стоянке Шильцева Заводь 5 (Кравцов, Сорокин, 1991, Сорокин, 1998), где все находки фиксировались по глубинам и стратиграфическое залегание асимметричных наконечников под симметричными было установлено достаточно надёжно.

В Брагино были найдены целый черешковый симметричный наконечник с вентральной ретушью и обломок аналогичного, а весь остальной инвентарь был иеневским и не имел других чужеродных признаков. Материал фиксировался по трём координатам, но избирательно, без нивелировки отщепов. Мощность культурного слоя была невелика. В силу этого выделить два или более уровня в залегании находок по глубинам не представляется возможным, поэтому нельзя определить и неслучайность присутствия в комплексе названных находок.

Таким образом, девять из 12 рассмотренных памятников «смешанной традиции» не дали весомого основания для решения вопроса соотношения этих

культур и фактах взаимодействия их населения. В связи с рассматриваемой проблемой более интересно коснуться трёх Мещёрских стоянок – Беливо 4А, Шильцевой Заводи 5 и Истока 1.

Беливо 4А было исследовано А. Е. Кравцовым в 1984, 1985, 1987 гг. (Кравцов, 1991; Кравцов, Луньков, 1994) и Е. В. Леоновой в 1994 г. на площади 245 кв. м. Всего здесь собрано 3492 каменных изделия. Толщина культурного слоя на памятнике невелика, к тому же он частично распахан, поэтому «вертикальная слоистость» авторами раскопок не установлена. Охотничье вооружение представлено как симметричными наконечниками с вентральной ретушью, так и асимметричными с боковой выемкой, что говорит о бинарности состава. Планиграфически выделяется несколько микроскоплений, но факта совместного залегания разнокультурного охотничьего вооружения ни в одном из них не зафиксировано (Кравцов, Луньков, 1994; Леонова Е., 1998). Попытка Е. В. Леоновой найти закономерности в распределении каменных изделий на группы в зависимости от цвета и качества сырья успехом не увенчалась (Леонова Е., 1998). Более того, нанесение на план «культуроопределяющих» типов орудий, таких как наконечники стрел, микролиты, обушковые ножи, показало, что они не образовывали обособленных в плане групп. Исключение представляют три микролита с затупленным ретушью краем и обломок так называемого постсвидерского наконечника стрелы, которые были найдены в пятне № 2 (Леонова Е., 1998).

Мне представляется, что отсутствие взаимосвязи между охотничьим вооружением говорит не столько о культурных показателях, сколько о функционально-территориальной особенности тех или иных видов деятельности на территории стоянки, которые могут и не проявляться чётко в распределении находок. Не исключено также, что некоторая «смазанность» может возникать в силу кратковременности эпизодов обитания разных популяций в конкретном месте. В любом случае, однако, пространственный анализ, выполненный Е. В. Леоновой, не даёт оснований для установления соотношения на памятнике материалов разных культур.

Учитывая значительный разброс радиоуглеродных дат: пятно № 2 9550 ± 100 , пятно № 3 8840 ± 110 ; пятно № 4 9940 ± 300 ; пятно № 5 8270 ± 50 ; пятно № 7 8770 ± 180 ; пятно № 11 5450 ± 50 ; пятно № 17 9130 ± 150 ; пятно № 23 7850 ± 60 ; пятно № 24 8340 ± 210 и 8600 ± 90 (Кравцов, Луньков, 1994) и исходя из планиграфического распределения материала, Е. В. Леонова приходит к выводу, что памятник посещался неоднократно и представляет собой «совокупность нескольких отдельных стоянок», бытовавших, вероятно, в разное время. По-видимому, это так, но более интересно другое: в Беливо 4А есть иеневский асимметричный наконечник с боковой выемкой, брюшко которого подправлено плоской ретушью, и другой экземпляр, у которого плоская ретушь нанесена на черешок со спинки. Если первый наконечник может рассматриваться в качестве «метисного» изделия, то второй – вряд ли. Здесь

скорее можно предположить использование плоской ретуши в утилитарных целях – для утоньшения черешка и удобства закрепления его в древко. Возникает вопрос, достаточно ли одного предмета для доказательства контакта? По-видимому, нет. Единичность метисного изделия на фоне отсутствия сочетаемости разнокультурных находок в микроскоплениях скорее свидетельствует в пользу образования бикультурного «комплекса» в результате натурации, чем в итоге аккультурации.

Иная картина наблюдается в Шильцевой Заводи 5, раскопанной автором в 1982, 1987 и 1989 гг. (Сорокин, 1991, 1998). В небольшом раскопе площадью 63 кв. м было найдено 3959 находок. Бинарность охотничьего вооружения совершенно очевидна. Обособленных скоплений в раскопе выделить, однако, не удалось. Хотя плотность находок на 1 кв. м сравнительно высока и резко превышает средние показатели для мещёрских памятников, а «разлёт» по вертикали составляет около 1 м, все находки по глубинам, к сожалению, не разносились, поэтому «слоистость» в залегании артефактов определена не была. Кроме того, в раскопе 1982 г. площадью 15 кв. м находки не фиксировались по глубине, поэтому все они не пригодны для пространственного анализа. Тем не менее, интересное наблюдение по пространственному распределению удалось сделать для предметов охотничьего вооружения. Приведём данные по глубинам их залегания. Из 10 асимметричных наконечников с боковой выемкой глуби-

на залегания установлена для девяти. Они найдены на отметках -41, -71, -71, -80, -86, -90, -93, -98, и -106 см от условного нуля, то есть, «разброс» по вертикали составляет 65 см. Если исключить первый из них, можно заметить, что все остальные происходят из нижней трети напластований: с отметок от -71 до -106. Таким образом, мощность иеневского слоя в 35 см вполне компактна и особого удивления не вызывает. Из семи симметричных черешковых наконечников с вентральной ретушью глубина установлена для пяти, она равна -35, -39, -43, -50 и -60 см. Таким образом, их «разброс» по вертикали составляет всего 25 см, и все они залегают в средней трети слоя. Сравнение имеющихся данных показывает, что симметричные наконечники фактически не пересекаются по глубинам с асимметричными, причём первые перекрывают вторые. Более того, нельзя исключить наличия между ними стерильной прослойки мощностью не менее 11 см.

Единственная трапеция залегала на отметке -90 см, а распределение трёх из четырёх микролитов с притупленным краем было следующим: -55, -68 и -85 см. Если «связь» трапеции с иеневскими наконечниками вполне закономерна, то «тяготение» к ним и микролитов с притупленным краем не совсем понятно и требует полевой проверки. Учитывая, однако, что характер обработки этих микролитов иной, чем в так называемой бутовской культуре, для микролитов которой характерно крутое ретуширование, можно предположить,

что их совместное залегание с иеневскими наконечниками вполне оправдано. Следовательно, отсутствие в коллекции Шильцевой Заводи 5 «находок-маркёров» на фоне достаточно чёткого деления симметричных и асимметричных наконечников по глубинам залегания позволяет высказать предположение, что мы имеем дело не менее чем с двумя разновременными стоянками двух разных культур. Косвенным подтверждением этому служат и имеющиеся палинологические данные, по которым устанавливается перерыв в осадконакоплении между образцами из нижней части слоя с асимметрией, датированными концом ледниковья, и образцами из верха слоя, датированными пребореалом, с симметрией. Таким образом, источниковедческий анализ даёт основание высказать предположение, что материалы разных культур в Шильцевой Заводи 5 не смешаны друг с другом и рассмотрение их в качестве единой коллекции приведёт к их искусственному механическому смешению, то есть к возникновению эффекта бикультурного комплекса и источниковедческого парадокса.

Стоянка Исток 1 была исследована автором в 1983, 1984 и 1986 гг. (Сорокин, 1988, 1990) на площади 234 кв. м. Собственная окраска культурных слоёв, как и на других полесских памятниках, отсутствует. Стратиграфия отражает картину подзолистых почв лесного типа. Литологически выделяются четыре прослойки: 1) дёрн и поддёрновый слабо гумусированный серый песок мощностью до 30 см; 2) коричневый рыхлый песок

толщиной 20–60 см; 3) бело-рыжий или светло-жёлтый рыхлый песок до 50 см мощностью; 4) белёсый песок с ортзандами. В нижней части бело-рыжего песка поверх белёсого песка наблюдается горизонт черноватых пятен – погребённой почвы. Из-за почвенных процессов, хорошей промываемости и рыхлости отложений цветность прослоек неоднородна, кроме того слои различимо оподзолены, что также сказалось на их пестроцветной окраске, характерной для боровых террас. Все находки при раскопках фиксировались по глубинам залегания. При камеральной обработке для всего раскопа были составлены профили их распределения, подтвердившие присутствие двух уровней залегания находок, которые были разделены, но не повсеместно, стерильной прослойкой. Верхний культурный слой, средней мощностью до 0,28 м, связан с коричневым песком и верхом светло-жёлтого песка, нижний – идёт на глубине 0,8–1,0 м и залегает на контакте светло-жёлтого песка и погребённой почвы. Мощность стерильной прослойки различна и колеблется от 0,1 до 0,45 м, но имеется она не везде. В тех случаях, когда стерильной прослойки нет, её отсутствие можно объяснить перекопками, которые могли быть в древности, но вероятней всего они возникли за счёт фаунотурбации. Верхний культурный слой прослежен на всей площади раскопа и, судя по планиграфии находок, он распространяется за его пределы, нижний – выявлен лишь в центральной части в виде обособленного неправильной

формы пятна площадью около 80 кв. м, вытянутого по диагонали раскопа с СЗ на ЮВ. Пятно находок нижнего слоя было вскрыто полностью.

Для чистоты эксперимента при камеральной обработке материал верхнего слоя был разделён на два отдельных комплекса. В первый из них, названный Исток 1А, были отнесены находки из стратиграфически «чистых» квадратов, во второй, названный Исток 1Б, – из квадратов без стерильной прослойки, где находки верхнего и нижнего слоёв могли быть смешаны. Комплекс Истока 1А включает 2000 каменных изделий, из них 503 предмета с вторичной обработкой (25,1% комплекса), Истока 1Б – 1295 артефактов, в том числе 288 предметов с вторичной обработкой или 22,9% комплекса (Сорокин, 1990, с. 72–84). Нижний культурный слой представлен всего 445 каменными предметами, среди которых 128 орудий (28,8% комплекса) (Сорокин, 1988, с. 9–14). Таким образом, все три выборки статистически достоверны и число орудий на них достаточно для выводов. Коллекция нижнего слоя характеризуется отщеповой техникой первичной обработки, низкой пластинчатостью, средними и крупными размерами пластин. На пластинах изготовлено не более 28% всех орудий. Состав изделий представлен всеми категориями орудий, встречаемых на стоянках. Охотничье вооружение включает аренбургский асимметричный черешковый наконечник, обломок черешка асимметричного наконечника с боковой выемкой, перо, вероятно, аналогичного наконечника, у которого дополнитель-

но нанесен псевдомикрорезцовый скол и косолезвийный наконечник. Остриё косолезвийного наконечника также имеет псевдомикрорезцовый скол (Сорокин, 1988, рис. 2). В культурном отношении комплекс может быть отнесён к поздним памятникам аренбургской культуры или раннему этапу иеневской культуры, так как объединяет признаки обеих. Фрагментарность предметов охотничьего вооружения не даёт строгого основания для однозначного вывода об их культурной принадлежности. Возраст нижнего слоя стоянки Исток 1 определяется рубежом плейстоцена – голоцена.

Материал Истока 1А относится к так называемой бутовской культуре, его индустрия определяется как пластинчатая и микропластинчатая. На пластинах изготовлено около 58% орудий. Среди охотничьего вооружения присутствуют наконечники стрел с вентральной ретушью, микролиты с затупленным краем, косые острия, вкладыши из фрагментированных пластин. Обрабатываемые орудия представлены традиционными для культуры формами – концевыми, боковыми и двойными скребками, резцами на сломе заготовки, скобелями с мелкими выемками, теслами подтрапециевидной формы, ножами и т. д. Орудийный набор памятника – по аналогиям с Чёрной 1, Борисово 1 и др. – был датирован не позднее начала бореального времени. В комплексе, за единственным исключением, не содержится никаких инокультурных примесей. Исключение составляет срединный резец, в качестве заготовки для которого использован обломок

черешка асимметричного наконечника с боковой выемкой и псевдомикрорезцовым сколом, получившийся, вероятно, непреднамеренно в процессе ретуширования (Сорокин, 1990, рис. 15, 12).

Коллекция Истока 1Б в типологическом отношении практически идентична Истоку 1А (Сорокин, 1990, с. 79), но в ней имеются отдельные признаки, которые могут быть расценены как след незначительной «замусоренности» изделиями нижнего слоя. В частности, в Истоке 1Б немного ниже показатель пластинчатости (48%) чем в Истоке 1А, хотя он и не выходит из средних показателей так называемой бутовской культуры. Кроме того, в Истоке 1Б найден наконечник стрелы с вентральной ретушью, но асимметричным черешком (Сорокин, 1990, рис. 16, 16), который может быть расценен или как подражание форме асимметричного наконечника с боковой выемкой, или как неудачно выполненный экземпляр.

Типологический состав коллекций верхнего слоя (Истока 1А и 1Б), в котором представлены все категории охотничьего вооружения и обрабатывающих орудий, также, как и нижнего слоя стоянки Исток 1, является поселенческим, поэтому сравнение одинаковых по характеру, но разных по количеству выборок вполне корректно. Совершенно очевидно, что нижний слой памятника может расцениваться как «чистый» комплекс и его принадлежность к кругу культур с асимметричными наконечниками сомнения не вызывает. Состав изделий верхнего культурного слоя также

гомогенен, и «не выпадает» из общих представлений о так называемой бутовской культуре. Обе своеобразных находки, найденные в нём, не могут однозначно расцениваться как метисные формы. Резцовый скол на заготовке мог возникнуть при ударе (Нужный, 1992) или быть нанесён на случайно подобранный сломанный наконечник с боковой выемкой, а асимметрия наконечника с вентральной ретушью может объясняться браком или неумением изготовителя. Показатель пластинчатости также не является постоянной величиной, он варьирует даже в пределах разных комплексов одного памятника и, следовательно, не может однозначно интерпретироваться как доказательство заимствования или влияния. При этом в Исток 1 достоверно установлено (Сорокин, 1987, 1990, 1991), что артефакты в тех квадратах, в которых на профилях нет «слоистости», менее пластинчатые. Последний пример крайне важен для понимания механизма образования коллекций с «синкретическими признаками»: синкретизм появляется в тех случаях, когда стратиграфия и планиметрия не позволяют выделить различные культурные слои. Следует отметить и другое: при раскопках по условным горизонтам было бы нарушено пространственное распределение, и материал превратился бы в бикультурный. Таким образом, и Исток 1 не дал неопровержимых доказательств взаимодействия населения разных культур.

Типологический анализ обоих комплексов верхнего и нижнего слоёв Истока 1 позволяет сделать вывод об их разной

культурной принадлежности. Разница в составе изделий, их форме и показателях пластичности объясняется, помимо их разной культурной атрибуции, хронологией и, возможно, длительностью обитания на каждой из стоянок. Если нижний слой может быть интерпретирован как кратковременная стоянка, то верхний слой был образован в результате функционирования одной сезонной или нескольких сезонных стоянок. Если предположить, например, что нижний слой памятника – это продукт природной деструкции верхнего слоя, то абсолютно необъяснимы наблюдаемые типологические различия находок. Предположение о том, что нижний слой представляет собой остатки заглубленного жилища, впущенного из верхнего слоя, также не выдерживает критики не только в силу разного типологического состава комплексов, но и отсутствия столь больших по размерам жилищ так называемой бутовской культуры. Кроме того, участки, на которых между верхним и нижним слоями не было стерильной прослойки, составляют не более 1/3 площади нижнего слоя, поэтому они не могли быть продуктом разрушения верхнего слоя. Всё это позволяет утверждать, что материалы верхнего и нижнего слоёв отделяет довольно большой промежуток времени и присутствие стерильной прослойки между ними вполне закономерно. Характер вмещающих отложений не противоречит и тому факту, что на отдельных квадратах стерильная прослойка отсутствует. Следовательно, пространственная фиксация находок позволила

повысить надёжность материалов в качестве археологических источников и сделала выводы проверяемыми. Важно и другое обстоятельство: памятники полесий, залегающие в рыхлых песчаных отложениях, даже при отсутствии собственной окраски культурных слоёв могут быть стратифицированными. Подкрепление полевых наблюдений также основывается на трехмерной фиксации и пространственном анализе. А всё это, бесспорно, имеет важное методологическое значение. Конечно, отдельные случаи стратиграфии на песчаных памятниках лесной зоны отмечались исследователями и ранее. Например, на стоянке Рыдно 4 в Польше (*Schild, 1975, 1998*) или на Колупаевской стоянке в бассейне Сухоны (*Ошибкина, 1983, с. 13–25*) были выделены разные культурные слои, тем не менее, это не отрицает необходимости скрупулезной фиксации материала для повышения его источниковедческих возможностей и проверяемости выводов.

Проведённый источниковедческий анализ свидетельствует:

1) на двух памятниках – в Шильцевой Заводи 5 и Истоке 1 – так называемые бутовские и иеневские находки, несмотря на возможную частичную смешанность, залегают в разных культурных слоях и довольно надёжно разделены на отдельные комплексы. Их «бикультурность» может быть только источниковедческой, но никак не культурной. В Беливо 4А разнокультурные изделия лежат в одном слое и планиграфически на разные комплексы не разделяются, но отсутствие их сочетаемости

в микроскоплениях не позволяет рассматривать эти материалы как культурно единые и «метисные».

2) «Метисные» изделия отсутствуют в Шильцевой Заводи 5, а в Беливо 4А и Истоке 1 они единичны, причём сам факт их «метисности» спорен, и вполне может быть объясним иными, чем аккультурация, причинами.

3) Отсутствие в Беливо 4А признаков бикультурности на уровне микроскоплений при общем фоне «смазанности» распределения артефактов и невозможности, в силу этого, вычленения отдельных «чистых» скоплений обеих культур является, скорее всего, показателем натурации, то есть природного образования бикультурной коллекции.

4) Признаки бинарных технологий ни в одной из мешёрских коллекций, как, впрочем, и на других стоянках, не отмечены.

5) Большинство из рассмотренных памятников «смешанной традиции», кроме трех названных мешёрских памятников, вообще не пригодны для источникововедческого анализа.

Практическое отсутствие бинарных технологий, единичность и спорность метисных форм, несомненное присутствие на памятниках признаков фауно- и флоротурбации и высокая вероятность, в силу этого, механического смешения находок из-за случайного планиграфического совпадения разнокультурных и разновременных находок позволяют утверждать, что данных для вывода об образовании памятников «смешанной традиции» в результате

аккультурации недостаточно. Напротив, их генезис в результате натурации представляется всё более очевидным.

Можно вспомнить и некоторые другие данные, которые можно интерпретировать двояко: и как случаи заимствования, и как случаи конвергентного развития. Например, на стоянке Комягино 2Б, относящейся к песочноровской культуре, инокультурная примесь отсутствует, тем не менее, на черешке одного из косолезвийных наконечников имеется плоская ретушь. Поскольку черешок необычайно тост и, вероятно, возникла трудность с его прикреплением к древку, этот факт вряд ли имеет смысл объяснять заимствованием приёма плоского ретуширования извне. Тем более что и нанесена ретушь не на вентральной, а на дорсальной поверхности заготовки. На стоянке Петрушино 1, отнесённой к так называемой бутовской культуре, на полу заглублённого жилища 2 был найден косолезвийный наконечник, который по форме более характерен для иеневской культуры. Чёткое стратиграфическое положение предмета как будто бы исключает возможность его случайного попадания сюда. В то же время два косолезвийных наконечника из нарушенного верха культурного слоя рядом с жилищем могли попасть в комплекс и случайно. Является ли присутствие трех косолезвийных наконечников на памятнике свидетельством заимствования, или это пример конвергентного развития однозначно установлено быть не может. Точно также не может быть расценена только как факт заимствования

ния находка в Микулино трапеции абсолютно «иеневского облика». Не может уже хотя бы потому, что область распространения аналогичных трапеций значительно шире ареала иеневской культуры. Полагаю, что эти и другие единичные наблюдения не могут вообще являться надёжным свидетельством контакта именно в силу их исключительности, а не массовости. Кроме того, мало найти какой-либо предмет, который может расцениваться как факт аккультурации, надо чтобы и весь контекст находки свидетельствовал об этом, указывал на его источниковедческую надёжность.

В современных условиях стало очевидным, что на уровне сбора материала, то есть фактического создания археологического источника, его надёжность обеспечивается такой полевой методикой, которая позволяет выяснить структуру залегания артефактов, установить механизмы трансформации культурного слоя, степень «чистоты» извлекаемых материалов, а также достоверность и проверяемость выводов. Сколько можно судить по объективным данным, этим критериям в достаточной степени отвечает методика трехмерной (пространственной) фиксации. В качестве иллюстрации достаточно вспомнить, например, тот факт, что на стоянке Замостье 5 до 1996 г. раскопки велись зачистками в пределах литологических горизонтов, причём по периметру раскопа отсутствовали водоотводные канавки. Из-за этого находки нижнего VIII горизонта культурного слоя мощностью более

50 см, обладающие поликультурными признаками, извлекались из обвоженных отложений, стратиграфически не расчленяемых. После сооружения водоотводных канавок и осушения раскопа было установлено, что мощность горизонта VIII составляет всего около 15 см, причём в нём залегают изделия задне-пилевской культуры, а ниже его находятся ещё два слоя, один из которых (горизонт IX) дал находки рессетинской культуры. Находки в самом нижнем слое (горизонте X) представлены лишь фаунистическими остатками и невыразительными обломками костяных орудий, которые пока не достаточны для культурной атрибуции. Таким образом, применение более совершенной полевой методики дало положительные результаты для состояния самого источника и культурной принадлежности его слоёв.

Всё изложенное выше свидетельствует о том, что комплексы с би- и поликультурными признаками могут возникать не только в результате культурного взаимодействия населения (аккультурации), но чаще всего их образование является следствием естественных метаморфоз источников (натурации). Причём, даже оставив в стороне действие такого субъективного фактора, как методика раскопок, случаев независимого от человека генезиса поликультурных комплексов достаточно много. Для проверки модели «естественной метисации комплексов» необходимо, чтобы контрольный полигон отвечал ряду условий, среди них:

1) единый физико-географический регион;

2) его относительно большая площадь;

3) сравнительно хорошая изученность территории;

4) обязательное присутствие «чистых» комплексов разных культур одного порядка, например: стоянок, охотничьих лагерей, мастерских, могильников и др.;

5) оптимально для исследования, чтобы число культур, имеющих в пределах контрольного полигона, отвечало требованию $2 \leq X \leq 4$, то есть в идеале равнялось трём, так как в первом случае теоретически возможен лишь один метисный вариант, а во втором – задача становится весьма объёмной и трудно решаемой;

6) присутствие синхронных памятников, население которых потенциально могло вступать в контакт, и диахронных, между материалами которых исключительно немеханическое взаимодействие;

7) наличие природно-географических условий, не препятствующих естественному смешению слоёв и артефактов;

8) монографическая публикация материалов, так как только в этом случае может соблюдаться единый подход ко всей коллекции, что делает их сопоставимыми друг с другом.

В этом отношении памятники Мещёрской низменности, устья Камы, Марийского Поволжья и других территорий не подходят потому, что здесь чётко выделяются только два «чистых компонента». Материалы Жиздринского полесья, Волго-Окское бассейна, Полесья, Верхневолжской низменности

и т. д., напротив, – отличаются множественностью «чистых компонентов». Бассейн Северского Донца, Подесенье, Балахнинская низина и др. – слабой изученностью и недостаточной опубликованностью материалов. Представляется, что в наилучшей степени всем изложенным выше требованиям отвечает территория Литвы, памятники которой давно и прочно вошли в науку благодаря классической монографии Р. К. Римантене (*Римантене*, 1971). Названный регион не входит в главный пояс полесий Восточной Европы, но в геоморфологическом отношении – это абсолютно такая же зандровая низменность, как и полесья, поэтому использование территории Понеманья в качестве контрольного полигона с учётом других причин вполне уместно.

В палеолите региона Р. К. Римантене выделяет стоянки аренсбургской и свидерской культур, а также синкретические комплексы обеих этих культур, в раннем мезолите – маглемозской культуры и в конце мезолита здесь известны памятники микро-макролитической культуры или, иначе, неманской культуры, которые обладают чертами свидера, аренсбурга (т. н. «постсвидер») и маглемозе. В этой связи использование литовских материалов уместно ещё и потому, что в монографии специально анализируются коллекции с бикультурными признаками. Можно видеть, что кроме «чистых» комплексов трех культур – аренсбургской, свидерской и маглемозской – все остальные памятники поликультурные или «метисные». Заве-

домо понятно, что «метисация» в пределах одного хронологического диапазона, например, финального палеолита или мезолита – вещь вполне возможная. Однако палеолитические и мезолитические памятники не могут давать «культурную метисацию» и, если она есть, коллекции могут быть только механически смешаны. Одновременное присутствие ранних и поздних вещей в одном комплексе – это верный признак механической смешанности материалов. В самом деле, группы населения, разделённого значительным хронологическим промежутком, никогда не могли контактировать друг с другом непосредственно. На практике, однако, всё оказывается гораздо сложнее. Когда мы имеем дело с каменным материалом, многие изделия не имеют узких хронологических рамок бытования или эти узкие рамки пока просто не установлены, поэтому не всегда можно чётко выявить и разницу вещей во времени.

Практика свидетельствует, что артефакты, оставленные населением разных культур в разное время в одних и тех же местах, могут в силу естественных причин, например, дистурбации культурного слоя, или в результате применения несовершенной методики раскопок оказаться «поликультурными». Поставленная задача осложняется, тем, что у нас нет чётких критериев различения всех морфологических форм изделий ряда культур, причём речь касается как таких, которые имеют заведомо разные генетические корни, так и особенно таких, которые могут быть

звеньями цепочки «предок – потомок». Поскольку для разделения финальнопалеолитических и мезолитических культур наиболее показательны охотничье вооружение (Формозов, 1959, 1977), при дальнейшем анализе литовских материалов ограничимся именно им. После этих необходимых предварительных замечаний перейдём непосредственно к анализу данных.

Среди «чистых» аренбургских стоянок Р. К. Римантене называет 24 пункта, включая отдельные скопления на одном памятнике. По крайней мере, семь из этих коллекций (Глинас, Кашетос, Рудня, Грибаш, оз. Дуба, р. Грибаша и р. Ула) – это подъёмный материал, собранный на нескольких разных пунктах. Судя по приведённым в монографии данным, палеолитические «комплексы» здесь были вычленены типологически, то есть в источниковедческом отношении они весьма ненадёжны, и вряд ли их уместно использовать для анализа.

Среди «чистых» свидерских стоянок Р. К. Римантене упомянуты 26 пунктов, в том числе отдельные скопления на одном и том же памятнике. Из них не менее шести коллекций представлены подъёмным материалом, собранным на нескольких разных стоянках, что также в целях «чистоты» эксперимента заставляет исключить их из анализа.

К мадленским стоянкам со свидерским влиянием Р. К. Римантене относит восемь пунктов, по крайней мере, два из которых тоже представлены суммарными сборами, происходящими из нескольких разных пунктов.

К свидерским стоянкам с мадленским влиянием отнесено пять коллекций, одна из которых объединяет сборы из нескольких пунктов. Для «чистоты эксперимента» все эти суммарные сборы уместно также исключить. В результате из 17 «чистых» аренбургских комплексов иллюстрации, по которым можно судить об их составе, имеются для девяти, из 20 «чистых» свидерских – в иллюстрациях представлено 12 коллекций и из 10 «метисных» коллекций в рисунках присутствуют девять. Таким образом, в результате источниковедческой критики пригодными для анализа признано 30 финальнопалеолитических коллекций, что составляет вполне достоверную выборку. Из приведённых в монографии данных видно, что на некоторых свидерских стоянках, которые Р. К. Римантене считает «чистыми», имеются аренбургские наконечники – это Эйгуляй 1а (Римантене, 1971, с. 41), Эжяринас 1 (Римантене, 1971, с. 61), Пувочай 1а (Римантене, 1971, с. 56). Маглемозские формы присутствуют в коллекциях стоянок Пувочай 1в (Римантене, 1971, с. 57) и Эйгуляй 1d, (Римантене, 1971, с. 47), а аренбургские и маглемозские совместно встречены в пунктах Скаруляй (Римантене, 1971, с. 48), Пувочай 1b (Римантене, 1971, с. 57) и Пувочай 1d (Римантене, 1971, с. 58), что позволяет и их относить к «памятникам смешанной традиции».

Из девяти стоянок, которые Р. К. Римантене относит к «метисным», пять – Кашетос 16 (Римантене, 1971, с. 74), Шиллялис 2 (Римантене, 1971, с. 75), Эжяри-

нас 8 (Римантене, 1971, с. 78), Эжяринас 17 (Римантене, 1971, с. 80) и Няндриной (Римантене, 1971, с. 81) – дают бикультурные сочетания, а в коллекции Мяргажарис 3 (Римантене, 1971, с. 77) присутствуют три компонента – аренбургский, свидерский и маглемозский. Следовательно, фактическое соотношение чистых и метисных коллекций представляется несколько иным, причём оно почти равное: на 16 «чистых» аренбургских и свидерских коллекций приходится 14 «метисных». Обращает внимание тот факт, что инокультурные признаки в первую очередь характерны для свидерских стоянок, которые – по данным Р. К. Римантене – во время раскопок представляли собой довольно значительные по площади и по количеству находок скопления. Следует также указать, что присутствует не только 10 коллекций с бикультурными признаками, но и четыре – с поликультурными признаками. И ещё один факт необходимо отметить: на все 14 вышеупомянутых коллекций имеется всего одно «метисное» изделие – это асимметричный аренбургский наконечник, у которого плоской ретушью подработан черешок (Римантене, 1971, с. 80). Если все три культуры – аренбургская, свидерская и маглемозе – синхронны, в чём есть известные сомнения, то «метисация» имела место уже в конце плейстоцена или начале голоцена, то есть раньше, чем предполагала Р. К. Римантене. Более молодой возраст культуры маглемозе и практическое отсутствие «находок-маркёров» позволяют рассматривать

как более реальный факт появления «метисных комплексов» не в результате «слияния разных традиций» и контакта древнего населения (аккультурации), а как результат механического смешения материалов (натурации), то есть как итог природных дистурбаций и источниковедческого парадокса.

В главе «Судьбы позднепалеолитических культур в послеледниковом периоде» Р. К. Римантене упоминает 14 памятников, из которых иллюстрации имеются лишь для семи. Насколько можно судить по имеющимся рисункам, три стоянки являются монокультурными – это Якштонис (*Римантене, 1971, с. 107*) и Салянинкай 2 и 3 (*Римантене, 1971, с. 110*). Стоянка Самантонис (*Римантене, 1971, с. 111*) имеет бикультурные признаки и ещё три памятника – Памяркине (*Римантене, 1971, с. 100*), Дубичяй 2 (*Римантене, 1971, с. 105*) и Драсейкайя (*Римантене, 1971, с. 108*) дают поликультурные сочетания. Фактически, все те закономерности в характере коллекций, которые были прослежены на финальнопалеолитических материалах, повторяются и здесь. Причём как и там, в качестве метисной формы и для всех этих памятников может быть назван всего один предмет, найденный на стоянке Самантонис, – это асимметричный аренсбургский наконечник, черешок которого обработан плоской свидерской ретушью (*Римантене, 1971, с. 111*). Впрочем, такие изделия в польских изданиях фигурируют в качестве обычных свидерских наконечников (*Szymosak, 1987*). Следовательно, вывод о «всеобщей метисации» ма-

териалов и этого периода находится под вопросом.

«Чистых» маглемозских стоянок в Литве к 1971 г. – по данным Р. К. Римантене – было известно всего две – это Максимонис 4 и Гиряжарис (*Римантене, 1971, с. 118–122*), но рисунки и описание Гиряжариса отсутствуют, что не позволяет использовать их в работе. Стоянку Максимонис 4 Л. В. Кольцов (*Кольцов, 1977*) относит к яниславицкой культуре, то есть косвенно омолаживает её. Для нас в данном случае достаточно принадлежность стоянки Максимонис 4 к маглемозскому кругу, а не её конкретная культурная атрибуция. Однако если она действительно относится к яниславицкой культуре, – это не только существенно омолаживает возраст самого памятника, но и чётко определяет хронологический разрыв между этой позднемезолитической культурой и культурами финального палеолита, делая невозможным реальный контакт их населения. Следует отметить и сам факт «чистоты» стоянки Максимонис 4, который до известной степени противоречит тому, что метисация – по утверждению Р. К. Римантене – началась ещё в финальном палеолите. Вероятно, наличие этого комплекса подтверждает вывод о механической природе метисации названных выше финальнопалеолитических памятников.

Дальнейший анализ данных позволяет говорить о том, что и в мезолите Литвы выделяется целый пласт «метисных» комплексов, обладающих как бикультурными, так и поликультурными признаками. Стоянки Глинас (*Римантене,*

1971, с. 102) и Драсейкяй (*Римантене*, 1971, с. 108) имеют признаки аренсбургской и свидерской культур, Бруже (*Римантене*, 1971, с. 131) – аренсбургской и маглемозе, Паштува (*Римантене*, 1971, с. 129), Салянинкай 1 (*Римантене*, 1971, с. 152) и Салянинкай 2а (*Римантене*, 1971, с. 152) – «постсвидера» и маглемозе, Дерожниччи 15 (*Римантене*, 1971, с. 132) характеризуется постаренсбургскими и маглемозскими признаками, Памяркине (*Римантене*, 1971, с. 100) и Дубичай 2 (*Римантене*, 1971, с. 105) – охотничьим вооружением аренсбургской, свидерской и маглемозской культур, Канюкай (*Римантене*, 1971, с. 137), Нятесай 1 (*Римантене*, 1971, с. 140), Мяркине (*Римантене*, 1971, с. 144), Друскининкай 8 (*Римантене*, 1971, с. 146), Лампеджай (*Римантене*, 1971, с. 149) и Кампишкес (*Римантене*, 1971, с. 151) – чертами постсвидера, постаренсбурга и маглемозе. Как мы помним, присутствие трёх разных компонентов даёт четыре распознаваемых «метисных» и 18 не распознаваемых варианта признаков. Легко заметить, что в приведённом выше списке в Литве имеются все без исключения основные метисные типы, причём присутствуют и такие комплексы, где представлены хронологически разные изделия, например, Памяркине, Дубичай 2, Драсейкяй и др. Чётко видно также, что «метисных» памятников не только больше, чем «чистых», но и среди «метисных» комплексов более всего таких, где встречены признаки трех компонентов. Следовательно, всё это говорит об их генезисе в результате натурации.

Характерно, что более всего подвержены метисации свидерские – постсвидерские и маглемозские стоянки, располагавшиеся на второй и третьей террасах р. Неман и озёр, тогда как первая терраса, ещё не обсохшая в конце палеолита, напротив, чаще даёт «чистые» комплексы. В этой связи знаменательно, что отмечен лишь единственный случай, когда встречен комплекс с бикультурными аренсбургско – маглемозскими признаками (Бруже). Из топографии видно, что мелкие мадленские стоянки удалены от воды и в мезолите, вероятно, эти места уже не представляли особого интереса и не были часто посещаемыми. Таким образом, сочетания явных финальнопалеолитических и позднемезолитических материалов в ряде коллекций неманской культуры является показателем механической смешанности последних, но никак не признаком их культурной специфики. Поиск причин наблюдаемого явления приводит к выводу о том, что «метисация» наблюдается, прежде всего, тогда, когда, помимо приуроченности стоянки к удобным формам рельефа, присутствует сравнительно большая площадь скопления. Если сюда добавить ещё и практическое отсутствие (за исключением двух, да и тех спорных предметов) для всей совокупности «метисных» свидерско – аренсбургско – маглемозских коллекций «находок-маркёров» и «метисных» технологий, вывод напрашивается сам собой: утверждение о взаимосвязи аренсбургского, свидерского и маглемозского населения не подтверждается

наблюдениями. Подобное предположение гораздо более гипотетично, чем представлялось автору монографии, а сам вопрос взаимодействия групп разнокультурного населения нуждается в дальнейшем обосновании.

В силу всего вышеизложенного полагаю, что наблюдаемое – по Р. К. Римантене – в неманской культуре «взаимодействие яниславицких и финально-палеолитических элементов» является, скорее всего, свидетельством источниковедческой ненадёжности этих коллекций, а никак не результатом контактов и слияния, оставившего их населения. Более того, подобный симбиоз не может считаться их культурной спецификой. Следовательно, проведённый анализ подтверждает большую вероятность механического, а не культурного смешения материалов.

Поликультурность мезолита Литвы – явление, по-видимому, источниковедческое, а не реально существовавшее в древности, и вывод Р. К. Римантене о том, «Литва и западная часть Белоруссии составляли единую контактную зону» (Римантене, 1971, с. 118) преждевременен. Значит ли это, что я полностью отрицаю возможность контактов древнего населения Литвы? Конечно, нет. Такая возможность для населения свидерской и аренбургской культур, как, впрочем, и для мезолитического населения, не исключена, но основанием для выводов об их контактах должен быть строгий источниковедческий анализ, серии дат и массовое присутствие «метисных» форм изделий и бинарных технологий.

Только в этом случае культурная схема любого региона превратится из гадания и правила «сложения культур» (Кольцов, 1979) в реальную и доказанную на фактах этнокультурную картину.

Всё изложенное выше позволяет прийти к выводу о том, что «генезис поликультурных комплексов» Литвы и ряда других территорий Восточной Европы, вероятней всего, имеет естественную природу. В его основе лежит механическое смешение материалов, залегающих в рыхлых песчаных отложениях. Основными силами, приводящими механизм натурации в действие, служат почвенные процессы и дистурбация, вызывающие разрушение культурных слоёв. Было бы неверно утверждать, что не было непосредственного взаимодействия групп первобытного населения друг с другом. Оно, конечно же, могло быть, но, чтобы установить этот факт, нужна не просто констатация присутствия находок разных культур на одном памятнике (Кольцов, 1998), а непременно должны быть приведены веские доказательства их неслучайного совпадения. Уместно напомнить, что в заполнении фатьяновского погребения на стоянке Рессета 3 оказались вместе находки мезолита, неолита и бронзы. Все они попали туда не случайно, а в момент погребения, но этот факт не означает, что вещи трёх названных эпох реально синхронны.

Проявление «механизма поликультурности» в результате натурации характерно не только для памятников полейсий и других заандровых низменностей,

но здесь оно имеет всеобщий характер и сказывается наиболее существенно. В качестве примера действия феномена «поликультурности» в других геоморфологических районах можно привести широко известное «мезолитическое поселение Мирное» (по терминологии В. Н. Станко). По обстоятельствам, которые будут изложены ниже, полагаю, что этот памятник представляет собой остатки нескольких отдельных разнокультурных сезонных стоянок, поэтому по отношению к Мирному более уместным является термин стоянка, а не поселение.

Стоянка Мирное расположена в Одесской области в пределах Преддубрудженского прогиба Причерноморской низменности. Памятник не входит в зону полесий Восточной Европы, но по своему генезису эта территория является им прямым аналогом. Мирное для нас представляет особый интерес в силу своей хорошей исследованности, геоморфологической и планиграфической изученности, а также монографической публикации данных (Станко, 1982). Стоянка вызывает несомненный методологический интерес и имеет первостепенное значение для изучаемых нами вопросов источниковедения и процессов деструкции культурных слоёв.

Стратиграфия памятника (Станко, 1982, с. 8) достаточно выразительна и включает:

1) суглинистый слой – современная почва с находками энеолитического времени;

2) суглинок пылеватый, торфяниковый, комковатый, тёмный, при высыхании – светло-серый, рассыпчатый;

3) суглинок светло-коричневый (пластичный, среднеструктурный, в нижнем отделе более опесчаненный, с включением белоглазки, по П. М. Долуханову – это погребённая суглинистая почва);

4) суглинок опесчаненный желтоватого цвета, при высыхании очень плотный – культурный слой с изделиями мезолитического времени;

5) суглинок светло-коричневый (тяжёлый, плотный, пластичный, с плотными карбонатными включениями до 1,2 см в поперечнике, с редкими желтовато-охристыми пятнами ожелезнения).

По данным В. Н. Станко (Станко, 1982, с. 8), образование светло-жёлтого (здесь явная ошибка: светло-коричневого – А. С.) суглинка произошло в позднем плейстоцене, а образование опесчаненного суглинка – культурного слоя, видимо, в раннем голоцене. С последующими почвенно-делювиальными процессами ранне- и начала среднеголоценового времени следует связывать накопление светло-коричневых суглинков (погребённой почвы), перекрывающих культурный слой и содержащих (курсив мой – А. С.) довольно значительное количество кремнёвых изделий (Станко, 1982, с. 8). Эта оговорка автора монографии весьма симптоматична: несмотря на все последующие утверждения В. Н. Станко о целостности слоя, его непереотложенности, «чистоте» и т. д., она однозначно свидетельствует о факте разрушения культурного слоя памятника

и имевшемся (причём неосознанно зафиксированном) перемещении находок. Другой вопрос, в какой степени всё это имело место? Конечно, не в такой, как на других памятниках Северного Причерноморья, где культурный слой вообще не сохранился, но, без сомнения, в значительной, о чём и говорит приведённая выше фраза.

Фаунистические остатки – по утверждению В. Н. Станко – в этом слое были более редки чем в нижележащем слое (Станко, 1982, с. 8), но нам важен сам факт, что они тоже здесь были, ведь их *возможную немногочисленность* (курсив мой – А. С.) легко объяснить аэрацией рыхлых отложений и отсутствием здесь консервирующих костей карбонатных включений. Само же указание на *довольно значительное количество кремнёвых изделий*, а сколько их – будет ясно немного ниже, как, впрочем, и на присутствие костных остатков крайне важно, так как, несмотря на все уверения В. Н. Станко в обратном, эта информация прямо указывает на факт разрушения культурного слоя и переотложенность части находок.

Аналогичное разрушение культурного слоя почвенно-делювиальными процессами – по свидетельству В. Н. Станко – наблюдается на всех без исключения известных в настоящее время мезолитических памятниках степей Северного Причерноморья, но в Мирном, как считает автор монографии, сохранилась его структура (Станко, 1982, с. 8). С этим утверждением можно согласиться лишь частично, только в той

мере, что в отличие от других стоянок структура этого памятника не была уничтожена полностью.

Процесс формирования погребённой почвы (по свидетельству П. М. Долуханова) был прерван накоплением пылеватых торфянистых суглинков, отложившихся в результате вторичного обводнения долины р. Дракули в период новочерноморской трансгрессии (около 6 тыс. л. н.) (Станко, 1982, с. 8). Приведённая датировка – по мнению В. Н. Станко – подтверждается находками энеолитического времени, глубины которых чётко маркируются пылеватым торфяниковым горизонтом (Станко, 1982, с. 8). В результате вторичного обводнения долины р. Дракули разрушение культурного слоя было остановлено почвенно-делювиальными процессами из-за чего – по мнению В. Н. Станко (Станко, 1982, с. 9) – произошла его консервация. С этим утверждением автора тоже вряд ли можно согласиться, так как в этом же абзаце он продолжает: *«Малочисленность находок мезолитического времени в верхних горизонтах, вернее всего, следует объяснять разрушением культурного слоя землеройными животными, кротовины которых здесь достаточно многочисленны»* (здесь и далее курсив мой – А. С.). Если же учесть замечание В. Н. Станко о том, что *«в период новочерноморской трансгрессии территория поселения была затоплена водами Черного моря, что привело к консервации культурного слоя»* (Станко, 1982, с. 13), станет ясной вся ошибочность его утверждений и о консервации мезолитического слоя,

и об его «чистоте», и о несмешанности. Совершенно очевидно, что, если бы мезолитический слой был «законсервирован отложениями новочерноморской трансгрессии» никакие мезолитические находки в верхних горизонтах бы не встречались! А раз они там имеются – о чём говорит факт их присутствия – процесс дистурбации мезолитического культурного слоя (вернее, слоёв) шёл и в это время. Нет сомнения и в другом, что, когда пылеватые торфянистые суглинки частично «законсервировали» мезолитические слои, находки в них уже были перемешаны и подобная «консервация» ничего уже по сути не могла изменить. Не вдаваясь в детали о последствиях затопления памятника, которые по-своему также не могли не сказаться на состоянии культурного слоя и артефактов, следует подчеркнуть очевидный из описания факт, что попадание мезолитических находок в верхние горизонты слоя происходило и весьма активно как до, так и после момента затопления памятника. А происходило всё это в результате деятельности землеройных животных. Не исключено, что были и другие факторы, но данный устанавливается по тексту документально. Таким образом, не вызывает сомнения, что деятельность землеройных животных в почвенном слое – светло-коричневом суглинке, – лежащем непосредственно на мезолитическом слое, и затронутым процессом почвообразования, привела (а не привести в условиях почвообразования она просто не могла!) не только к «выносу» мезолитических находок

в перекрывающие слои, но и к их перемешиванию между собой внутри самого слоя. Причём этот процесс шёл, судя по всему, весьма длительное время. Первоначально он начался ещё в мезолите, а затем шёл в неолите и был прерван новочерноморской трансгрессией, но возобновился с началом процесса почвообразования в энеолите. Вероятно, это произошло в IV тыс. до н. э. В противном случае мезолитических находок выше культурного слоя – горизонта опесчаненного желтоватого цвета суглинка – никогда бы не было, но они есть и, как невольно свидетельствует сам автор, в значительном количестве. Предположить, что происходил вынос находок из слоя без перемешивания части из них в пределах самого слоя, явно абсурдно. Чтобы это утверждение не прозвучало голословным, уместно теперь привести данные В. Н. Станко о том, что в верхних слоях, раскапывавшихся лопатой и «легко (здесь и далее курсив мой – А. С.) удалявшихся без предварительного вскапывания» (Станко, 1982, с. 14) «было найдено 4175 каменных изделий» (Станко, 1982, с. 66). При том условии, что сам мезолитический слой дал 20 593 каменных предмета, хотя раскапывался в отличие от вышележащих горизонтов ножами и совками (Станко, 1982, с. 14), соотношение цифр более чем впечатляющее: свыше 1/5 всех находок оказалась вне пределов мезолитического слоя. Фактическое же соотношение, учитывая разницу методик раскопок слоёв, должно быть ещё более шокирующим, так как потери при

раскопках лопатой даже горизонтальными зачистками составляют до 80% артефактов, что же тогда говорить о потерях при раскопках на косою штык. Кроме того, на фото 3 (*Станко, 1982*), где изображены очажные пятна из раскопа 1 1974 г., очень хорошо видно не только сами ходы землеройных животных в культурном слое и вокруг очагов, но и то, что периметр пятен в процессе раскопок остался «не добран». Это позволяет сделать однозначный вывод: мезолитический культурный слой стоянки Мирное был смешан и переотложен по вертикали и горизонтали, то есть как вне мезолитического слоя, так и внутри него. Причём принципиального значения факт (? – А. С.) отсутствия энеолитической керамики в мезолитическом слое в данном случае не имеет: находки чаще вместе с землей выносятся вверх, чем вниз. Гораздо важнее здесь другое: абсолютно достоверно по тексту устанавливается вынос из слоя и смешение внутри него мезолитических материалов, относящихся к двум разным мезолитическим культурам – кукрекской и гребениковской. Таким образом, вопреки мнению В. Н. Станко о «чистоте» мезолитического слоя (*Станко, 1982, с. 66*), нельзя признать правомочным его утверждение о неперемешанности напластований и заключённых в них артефактов. Это же подтверждают и сведения об окатанности каменных изделий памятника (*Станко, 1982, с. 15, 16*), значительной фрагментарности костяных изделий и остеологических материалов (*Станко, 1982, с. 50–55, 74–78,*

124). По имеющимся данным, в Мирном было собрано 38484 кости животных, из которых удалось определить лишь 25%. Основная масса костей была сильно фрагментирована (*Станко, 1982, с. 124*), что также со всей очевидностью свидетельствует о существенном разрушении культурного слоя.

Вывод о смешении на стоянке Мирное материалов кукрекской и гребениковской культур подтверждает и приведённый в монографии планиграфический анализ инвентаря. Этой теме В. Н. Станко уделено значительное внимание и нет нужды пересказывать содержание книги, тем не менее, отдельные факты достойны того, чтобы их процитировать. «В Мирном общее распределение сколов носит «смазанный» характер. Чёткие скопления кремня выделить по всей площади раскопа довольно трудно. Большинство скоплений, прослеживающихся в плане, очертить можно только условно, так как они в основном связаны между собой участками с меньшей концентрацией кремня» (*Станко, 1982, с. 62*). Полагаю, нет ни малейшего сомнения, что это состояние «смазанности скоплений» является непосредственным результатом неоднократного заселения места и известной механической смешанностью артефактов, а не особенностью «структуры поселения» (по терминологии В. Н. Станко). Крайне интересно также замечание В. Н. Станко о том, что «плотность кремневых находок заметно выше по периферии поселения. В центральной части поселения чёткие скопления кремня отсутствуют»

(Станко, 1982, с. 62). Судя по всему, подобное утверждение относится не столько к планиграфии памятника, сколько к его вскрытой части – раскопу, и может свидетельствовать, судя по топографическому плану стоянки (Станко, 1982, рис. 1), о нескрытых скоплениях, лишь частично затронутых раскопом, и о значительном эрозионном уничтожении площади памятника. Нельзя исключить, что причиной размыва периметра стоянки была та самая новочерноморская трансгрессия, о которой упоминается в монографии (Станко, 1982, с. 13), и, следовательно, наблюдаемая планиграфия служит результатом этого катаклизма.

Исследователем в раскопе выделено четыре «чистых» обособленных скопления каменных изделий с повышенной концентрацией каменных изделий и 14 – со слитными «смазанными» (по терминологии В. Н. Станко, с. 66) микроструктурами. Они занимают 38% всей раскопанной площади и в них собрано 92,3% всех каменных находок памятника (Станко, 1982, с. 66). К «чистым» отнесены скопления № 1, 2, 12 и 13, все прочие – относятся к «смазанным». Скопление № 1 дало исключительно материалы кукурекской культуры, скопления № 2, 12 и 13 – материалы гребениковской культуры. Все участки со «смазанными скоплениями» носят смешанный гребениковско – кукурекский характер, причём в каждом из них преобладают находки то одной, то другой из культур (Станко, 1982, с. 66). В. Н. Станко считает присутствие трех названных видов

скоплений доказательством «надёжности планиграфической структуры поселения и признаком чёткого обособления разных общин (? – А. С.) по территории поселения», а факт совместного залегания разнокультурного инвентаря – свидетельством «локализации разноэтнических семей, местом их совместного проживания» (Станко, 1982, с. 66, 71, 73, 117–131). С таким предположением В. Н. Станко можно было бы согласиться, если бы, например, кроме собственно скоплений с изделиями двух культур были вещи, общие для обеих культур или иными словами «вещи-маркёры», но именно их-то на памятнике как раз и нет. Как ни парадоксально прозвучит, но ни одно скопление в Мирном, как и памятник в целом, не дали ни одного предмета, имеющего бикультурные признаки. Если бы хоть одна такая находка была, В. Н. Станко при его скрупулезности не мог бы пройти мимо такого факта. Анализ имеющихся в монографии рисунков подтверждает, что их действительно нет. Нет и гибридных технологий. Следовательно, нельзя признать случай совместного нахождения в Мирном разнокультурных вещей за факт контакта населения, их оставившего. Особенно, если это относится к памятнику, на котором исследователями отмечены явные и чёткие признаки нарушения слоя в результате фаунотурбации. Более того, в тексте монографии ясно написано: «Чрезвычайно интересные и в какой-то мере неожиданные результаты были получены при морфологическом анализе каменного

инвентаря отдельных скоплений и их групп. Выяснилось, что кремнёвый инвентарь неоднороден и чётко делится на две группы, причём, как по технике первичной обработки камня, так и по набору изделий с вторичной обработкой. *Обе технологических традиции изготовления каменного инвентаря (здесь и далее курсив мой – А. С.) прослежены как в изолированных скоплениях, так и в „смазанных“ зонах. Кукрекские изделия встречаются только с «кукрекским набором», гребениковские – с «гребениковским набором» (Станко, 1982, с. 78, 79). Комментарии, как говорится, излишни. И стоит ли дополнительно обсуждать фразу В. Н. Станко о том, что «в микроскоплениях трапеции... всегда встречаются в комплексах с плоскими нуклеусами и косыми остриями..., вкладыши кукрекского типа чаще всего находят в микроскоплениях с карандашевидными нуклеусами, микроостриями и пластинками с притупленным краем, а геометрические микролиты никогда в микроскоплениях не встречаются с пластинками с подтеской, хотя изредка встречаются в одном квадрате» (Станко, 1982, с. 69).*

Эти примеры можно множить и далее, но думаю уже сказанного вполне достаточно, чтобы понять, что гребениковские и кукрекские комплексы не «испытывали – по образному стилистическому выражению В. Н. Станко – взаимовлияния» (Станко, 1982, с. 71), а оказались механически смешаны в результате педотурбации, основная роль в которой на памятнике принадлежит фаунотурбации. Именно фаунотурбация привела

почти к полному (исключая четыре микроскопления) смешению материалов кукрекской и гребениковской культур, к «смазыванию» скоплений и фактически – к образованию 14 бикультурных «комплексов». Можно предположить, что случайная «чистота» четырех скоплений (№ 1, 2, 12 и 13) объясняется всего лишь их планиграфическим несовпадением друг с другом. Эти скопления артефактов двух разных культур находились в непосредственной близости друг от друга, но не накладывались одно на другое и в итоге остались «чистыми».

Таким образом, всё изложенные факты заставляют считать, что в Мирном имело место элементарное механическое смешение разнокультурных, и, вероятно, разновозрастных мезолитических материалов. Оно произошло в результате случайного планиграфического совпадения части скоплений друг с другом, когда из-за почвенных процессов, переработки окраски слоя и его деструкции, активного растаскивания землеройными животными произошло механическое смешение разных слоёв и находок, детально зафиксированное и описанное, но так и не понятое автором полевых работ. Следовательно, Мирное можно интерпретировать исключительно как остатки нескольких разновременных сезонных стоянок двух разных групп населения. Группы кукрекского и гребениковского населения в разное время посещали одно и то же удобное место в устье р. Дракули, не пересекаясь друг с другом и непосредственно не взаимодействуя между собой. Коллекция

с бикультурными признаками образовалась в результате натурации.

Подтверждением правоты моего вывода о механическом смешении разнокультурных пятен в Мирном служит и ремарка самого В. Н. Станко о том, что «тип поселения в Мирном не имеет близких аналогий ни среди памятников гребениковской культуры, ни кукрекского типа» (Станко, 1982, с. 80). Вероятно, немногочисленность населения обеих культур, их подвижный быт, реконструируемый по фаунистическим данным, и недостаточная изученность обеих культур позволили создать «эффект наложения разнокультурных стоянок» только в одном, исследованном к 1982 г., месте – стоянке Мирное. Ибо Мирное, в отличие от других известных в степях Северного Причерноморья стоянок, занимает географически наиболее выгодное положение в устье р. Дракули. Следовательно, реконструкцию В. Н. Станко экономического и социального устройства в мезолите степей Северного Причерноморья нельзя признать достоверной. Однако если подобные метаморфозы с культурным слоем происходят тогда, когда заполнителем служит суглинок, всё сказанное заставляет с особой осторожностью относиться к памятникам, культурные слои которых залегают в рыхлых песчаных отложениях.

Таким образом, характер отложений, в которых залегают слои мезолитических памятников Восточной Европы и полесских стоянок, в частности, непосредственным образом сказывается на состоянии источника. Под воздействием разного

рода педотурбаций может происходить видоизменение или разрушение культурных слоёв и пространственное перемещение находок в них. В ряде случаев это приводит к механическому возникновению объектов с би- и/или поликультурными признаками. «Естественный генезис поликультурных комплексов» под воздействием педотурбаций происходит как в полесьях, так и вне их. Не вызывает сомнения, что приуроченность памятников к полесьям, где основу культурных слоёв составляют песчаные и супесчаные отложения, а также в регионах – генетических аналогах полесий, находит непосредственное выражение в тех метаморфозах, которые происходят с финальнопалеолитическими и мезолитическими источниками. Они проявляются в следующем:

1) Присутствие песчаных отложений не способствует, как правило, сохранности органики.

2) Собственная окраска культурного слоя памятника, как правило, присутствует лишь частично (в виде отдельных гумусных или кострищных пятен, ям или западин и т. д.), а чаще – отсутствует вообще, так как замещена почвенными профилями. Археологическое состояние специфики мезолитического культурного слоя определяется понятием «горизонт залегания находок». Для зандровых памятников чаще всего характерна «рыхлая» структура распределения находок, то есть их известная рассредоточенность по вертикали.

3) Артефакты находятся в заполнителе как бы во взвешенном состоянии.

Опыт свидетельствует, что пространственная структура горизонтов залегающих находок на мезолитических стоянках может как сохраняться в первоначальном виде, так и быть полностью измененной (уничтоженной).

4) На мезолитических стоянках нет полной консервации культурных слоёв даже в случае их быстрого первоначального погребения.

5) Легкая проницаемость напластований, перемешанность отложений и возможность для смешения заключенных в них археологических материалов.

6) Непосредственным следствием природной деструкции культурных слоёв и переотложения находок является эффект метисации инвентаря, неизбежным следствием которого служит поликультурность ряда исследуемых памятников. Этот процесс обозначен термином натурация. «Естественная поликультурность» и генезис поликультурных комплексов за счёт естественных (природных) процессов (феномен натурации) служат главной спецификой мезолитических памятников полесий Восточной Европы. Это одна из главных специфических особенностей источников названных территорий. Феномен натурации, внешне сходный по результатам с процессом аккультурации, но диаметрально противоположный по своей сути, служит главной причиной культурного многообразия, наблюдаемого в полесьях Восточной Европы и геоморфологически сходных с ними территориями.

7) Поликультурность является не только существеннейшей чертой полесий,

но её присутствие, несомненно, устанавливается и во всех других ландшафтных равнинах. Естественный генезис поликультурности ряда мезолитических памятников является атрибутом всех ландшафтных низменностей Восточной Европы и эту особенность надо реально учитывать при реконструкции этнокультурных процессов в древности.

8) Вопрос о культурных контактах населения и возникновение синкретических комплексов в результате непосредственного взаимодействия населения или, собственно, аккультурации не подкрепляется, как правило, присутствием «метисных» форм изделий или технологий и нуждается в дальнейшем изучении.

Следовательно, проведённое исследование позволяет прийти к выводу о том, что географическая приуроченность памятников к полесьям с их рыхлыми грунтами непосредственно сказывается на специфике того источника, который мы исследуем. Географическая приуроченность к полесьям может реально приводить к естественному возникновению поликультурных комплексов. Все это объективная сторона источника по мезолиту Восточной Европы.

Анализ материалов также показывает, что на характер источника и его возможный «синкретизм» существенно влияет ещё и такой субъективный момент, как полевая методика раскопок. Применение ряда традиционных и широко распространенных полевых методик таких, как раскопки по штыкам, условным горизонтам или литологическим слоям, неизбежно приводит

к искусственному разрушению пространственного распределения материала и репродуцированию коллекций с би- и поликультурными признаками. Для различения признаков аккультурации и натурации, то есть установления реального характера поликультурности, необходимо непременно использовать пространственное распределение материалов, аппликативный метод (ремонтаж), оценку геоморфологической приуроченности памятников и генезиса их слоёв, состав и механизм разрушения слоёв и изменений в пространственной структуре памятника. Помимо этого необходимо производить корреляцию и сравнение памятников разных регионов друг с другом, применение статистических методов обработки массовых материалов и непременную источниковедческую критику. Следовательно, только всесторонний учет специфики памятников с доказательством их источниковедческой надёжности могут служить основой для этнокультурных построений в археологии.

Источник культур или «культура» источника?

Источниковедческая критика, как мы убедились, необходима не только для того, чтобы оценить реальные возможности конкретных археологических памятников и понять, что они способны дать для реконструкции древности, а что от них требовать бессмысленно, но и для того, чтобы они становились надёжными источниками. К сожалению, нормой является такая ситуация, когда лю-

бая коллекция с поликультурными признаками вместо того, чтобы быть объектом предметной критики, воспринимается как нечто объективное, непререкаемое, стоящее вне критики. Такой подход неизбежно приводит к тому, что подобные материалы становятся «источником культурного многообразия, все новых типов памятников и источником культур». Дело даже не в том, что по одному погребению была, например, выделена яниславицкая культура, по одному курганному могильнику были выделены ямная, катакомбная и срубная культуры. Это примеры как раз сравнительно благополучные и удачные, в отличие от так называемых елиноборской или бутовской культур. Однако сплошь и рядом в науке эта тенденция принимает лавинообразный характер. В результате недоверенные комплексы становятся постоянным источником новых культурных типов и археологических культур, причём «выделяются» они вне зависимости от числа памятников и количества морфологических изделий в каждом из них лишь по принципу «непохожести» на какие-либо другие известные типы памятников или, напротив, по принципу повторяемости коллекций. Достаточно взглянуть в работы наших украинских коллег, чтобы убедиться в многочисленности, пестроте, дробности и мозаичности выделенных там типов памятников и мезолитических культур (Археология УССР, 1985; Археология СССР: Мезолит СССР, 1989). Вопрос же об их источниковедческой надёжности даже не возникает. Тем не менее, большая часть выделен-

ных культурных типов явно представлена коллекциями, которые отличаются своей источниковедческой ненадёжностью. Достаточно, в этой связи, вспомнить памятники типа Нобель, Петровского оз., Студенок, Вырчище и т. д. Смешанные естественным образом материалы, раскопанные в нескольких пунктах, создают видимость массовости и реально существовавших культур, тогда как за этими данными ничего, кроме неправильно истолкованного исследователем смешанного материала не стоит. Парадокс источника, наблюдаемый повсеместно, должен быть чётко определен и обозначен, иначе без этого лавина всё новых культурных типов так и будет захлестывать печатные страницы. Это уже наблюдается не только на Украине, но и в Белоруссии, да и у нас в России. К счастью в настоящее время массовый приток материалов прекратился, значит можно остановиться и спокойно оценить то, что уже накоплено. Наконец-то можно взвесить, каково то реальное содержание, тот остаток от накопленного, который является полноценным археологическим источником и который следует использовать для аналитических построений. Конечно, многое в спешке накопительства безвозвратно уничтожено, но что-то ещё можно спасти, с чем-то ещё можно разобраться. Сейчас, когда сложно ожидать столь же массового притока материалов, как это было в 1960–1980-е гг., настало время говорить о культуре самого источника. Культуре не в смысле культурной принадлежности памятника, а в смысле его качественной оценки на «достоверность»

и «надёжность». Главная роль в этом должна быть отведена источниковедческой критике. Археологические коллекции из «источника культур» должны превратиться сами в предмет анализа. Настало время «культуры» самого археологического источника.

Заключение

Факты взаимодействия древнего населения Европейской России, как и во всей Восточной Европе, в мезолитическое время пока крайне немногочисленны, отрывочны, и, главное, спорны, поэтому выявление динамики взаимоотношений древнего населения является задачей будущих поисков и в любом случае требует не только нового накопления фактов, но и критической оценки всех уже имеющихся сведений.

Несмотря на разную культурную и хронологическую принадлежность мезолитических памятников полесий Восточной Европы, можно заметить и некоторые общие черты. Причины их появления были, безусловно, разными. Общность может объясняться характером каменной техники, технологией производства, конвергентностью зарождения и развития форм изделий, а также генезисом разных групп населения. Без сомнения присутствует и синкретизм материалов. Однако эта особенность отдельных комплексов, как ясно из всего вышеизложенного, может быть вызвана механическим смешением материалов в условиях полесских ландшафтов. Подобная вероятность весьма высока и её, как, впрочем, и другие упомянутые

причины, никак нельзя исключить для памятников задровых низменностей.

Дюнный памятник, как правило, лишён археологической стратиграфии и отражает лишь почвенные профили. Насколько можно судить, педогенез и разного рода педотурбации, в условиях рыхлых песчаных отложений активно способствуют механическому перемещению материалов. Конечно, можно допустить вероятность такой ситуации, когда конкретное место посещалось лишь одной группой населения. Но удобных для заселения мест при общей тенденции расположения поселений каменного века у «живой» воды в природе существует не так уж много. Если на конкретной территории последовательно обитало разнокультурное население, то вероятность планиграфического совпадения или наложения разных комплексов друг на друга будет достаточно высокой. В подобных случаях их механическое смешение будет определяться не столько жизнедеятельностью коллективов (перекопы, заглублённые части жилищ, «топ-талища» и т. д., и т. п.), сколько суммой природных факторов (активность почвенной среды, осадков, эоловых процессов, криогенеза, деятельности норной фауны и прочих видов дистурбации культурного слоя). В случаях последовательной смены населения, например, иеневского и так называемого бутовского, свидерского и аренсбургского, песочноровского и маглемозского будут возникать и повторяющиеся комплексы, имеющие общие, точнее смешанные, черты. Естественный характер «синкретизма»

характерен для всех полесий, куда бы археолог ни обратил свой взгляд. Этот «естественный синкретизм» становится понятен в случаях, когда удаётся найти «чистые» комплексы. В другой ситуации вопрос о смешанности материала, как правило, не возникает. Проблема, однако, сложнее, ибо синкретические комплексы могут возникать и в результате взаимодействия групп разнокультурного населения. Формы изделий, при этом, могут быть заимствованы целиком. И отличить феномены аккультурации и натурации возможно лишь в результате предметного изучения. Поэтому источниковедческая критика должна быть предметом любого археологического исследования и непременно предшествовать ему.

Если в финальном палеолите памятники Центральной России в целом не выпадают из общеевропейского контекста, то в мезолите картина несколько изменяется. С некоторых пор принято считать, что на основе свидерской и аренсбургской культур складываются постсвидерская и постаренсбургская общности, распространённые на территории Восточной Европы (Кольцов, 1977). Существует мнение, что каменная индустрия свидерской культуры получила свое развитие в кундской, так называемой бутовской, сухонской, парчевской и пургасовской культурах, а лингби, аренсбурга и, возможно, культуры федермессер – в иеневской, песочноровской, зимовниковской и усть-камской культурах, а также культурах фосна и комса. Возможно, это так. Однако

известное противоречие заключается в том, что исконные территории культур федермессер, лингби, гамбургской, аренсбургской и свидерской не входят в ареал так называемых постсвидерской и постаренсбургской общностей. Значит, эти факты требуют своего логического объяснения, которого пока нет.

Последние годы в связи с резким расширением источниковедческой базы и общим изменением подхода к источникам многие очевидные раньше факты подвергаются пересмотру. Например, даже такой, казалось бы очевидный, вопрос о роли свидерской культуры в генезисе «постсвидерских» культур. Ареал свидерской культуры на территории Европейской части СССР не выходит из границ Полесья (в широком значении термина). Единственным исключением являются памятники Литвы, но эта территория фактически не имеет геоморфологических границ с Польской низменностью. Однако ни в Волго-Окском бассейне, ни к северу от него нет челновидных свидерских нуклеусов, а значит, нельзя говорить и о свидерской индустрии, хотя формальное сходство по отдельным категориям изделий присутствует. В самом деле, ни Тихоново 1, ни Лотову Гору, ни Лукашенки нельзя назвать свидерскими стоянками, хотя формально в них имеются наконечники, подобные свидерским. Толи трансформация индустрии зашла чрезвычайно далеко, толи это были не прямые потомки (или совсем не потомки) свидерского населения. Как не пытаются некоторые исследователи доказать

связь так называемой бутовской культуры со свидерской (Кольцов, Жилин, 1999), но остаётся непреложным факт, что в первой из них нет полного набора свидерских признаков (Сорокин, 1989, 2001). В этой связи уместно вспомнить, что и сопоставление такой «традиционно постсвидерской» культуры как кунда со свидерской, выполненное польской исследовательницей С. Сулгостовской (Sulgostovska, 1999), ставит под сомнение наличие между этими культурами существенной связи. По мнению С. Сулгостовской (Sulgostovska, 1999, р. 91) различия между свидерской и кундской культурами столь значительны, что их родство не представляется столь очевидным, как это казалось ранее (Кольцов, 1977; Янитс, 1990). Фактически, единственный признак, который может расцениваться в качестве свидерского наследия – это плоская ретушь на наконечниках (Sulgostovska, 1999, р. 91), чего явно недостаточно для полноценного доказательства их родства. Вместе с тем, предположение С. Сулгостовской и Р. Шильда об уральских и сибирских корнях кундской культуры мне не кажутся убедительными.

Не отрицая в принципе саму идею сложения «постсвидерских культур» на основе свидерской культуры Польской и Полесской низменностей Восточной Европы, тем не менее, хочу подчеркнуть, что она требует своего обоснования с учётом всего накопленного к настоящему времени материала и должна быть не предметом декларации, а специального исследования

и критического анализа. Во всяком случае, этот переход, если он был, не может быть объяснен только как результат адаптации свидерского населения в раннем голоцене к условиям лесной зоны, ибо во всех исконных свидерских землях – и на территории Польши, и в Полесье, которые в мезолите также входили в лесную зону, никакого «постсвидера» нет. Напротив, здесь развиваются коморницкая и яниславицкая культуры, генетически не имеющие никакого отношения к Свидеру. Правда, в некоторых стоянках этих культур присутствуют наконечники с плоской ретушью на брюшке (т. н. постсвидерские), но причины их появления в этих комплексах никем предметно не обсуждались и не объяснялись. Прояснению ситуации не способствует и практически полное отсутствие независимых дат. В вопросе о роли свидерской культуры в генезисе так называемых постсвидерских культур немаловажно и то обстоятельство, что содержание самого этого термина достаточно неопределенно. Более того, до сих пор никем не было произведено корректного сравнения культур, относимых к ним.

В этой связи уместно вспомнить и ещё один факт. В верхнем палеолите Русской равнины наконечник с плоской ретушью на брюшке представлен в таких памятниках, как Авдеево и Костёнки 1 (Ефименко, 1958; Амирханов, 1998; Аникович, 1998; Гвоздовер, 1998). Есть плоская ретушь также на наконечниках из Хотылево 2 и Гагарино (Заверняев, 1972; Тарасов, 1979). В литературе даже не исклю-

чается, что генезис самой свидерской культуры мог быть связан с какими-то из перечисленных индустрий (Taute, 1968). Именно поэтому нельзя абсолютно исключить и того, что материалы, объединяемые термином «восточный граветт», могут иметь непосредственное отношение к генезису «постсвидера». Во всяком случае, линия развития от Хотылево 2 и Гагарино к рессетинской, кундской и так называемой бутовской культурам представляется вполне осязаемой (Sorokin, 1999). Следует отметить и тот факт, что классические «постсвидерские» наконечники есть в неолитических стоянках Аравийского полуострова, синхронных по времени ранним кундским и так называемым бутовским памятникам (Амирханов, 1997). Однако вряд ли можно всерьёз говорить о какой-либо связи населения Аравийского полуострова и Европейских равнин друг с другом или обмене между населявшими их популяциями. Таким образом, содержание понятия «постсвидер» и генезис этого явления, бесспорно, заслуживают специального исследования, но, к сожалению, гораздо шире рамок данной работы.

Анализ материалов финальнопалеолитических и мезолитических стоянок зандровой зоны Восточной Европы, наряду с такими неполесскими пунктами, как стоянка Мирное или литовские памятники, свидетельствует о сложном характере источников, относящихся к концу плейстоцена и раннему голоцену. Приведённые факты показывают необходимость критического отношения к источнику.

Проработка коллекций под новым углом зрения – критического отношения к источнику – может дать возможность иначе взглянуть на старые привычные материалы и проблемы, с ними связанные. В чем-то, возможно, упростить их, но, без сомнения, и значительно видоизменить уже ставшую привычной картину.

Судя по имеющимся разрозненным и пока крайне немногочисленным данным, группы разнокультурного населения не были, вероятно, полностью изолированы друг от друга и могли эпизодически контактировать. Свидетельства таких контактов традиционно фиксируются по присутствию синкретических черт в каменном инвентаре разных памятников. При этом синкретизм устанавливается исключительно из случаев совместного залегания разнокультурных предметов в одном слое (Кольцов, 1998). Тем не менее, совместное нахождение разнокультурных находок в одном слое, как показано в работе, не может являться надёжным свидетельством факта взаимодействия населения. Более того, проведённый анализ показал, что весомых данных, подтверждающих реальные случаи аккультурации в мезолите Восточной Европы, вообще не существует. Вопрос о признании полесий Восточной Европы контактными зонами, верный в плане теоретической постановки, не находит практического подтверждения в археологических материалах. Это со всей очевидностью приводит к необходимости разработки археологических признаков контактных зон, аккультурации и метисации.

В ходе работы установлено, что культурное многообразие, которое мы наблюдаем на примере полесских памятников, мнимое, сугубо источниковедческое, а никак не культурно-историческое. Главный парадокс источниковедения состоит в том, что археологические источники формируются не только и, даже не столько, при жизни человека в каком-либо конкретном месте, сколько тогда, когда культурный слой памятника уже отложился и сформировался. Момент «прижизненного формирования источника», безусловно, важен, так как он определяет тип памятника. Однако, это лишь начальное звено в цепочке метаморфоз, происходящих с источником.

Прежде чем какие-либо артефакты и слои (= памятник) станут достоянием археолога, место, на котором располагается этот потенциальный источник, испытывает воздействие природной среды. Оно выражается в облике культурного слоя и видоизменении материальных остатков, содержащихся в нём. Для голоценовых памятников главным движущим механизмом метаморфоз, воздействующих на «потенциальный источник», являются процессы почвообразования, идущие в двух диаметрально противоположных направлениях: 1) горизонтизации и 2) гомогенизации. При горизонтизации материалы почвы дифференцируются на профили, имеющие горизонты, в процессе гомогенизации образование горизонтов затрудняется, и их содержимое может перемешиваться

или нарушаться. Совокупность педогенеза и перотурбаций приводит не только к видоизменению самого слоя (заполнителя), но и к изменению пространственной структуры объектов, входящих в него. Если процессы дифференциации ведут к видоизменению структуры и собственной окраски культурного слоя, то процессы гомогенизации (почвенной дистурбации) – это основной механизм, приводящий в действие, а по существу – генерирующий новое природное состояние памятника. Под их воздействием археологический слой приобретает почвенную окраску, не имеющую ничего общего с археологической стратиграфией. А находки, скапливавшиеся на уровне дневной поверхности, приходят в движение в результате чего из состояния «поверхностной линзы» они перераспределяются внутри заполнителя и «повисают» в нем. Как правило, древняя дневная поверхность («поверхность жизни, обитания») соответствует максимуму распределения артефактов. Находки, которые археолог фиксирует выше и ниже этого максимума, за редчайшим исключением, являются «взвесью», возникшей в результате педотурбации.

Между тем, из практического опыта хорошо известно, что на любом голоценовом памятнике, даже на самом древнем из них, часть находок почти всегда бывает вынесена на современную дневную поверхность. Это и есть прямое следствие воздействия почвенной дистурбации на слой и артефакты. Это же

обстоятельство является главным, благодаря которому в случае повторного заселения места происходит «естественный генезис поликультурных комплексов». Натурация – тот природный механизм, который генерирует поликультурные коллекции. Это она служит причиной повсеместно наблюдаемого в европейских полесьях «культурного многообразия». В процессе анализа и полевой практики достоверно установлено, что для образования «поликультурного комплекса» в результате натурации требуется лишь повторное заселение конкретного места. Но именно повторное заселение одних и тех же удобных мест в полесьях из-за их немногочисленности – явление вполне рядовое.

Археологическая фиксация «поликультурного комплекса», возникшего в результате натурации, вещь также вполне обыденная. Вместе с тем, это и есть главный шаг в создании неадекватной исторической картины.

Другой, не менее важный, механизм образования «поликультурных комплексов» – это методика полевых исследований. И сборы подъёмного материала, и «научные» раскопки по штыкам, условным и литологическим горизонтам – это формирование такого источника, которого не существует в природе. Осознанное или неосознанное разрушение пространственной структуры памятника, происходящее при использовании названных методик раскопок, – это основной субъективный фактор в создании искаженного «источника». Менее существенный

фактор, влияющий на метаморфозы с источником – это условия хранения коллекций, но и о них не следует забывать.

Ещё один способ создания многочисленных археологических мифов – это неразборчивость в выборе коллекций для анализа. Каждая коллекция в зависимости от способа поступления и её состояния имеет разную источниковедческую ценность. Любая попытка глобального охвата материалов без оценки их достоверности и надёжности – это самый простой способ создания очередного историко-культурного мифа. Вне зависимости от того осознанно или нет это совершено. Этнокультурная история, написанная на основе достоверных источников, всегда будет отличаться от интуитивных историй каменного века. Да, без интуиции науки не бывает, но точно также её не бывает только на одной интуиции без фактов. Фактов достоверных, а не мнимых.

В ходе исследования со всей очевидностью было установлено, что большая часть памятников, обладающих поликультурными признаками, лишена изделий, выполненных в «смешанной технике», в «смешанных традициях». Если отказаться от широко распространённого и, тем не менее, ошибочного мнения о том, что присутствие вещей раз-

ных культур в одном месте (на одном памятнике) является результатом аккультурации, то образование таких «поликультурных комплексов» достаточно прозаично объяснимо элементарным механическим смешением. Без «находок-маркёров» и «гибридных технологий» считать любой материал, где есть признаки разных культур, синкретическим комплексом, значит, впадать в заблуждение и заниматься самообманом. Практическое отсутствие «находок-маркёров» и «гибридных технологий» на фоне многочисленных примеров сочетаемости признаков разных культур в полесских коллекциях – это и есть ирония источника. Для выводов о культурном взаимодействии свидерского и аренбургского, свидерского и яниславицкого, свидерского и маглемозского, маглемозского и аренбургского, аренбургского и яниславицкого, кукрекского и гребениковского населения строгих оснований нет. А есть лишь специфика самого источника. Нет сомнения, что путь решения вопроса аккультурации древнего населения находится вне констатации «факта» совместного нахождения разных признаков в одной коллекции. Поэтому только всесторонний учет специфики памятников и доказательство их источниковедческой надёжности могут служить основой для этнокультурных построений в археологии.

Список литературы

Абатуров А. М. Полесья Русской равнины в связи с проблемой их освоения. М.: Мысль. 1968. – 246 с.

- Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Историко-этнографические области (проблемы историко-этнографического районирования) // СЭ. № 3. 1975. С. 15–25.
- Александрова М. В. Некоторые замечания по теории культурного слоя // КСИА. Вып. 202. 1990. С. 4–8.
- Александровский А. Л. Почвообразование и культурный слой // Актуальные проблемы методологии Западно-Сибирской археологии. Новосибирск: Наука. 1989. С. 28–30.
- Алексеев В. П. Становление человечества. М.: Изд-во политической литературы. 1984. – 462 с.
- Амирханов Х. А. Неолит и постнеолит Хадрамаута и Махры. М.: Научный мир. 1997. – 262 с.
- Амирханов Х. А. Восточный граветт или граветтоидные индустрии Центральной и Восточной Европы? // Восточный граветт / Отв. редактор – Х. А. Амирханов. М.: Научный мир. 1998. С. 15–34.
- Аникович М. В. Днепро-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от «восточного граветта» к «восточному эпиграветту» // Восточный граветт / Отв. редактор – Х. А. Амирханов. М.: Научный мир. 1998. С. 35–66.
- Арутюнов С. А. Этнические общности доклассовой эпохи // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М.: Наука. 1982. С. 55–82.
- Археология СССР. Мезолит СССР / Отв. редактор – Л. В. Кольцов. М.: Наука. – 352 с.
- Археология СССР: Палеолит СССР / Отв. редактор – П. И. Борисковский. М.: Наука. 1984. – 383 с.
- Археология УССР. Киев: Наукова думка. 1985. Т. 1. – 367 с.
- Археалогія Беларусі. Т. 1. Каменны і бронзавы вякі. Мінск: Беларуская навука. 1997. – 425 с.
- Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука. 1977. – 272 с.
- Борисенко В. И., Бубнов В. Ю., Смирнов А. С. Программный комплекс сопровождения археологических баз данных и анализа распределения массового материала в культурном слое поселений // Компьютеры в археологии. Материалы конференции «Опыт компьютерной обработки археологических материалов». Москва, апрель 1993 года. М. 1996. С. 31–39.
- Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука. 1973. – 206 с.
- Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука. 1983. – 412 с.
- Бутаков Г. П., Галимова М. Ш., Можерин В. И. Геолого-геоморфологические условия и палеогеография палеолитических памятников правобережья Средней Волги // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье. Казань. 1999. С. 3–19.
- Веклич М. Ф., Матвишина Ж. Н., Медведев В. В., Сиренко Н. А., Федоров К. Н. Методика палеопедологических исследований. Киев: Наукова думка. 1979. – 272 с.
- Воеводский М. В. Мезолитические культуры Восточной Европы // КСИИМК. Вып. XXXI. 1952. С. 96–119.
- Воеводский М. В., Борисковский П. И. Стоянка Елин Бор // СА. Вып. 3. 1947. С. 77–99.
- Воеводский М. В., Формозов А. А. Стоянка Песочный Ров на реке Десне // КСИИМК. Вып. XXXV. 1950. С. 42–54.
- Восточный граветт / Отв. редактор – Х. А. Амирханов. М.: Научный мир. 1998. – 329 с.

- Гавриленко И. М.* Зимівнікська культура раннього мезоліту Левобережної України // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Київ. 1999. – 18 с.
- Гаврилова И. В.* О методике исследования поселений со смешанным культурным слоем // Полевая археология мезолита – неолита. Л. 1990. С. 123–128.
- Галимова М. Ш.* Итоги исследования памятников позднего палеолита Верхней и Средней Волги // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Горький. 1990. С. 183–191.
- Галимова М. Ш.* Исследования на Сюкеевском Взвозе в 1989–1990 гг. // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада. Казань. 1992. С. 5–16.
- Галимова М. Ш.* О территории усть-камской культуры // Памятники древнейшей истории Волго-Камья. Казань. 1994. С. 6–16.
- Галимова М. Ш.* Охранные раскопки на Сюкеевском Взвозе // Археологические открытия Урала и Поволжья. Йошкар-Ола. 1994. С. 38–39.
- Галимова М. Ш.* Тетюшская 3 стоянка // Новые материалы по мезолиту Волго-Уралья. Казань. 1995. С. 23–77.
- Галимова М. Ш.* Памятники позднего палеолита и мезолита в устье Камы / Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 1999. – 27 с.
- Гвоздовер М. Д.* Специализация охоты и характер кремневого инвентаря верхнего палеолита // Первобытный человек и природная среда. М.: Наука. 1974. С. 48–52.
- Гвоздовер М. Д.* Кремневый инвентарь Авдеевской верхнепалеолитической стоянки // Восточный граветт / Отв. редактор – Х. А. Амирханов. М.: Научный мир. 1998. С. 224–278.
- Гвоздовер М. Д., Григорьев Г. П.* Новое в методике раскопок открытых стоянок верхнего палеолита // КСИА. Вып. 202. 1990. С. 21–23.
- Гвоздовер М. Д., Леонова Н. Б.* Клад кремня из верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка 2 // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л.: Наука. 1977. С. 127–136.
- Грехова Л. В.* Памятники эпохи палеолита и мезолита // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы / Труды ГИМ. Вып. 44. М.: Советская Россия. 1970. С. 10–34.
- Грехова Л. В.* Методика изучения древних нарушений культурного слоя позднепалеолитических стоянок Подесенья // КСИА. Вып. 202. 1990. С. 37–43.
- Григорьев Г. П.* К различению признаков генетического родства, диффузии и стадильности (по материалам палеолита) // XII Международный конгресс доисториков и протоисториков. Доклады и сообщения археологов СССР. М.: Наука. 1966. С. 27–35.
- Гумилев Л. Н.* Этносфера: история людей и история природы. М.: Изд-во «Экопрос». 1993. – 544 с.
- Гурина Н. Н.* Новые данные о каменном веке Северо-Западной Белоруссии // МИА. Вып. 131. М.-Л.: Наука. 1965. С. 141–203.
- Гурина Н. Н.* К вопросу о позднепалеолитических и мезолитических памятниках Польши и возможности сопоставления с ними памятников Северо-Западной Белоруссии // МИА. Вып. 126. М.: Наука. 1966. С. 14–34.

- Гурина Н. Н. Из истории древних племен западных областей СССР // МИА. Вып. 144. М.-Л.: Наука. 1977. – 207 с.
- Гурина Н. Н. Мезолит Карелии // Археология СССР. Мезолит СССР / Отв. редактор – Л. В. Кольцов. М.: Наука. 1989. С. 27–31.
- Гурина Н. Н. Основные методические приемы раскопок мезолитических и неолитических поселений в рыхлых отложениях // Полевая археология мезолита и неолита. Л. 1990. С. 7–23.
- Гусенцова Т. М. Новые мезолитические поселения в междуречье Камы и Вятки // СА. № 3. 1981. С. 130–147.
- Гусенцова Т. М. Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск: Изд-во Удмуртского университета. 1993. – 240 с.
- Дёмкин В. А., Лукашов А. В., Ковалевский И. С. Новые аспекты проблемы палеопочвенного изучения памятников археологии // РА. № 2. 1992. С. 43–49.
- Дёмкин В. А. Палеопочвоведение и археология. Пушино. 1997. – 214 с.
- Дергачёв В. А. О понятии «контактная зона» // Археологические культуры и культурная трансформация. Материалы методологического семинара ЛОИА АН СССР. Л. 1990. С. 76–82.
- Дукельский В. Ю., Сорокин А. Н. Фатьяновское погребение со стоянки Рессета 3 // КСИА. Вып. 185. 1986. С. 103–107.
- Ефименко П. П. Костёнки 1. М.-Л. Изд-во Академии Наук СССР. 1958. – 484 с.
- Жилин М. Г. Некоторые вопросы перехода от мезолита к неолиту на Верхней Волге // Проблемы изучения первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Иваново. 1994. Вып. 1. С. 19–31.
- Жилин М. Г. Археологические исследования на Озерецком торфянике в 1990–1992 гг. // Тверской археологический сборник / Отв. редактор – И. Н. Черных. Вып. 1. Тверь. 1994. С. 47–53.
- Жилин М. Г. Стоянка Окаемово 4 на Средней Дубне // Проблемы изучения первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Иваново. 1995. Вып. 2. С. 23–32.
- Жилин М. Г. Некоторые итоги раскопок поселения Озерки 5 в 1990–1994 гг. // Тверской археологический сборник / Отв. редактор – И. Н. Черных. Вып. 2. Тверь. 1996. С. 118–125.
- Жилин М. Г. Многослойные торфяниковые поселения на Средней Дубне // Тезисы докладов отчетной сессии ГИМ по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991–1995 гг. М. 1996. С. 17–20.
- Жилин М. Г. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы / Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М. 1999. – 48 с.
- Жилин М. Г., Кравцов А. Е. Ранний комплекс стоянки Усть-Тудовка 1 // Археология Верхнего Поволжья. Н. Новгород. 1991. С. 3–18.
- Жилин М. Г., Фролов А. С., Крымов Е. Ю. Мезолитическая стоянка Прислон 1 на верхней Волге // Тверской археологический сборник / Отв. редактор – И. Н. Черных. Вып. 2. Тверь. 1996. С. 126–133.

- Жилин М. Г., Спиридонова Е. А., Алешинская А. С. История развития природной среды и заселения стоянок Озерки 5, 16, 17 в Конаковском районе Тверской области // Тверской археологический сборник / Отв. редактор – И. Н. Черных. Тверь. 1998. Вып. 3. С. 209–218.
- Заверняев Ф. М. Новая верхнепалеолитическая стоянка на р. Десне // СА. 1974. № 4. С. 142–161.
- Зализняк Л. Л. Мезолит Юго-Восточного полесья. Киев: Наукова думка. 1984. – 120 с.
- Зализняк Л. Л. Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита. Киев: Наукова думка. 1989. – 175 с.
- Зализняк Л. Л. Население Полесья в мезолите. Киев: Наукова думка. 1991. – 159 с.
- Зализняк Л. Л. Фінальний палеоліт України // Археологія. 1995. Вип. 1. С. 3–21.
- Зализняк Л. Л. Ранній мезоліт України // Археологія. 1995. Вип. 3. С. 3–16.
- Зализняк Л. Л. Пізній мезоліт України // Археологія. 1995. Вип. 4. С. 3–16.
- Зализняк Л. Л., Гавриленко І. М. Зимівниківська мезолітична культура Лівобережної України // Археологія. 1996. № 1. С. 97–103.
- Зубков В. И. Новые сборы на Борковской мезолитической стоянке // КСИИМК. 1950. Вып. XXXI. С. 141–150.
- История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М.: Наука. 1983. – 432 с.
- История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М.: Наука. 1986. – 574 с.
- Исаенко В. Ф. Неолит Припятского Полесья. Минск: Наука и техника. 1976. – 128 с.
- Калечиц Е. Г. Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии. Минск: Наука и техника. 1987. – 158 с.
- Квасов Д. Д. Позднечетветичная история крупных озер и внутренних морей Восточной Европы. Л.: Наука. 1975. – 278 с.
- Клейн Л. С. Археологические источники. Л.: Изд-во Ленинградского госуниверситета. 1978. – 118 с.
- Козлова К. И. Проблемы изучения контактных зон Среднего Поволжья // Вопросы этнографии Удмуртии. Ижевск. 1976. С. 3–24.
- Колосов А. В. Финальный палеолит и мезолит Посожья. Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2015. – 176 с.
- Кольцов Л. В. Новые раскопки стоянки Елин Бор // МИА. Вып. 126. М.-Л.: Наука. 1966. С. 178–184.
- Кольцов Л. В. Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М.: Наука. 1977. – 216 с.
- Кольцов Л. В. О характере сложения раннемезолитических культур Северной Европы // СА. 1979. № 4. С. 15–25.
- Кольцов Л. В. Разведки и раскопки мезолитических и неолитических стоянок // Методика полевых археологических исследований. М. 1983. С. 5–11.

- Кольцов Л. В. Некоторые аспекты мезолитической экономики лесной зоны Европы // КСИА. 1984. Вып. 180. С. 79–85.
- Кольцов Л. В. Мезолитические поселения Верхнего Поволжья // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. Путеводитель совместного советско-французского симпозиума. М.: Наука. 1984. С. 82–91.
- Кольцов Л. В. Мезолит Волго-Окского междуречья // Археология СССР. Мезолит СССР / Отв. редактор – Л. В. Кольцов. М.: Наука. 1989. С. 68–84.
- Кольцов Л. В. Мезолитические культуры Волго-Окского междуречья // Тверской археологический сборник / Отв. редактор – И. Н. Черных. Вып. 2. Тверь. 1996. С. 71–74.
- Кольцов Л. В. О характере взаимоотношений соседних культур в мезолите Северной Европы // Тверской археологический сборник / Отв. редактор – И. Н. Черных. Вып. 3. Тверь. 1998. С. 75–79.
- Кольцов Л. В., Жилин М. Г. Мезолит Волго-Окского междуречья (памятники бутовской культуры). М.: Наука. 1999. – 157 с.
- Копытин В. Ф. Изучение мезолитических памятников в Юго-Восточной Белоруссии // АО – 1972. М.: Наука. 1973. С. 362–363.
- Копытин В. Ф. Мезолит Юго-Восточной Белоруссии // КСИА. 1977. Вып. 149. С. 60–66.
- Копытин В. Ф. Поздний мезолит Посожья // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л.: Наука. 1983. С. 44–51.
- Копытин В. Ф. Каменный век на территории Белоруссии. Минск. 1990. – 96 с.
- Копытин В. Ф. Памятники финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья. Могилёв. 1992. – 87 с.
- Копытин В. Ф. Финальный палеолит и мезолит Верхнего Поднепровья // Tanged Points Cultures in Europe. Read at the International archaeological symposium, 1993 / S. Kozłowski & L. Zaliznyak (eds.). Lublin, 1999: Maria Curie-Skłodowska University Press. – Lublin. 1999. P. 256–286.
- Косменко М. Г. Мезолит Среднего Поволжья // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 1971. – 18 с.
- Косменко М. Г. Мезолит Среднего Поволжья // КСИА. 1977. Вып. 149. С. 94–100.
- Кравцов А. Е. Стоянка Беливо 4Г // Памятники каменного века бассейна р. Оки. М. 1988. С. 15–21.
- Кравцов А. Е. Спорные вопросы иеневской мезолитической культуры // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга. 1989. С. 8–10.
- Кравцов А. Е. К хронологии бутовской и иеневской культур // СА. 1991. № 2. С. 21–24.
- Кравцов А. Е. К хронологии иеневской мезолитической культуры // Тезисы докладов Отчетной сессии ГИМ по итогам полевых археологических исследований в 1991–1995 гг. М. 1996. С. 14–16.
- Кравцов А. Е. К вопросу о генезисе иеневской культуры // Тверской археологический сборник / Отв. редактор – И. Н. Черных. Вып. 3. Тверь. 1998. С. 203–208.
- Кравцов А. Е., Жилин М. Г. Беливо 4Г: опыт функционально-планиграфического анализа мезолитической стоянки // РА. 1995. № 2. С. 135–148.

- Кравцов А. Е., Леонова Е. В. Новые исследования стоянки Дальний Остров в Подмосковье // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань. Вып. 3. 1994. С. 3–13.
- Кравцов А. Е., Леонова Е. В., Лев С. Ю. К вопросу о месте иеневской культуры в мезолите Волго-Окского междуречья // Тверской археологический сборник / Отв. редактор – И. Н. Черных. Тверь. 1994. Вып. 1. С. 26–29.
- Кравцов А. Е., Лозовский В. М. Мезолитическая стоянка Чёрная 1 в Мещёре // СА. 1989. № 4. С. 161–168.
- Кравцов А. Е., Лозовский В. М., Спиридонова Е. А. Материалы к обоснованию возраста стоянки Чёрная 1 // Древности Оки / Труды ГИМ. 1994. Вып. 85. С. 117–131.
- Кравцов А. Е., Луньков В. Ю. Новая мезолитическая стоянка в западной части Мещёрской низменности // РА. 1994. № 2. С. 112–117.
- Кравцов А. Е., Сорокин А. Н. Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита. М. 1991. – 74 с.
- Кравцов А. Е., Спиридонова Е. А. О возрасте и природном окружении иеневской культуры в Тверском Поволжье // Тверской археологический сборник / Отв. редактор – И. Н. Черных. Тверь. 1996. Вып. 2. С. 99–107.
- Крайнов Д. А., Кольцов Л. В. Проблемы первобытной археологии Волго-Окского междуречья (по результатам работ Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР) // Советская археология в X пятилетке. Всесоюзная конференция. Тезисы пленарных докладов. Л. 1979. С. 22–26.
- Крайнов Д. А., Кольцов Л. В. Стоянка Староконстантиновская IV // Археологические исследования в Верхневолжье. Калинин. КГУ. 1983. С. 11–28.
- Крайнов Д. А., Кольцов Л. В. 25 лет (1959–1983) Верхневолжской экспедиции Института археологии Академии наук СССР // СА. 1983. № 4. С. 267–271.
- Крижевская Л. Я. Новые данные о хронологии позднепалеолитических и мезолитических памятников севера ГДР и ФРГ // У истоков древних культур / МИА. М., Л.: Наука. 1966. Вып. 126. С. 47–63.
- Ксензов В. П. Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья. Минск: Наука и техника. 1988. – 134 с.
- Ксензов В. П. Мезолитические культуры Белорусского Подвинья и Поднепровья // Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Минск. 1993. – 33 с.
- Ксензов В. П. Мезолитическая днепро-деснинская культура // Гістарычна археалагічны зборнік. Вып. 5. Мінск. 1994. С. 61–86.
- Ксензов В. П. Мезолит Белорусского Подвинья // РА. 1996. № 3. С. 5–22.
- Ксензов В. П. Финальный палеолит и мезолит Поднепровья Беларуси // РА. 1997. № 1. С. 5–20.
- Ксензов В. П. Новые памятники гренокской культуры в Белорусском Поднепровье // Tanged points cultures in Europe. Read at the International archaeological symposium, 1993 / S. Kozłowski & L. Zaliznyak (eds.). Lublin, 1999: Maria Curie-Skłodowska University Press. – Lublin. 1999. P. 229–239.
- Культурные взаимодействия в условиях контактных зон. Тезисы конференции молодых ученых Санкт-Петербурга и СНГ. СПб. 1997. – 82 с.

- Ластовский А. А., Борисов Е. А., Нестеренко А. А.* Поселение Мольбище 1 // Археологические работы 1980–1986 гг. в зоне Чебоксарского водохранилища / АЭМК. 1989. Вып. 15.
- Ластовский А. А.* Мезолит Среднего Поволжья и Приуралья // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Тезисы. Екатеринбург. 1993. С. 34–37.
- Левенок В. П.* Мезолит среднерусского Днепро-Донского междуречья и его роль в сложении местной неолитической культуры // МИА. Вып. 126. М.: Наука. 1966. С. 88–98.
- Леонова Е. В.* Опыт планиграфического анализа иеневских мезолитических стоянок с тонким культурным слоем // Тверской археологический сборник / Отв. редактор – И. Н. Черных. Вып. 1. Тверь. 1994. С. 30–35.
- Леонова Е. В.* Планиграфический анализ «дюнных» мезолитических стоянок Волго-Окского междуречья / Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: ИА РАН. 1998. – 19 с.
- Леонова Н. Б.* Закономерности распределения кремневого инвентаря на верхнепалеолитических стоянках и отображение в них специфики поселения // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова. 1977. – 20 с.
- Леонова Н. Б.* Возможности планиграфии и микростратиграфии при современных полевых исследованиях // КСИА. 1990. Вып. 202. С. 13–17.
- Леонова Н. Б.* Современное палеолитоведение: методология, концепция, подходы // Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова. 1994. – 40 с.
- Личков Б. Л.* Пояс полесий и происхождение основных элементов рельефа Русской равнины // Известия АН СССР. Серия география и геофизика. 1944. Т. VIII. № 1. С. 3–38.
- Любушкина С. Г.* Брянско-Жиздринское полесье // Вестник Московского университета. 1961. Серия V. География. № 3. С. 59–71.
- Любушкина С. Г.* Ландшафтная характеристика Брянско-Жиздринского полесья и опыт его оценки для сельского хозяйства // Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М. 1967. – 21 с.
- Любушкина С. Г.* Ландшафтная характеристика пойм рек Оки и Жиздры для их рационального использования // Третья краеведческая конференция. Калуга – Обнинск. 1971. С. 99–115.
- Любушкина С. Г., Пащканг К. В., Васильева И. В., Лапкина Н. А., Рычагов Г. И.* Ландшафтные особенности Брянско-Жиздринского полесья (в пределах Калужской области) // Труды III научно-методической конференции объединения географов и геологов педагогических институтов центральных областей Европейской части СССР. Смоленск. 1966. С. 29–43.
- Массон В. М.* Первые цивилизации. Л.: Наука. 1989. – 275 с.
- Матюшин Г. Н.* Мезолит Южного Урала. М.: Наука. 1976. – 368 с.
- Микляев А. М., Долуханов П. М.* Из истории развития хозяйства древнего населения на правом берегу Западной Двины и в верховьях Ловати (X тыс. до н. э. – нач. II тыс. н. э.) // АСГЭ. 1986. Вып. 27. С. 3–7.
- Миньков Е. В.* Методика полевых исследований на верхнепалеолитических памятниках Каменная Балка 1 и Каменная Балка 2 // КСИА. 1990. Вып. 202. С. 17–20.

- Неприна В. И. Неолит ямочно-гребенчатой керамики на территории Украины. Киев: Наукова думка. 1976. – 131 с.
- Неприна В. И., Зализняк Л. Л., Кротова А. А. Памятники каменного века Левобережной Украины. Киев: Наукова думка. 1986. – 234 с.
- Никитин В. В. Культура позднемезолитического населения левобережья Средней Волги // Археологические работы 1980–1986 гг. в зоне Чебоксарского водохранилища / АЭМК. 1989. Вып. 15. С. 3–38.
- Никитин В. В. Каменный век Марийского края. Труды Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола. 1996. Том 4. – 180 с.
- Нужний Д. Ю. Розвиток мікролітичної техніки в кам'яному віці. Київ: Наукова думка. 1992. – 236 с.
- Ошибкина С. В. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М.: Наука. 1983. – 295 с.
- Ошибкина С. В. Мезолит бассейна Вятки // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. Ижевск. 1984. С. 3–20.
- Ошибкина С. В. Древнейшее население Севера Восточной Европы // Древности Русского Севера. Вологда. Вып. 1. 1996. С. 12–19.
- Ошибкина С. В. Веретье 1. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М.: Наука. 1997. – 205 с.
- Палеопедология. Киев: Наукова думка. 1974. – 216 с.
- Панкрушев Г. А. Мезолит и неолит Карелии. Л.: Наука. 1978. Ч. 1. – 136 с.
- Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М.: Наука. 1979. – 235 с.
- Полевая археология мезолита-неолита. Л.: Наука. 1990. – 130 с.
- Преемственность и инновации в развитии древних культур. Материалы методологического семинара ЛОИА. Л. 1981. – 96 с.
- Раушенбах В. М. Древнейшая стоянка льяловской культуры // СА. 1964. № 2. С. 188–191.
- Раушенбах В. М. Новое местонахождение льяловской культуры // КСИА. 1979. Вып. 157. С. 52–57.
- Раушенбах В. М. К вопросу о вехневолжской керамике в памятниках бассейна р. Дубны // Тр. ГИМ. 1980. Вып. 51. С. 15–24.
- Римантене Р. К. Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс: Минтис. 1971. – 203 с.
- Рогачев А. Н., Аникович М. В. Поздний палеолит Русской равнины // Археология СССР. Палеолит СССР / Отв. редактор – П. И. Борисковский. М.: Наука. 1984. С. 170–188.
- Роде А. А., Смирнов В. И. Почвоведение. М. Изд-во: «Высшая школа». 1972. – 480 с.
- Сейбутис А. А. Проблема этногенеза балтов и славян в свете палеогеографии // Природа. 1980. № 11. С. 78–85.
- Серебрянная Т. А. Развитие природы на территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене // О динамике лесостепной зоны в центре Русской равнины в голоцене. М. 1982. С. 179–186.
- Сидоров В. В. Давыдовская стоянка на реке Яхроме // СА. № 2. 1973. С. 146–157.
- Сидоров В. В. География неолита Подмосковья // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: Наука. 1976. С. 94–102.

- Сидоров В. В. Оценка численности населения лесной зоны в неолите // Теория и методика исследования археологических памятников лесостепной зоны. Тезисы докладов научной конференции. Липецк. 1992. С. 73–76.
- Сидоров В. В., Сорокин А. Н. Многослойное поселение Замостье 5 // Древности Залесского края. Материалы к Международной конференции «Каменный век Европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры». Сергиев-Посад. 1998. С. 144–163.
- Сидоров В. В., Сорокин А. Н. Раскопки многослойного поселения Замостье 5 // Тверской археологический сборник / Отв. редактор – И. Н. Черных. Тверь. 1998. Вып. 3. С. 226–237.
- Синицын А. А. О признаках нарушений культурного слоя (по материалам стоянок, залегающих в костёнковских гумусах) // КСИА. 1990. Вып. 202. С. 33–37.
- Синицына Г. В. Исследование финально-палеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях. СПб. 1996. – 52 с.
- Смирнов А. С. Геоморфологическая ситуация неолитических поселений Верхнего Поочья // Памятники каменного века бассейна р. Оки. М. 1988. С. 22–33.
- Смирнов А. С. Неолит Верхней и Средней Десны. М. 1991. – 144 с.
- Смирнов А. С., Сорокин А. Н. Исследования памятников эпохи мезолита – неолита в бассейне Верхней Оки // АО–1982. М. 1984. С. 86–87.
- Смирнов А. С., Сорокин А. Н. Деснинская экспедиция в 1984–1985 гг. // КСИА. 1989. Вып. 196. С. 12–19.
- Сорокин А. Н. Мезолит Великих Мещёрских озер // СА. 1984. № 1. С. 46–65.
- Сорокин А. Н. Комягино 2Б – новый мезолитический памятник в бассейне р. Десны // Труды ГИМ. Вып. 60. М. 1985. С. 27–34.
- Сорокин А. Н. Ресетинская культура // Социально-экономическое развитие древних обществ и археология. М. 1987. С. 133–140.
- Сорокин А. Н. Бутовская мезолитическая культура // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья / Тезисы доклада. Калуга. 1987. С. 9–11.
- Сорокин А. Н. Культурные различия в мезолите бассейна р. Ока // КСИА. 1987. Вып. 189. С. 41–46.
- Сорокин А. Н. О происхождении кундской культуры // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга. 1987. Вып. 2. С. 11–14.
- Сорокин А. Н. Опыт исследования мезолитических стоянок с неокрашенным культурным слоем // Задачи Советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тезисы докладов Всесоюзной конференции. М. 1987. С. 238–239.
- Сорокин А. Н. Коллекция нижнего слоя стоянки Исток 1 (к вопросу о памятниках с асимметричными наконечниками в Мещёре) // Памятники каменного века бассейна р. Оки. М. 1988. С. 9–14.
- Сорокин А. Н. Исследования на новостройках и сохранность археологических памятниках // Новое в методике археологических работ на новостройках РСФСР. Тезисы научно-практического семинара. Суздаль. 13–17 февраля 1989. М. 1989. С. 40–41.

- Сорокин А. Н. Ресетинская культура // Археология СССР. Мезолит СССР. М.: Наука. 1989. С. 84–86, 260.
- Сорокин А. Н. К проблеме происхождения бутовской культуры // СА. 1989. № 2. С. 24–34.
- Сорокин А. Н. Бутовская мезолитическая культура в Мещёрском и Жиздринском полесьях // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 1989. – 26 с.
- Сорокин А. Н. Методика исследования памятников зандровой зоны // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. Тезисы областной научно-практической конференции. Луганск. 1990. С. 13, 14.
- Сорокин А. Н. Бутовская мезолитическая культура. М. 1990. – 220 с.
- Сорокин А. Н. О связях населения бутовской и иеневской культур // Тверской археологический сборник / Отв. редактор – И. Н. Черных. Тверь. 1996. Вып. 2. С. 93–98.
- Сорокин А. Н. О связях населения бассейна р. Оки в раннем мезолите // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань. 1998. Вып. 6. С. 10–39.
- Сорокин А. Н. Мезолит Жиздринского полесья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы // Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.: ИА РАН. 2000. – 46 с.
- Сорокин А. Н. Рецензия: Кольцов Л. В., Жилин М. Г. Мезолит Волго-Окского междуречья (памятники бутовской культуры) // РА. № 3. 2001. С. 154–162.
- Сорокин А. Н., Фролов А. С. Мезолитическая стоянка Пенёшки // СА. 1987. № 4. С. 228–234.
- Сорокин А. Н., Фролов А. С. Про спільні та відмінні риси пісочнорівської та ієнівської культур // Археологія. 1988. Вып. 64. С. 21–28.
- Спиридонова Е. А., Алешинская А. А. Особенности формирования структуры растительного покрова Волго-Окского междуречья в эпоху мезолита // Тверской археологический сборник / Отв. редактор – И. Н. Черных. Вып. 2. Тверь. 1996. С. 65–70.
- Спиридонова Е. А., Алешинская А. А. Опыт применения палинологического анализа для периодизации мезолита Волго-Окского междуречья // Забелинские научные чтения 1995–1996 гг. Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры / Труды ГИМ. Вып. 103. 1999. С. 127–140.
- Станко В. Н. Мирное. Проблема мезолита степей Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка. 1982. – 200 с.
- Сычева С. А., Леонова Н. Б., Узянов А. А., Александровский А. Л., Пустовойтов К. Е. Руководство по изучению палеоэкологии культурных слоёв древних поселений. М. 1998. – 59 с.
- Тарасов Л. М. Палеолитическая стоянка Гагарино (по раскопкам 1962 г.) // МИА. Палеолит и неолит СССР. Т. V. Вып. 131. М.-Л.: Наука. 1965. С. 111–140.
- Тарасов Л. М. Гагаринская стоянка и её место в палеолите Европы. Л.: Наука, Ленинградское отделение. 1979. – 168 с.
- Тарасов Л. М. Позднепалеолитическая стоянка Косица // КСИА. 1981. Вып. 165. С. 50–55.
- Тарасов Л. М. Методика изучения культурного слоя большой мощности // КСИА. 1990. Вып. 202. С. 43–49.
- Телегин Д. Я. Поздний мезолит Украины // The Mesolithic in Europe. Warsaw. 1973. P. 531–549.

- Телегін Д. Я. Мезолітичні пам'ятки України (IX–VI тисячоліття до н. е.). Київ: Наукова думка. 1982. – 285 с.
- Телегін Д. Я. Мезолитическая эпоха // Археология Украинской ССР. Киев: Наукова думка. 1985. Т. 1. С. 83–108.
- Телегін Д. Я. Памятники эпохи мезолита на территории Украинской ССР. Киев. 1985. С. 124–148.
- Токарев С. А. Ранние формы религии и их развитие. М.: Наука. 1964. – 399 с.
- Филатова В. Ф. Мезолитические стоянки Сямозера // Мезолитические стоянки Карелии. Петрозаводск. 1978. С. 18–39.
- Филатова В. Ф. Древнейшие памятники юго-западного побережья Онежского озера // Поселения каменного века и раннего металла в Карелии. Петрозаводск. 1982. С. 52–69.
- Филатова В. Ф. Хронология и периодизация мезолита Карелии // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск. 1994. С. 9–64.
- Формозов А. А. Использование подъемного материала с дюнных стоянок в археологических исследованиях // КСИИМК. 1956. Вып. 75. С. 85–89.
- Формозов А. А. Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР // СА. 1965. № 4. С. 38–51.
- Формозов А. А. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М.: Изд-во АН СССР. 1959. – 126 с.
- Формозов А. А. Проблемы этнокультурной истории на территории СССР в каменном веке. М.: Наука. 1977. – 143 с.
- Формозов А. А. О критике источников в археологии // СА. 1977. № 1. С. 5 – 14.
- Халиков А. Х. Мезолит Среднего Поволжья // МИА. Вып. 126. М.: Наука. 1966. С. 185–193.
- Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука. 1969. – 395 с.
- Хотинский Н. А. Голоцен Северной Евразии. М.: Наука. 1977. – 200 с.
- Хотинский Н. А. Радиоуглеродная хронология и корреляция природных и антропогенных рубежей голоцена // Новые данные по геохронологии четвертичного периода. М.: Наука. 1987. С. 39–45.
- Хотинский Н. А., Алешинская З. В., Гуман М. А., Климанов В. А., Черкинский А. Е. Новая схема периодизации ландшафтно-климатических изменений в голоцене // Известия АН СССР. Сер. географ. 1991. № 3. С. 30–42.
- Цетлин Ю. Б. Периодизация неолита Верхнего Поволжья. Методические проблемы. М.: 1991. – 195 с.
- Цетлин Ю. Б. Культурные контакты в древности // Тверской археологический сборник / Отв. редактор – И. Н. Черных. Тверь. 1998. Вып. 3. С. 50–63.
- Человек заселяет планету Земля. Глобальное расселение гоминид. М.: Изд-во ИГ РАН. 1997. 300 с.
- Чистов К. В. Взаимоотношения культур контактирующих этносов: влияния, взаимообмен, апперцепция, симбиоз, непроницаемость // Археологические изыскания. Вып. 11.

Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Этнография изучение культурных процессов. СПб. 1993. С. 3–6.

Яанитс К. Л. Кундаская культура/Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 1990. – 32 с.

Clark G. D. Prehistoric Europe. The economic Basis. London. 1952. – 218 p.

Clark G. D. Seasonality and the interpretation of lithic assemblages // Estudios dedicados at Profesor L. Pericot. Barselona. 1973. P. 3–18.

Clark G. D. The earliar Stone Age of Scandinavia. Cambridge. 1975. – 285 p.

Clark G. D. The Mesolithic Prelude. The Paleolithic – Neolithic Transition in Old World Prehistory. Edinburg. 1980. – 132 p.

Doluchanov P. M., Miklyayev A. M. Prehistoric lacustrine pile dwellings in the north-western part of the USSR // Fennoscandia archaeologica. 1986. III. P. 81–87.

Doluchanov P. M., Gey N. A., Miklyayev A. M., Mazyrkiewicz A. N. Rydnia-Serteya, a stratified dwelling-site in the Upper Duna basin (A multidisyciplinary reseach) // Fennoscandia archaeologica. 1989. VI. P. 23–27.

Galinski T. Mezolit Europy. Szczecin. 1997. – 260 p.

Jaanits L., Jaanits K. Ausgrabungen ger fruhmesolithishen Siedlung von Pulli // Известия Академии наук Эстонской ССР. Таллин. 1978. № 27/1. С. 56–63.

Jaanits K. Die mesolithischen Siedlungsplatze mit Feuersteininventar in Estland // Mesolithicum in Europa. 2 International Symposium. Potsdam. April, 1978. Berlin. 1981. P. 389–399.

Kozlowski J. K., Kozlowski S. K. Pradzieje Europy od XL do IY tysiaclecia p. n. e. Warsawa. 1975. – 504 p.

Koslowski S. K. Pradzije ziem polskich od IX do Y tysiaclecia p. n. e. Warszawa. 1972. – 210 p.

Larsson L. The Mesolithic of Southern Scandinavia // Journal of World Prehistory. 1990. Vol. 4. # 3. P. 257–309.

Lozovski V. M. Zamostje 2. Editions du Cedarc. Treignes. 1996. – 97 p.

Newell R. R. Mesolithic dwelling Structures: Fact and Fantasy // Mesolithikum in Europa. 2 International Symposium. Potsdam. April, 1978. Berlin. 1981. P. 235–284.

Price T. D. A proposed Model for procurement Systems in the Mesolithic of northwestern Europe // The Mesolithic in Europe. Warsaw. 1973. P. 455–476.

Price T. D. Redactional Approaches to Human Adaptation in the Mesolithic of the North European Plain // Mesolithicum in Europa. 2 International Symposium. Potsdam. April, 1978. Berlin. 1981. P. 217–234.

Schild R. Pozdny paleolit // Prahistoria ziem polskich. V. 1. Wroclaw. Ossolineum. 1975. P. 159–338.

Schild R. Introduction to dynamic technological analisis of chipped stone assemblages // Unconrentional archaeology: new approaches and goals in Polish archaeolgy. Wroclaw – Warszawa – Krakow – Gdansk. 1980. P. 57–85.

Sorokin A. N. Neighbours of the Butovo culture on the Upper Volga and Oka rivers // Tanged points cultures in Europe. Read at the International archaeological symposium, 1993 / S. Kozlowski & L. Zaliznyak (eds.). Lublin, 1999: Maria Curie-Sclodowska University Press. – Lublin. 1999. P. 311–317.

- Sorokin A. N.* On the problem of influence of Volga-Oka Mesolithic to the origine of Kunda culture // L'Europe des derniers chasseurs: Epipaleolithique et Mesolithique. Actes du 5-e Colloque international UISPP, Commission XII, Grenoble, 18–23 Septembre 1995 / Edite par Andre Trevenin, sous la direction scientifique de Pierre Bints. Paris: Editions du CTHS. 1999. P. 425–428.
- Sulgostowska Z.* Final Palaeolithic Masovian Cycle and Mesolithic Kunda culture Relations // Tanged points cultures in Europe. Read at the International archaeological symposium, 1993 / *S. Kozłowski & L. Zaliznyak (eds.)*. Lublin, 1999: Maria Curie-Sclodowska University Press. – Lublin. 1999. P. 85–92.
- Szymosak K.* Three faces of the swiderian culture // *Archaeologia interregionalis. New Stone Age Archaeology*. Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego. 1987. P. 35–61.
- Taute W.* Die Stielspitzen-Gruppen in Nordlichen Mitteleuropa. Ein Beitrag zur Kenntnis der späten Altsteinzeit. *Fundamenta, Reihe A, Band 5*. Köln: Graz. 1968. – 512 p.
- Telegin D. J.* Fragen der Chronologie und Periodisierung des Mesolithicums in der Ukrain // *Mesolithicum in Europa. 2 International Symposium*. Potsdam. April, 1978. Berlin. 1981. P. 513–322.
- Wood W. R., Johnson D. L.* A survey of disturbance processes in archaeological site formation // *Advances in Archaeological Method and Theory / M. B. Schiffer (ed)*. New York. 1978. Vol. 1. P. 315–381.
- Zaliznyak L.* Tanged Points Cultures in Western Part of Eastern Europe // *Tanged points cultures in Europe*. Read at the International archaeological symposium, 1993 / *S. Kozłowski & L. Zaliznyak (eds.)*. Lublin, 1999: Maria Curie-Sclodowska University Press. – Lublin. 1999. P. 202–218.
- Zhilin M. G.* The Western Part of Russia in the Late Palaeolithic – early Mesolithic // *Earliest Settlement of Scandinavia / Ed. L. Larson. Acta Archaeologies Lundensia. Series in 8°; No. 24*. Stockholm: Almquist & Wiksell International. 1996. P. 273–284.
- Zhilin M. G., Koltsov L. V.* Tanged points cultures in Europe. Read at the International archaeological symposium, 1993/*S. Kozłowski & L. Zaliznyak (eds.)*. Lublin, 1993: Maria Curie-Sclodowska University Press. – Lublin. 1999. P. 295–310.

Архивные материалы

- Крайнов Д. А.* Отчет Основного и Можайского отрядов Верхневолжской археологической экспедиции ИА АН СССР в 1970 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 4551. – 165 с.
- Крайнов Д. А.* Отчет Верхневолжской археологической экспедиции ИА АН СССР в 1971 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 4589. – 103 с.
- Крайнов Д. А.* Отчет Верхневолжской археологической экспедиции ИА АН СССР в 1975 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 5546. – 142 с.

2: К ПРОБЛЕМЕ МЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ ПОДОСНОВЫ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ИНДУСТРИЙ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ¹

Большинство западных исследователей зарождение неолита и возникновение керамического производства ставят в зависимость друг от друга и связывают, в конечном итоге, генезис того и другого с возникновением производящего хозяйства (Чайлд, 1952; Mellaart, 1975; 1994; Cauvin, 1994). Против первого не возражают и отечественные специалисты по мезолиту и неолиту, однако большинство из них воздерживаются от причинно-следственной связи между появлением керамики и зарождением земледелия. В отечественной археологии по-прежнему доминирующей является точка зрения о том, что «керамика появляется в местной мезолитической среде», а единственным маркером границы между мезолитом и неолитом служит всё та же керамическая посуда (Археология: Неолит..., 1996). Даже те, которые допускают миграции насе-

ния и склоняются к мысли о принесении извне «керамической идеи» полагают, тем не менее, что «осваивало её местное население», то есть развитие, в конечном итоге, происходило на «местной мезолитической подоснове». Как здесь удержаться и не процитировать слова одного из крупнейших советских исследователей Н. Н. Гуриной, писавшей в одной из своих программных работ: «В лесостепной Украине (здесь и далее курсив мой – А. С.), Южной Белоруссии и Верхнем Поднепровье существовала днепро-днецкая культура., уходящая своими корнями в местные мезолитические культуры... Более северная область была занята, по видимому, родственной ей нарвской культурой Прибалтики..., развившейся на базе местной мезолитической культуры...» (Гурина, 1970, с. 148). «В то же время территория Волго-Окско-Клязьминского бассейна была занята племенами льяловской

¹ Воспроизводится по статье: А. Н. Сорокин. В который раз о мезолитической подоснове неолитических индустрий Северной Евразии // Вопросы археологии эпохи камня и бронзы в Среднем Поволжье и Волго-Камье. Археология и этнография Марийского края / Отв. ред. – Т. Б. Никитина. Вып. 31. Йошкар-Ола: Маар НИИЯЛИ. 2015. С. 29–49.

культуры... корни этой культуры лежат в местном мезолите» (Гурина, 1970, с. 149). А на Кольском полуострове – как нетрудно догадаться – «... неолитические памятники, выявленные на северном и южном побережье, говорят о прямой преемственности в технике расщепления камня и форме кварцевых и сланцевых орудий от орудий эпохи мезолита. Таким образом, и здесь истоки неолитической культуры следует искать в мезолите» (Гурина, 1970, с. 153). И надо ли удивляться тому, что «... в современной Вологодской области (озёра Вожа, Лача, Белое) сформировалась каргопольская неолитическая культура...» правда на этот раз «... из слияния местной мезолитической и пришлой льяловской культуры» (Гурина, 1970, с. 154).

Таким образом, если суммировать кратко вышеизложенное, возникает источниковедческий парадокс при котором, если керамика и не изобретается в среде аборигенного мезолитического населения, а заимствуется извне, то с непременным включением местного мезолитического компонента. Это положение стало настолько азбучным, что приводить другие, более свежие ссылки не имеет никакого смысла. Между тем, представляет несомненный интерес установить, а позволяют ли сами памятники археологии лесной зоны Евразии в массе своей отвечать на вопрос о мезолитической подоснове раннеолитических индустрий? Поскольку керамика в конкретном случае является инновацией и не имеет в силу этого прототипа для сравнения, оставим её в стороне и обратимся к источниковедческой критике,

сутью которой должен стать не столько каменный инвентарь, который и вправду часто выглядит как мезолитический, а сами памятники археологии. Говоря иначе, в какой мере стандартные археологические источники изучаемого региона позволяют корректно отвечать на поставленный вопрос? Ведь сходство раннеолитического и мезолитического каменного инвентаря, как с некоторых пор стало понятно, может иметь не столько генетическую, сколько механическую причину (Сорокин, 2002).

Из географии общеизвестно, что современная лесная зона Северной Евразии – это бескрайние задровые равнины. А они, как тоже хорошо известно, сповёрхности сложены песками. Не нужно особого красноречия, чтобы доказать, что песок – плохой поделочный материал и ничего существенного, тем более посуду, вылепить из него невозможно. Разумеется, в качестве присадки он часто незаменим, а вот в виде основы – никогда. Для лепки нужны глины, суглинки, лессы или илы, то есть естественные пластичные материалы. Эти породы, уже сформованные самой природой, и особенно лессы, относительно легко отыскать в Средней полосе в плейстоцене, когда ими «заполнен» процесс седиментации, но в голоцене нужно знать, где их можно разыскать и для чего использовать. Как известно, перелом в характере седиментации наступает с прекращением лессообразования, где-то 14–15 тыс. лет назад (Палеогеографическая основа..., 1994; Палеогеография Европы..., 1982; Динамика ландшафтных

компонентов., 2002). С той поры за всеми этими вязкими, пластичными веществами в ландшафтной зоне Евразии нужно специально «охотиться». Причём чтобы их разыскивать, надо знать их природные свойства и иметь соответствующие сформированные потребности в их применении. Но если поверхности устланы песками, откуда возьмутся познания о свойствах глин, лессов и их аналогов? Да и будет ли вообще осознанной необходимость их использования? Таким образом, представляется очевидным, что идея керамического производства не могла возникнуть там, где само сырьё скрыто и недоступно или доступ к нему затруднен. И напротив вполне логично изобрести керамику там, где имеются его естественные материальные запасы, и где соответствующее сырьё служит фоном – «естественной средой обитания человека». Иначе говоря, чтобы знать свойства глин, лессов или других пластичных масс, необходимо, чтобы они были повседневностью, своеобразной принадлежностью быта. Чтобы добывать речные илы, надо знать две простые вещи: во-первых, что они есть в воде, и, во-вторых, для чего их можно применить. Аналогичным образом дело обстоит с лесами и глинами. Судя по всему, эти обстоятельства и объясняют, почему в лесной зоне Северной Евразии керамика «возникает уже в готовом виде». Полагаю, что нет необходимости дальше развивать этот сюжет, достаточно ограничиться утверждением, что никакой насущной потребности у населения лесной зоны в каменном веке для

изобретения керамики нет. Вся предшествующая история развития первобытных обществ с использованием в домашнем обиходе естественных емкостей убеждает в этом. Тем не менее, керамическая посуда появляется в Средней полосе и можно привести бесчисленное количество фактов, когда неолитические «комплексы» включают мезолитические каменные изделия. Обычно, правда, чтобы подчеркнуть более молодой, уже неолитический, возраст последних говорят: мезолитоидные изделия. Сути дела, однако, это не меняет.

Поскольку тезис о базисном характере «местного мезолита» в генезисе раннего неолита является – по сути – постулатом, то есть принимается повсеместно, безоговорочно и практически без всякого доказательства, можно и дальше не задумываться над его объективностью, но это мало что прибавит для развития самой науки. Значит, необходимо либо подтвердить его объективность, либо определиться, а нет ли каких-либо иных более прозаичных способов объяснения феномена? Представляется, как отмечалось, что разрешить эту коллизию можно исключительно с помощью источниковедения. И здесь следует в очередной раз напомнить, что в повседневной практике раскапываются, прежде всего, не стратифицированные многослойные, залегающие в болотных или пойменных отложениях, стоянки, а так называемые комфортные памятники (Сорокин, 2012, 2013). Под ними понимаются удобно расположенные на речных и озёрных берегах объекты,

которые не только интересно копать из-за многочисленности находок, но и быт экспедиции не вызывает особых проблем для обустройства. При этом забывается тот факт, что то, что сейчас привлекательно для туриста и археолога, и в древности было притягательно для заселения, более того, заселялось, как показывает практика, неоднократно. Из-за чего и разновременные материалы благодатно перемешивались между собой, как по воле человека, так и усилиями матушки-природы.

В этой связи вторично задам всё тот же, прозвучавший в начале статьи, вопрос, а позволяют ли сами источники лесной зоны Евразии в массе своей решать проблему генезиса «неолитических» культур на «местной мезолитической основе»? Для ответа на него придётся обратиться к тому, а что же, собственно, представляют собой стандартные мезолитические и неолитические стоянки исследуемого региона?

И тут необходимо обратить внимание на одно хорошо известное обстоятельство, которое состоит в том, что находки на основной массе голоценовых памятников залегают практически на поверхности, причём сами культурные слои весьма тонки, по существу – «линейны». Немаловажно и то, что они чаще всего лишены стратиграфии, а если прослойки изредка присутствуют, то обычно связаны с почвенными процессами, а никак не с деятельностью самого человека. В результате создаётся парадоксальная ситуация: мы пытаемся решать проблемы генезиса раннеоли-

тических индустрий на тех объектах, которые в силу своих физических ограничений абсолютно непригодны для этого. Прежде всего речь идёт о дюнных стоянках, которые чаще всего и подвергаются раскопкам. А они, как известно, из-за своих естественных свойств стандартно дают компрессионные культурные слои, которые вообще не в состоянии дать ответы на вопросы, а как они собственно сформировались и что мы наблюдаем, раскапывая их? В каких случаях взаимовстречаемость вещей реальная, а в каких – мнимая? Когда взаимодействовало древнее население, а когда смешивались вещи по факту их совместного залегания на одном, удобном для многократного заселения месте? Впрочем, и на дюнных памятниках бывают исключения, однако обычно они относятся не к памятнику в целом, а лишь к отдельным участкам обширного объекта. Но в массе своей – повторюсь – то, что достаётся полемому исследователю на территории Северной Евразии, – это компрессионные культурные слои, лишённые какой бы то ни было стратиграфии. Более того, сам культурный слой часто не имеет выраженной (собственной) окраски и воспринимается исключительно как «горизонт залегания находок». Как показывает практика, на террасах вне дюнных гряд, депрессий и склонов картина всегда одна и та же. Повсеместно стандартное отсутствие выраженного культурного слоя и перекрывающих артефакты отложений. Никого, к сожалению, не удивляет тот факт, что в процессе раскопок первые находки начинают встречаться уже

в дерновом горизонте. А жаль. Ведь если вдуматься, то, с одной стороны – это безусловное свидетельство разрушения культурных слоёв педогенными процессами (педотурбация), с другой – реальный показатель такого решающего фактора, как скорость седиментации. Иначе говоря, само отсутствие перекрывающих отложений, тонкость и невыраженность культурных слоёв, хотим мы того или нет, – лишний довод в пользу замедленности такого фундаментального природного процесса как осадконакопление. Существуют, разумеется, памятники, слои которых залегают в пойменных напластованиях, погребены делювиальными процессами или приурочены к пойменному аллювию. Известны и случаи захоронения культурных слоёв, точнее их шлейфов, торфами, однако все эти объекты в силу определённых причин весьма редко становятся предметами изучения и подвергаются раскопкам. И чаще всего, даже если исследуются, раскапываются стандартно – все теми же лопатами. А даже если совками-скальпелями, то исследуются не слои, их генезис и тафономия, а извлекаются на свет божий эффектные артефакты. Думаю понятно, что при таком, пока ещё стандартном, подходе ни о каком реальном источниковедении речи идти не может, при этом в погоне за подчас сногшибательными находками происходит стандартное уничтожение археологических источников. За примерами ходить далеко не нужно (Жилин, Костылева, Уткин и др., 2002; Жилин, 2004, 2006; Замостье 2: озёрное поселение..., 2013).

Хорошо также понятно, что при раскопках, если стоянка не «разовая», как место забоя (kill-site), всегда наблюдается некий горизонт, соответствующий максимуму распределения находок, после которого неизбежно наступает их падение и, наконец, отмечается полное исчезновение. Этот максимум чаще всего ассоциируют с древней дневной поверхностью. Так ли это?! По-видимому, и да, и нет. Действительно на любом первобытном памятнике дневная поверхность с учетом микрорельефа – это место, где в процессе обитания неизбежно скапливается максимум отходов жизнедеятельности и артефактов. И все отклонения от этого максимума, связанные, кроме естественных неровностей рельефа, с ямами, котлованами, кострищами и пр., – это итог хозяйственной деятельности человека далеко не всегда интенсивной. Постфактум археологически фиксируется результат, который трансформирует общую картину распределения, однако из-за кратковременности самого процесса обитания не изменяет, как правило, ее целиком и не искажает стандартного характера распределения. Никаких перекрывающих отложений над артефактами в ходе обитания чаще всего тоже не накапливалось. Если они и появлялись, то позднее и, что немаловажно, из-за различных видов почвенных процессов (Wood, Johnson, 1978). Необходимо подчеркнуть, что все приращение формирующегося культурного слоя обычно происходит исключительно за счёт выбывания из употребления

тех или иных орудий, технологических сколов, отходов производства, органических и неорганических остатков, накапливаемых в результате жизнедеятельности. Разумеется, к артефактам уже в процессе функционирования поселения добавляется некоторое количество породы, иначе, – заполнителя. Часть его – результат бытовой переработки ландшафта, другая – итог постоянно действующих природных процессов. Мощность этого формирующегося слоя тем больше, чем активнее жизнедеятельность и выше скорость седиментации. Особенно деятельно эти процессы шли в тех местах, где было глинобитное строительство. И яркий пример тому – всем хорошо известные телли, где итоги человеческой деятельности особенно впечатляющи. Совсем другое дело лесная зона Северной Евразии. Здесь в эпоху каменного века основное население (и замечу в скобках: весьма немногочисленное) сосредотачивалось в пределах задровых низменностей. Песчаные ландшафты в корне отличались от лессовых плато. Это полностью исключало глинобитное строительство и сопутствующую ему изошренную стратиграфию отложений, фиксируемую на поселениях. Отсюда и неизбежная абсолютная минимизация культурных слоёв стоянок задровой зоны. Здесь решающую роль играет не столько человеческая деятельность, сколько экология и скорость седиментации, но последняя, как будет показано ниже, была, увы, чрезвычайно мала.

Уже в процессе обитания и после его прекращения активизируется деятельность фауны, и усиливаются процессы педогенеза и педотурбации (Wood, Johnson, 1978). А утилизация органических остатков, мерзлотные, физико-химические и иные естественные процессы вкуче с седиментацией неизбежно приводят к тому, что после оставления конкретного местообитания, сооружения начинают подвергаться всё более массивному природному воздействию, а артефакты – пространственному перераспределению. Происходит формирование культурного слоя, причём складывается структура, более рыхлая и объёмная чем прижизненная картина. Движение материалов происходит во всех направлениях, но наиболее ощутимы, по видимому, перемещения по вертикали. Они-то и создают то, что традиционно называют «горизонтами распределения находок». Если первоначальное количество артефактов невелико, а активность перемещений напротив высока, возникает некая взвесь, «дисперстное облако», лишённое максимума распределения. Но такие бедные стоянки трудно искать и они, как правило, остаются вне поля зрения полевого исследователя. Если артефактов сравнительно много, перераспределение их по вертикали неизбежно продуцирует ту картину, с которой мы традиционно сталкиваемся в поле. Максимум распределения при этом легко уловить с помощью пространственной фиксации. Эта процедура, сопряжённая с картиной педотурбации слоя, и служит основой последующей реконструкции.

Не следует только забывать, что реальный максимум распределения, фиксируемый археологически, зависит не только от поверхности обитания, но и от природных феноменов. Как показывает опыт, концентрация артефактов и их залегание по разным уровням, горизонтам и слоям на стоянках лесной зоны Евразии происходит чаще всего из-за почвенных процессов – педогенеза и педотурбации, например, в результате промерзания или оттаивания, солифлюкции, аква- и аргиллотурбации. В средней полосе особая роль отводится фаунотурбации, где решающее значение принадлежит обычным дождевым червям. Все это детально описано в литературе и, по-видимому, нет нужды повторяться (*Wood, Johnson, 1987*). Достаточно лишь заметить, что мнимые концентрации артефактов в результате этой «деятельности» не соответствуют древним дневным поверхностям, а отражают исключительно доминирующие в конкретном месте процессы педогенеза и педотурбации. И определить, с чем в конкретном случае мы имеем дело, – главная задача полевого исследователя, ибо от этого зависит качество самой археологической реконструкции. Поэтому и ответ на вопрос, чему соответствует максимум распределения артефактов на памятнике археологии, не может быть однозначным.

Для дальнейшего обратимся к расчёту стандартной скорости седиментации. Проще всего её рассчитать по палеолитическим стоянкам, где слои залегают на известной глубине и пере-

крыты породой. При этом толщина самих слоёв, как правило, невелика, а вот перекрывающих отложений, напротив, достаточно выразительна и поддаётся реальному подсчёту. Таким образом, в тех идеальных случаях, когда зафиксирована мощность напластований и известен возраст артефактов, определённый естественнонаучными методами, задача сводится к простому арифметическому действию. При этом расчётные скорости седиментации могут быть определены довольно точно по соотношению возраста находок к мощности перекрывающих напластований. В этом отношении голоценовые стоянки менее показательны, ибо артефакты в их слоях залегают, начиная от современной дневной поверхности, то есть на них отсутствуют перекрывающие отложения, а мощность слоёв невелика, из-за чего скорость седиментации хуже поддаётся подсчёту. Хотя и здесь в ряде случаев удаётся выходить на вполне реальные цифры.

Анализ данных по верхнепалеолитическим памятникам Русской равнины (*Сорокин, 2006*) показывает, что скорость отложения 1 см лёсса составляет порядка 85–200 лет (*Величко, Грибченко, Куренкова и др., 1999; Сулержицкий, 2004*). Но это в условиях лёссовых равнин Северного полушария, когда арктические воздушные массы легко переносили пылеватые зерна породы на значительные расстояния и осаживали их к югу от Великого ледника на потенциальных поверхностях обитания. С изменением климата и характера седиментации в голоцене скорость осадконакопления

должна была неизбежно замедлиться. Несложный подсчёт показывает, что 1 см песчаных напластований формируется в среднем за 200–500 лет (Сорокин, 2006). Если это так и осадконакопление действительно идёт крайне медленно, причём в пределах расчётной величины, то неизбежным следствием этого будет отсутствие самой возможности для «разведения во времени» хронологически близких артефактов. Это не очень принципиально, если место повторно заселяется той же группой населения, но в ряде случаев возможен приход инокультурного населения, и тогда это становится уже фатальным. Фактически, при смене населения в достаточно широком диапазоне времени, а 200–500 лет – это достаточно внушительные цифры, их изделия окажутся на одном и том же уровне и в том же слое, что материалы ранее здесь живших людей. Сказанное относится как к бескерамическим, так и к керамическим культурам. Таким образом, в силу этого в случаях совпадения мест проживания разных популяций с неизбежностью будет повторяться ситуация, когда «местный» неолит всегда будет складываться на «местной» мезолитической основе, какой бы та ни была. Ибо из-за медленной седиментации перекрывающие отложения либо вообще не успеют сформироваться к моменту повторного заселения какого-либо места, либо прослойка будет настолько тонка, что она неизбежно будет уничтожена ногами людей в процессе вторичного обитания. Следует, однако, подчеркнуть, что причиной

этого, помимо хозяйственно-бытовой деятельности населения, в ещё большей степени служат педогенез и педотурбация. Они делятся и воздействуют на культурные слои и артефакты существенно дольше, чем любое место бывает заселено конкретными популяциями. Отсюда понятно, что естественное смешение материалов – процесс не только закономерный, но и абсолютно стандартный, причём воздействующий на все без исключения памятники археологии. А раз так, в стандартных условиях осадконакопления и трансформации культурных слоёв у нас нет никаких оснований для объективного разделения разновременных комплексов. И это означает только одно: для памятников археологии ландшафтной зоны Евразии закономерностью служит естественное взаимодействие артефактов без посредничества человека. Таким образом, самой природой созданы условия, при которых ранний неолит всегда будет «формироваться» на «местной мезолитической основе», а если выразиться точнее, то неолитические комплексы будут неизбежно естественным путём органично включать в себя материалы предшествующего времени. Добавлю: данный феномен объективен, имеет естественный характер и действует вне времени и пространства, то есть на всех памятниках археологии и повсеместно вне зависимости от изучаемого полигона и времени обитания.

Разумеется, никто специально подобно кукушке не подкидывал неолитическим обитателям в их «гнездо» мезолитические изделия, однако в случаях

совпадения разновременных мест обитания друг с другом включение в более поздний инвентарь материалов предшествующего времени происходит стандартно и осуществляется автоматически в силу самой специфики памятников каменного века Северной Евразии. Хочу подчеркнуть объективность феномена, при котором «местный мезолит» неизбежно «навязывается» неолитическим обитателям по факту вторичного заселения ими конкретного удобного для проживания места. Не генетика и наследственность обеспечивают взаимосвязь разновременных и разнокультурных материалов, а сама природа по своим объективным законам создаёт данный эффект и делает его продуцирование естественным и объективным процессом. Необходимо подчеркнуть, что обсуждаемый эффект есть непосредственное следствие феномена натурации (Сорокин, 2002).

Важно чётко осознавать и ряд неизбежных следствий. Если на какой-либо территории в мезолите жило население одной археологической культуры, то в неолитическом инвентаре будет монопримесь, если в мезолите существовали разные культуры, то и подоснова будет многокомпонентной. Так, например, пока в Волго-Окском междуречье была единая волго-окская культура, а неолит был представлен исключительно материалами льяловской культуры, то и мезолитоидный кремь, на базе которого она якобы формировалась, был гомогенным (Раушенбах, 1964, 1970, 1979, 1985). Позднее, с открытием верх-

неволжской культуры, ситуация изменилась и мезолитоидный кремь достался ей (Крайнов, Хотинский, Урбан и др., 1973; Крайнов, Хотинский, 1977; Крайнов, 1996). Впрочем, и льяловская культура не осталась при этом в накладе: к тому времени мезолит стал многокомпонентным (Крайнов, Кольцов, 1983) и ей достался отщеповый инвентарь иеневской культуры (Формозов, 1977). Ещё позднее стало, однако, очевидным, что пластинчатый инвентарь не имеет отношения ни к льяловской, ни к верхневолжской культурам (Кравцов, Сорокин, 1991; Сорокин, 2006, 2013).

Практика показывает, что вне поля зрения полевого исследователя остаётся тот момент, что поверхностный слой любого поселения во время его функционирования подвергается переработке. Это происходит как из-за ежедневных перемещений обитателей по «жилой территории» в процессе их производственно-хозяйственной активности, так и в результате её замусоривания всевозможными, в первую очередь, органическими остатками. Последнее обстоятельство неизбежно приводит к активизации на площади поселения биологической и физико-химической активности, а также ускорению естественных педогенных процессов. Поверхность памятника, без преувеличения, «оживает». И мощность этой активной зоны, зависящая от типа грунта, состава и объема покоящейся на поверхности органики, состава и числа землероющих животных, процессов педогенеза и педотурбации, и т. д., явно превышает толщину

стандартного «сантиметрового эталона седиментации». Совокупность всех этих субъективных и объективных процессов вызывает абсолютно неизбежно, как уже неоднократно отмечалось, механическое смешение разнородных материалов (Сорокин, 2000, 2002).

Не останавливается, а лишь видоизменяется эта ситуация, за единственным исключением, и после завершения процесса обитания в каком-либо месте. По окончании жизни на поселении исчезает главный субъективный фактор – человек. Во всех постседиментационных метаморфозах памятника принимают участие лишь природные процессы, объективные по своей сути. После оставления людьми конкретного местообитания в действие во всей мощи включается «природная составляющая», приводящая к активной переработке всех органических материалов, накопившихся за время функционирования поселения, а также трансформируются почвенные, биологические и физико-химические процессы. Так окончательно формируется культурный слой и создаётся его структура (Wood, Johnson, 1978).

Если через некоторое время конкретный участок археологического ландшафта вновь подвергается заселению, а тем более, если это происходит неоднократно, то процессы формирования нового культурного слоя (слоёв) вновь радикально изменяют ситуацию, подчас значительно усиливая уже затухшие процессы. В итоге конечная структура памятника, с которой сталкивается при раскопках полевой исследователь, мо-

жет диаметрально отличаться от первоначальной. Более того, эта картина будет существенно различаться не только со «стартовой», но и любой другой, которую можно попытаться реконструировать «на шкале времени». Лишь в тех случаях, когда наступает полное «омертвление» природных феноменов, завершается и цикл метаморфоз памятника археологии. Что, впрочем, не исключает каких-либо трансформаций, связанных с экстремальными природными феноменами, например, землетрясениями (Воробьева, Бердникова, 1998).

Неизменным при этом остаётся лишь одно: при стандартной скорости седиментации и совпадении мест разновременных и разнокультурных стоянок их инвентарь оказывается «запечатан» в одни и те же отложения. А если это так, у нас просто нет никакой физической возможности для объективного «разведения» артефактов во времени и по их культурной принадлежности. Следовательно, мы приходим к пониманию ещё одного интересного археологического феномена: прижизненный момент формирования памятника – это лишь начальное звено метаморфоз. А естественная история любого культурного слоя, тафономизации остатков и сооружений, как и реальные конечные продукты трансформации – это промежуточное и финальное звенья его жизни. И это триединство, хотим мы того или нет, и достаётся археологу в качестве археологического источника. Разумеется, при том условии, что слой не оказался физически уничтожен в ре-

зультате тех или иных природных процессов или механических причин.

Непосредственным и радикальным результатом медленной седиментации служит и ещё один, теперь уже поистине «исторический» феномен. Он заключается в том, что «местный» ранний неолит всегда будет складываться на «местной» мезолитической основе, какой бы причудливой та не была. Впрочем, так будет происходить не только с ранненеолитическим инвентарем, но и материалы всех других эпох, присутствующие на стоянках с компрессионными, культурными слоями, будут воспроизводить ту же картину. Это закономерный результат, который мы имеем «во всей красе» на так называемых многослойных поселениях. «Примесь разных эпох» всегда будет присутствовать на тех памятниках, которые приурочены к узловым точкам ландшафта и служат объектом неоднократного заселения. Весь вопрос только в том, актуально ли для конкретного полевого исследования подобное наблюдение или конечным результатом его изысканий служат сами вещи? К сожалению хорошо известно, что для музейного хранения часто отбираются «наиболее выразительные предметы», а всё менее красивое или непонятное оставляется в поле. В результате плоды такой сортировки становятся не просто археологическим источником, а реальным «кладом древней истории».

Хорошо понятно, что и климат, и геоморфология изменялись с течением времени. Это приводило к неизбежной

трансформации рельефа, а также самих узловых мест, наиболее удобных для заселения. Многие из них «отрывались от воды», «терялись в ландшафте» и переставали быть объектами пристального внимания первобытного населения. С течением времени изменялось хозяйство и сам образ жизни людей, утрачивались вековые привязанности и зарождались новые стереотипы. Однако повсеместно оставались и такие реперные (маркерные) точки ландшафта, которые в течение тысячелетий сохраняли своё особое, доминирующее на местности, положение и повышенную привлекательность. Эти последние, невзирая на хозяйственный уклад, заселялись неоднократно. Так образовывались те «слоёные пироги», которые по иронии судьбы в литературе чаще называются «многослойными памятниками» с той лишь разницей, что в них действительно имеются разнокультурные вещи, но практически отсутствует стратиграфия. Но это феномен сугубо археологический, а никак не культурно-исторический. В этих «слоёных пирогах» можно встретить находки всех времен и народов, обитавших в пределах конкретной территории. Они-то в силу своей «заметности» чаще всего и привлекают наше внимание как объекты полевого изучения, из-за чего неизбежно становятся источниками стандартных археологических ошибок и заблуждений (Грачева, Сорокин, Малясова и др., 2006).

В тех случаях, когда места поселений по каким-либо причинам менялись, преимущество в сочетаемости будет у тех из них, население которых жило

в сходных геоморфологических условиях. Одинаковые приоритеты в выборе мест обитания определяют и частоту встречаемости. То есть, если носители рессетинской и иеневской культур предпочитали берега палеоозёр, которые к голоцену уже были спущены и удалены от «живой» воды, а заднепилевское население обитало на низких уровнях голоценовых водоёмов, там же, где верхневолжское, льяловское и энеолитическое население, то верхневолжские, льяловские и волосовские древности будут чаще сопровождаться заднепилевским инвентарем. Примеров тому достаточно, что и нашло своё отражение в отечественной историографии в упомянутой выше дискуссии о пластинчатости раннеолитического инвентаря (Раушенбах, 1964, 1970, 1979, 1985; Цветкова, 1970; Гурина, Крайнов, 1996; Крайнов, Хотинский, Урбан и др., 1973; Крайнов, Хотинский, 1977). Теперь это не только очевидно, но и обязывает проявлять осторожность в решении проблем генезиса любой из археологических культур, в «выборе для неё конкретных предков».

В этой связи следует отметить, что утверждение Д. А. Крайнова о пластинчатости верхневолжской индустрии вообще не соответствует реальности (Крайнов, Хотинский, 1977). Дело в том, что когда эта культура им выделялась, то в его распоряжении были исключительно смешанные коллекции, ибо даже на стратифицированных объектах копание по условным горизонтам в силу собственного физического ограничения этой методики не в состоянии дать «чи-

стые» комплексы. Поэтому, определяясь с кремневыми материалами, он исходил из принципа «от противного», полагая, раз в льяловской культуре доминирует отщеповый инвентарь и двусторонняя обработка, то для раннеолитической верхневолжской культуры, «вырастающей из местного мезолита», должен быть характерен пластинчатый инвентарь и преимущественно унифасиальная ретушь. Здесь уместно вспомнить, что вплоть до середины 1970-х годов никакого деления на разные культуры ещё не существовало и весь «местный мезолит» воспринимался как пластинчатый (Формозов, 1959; Кольцов, 1965). По прошествии времени стало хорошо понятным, что при такой сортировке к верхневолжской культуре Д. А. Крайновым были отнесены заведомо мезолитические изделия, и никакого отношения к раннему неолиту они, следовательно, не имеют. Однако тезис о связи верхневолжской культуры с «местным мезолитом», как и многие другие догмы, оказался более стойким и живучим, чем того бы хотелось, хотя никаких дополнительных оснований для его подтверждения или обоснования так с тех пор и не появилось (Неолит и энеолит Юга., 2003).

Аналогичная ситуация имела место и на Украине, с той лишь разницей, что раннеолитическая днепро-донецкая культура была выделена несколько раньше культуры ямочно-гребенчатой керамики. Но обе они в итоге были связаны с «местным» мезолитом, первая – с пластинчатой таценки-кудлаёвской куль-

турой (Телегин, 1985), вторая – с отщеповой песочноровской (Неприна, 1976; Неприна, Зализняк, Кротова, 1986; Телегин, 1985). Критика показала, что оба этих вывода были сделаны на источниковедчески ненадёжных материалах (Сорокин, 2002) и основания для генезиса обеих культур на «местной мезолитической основе» тоже отсутствуют. Нет нужды приводить здесь другие аналогичные примеры: их при желании можно без труда отыскать в литературе.

Таким образом, практическая задача любого исследования должна заключаться, прежде всего, в реальном различении феноменов аккумуляции и натурации (Сорокин, 2002). То есть всегда необходимо помнить, что вещи разных групп населения стандартно оказываются в одном слое (культурном горизонте, горизонте распределения находок и т. д.) лишь из-за того, что к моменту вторичного заселения не успели сформироваться рыхлые отложения. Или, напротив, имевшиеся прослойки оказались стерты в результате повторного освоения одного и того же удобного места. Во всяком случае, при каждой раскопке целесообразно производить специальные изыскания в этом направлении, чтобы исключить возможность механического смешения разнокультурных материалов, и повторения стандартной ошибки в интерпретации, так хорошо знакомой по отечественной литературе (Сорокин, 2002; Грачева, Сорокин, Малясова и др., 2006).

Недостоверность и смешанность археологических источников, с которыми

мы в массе своей имеем дело, – это та реальность, которая осознанно или неосознанно влияет на любую археологическую реконструкцию. Не вызывает сомнения, что вывод из всего сказанного может быть только один: на стандартных «песчаных» стоянках Северной Евразии решать вопросы генезиса неолитических археологических культур невозможно. Это методологически неверно. Сам характер доступных нам источников не позволяет этого делать. Практика показывает, что они всегда будут «складываться на местной мезолитической основе», ибо естественные процессы не оставляют мезолитическому инвентарю других вариантов, кроме как быть включенными в раннеолитические «комплексы».

Для решения проблемы формирования раннеолитических индустрий необходимо единственное, но неперемutable условие – стратиграфия. Причём не просто стратифицированные памятники, а такие, в которых определены тафономия артефактов и турбация слоёв, а сами объекты исследованы по методике пространственной фиксации и где доказана «чистота» как культурных слоёв, так и материалов. К глубокому сожалению подобные стоянки интересующего нас времени на рассматриваемой территории в настоящее время отсутствуют. Точнее, они имеются, но из-за ряда крайне субъективных обстоятельств (Сорокин, 2012) крайне редко становятся предметом исследования. Среди памятников территории Северной Евразии имеется ряд объектов, дающих

прекрасную стратиграфию. Прежде всего, в этом списке следует упомянуть торфяниковые стоянки и их шлейфы, а также аналогичные им пойменные памятники и слои, сопряженные с конусами выноса (Сорокин, 2012). Все это объекты быстрой аккумуляции, где реально присутствуют разновременные культурные слои и чистые закрытые комплексы. Однако методика их раскопок чаще всего неадекватна сложности археологического источника, ибо исследуются они традиционными способами, а даже если и применяется пространственная методика, то трехмерной фиксации подвергаются исключительно находки, а исследование генезиса и тафономии культурных слоёв, увы, не производится. Последние годы под комплексностью изучения памятников археологии стандартно понимается взятие радиоуглеродных и палинологических образцов. Однако это лишь вершина айсберга. Без непосредственного полевого участия геоморфологов, палеогеографов, почвоведов, мерзловедов, торфологов, русловедов, лимнологов, палеобиологов и других специалистов-естественников дело с мёртвой точки не сдвинется. А это означает, что археология по-прежнему наука, вооруженная лопатой, и её выводы строятся преимущественно на песке. Пора осознать, что без учета природных составляющих, познания естественных процессов и закономерностей, а также полноценной источниковедческой критики решить вопрос подосновы раннего неолита невозможно.

Подведём краткие итоги. Закономерности функционирования и позицио-

нирования каменных и керамических изделий разные: пищу готовят далеко не всегда там же, где обрабатываются шкуры, тем более, охотятся или рыбачат. В условиях медленной седиментации планиграфическое совпадение каменных изделий и керамики не может служить строгим аргументом их одновременного бытования.

Случаи совместного залегания изделий мезолитического облика и ранненеолитической керамики в одних и тех же компрессионных слоях стоянок Северной Евразии не следует интерпретировать в качестве свидетельства принадлежности одному и тому же населению, продукта взаимодействия разных популяций, отражением процессов аккультурации и, тем более, основанием мезолитической подосновы ранненеолитических индустрий.

Присутствие мезолитического инвентаря в ранненеолитических индустриях лесной зоны – это результат естественных, а отнюдь не культурно-исторических процессов. Почвенный горизонт в целом – это место максимальной активности фауны и других видов педотурбаций, что имеет неизбежным следствием перемешивание природных и археологических материалов. Открытый автором феномен натурации (Сорокин, 2002) является реальным выражением несостоятельности идеи всеобщности «мезолитической подосновы ранненеолитических индустрий».

Расчётная скорость седиментации весьма мала для формирования источниковедчески надёжных источников, она

не даёт возможности быстрого формирования культурных слоёв и строгой корреляции параллельно идущих исторических процессов. Стандартные памятники зандровой зоны Северной Евразии в силу источниковедческих ограничений не позволяют решать проблему генезиса раннеолитических индустрий. Это означает только одно: идею генезиса «неолитических» культур на «местной мезолитической основе» следует считать очередным заблуждением и отказаться от неё.

Тем не менее, я отнюдь не исключаю, какого бы то ни было участия мезолитического населения в зарождении раннеолитических популяций. Хочу

лишь подчеркнуть, что стандартные процедуры и методики, используемые применительно объектов Северной Евразии, неуместны для этого, и вопрос о подоснове раннего неолита в каждом конкретном случае следует решать лишь на стратифицированных объектах разовой аккумуляции с использованием всего спектра естественнонаучных методов изучения и источниковедческой критики. Только комплексный подход к исследованию памятников археологии способен дать ответ на вопросы о подоснове раннеолитических индустрий и о роли местного мезолитического населения в их генезисе.

Список литературы

- Археология: Неолит Северной Евразии / *Отв. редактор – С. В. Ошибкина*. М.: Наука. 1996. – 380 с.
- Величко А. А., Грибченко Ю. Н., Куренкова Е. И., Новенко Е. И. Геохронология палеолита Восточно-Европейской равнины // *Ландшафтно-климатические изменения, животный мир и человек в позднем плейстоцене и голоцене*. М. 1999. С. 19–50.
- Воробьева Г. А., Бердникова Н. Е. Геоархеологические объекты как основа для изучения природно-культурных циклов (Байкальская Сибирь) // *Циклы природы и общества: Материалы VI Международной конференции «Циклы природы и общества»*. Ставрополь: Изд-во Ставропольского ун-та. 1998. Ч. 2. С. 81–83.
- Грачева Р. Г., Сорокин А. Н., Малясова Е. С., Успенская О. Н., Чичагова О. А., Сулержицкий Л. Д. Погребенные почвы и культурные слои в условиях заболоченных равнин: возможности и ограничения методов археологических и природных реконструкций // *Культурные слои археологических памятников. Теория, методы и практика исследований. Материалы научной конференции*. М.: ИГ РАН, ИА РАН, НИА – Природа. 2006. С. 186–206.
- Гурина Н. Н. Неолит лесной и лесостепной зон Европейской части СССР // *МИА*. Вып. 166. Л.: Наука. 1970. С. 134–156.
- Гурина Н. Н., Крайнов Д. А. Льяловская культура // *Археология: Неолит Северной Евразии*. М.: Наука. 1996. С. 173–179.
- Динамика ландшафтных компонентов и внутренних морских бассейнов Северной Евразии за последние 130 000 лет. Атлас-монография: Развитие ландшафтов и климата Северной

- Евразии. Поздний плейстоцен – голоцен – элементы прогноза. Вып. 2. Общая палеогеография / Под ред. профессора А. А. Величко. М.: ГЕОС. 2002. 232 с.
- Жилин М. Г. Природная среда и хозяйство мезолитического населения центра и северо-запада лесной зоны Восточной Европы. М.: Academia. 2004. – 144 с.
- Жилин М. Г. Мезолитические торфяниковые памятники Тверского Поволжья: культурное своеобразие и адаптация населения. М. Издательский дом «Лира». 2006. – 140 с.
- Жилин М. Г., Костылева Е. Л., Уткин А. В., Энговатова А. В. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья (по материалам стоянки Ивановское VII). М.: Наука. 2002. – 245 с.
- Замостье 2: озерное поселение древних рыболовов эпохи мезолита-неолита в бассейне Верхней Волги / Лозовский В. М., Лозовская О. В., Клементе-Конте И. - ред. СПб.: Изд-во ИИМК РАН. 2013. – 240 с.
- Колосов А. В. Финальный палеолит и мезолит Посожья. Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2015. – 176 с.
- Кольцов Л. В. Некоторые итоги изучения мезолита Волго-Окского междуречья // СА. 1965. № 4. С. 17–26.
- Кравцов А. Е., Сорокин А. Н. Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита. М. 1991. – 74 с.
- Крайнов Д. А. Верхневолжская культура // Археология. Неолит Северной Евразии. М.: Наука. 1996. С. 166–192.
- Крайнов Д. А., Кольцов Л. В. 25 лет (1959–1983) Верхневолжской экспедиции Института археологии Академии наук СССР // СА. 1983. № 4. С. 267–271.
- Крайнов Д. А., Хотинский Н. А., Урбан Ю. Н., Молодцова Е. М. Древнейшая раннеолитическая культура Верхнего Поволжья // Вестник Академии наук. 1973. № 5. С. 80–84.
- Крайнов Д. А., Хотинский Н. А. Верхневолжская культура // СА. 1977. № 3. С. 42–68.
- Неолит и энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы / Отв. редакторы – В. И. Тимофеев, Г. И. Зайцева. СПб. 2003.
- Неприна В. И. Неолит ямочно-гребенчатой керамики на территории Украины. Киев: Наукова думка. 1976. – 131 с.
- Неприна В. И., Зализняк Л. Л., Кротова А. А. Памятники каменного века Левобережной Украины. Киев: Наукова думка. 1986. – 234 с.
- Палеогеографическая основа современных ландшафтов / Под ред. А. А. Величко и Л. Старкея. М.: Наука. 1994. – 206 с.
- Палеогеография Европы за последние сто тысяч лет: Атлас-монография / Под ред. профессора А. А. Величко. М.: Наука. 1982. – 156 с.
- Раушенбах В. М. Древнейшая стоянка льяловской культуры // СА. № 2. 1964. С. 188–191.
- Раушенбах В. М. Племена льяловской культуры // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы / Труды ГИМ. Вып. 44. М.: Советская Россия. 1970. С. 35–78.
- Раушенбах В. М. Новое местонахождение льяловской культуры // КСИА. 1979. Вып. 157. С. 52–57.

- Раушенбах В. М.* Неолитические поселения у села Заречье // Новые материалы по истории племен Восточной Европы в эпоху камня и бронзы / Труды ГИМ. Вып. 60. М. 1985. С. 48–69.
- Сорокин А. Н.* Парадоксы источниковедения мезолита Восточной Европы // Тверской археологический сборник / Отв. редактор – *И. Н. Черных*. Тверь. 2000. Вып. 4. Т. 1. С. 37–48.
- Сорокин А. Н.* Мезолит Жиздринского полесья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы. М.: Наука. 2002. – 251 с.
- Сорокин А. Н.* Проблемы мезолитоведения. The Mesolithologic Problems. М.: Гриф и К. 2006. – 214 с.
- Сорокин А. Н.* Многослойные памятники Русской равнины: состояние и перспективы // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Феномен геоархеологической многослойности Байкальской Сибири. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня открытия Б. Э. Петри Улан-Ходы. Иркутск: Изд-во ИГУ. 2012. С. 205–218.
- Сорокин А. Н.* Пролог. М.: ИА РАН. 2013. – 144 с.
- Сулержицкий Л. Д.* Время существования некоторых позднепалеолитических поселений по данным радиоуглеродного датирования костей мегафауны // РА. 2004. № 3. С. 103–112.
- Телегин Д. Я.* Неолит // Археология Украинской ССР. Киев: Наукова думка. 1985. С. 156–171.
- Формозов А. А.* Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М.: Изд-во АН СССР. 1959. – 124 с.
- Формозов А. А.* Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. М.: Наука. 1977. – 144 с.
- Цветкова И. К.* Племена рязанской культуры // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы / Труды ГИМ. Вып. 44. М.: Советская Россия. 1970. С. 97–153.
- Чайлд Г.* У истоков европейской цивилизации. М.: Изд-во иностранной литературы, 1952. – 466 с.
- Cauvin J.* Naissance des divinités Naissance de l'agriculture. La Revolution des symboles au Neolithique. Paris: CNRS Editions. 1994. – 304 p.
- Mellaart J.* The Neolithic of the Near East / The World of Archaeology Series. London: Thames and Hudson. 1975. – 300 p.
- Mellaart J.* Western Asia during the Neolithic and the Chalcolithic (about 12,000–5,000 Years Ago) / *S. J. de Laet (ed.)*. History of Humanity. Volume 1. Prehistory and the Beginnings of Civilization. Paris & London: UNESCO & Routledge. 1994. P. 425–440.
- Wood W. R., Johnson D. L.* A survey of disturbance processes in archaeological site formation // Advances in Archaeological Method and Theory / *M. B. Schiffer (ed)*. New York. 1978. Vol. 1. P. 315–381.

3: «БОЛОТНЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ»¹

*«Торфяники хранят в себе множество ценнейших
для археолога остатков древности»
Брюсов, 1963, с. 8*

*«...сплошь и рядом получается так, что разные археологи, изучая одни и те же
памятники и соблюдая одни и те же требования, получают разную информацию и
приходят к разным выводам»
Шер, 2004, с. 117*

Фундаментальное значение археологических источников, содержащих органические остатки, в настоящее время, пожалуй, уже ни у кого сомнения не вызывает. Непреходящее значение «болотных поселений» определяется, однако, не только тем, что они поставляют экстраординарные категории костяных, роговых и деревянных артефактов, но и всей совокупностью данных, которые важны для множества естественнонаучных дисциплин, а также прекрасной, в ряде случаев, стратиграфией отложений. Благодаря этому возможно не только постижение всего многообразия древней утвари, культовых предметов, культурной специфики артефактов, хронологии и соотношения древностей, но и особенностей

адаптации населения, а также установление объективной последовательности событий и их строгого распределения во времени. Не менее существенны и те данные, которые можно получить о развитии животного и растительного мира, климата, окружающей среды и почв. Сказанное, в свою очередь, позволяет «вдохнуть новое содержание» и в массу традиционных археологических источников, слои которых залегают в минеральных грунтах и лишены не только органических остатков, но, как правило, и стратиграфии.

Между тем мультидисциплинарный подход к изучению «болотных поселений» выработался далеко не сразу. Сенсационные открытия на Уральских торфяниках – Шигирском и Горбунов-

¹ Воспроизводится по изданию А. Н. Сорокин. Мезолитоведение Поочья. М.: Гриф и К. 2008. С. 83–102. Идея этого сюжета принадлежит В. В. Сидорову, текст написан совместно.

ском, – пробудившие живейший интерес отечественных исследователей, не привели, тем не менее, к «болотной лихорадке». Успешные раскопки в предвоенное время на торфяниках под руководством А. Я. Брюсова и М. Е. Фосс, а в 1950–1970-е годы – Н. Н. Дикова, В. М. Раушенбах, Д. А. Крайнова, Г. М. Бурова, А. М. Микляева и другие, проводившиеся в ряде случаев с использованием естественнонаучных методов, тоже дали выразительные и достаточно многочисленные материалы. Однако результаты и этих исследований в своей значительной части так и не дошли до широкой читательской аудитории.

Значительный прорыв в 1970–1980-е годы связан с раскопками С. В. Ошибкиной стоянок и могильников культуры веретяе в Прионежье, результаты которых были опубликованы в трёх монографиях (*Ошибкина*, 1983, 1997, 2006). В Волго-Окском междуречье существенных успехов в исследовании торфяников, начиная с конца 1980-х гг., добился М. Г. Жилин. Он не только исследовал раскопками свыше 20 памятников, но и сделал доступными их результаты, опубликовав значительное число статей и монографию (*Жилин*, 1998, 1999, 2001, 2002а-в, 2004а, 2004б; 2005; *Аверин, Жилин*, 2001; *Жилин, Костылева, Уткин и др.*, 1998; *Зарецкая и др.*, 2002; *Zhilin*, 1998, 2003, 2005; *Zhilin, Matiskainen*, 2003). Эту «массовость» следует считать его безусловной заслугой. Между тем хорошо известно, что массовые раскопки А. С. Уварова муромских могильников привели не только к великолепной выставке,

но и практическому обесцениванию всех полученных «с наскоку» древностей. Не привели к радикальным выводам и многочисленные новостроечные экспедиции 1960–1980-х гг. на великих стройках коммунизма. Горы добытых в то время материалов так и пылятся, в лучшем случае, в запасниках, а большей частью попросту утрачены. Попробуем оценить и результаты исследований М. Г. Жилина на примере исследований всего одного памятника – стоянки Становое 4. Однако прежде, чем обратиться к этим материалам, необходимо сделать несколько предварительных замечаний общего характера.

Как известно, «торф накапливается в болотах... в условиях повышенной влажности и затрудненного доступа воздуха» (Геологический словарь, 1978, т. 2, с. 320). Ещё Г. И. Танфильев в конце XIX в. писал, что «в местах, где течение реки сколько-нибудь быстрое и где она отлагает минеральную мусть, трудно, конечно, ожидать присутствие торфа, образующегося только в водах стоячих. ...Заболачиваются, прежде всего, мелководные прибрежные участки водоёмов, отчего постепенно затрудняется выход к «живой» воде» (*Танфильев*, 1953, с. 31). Вот почему в местах обитания населения процессы заболачивания требуют специального обустройства прибрежья, его «инженерного» обеспечения в виде гатей, помостов, площадок, подсыпок и т. д. Практика показывает, что благоприятные условия, пригодные для жизни человека на болотах и торфяниках, возникают не так уж часто.

Следует особо подчеркнуть, что обычно артефакты попадали в торф в моменты, не связанные с его непосредственным формированием. Они могли попасть в торфяные слои с вышележащей суходольной площадки уже после момента обитания, вследствие её разрушения или из-за подтопления. Могли быть втоптаны в торфяную почву в процессе функционирования поселения, возникшего на осушенном торфянике. Наконец, торф мог сформироваться из органических аллювиальных наносов, включавших переотложенные артефакты. И лишь в редчайших случаях оба этих процесса – обитания и торфообразования – совпадали по времени.

Судя по всему, среди всего вышеперечисленного наименее вероятно одновременное формирование культурных и торфяных слоёв, ибо, если не было экстраординарных обстоятельств, человек всегда выбирал сухие участки местности рядом с открытой водой и не использовал неудобья. Обвоженные и оторфованные места, примыкавшие к периферии поселений, отделяли суходолы от открытой воды и служили естественной помехой в экосистеме. Будучи естественным препятствием, заболачивающиеся и торфяные участки, как отмечалось, требовали расчистки или иного обустройства, то есть археологически неизбежно должны содержать свидетельства специального приспособления увлажненного места под среду обитания. Это, прежде всего, должно было выразиться в наличии различных песчаных или песчано-берестяных

подсыпок, в виде специальных линз-подкладок под костры, присутствии различных сооружений – настилов, помостов или гатей, позволяющих передвигаться в пределах топких или обвоженных отрезков берега, а также специально оборудованных оснований под полами жилищ. Наконец, под кострищными пятнами должен присутствовать коксованный торф. Однако все эти признаки обнаруживаются археологически крайне редко.

Присутствие человека меняет условия процесса торфообразования. Любые признаки человеческого воздействия на оторфованную почву должны быть выявлены и зафиксированы при полевом исследовании. В любом случае, при совпадении по времени двух вышеназванных процессов непременно должны присутствовать признаки человеческой деятельности не только в виде тех или иных попавших в торф артефактов, часто многочисленных, но и осязаемых продуктов строительного-хозяйственной (бытовой) деятельности, а также следов ландшафтного воздействия. Только в этом случае можно корректно соотносить время обитания на памятнике с процессами торфообразования. Практика же чаще показывает картину совсем иную. Стандартной находкой вне жилых площадок в торфяных отложениях служат всевозможные колья, которые исследователи единодушно интерпретируют в качестве рыболовных заголов, но никак не в виде элементов строительных конструкций. Кстати, это традиционное истолкование далеко не бес-

спорно, ведь колья чаще тянутся вдоль берега, тогда как заколы должны устанавливаются поперек реки. Таким образом, реалистичнее представляется их использование для оборудования прибрежья в виде мостков или причалов.

Достаточно обыденны в торфяной толще и различные вещи. Тем не менее, даже их многочисленность не свидетельствует, что это жилые площадки, ибо в этих слоях отсутствуют, как правило, сооружения, конструкции и самые обычные кострища. Поэтому считать подобные места концентрации материалов жилой зоной – глубокое заблуждение. К сожалению, подобная интерпретация довольно стандартна до сих пор (Дозовский, 1997; Алешинская, Лаврушин, Спиридонова, 2001; Жилин, 2001). Между тем, скопление артефактов и мусора среди колея, в прибрежье, отлично иллюстрирует картину их накопления в виде свалки, а не собственно жилого пространства, и не предполагает их объяснения как суши.

Редким исключением из общего ряда были стоянки Маслово Болото 4 (Сидоров, Балинский, 1974) и Воймежное 1 (Алешинская, Воронин, Лаврушин и др., 1997), где торфяные слои сформировались до появления человека и продолжали нарастать одновременно с культурным слоем, консервируя следы функционирующих поселений. Это стало возможным только в условиях трансгрессий, вызванных заболачиванием озёр. Насколько можно судить, очень похожие условия формирования слоя были и на стоянке Сарнате (Ванкина, 1970). Не исключено,

что подобные же условия существовали на торфянике Озерки под Тверью (Жилин, 1994, 1996).

Несмотря на устойчивость выражения «болотные поселения», как правило, мы имеем дело не с собственно торфяниковыми стоянками, а с их прибрежными шлейфами. Таковы «торфяниковая стоянка» Заречье 3, береговые участки Владычинской Береговой и Чёрной Горы. Многочисленные стоянки озёрного каскада р. Дубны тоже крайне редко сохраняют слои жилых площадок поселений (Сидоров, 1996, 1997). В основном они были разрушены трансгрессией и только в редких случаях оказались погребены под торфом и озёрной глиной. Среди них – льяловские слои Замостья 5, сформировавшиеся поверх аллювиальных шлейфов мезолитических и раннеолитических стоянок. Условия формирования слоёв этого памятника и обстоятельства попадания в них археологического материала подробно описаны (Сидоров, Сорокин, 1997, 2001; Sidorov, Sorokin, 2000) и нет необходимости повторяться.

Стоянка Замостье 2, также расположенная на Заболотском торфянике, синхронна и близка в культурном отношении стоянке Замостье 5. Однако оба этих памятника приурочены к разным берегам одного и того же русла Пра-Дубны. Это определило различия в условиях формирования и разрушения их слоёв. Поэтому нет сомнения, что истолкование мезолитических слоёв стоянки Замостье 2, как сформировавшихся в условиях жилой площадки на осушенном

берегу озера (*Алешинская, Лаврушин, Спиридонова, 2001*), выполнено без учета литологии отложений. Наши наблюдения показывают, что артефакты и органика заключены здесь в толщу растительного детрита, который стандартно формируется в приустьевых косах, а не на суходолах. О водной среде свидетельствует и приуроченность артефактов к прослоям сапропелей. Таким образом, интерпретация этого участка в качестве жилой площадки основана исключительно на обилии находок. Следовательно, она никак не соответствует реалиям. Судя по полевым наблюдениям и результатам почвенного зондирования, жилая площадка Замостья 2 располагается к западу от линии раскопов, вытянутых вдоль современного искусственного русла р. Дубны. И, в силу этого, осталась практически не исследованной.

Достаточно обычны на торфяниках и промоины, от чего поздние находки, например керамика, в ряде случаев встречаются и в мезолитических слоях. Иллюстрации этого даёт всё то же Замостье 2, где в нижнем мезолитическом слое эпизодически можно встретить не только верхневолжские, но даже льяловские черепки. Анализ распределения артефактов со всей очевидностью показывает, что залегание находок на одной глубине тоже далеко не всегда означает их единовременность, виной тому служат всё те же многочисленные промоины, далеко не всегда чётко визуально прослеживаемые. Как правило, промоины бывают ориентированы перпендикулярно берегу. Их заложение связано

с периодами низкого стояния воды, а заполнение, напротив, происходит при её подъёме. Это обязывает тщательно фиксировать любые изменения структуры напластований, что на практике случается исключительно редко.

В ходе работ на Заболотском торфянике были получены достоверные данные по распределению материалов на суходольных и прибрежных участках стоянок, резко контрастирующие между собой. В раскопах 1 и 3 геоархеологического объекта Монино 2, располагающихся на суходоле, хорошо сохраняются могильные и хозяйственные ямы, зато археологическая стратиграфия «смазана» почвенными процессами и органика фрагментарна. В раскопе 2, занимающем прибрежный склон Пра-Дубны, выразительные ямы отсутствуют, однако имеются разновременные и разнокультурные слои, в которых прекрасно сохраняется фауна и изделия из органических материалов, а также представлены антропологические остатки, возможно со следами преднамеренного раскалывания (Среда обитания человека., 2002). В нижних слоях раскопа 2 отмечена и сортировка костных остатков («мясной комплекс»).

Наблюдения над отложениями стоянки-могильника Замостье 5, где имеется не менее девяти культурных горизонтов и представлены водные и суходольные отложения, позволяют утверждать, что состав артефактов в них также резко отличен. Так, водные отложения дают остатки, связанные по преимуществу с рыбной ловлей, а в суходольных слоях,

напротив, доминируют орудия охоты и хозяйственно-бытовые предметы.

Анализ распределения костяных, роговых, деревянных и каменных изделий стоянок-могильников Замостье 5 и Минино 2 позволяет уверенно говорить об их разном соотношении на суходольных и прибрежных участках и в шлейфах. Если на суходольных участках древесина практически не сохраняется, то в шлейфах, напротив, она может резко доминировать над всеми другими находками. Причём это относится как к артефактам, так и в ещё большей мере – к необработанной древесине. Соотношение костяных и каменных изделий на суходоле зависит от характера конкретного участка памятника. В водной среде тоже присутствует своеобразная «функциональная специализация». Если исключить орудия неясного назначения, и те, которые чётко, как рыболовные крючки или блесны, связаны с рыболовством, то в нижних слоях водного генезиса наиболее часты находки каменных грузил и рубящие орудия. Причём это характерно для всех нижних слоёв Замостья 5, вне зависимости от культурной принадлежности залегающего в них инвентаря. А вот скребки и наконечники стрел там, как правило, единичны, если вообще есть.

В процессе полевых изысканий установлено, что отложение в шлейфах разнородных предметов происходит порозному. Течение сортирует материал по удельному весу и форме. Дальше всего, если исключить древесину, от суходола уносит птичьи косточки и мелкие кости млекопитающих, а также кремне-

вые чешуйки. Ближе к берегу оседают костяные орудия, мелкие отщепы и черепки керамики. Практически не перемещаются крупные каменные изделия и значительные по размерам керамические фрагменты. Благодаря этой «естественной сортировке» уже по составу находок в русловом аллювии можно определять расстояние, отделяющее их от суходола. Всё это обязательно следует учитывать как при оперировании процентными соотношениями изделий, так и при определении характера конкретного участка памятника.

Не всё просто и с образцами для естественнонаучного датирования, особенно если для этого используются не артефакты, а необработанная органика. Даже угли, происходящие из кострищных пятен, и сами они могут быть следами пожаров, возникавших на памятнике или в его окрестностях, причём не обязательно в момент его функционирования. Нельзя исключать при этом и эффекта углефикации древесины, когда обугливание происходит естественным путём. В подобных случаях возраст образца в принципе не сопоставим со временем формирования слоя.

Следует также помнить, что большая часть древесины на памятниках естественного происхождения, и её залегание в том или ином слое совсем не обязательно связано с деятельностью человека. Очень часто это может быть топляк или погребённая древесина, тогда их возраст не будет сопрягаться с археологическим материалом. Следует исключить и плавник, принадлежность

которого к слою далеко не однозначна. А лес, выросший на площади памятника, тоже совсем не обязательно синхронен ему. Это, прежде всего, относится к корневой системе, которая, как известно, не висит в воздухе, а заключена в грунте, причём укореняется там совсем не обязательно в то время, когда бытовала стоянка.

Не менее опасно и использование ряда изделий. Так, стандартной и наиболее массовой находкой из древесины являются различные колья. Часто они располагаются вертикально или с небольшим наклоном, и проходят несколько разных слоёв. Эта особенность объясняет одну из причин возможного омоложения образцов, в тех случаях, когда фрагменты колея берутся для радиоуглеродного датирования. Верхняя часть кола, как правило, подвергается более существенному кислородному воздействию и, следовательно, уничтожается быстрее, чем нижняя. Поэтому реальное стратиграфическое положение его сохранившейся верхней части далеко не всегда соответствует тому горизонту, откуда кол был забит. Заостренная нижняя часть сгнивает быстрее, чем средняя часть, поэтому не всегда вертикально, наклонно и даже горизонтально ориентированные в слое фрагменты древесины распознаются в качестве колея. И эти образцы, следовательно, могут значительно омолодить или, напротив, удреветнить слой. Наконец, не стоит уповать и на горизонтально лежащие колья, ибо любые длинные предметы могут подвергаться мерзлотному воздействию (вытягиванию или выталки-

ванию) и их археологически зафиксированное положение вовсе не обязательно соответствует реальному «прижизненному» уровню. Не менее опасно использование щепы, которая тоже в силу плавучести и из-за промоин может оказаться в конкретном слое случайно.

Представляется очевидным использовать радиоуглеродные даты, полученные по образцам из конструкций, но и они нуждаются в строгой проверке. Например, четыре образца, взятые из деревянного помоста Замостья 5, определяют его возраст в 6500 и 7500 л. н. Одновременно восемь дат по древесине из отложений, вмещающих помост, близки 7500 л. н. Это достоверно позволяет считать две первых даты в 6500 л. н., хотя они и происходят из конструкции, омоложенными.

Аналогичные метаморфозы нередко случаются и с палинологическими образцами. Две колонки, взятые по одной и той же южной стенке раскопа 2 Минино 2 на расстоянии 3 м друг от друга, при внешне одинаковой стратиграфии отложений, дали абсолютно непохожие спектры (Среда обитания человека., 2002).

Следовательно, понимание характера торфяного (оторфованного) культурного слоя требует специального исследования и комплексной палеогеографической реконструкции, приложенной не только к памятнику как элементу ландшафта, но и непосредственно к любому его полигону. Характеристика стратиграфии в целом – малосодержательна. Учитывая многообразие природных процессов, воздействующих

на слои и артефакты (Wood, Johnson, 1987), нужно определять условия формирования слоёв в пределах каждого участка. Отложения жилых площадок летних и зимних стоянок, свита напластований береговых склонов и прибрежных зон, как и подводные шлейфы культурных слоёв, могут различаться друг от друга, и весьма значительно. Это же относится и к признакам углублённых и наземных жилищ, ям и других сооружений, встречающихся на первобытных памятниках.

Необходимо отметить одно немаловажное обстоятельство, которое обычно не учитывается. Само по себе наличие или обилие артефактов на какой-либо даже компактной площади не является достаточным основанием для интерпретации данного участка в качестве жилой площадки. Требуется, прежде всего, уяснить генезис и литологию отложений, где встречаются эти скопления, их генетическую принадлежность, а также определить условия попадания и накопления в них материала. Так, повышенная концентрация возникает, как правило, не столько на суходолах, сколько на участках обогащения – в склоновых прогибах, прибрежных омутах и русловых желобах, то есть там, куда смывался и где в силу обстоятельств сосредотачивался перемещенный материал. Природа таких участков концентрации в ряде случаев поддаётся определению. Это вызвано различиями в литологии отложений и тем, что происходит сортировка изделий по удельному весу, размерам, форме и их ориентировке. Немаловажно и то, что сохранность артефактов

на участках переотложения порой гораздо лучше, чем на жилых площадках. Да это и понятно, ибо в отличие от них в прибрежной зоне или воде артефакты меньше подвергались непосредственному воздействию человека, следовательно, им не грозила особая фрагментация. Кроме того, возможность постоянных «сезонных захоронений» артефактов, быстрое накопление и слоистость отложений, как вмещающих, так и перекрывающих культуросодержащие пласты, постоянство среды и некоторые другие факторы позволяют формироваться таким особым участкам памятников, которые наиболее выразительны и «богаты» в источниковедческом отношении. В то же время они не являются суходолами, то есть, собственно местами обитания, а служат лишь местами концентрации (сосредоточения) перемещённого материала.

Немаловажно и почвенное воздействие на общее состояние культурных слоёв. Полевые наблюдения, полученные при раскопках торфяниковых стоянок, показывают, что суходола, как правило, стратиграфически «смазаны», а находки в них смешаны. Шлейфы же, напротив, дают прекрасную стратиграфию разновременных слоёв и находок. Это их «выдающееся» положение часто оказывается роковым в реальном восприятии и последующей археологической интерпретации. Эффект «запаздывания стратиграфии» на суходолах обусловлен как воздействием человека, так и в значительно большей мере почвенными процессами. Напротив,

«сезонная» седиментация в водной среде создаёт излишнюю слоистость и требует, в ряде случаев, генерализации. В любом случае, однако, для корректной реконструкции необходимо, прежде всего, установление генезиса отложений.

В пределах торфяной и сапропелевой толщ находки залегают во взвеси, проваливаясь на разную глубину в зависимости от удельного веса, формы, габаритов и первоначального положения. При этом конкретные глубины залегания материала оказываются в ряде случаев малоинформативными для выделения слоёв. В лучшем случае тут фиксируются «горизонты уплотнения», на которые проецируются находки. Они и выделяются чаще всего как поверхности концентрации в толще аллювиальных шлейфов, но это никак не традиционные культурные слои. Впрочем, это не отменяет саму необходимость пространственной фиксации артефактов и отложений, ибо только так могут быть получены достоверные и проверяемые сведения.

Всё это позволяет утверждать, что озёрно-болотные памятники эффективны и выразительны с точки зрения добываемого материала, но чрезвычайно сложны для понимания и интерпретации. Причём даже очевидные полевые наблюдения требуют всесторонней проверки на достоверность.

После этого затянувшегося, но необходимого предисловия обратимся к одной из интереснейших, многослойных

стоянок – Становое 4, ставшей широко известной, благодаря обилию публикаций, в которых отражаются результаты её раскопок (Аверин, Жилин, 2001; Жилин, 2002, 2004а, 2004б, 2005; Zhilin, 1999, 2005; Zhilin, Matiskainen, 2003; Зарецкая, Успенская, Жилин, 2002).

Стоянка Становое 4 располагается в Комсомольской районе Ивановской области, около истока р. Лахость из Подозёрского торфяника. Речка Лахость – правобережный приток р. Волги, который впадает в неё на территории Ярославля (Жилин, 2002, 2004б). Памятник был открыт М. Г. Жилиным в 1992 г. и раскопан им в 1993–2002 гг. на площади около 600 кв. м (Жилин, 1998, с. 25–31; 2001; 2002а, с. 5–25; 2002б, с. 112–122; 2002в, с. 107–116; Аверин, Жилин, 2001, с. 8–16; Алешинская, 2001, с. 10–16; Зарецкая, Успенская, Жилин, 2002, с. 117–122; Zhilin, 1998, р. 149–175; Zhilin, Matiskainen, 2003, р. 694–702). Всего было заложено четыре раскопа. Небольшой раскоп 1, по данным М. Г. Жилина, был приурочен к гребню мыса (суходолу), остальные – к его восточному и южному береговым склонам² (Жилин, 2002, 2004, 2005). В раскопе 1 изделия были довольно немногочисленны (Жилин, 2005, с. 21, 22), а раскоп 4 – по словам М. Г. Жилина – вообще целиком попал «в различные водные отложения» (Жилин, 2005, с. 33), и артефакты там были единичны. Напротив, раскопы 2 и 3 дали основную массу материала.

² Эта интерпретация М. Г. Жилина, судя по результатам анализов, неверна и раскопы 2 и 3 локализируются в русловой, подводной части, примыкающей к суходолу и жилой площадке памятника.

В раскопе 1 (16 кв. м), который пришёлся на суходол, присутствуют два культурных слоя, в раскопе 2 (139 кв. м) их было найдено четыре³ и в раскопе 3 (307 кв. м) – также четыре. О числе слоёв в раскопе 4 (97 кв. м) и составе находок данных нет (Жилин, 2005).

На памятнике не только имеется несколько стратиграфических слоёв, но и для всех них получено 50 радиоуглеродных дат. Это позволяет высказать предположение, что он может претендовать на звание опорного, по крайней мере, для периодизации мезолита. В качестве такового Становое 4 и рассматривается автором раскопок – М. Г. Жилиным (Жилин, 2002, 2004а, 2004б, 2005; Аверин, Жилин, 2001; Zhilin, 1998; Zhilin, Matiskainen, 2003). Постараемся определить, насколько это предположение соответствует действительности?

Подробное описание стратиграфии раскопов (Жилин, 2002, 2005) освобождает от необходимости её повторения. Слои схожего литологического состава получили одинаковую нумерацию во всех раскопах, единообразно и обозначение культурных комплексов. Это удобно для восприятия авторской концепции. К сожалению, определяющими при этом становятся не фактура и генезис слоёв, а их археологическое истолкование.

По представлениям М. Г. Жилина во всех случаях, кроме раскопа 4, им были исследованы жилые площадки сменявших друг друга стоянок, которые возни-

кали в период регрессий на обсыхавшем окончании мыса и исчезали в период трансгрессий (Жилин, 2005). Известную динамику «жизни» различных стоянок могло бы дать сопоставление их планов или хотя бы данные шурфов и кернов, если последние были. Но они в статьях, как, впрочем, и в полевых отчетах, отсутствуют. Поэтому оперировать приходится лишь схематическим планом с местоположением раскопов (Жилин, 2002, с. 107), схемой итоговой реконструкции (Жилин, 2002, с. 114; 2005, с. 34) и полагаться, прежде всего, на опыт работы в аналогичных условиях и общеметодологические представления.

М. Г. Жилин считает, что им исследовано «поселение, приуроченное к мысу озёрной террасы», который был ограничен, омывающей его, протокой (Жилин, 2002, 2005, с. 21). Для решения этого вопроса остро не хватает характеристики самого Подозёрского палеоозера в верховьях р. Лахости, к которому приурочен памятник, его режима в разные стадии развития, выраженности береговой линии, конусов выноса в устьях притоков и т. д. Здесь было бы весьма полезно проработать палеогеографическую литературу, а при отсутствии непосредственных данных – применить аналоговый метод. Имеющейся в статьях схемы явно недостаточно для того, чтобы получить полноценное представление, как о самом палеоозере, так и расположенном на нём памятнике.

³ В статьях М. Г. Жилина упоминается пять культурных слоёв, но в одном из них – Ша – находки отсутствовали (Жилин, 2002, 2005), это означает, что его выделение нельзя признать достоверным.

В качестве примера можно использовать данные по Ивановскому, Беренде-евскому (Хотинский, 1977) или Заболотскому торфяникам (Сидоров, 1996). Тогда становится понятным, что Подозёрский торфяник – всего лишь малая часть в каскаде озёр, объединяемых руслом сброса ледниковых вод из Молого-Шекснинского и Костромского озёр (Квасов, 1975). Ещё в бытность обширным зандровым озером по его периметру формировались береговые валы, а после распада – цепочка озёр и, сопутствующие ей, озёрные створы. Один из таких створов и разделяет два палеозера на плане-реконструкции М. Г. Жилина. Весьма характерный изгиб западного склона берегового вала хорошо читается на нём и располагается напротив прогиба поверхности на противоположном берегу. Он показывает, что эта широтно-ориентированная ложбина была долиной притока, который своими наносами отодвигал русло Пра-Лахости к востоку. Обращение к сугубо археологическим сведениям о топографии и стандартном местоположении озёрных стоянок показывает, что створ и излучина на песчаной гриве правого берега реки как раз и служили некогда таким самым удобным и выигрышным местом для поселения в пределах конкретного микрорегиона.

Анализ статей М. Г. Жилина со всей очевидностью показывает иное. За жилые площадки стоянок им были приняты места нахождения массового археологического материала, хотя массовость в отношении слоёв IIIa и IV им сильно

преувеличена (Жилин, 2002, 2005), а никак не выявленная кернами (зондажом) реальная топография памятника. Даже если оставить в стороне данные О. Н. Успенской (Зарецкая, Успенская, Жилин, 2002) и исходить сугубо из археологических наблюдений, такой подход не может не вызвать удивления. Ибо ни в одном из раскопов не обнаружено никаких деталей – зольников, очагов, ям или других сооружений, характерных для жилых площадок. Нет даже обычных развалов сосудов в неолитических слоях, что само по себе очень странно, если признать достоверной интерпретацию М. Г. Жилина. Если в раскопе 1 виной тому его небольшая площадь, то в раскопах 2–4 – отсутствие суходольных отложений.

Наиболее интересен материал раскопа 3. В культурном отношении его самый нижний слой (IV) отнесен М. Г. Жилиным к раннему этапу так называемой бутовской культуры, поверх него залегают слой IIIa с иеневскими находками, ещё выше слой III с изделиями среднего (по М. Г. Жилину) этапа так называемой бутовской культуры. И, наконец, в самом верху лежит делювий, включающий мезолитические, верхневожские и льяловские изделия, а также сетчатую керамику (Жилин, 2002в, 2005).

Как известно, стратиграфия поддаётся расшифровке только в сочетании с палеогеографической реконструкцией. Уместен вопрос: насколько палеогеография оказалась прочитана М. Г. Жилиным? Изложенные в его статьях сведения (Жилин, 2002в, 2004б, 2005) позволя-

ют усомниться в этом. В них имеется достаточно материала для отрицательного ответа на поставленный вопрос и иного, чем им предложено, истолкования характера отложений. А, значит, другого понимания палеогеографической ситуации и основанной на ней реконструкции заселения микрорегиона. Хотя, к сожалению, ряд необходимых для этого данных отсутствует. Забегая вперёд, следует сказать, что предлагаемые здесь выводы полностью подкрепляются данными О. Н. Успенской, приведенными в её совместной с Н. Е. Зарецкой и М. Г. Жилиным статье (*Зарецкая, Успенская, Жилин, 2002*). Для обоснования сказанного обратимся, однако, к текстам М. Г. Жилина в одном из которых можно с удивлением прочесть: «Поднятие глинистой морены у устья протоки... создавало подпор, в силу чего течение в протоке было очень медленным» (*Жилин, 2002, с. 113*). В действительности всё было с точностью до наоборот. Ибо подпор в виде поднятия морены создаёт не тихую заводь, а узкий рукав – перекат, который неизбежно отличается довольно сильным течением. Таким образом, вопреки утверждению М. Г. Жилина в реальности присутствовало не медленное течение и мыс озёрного берега, а абсолютно типичная картина створа озера, запираемого моренной грядой, с быстрым течением на перекате. В этой связи следует подчеркнуть, что озёрные створы, где имеется доступ к воде из-за чего создаются несомненно благоприятные условия для рыбалки, – это стандартное место для размещения стоянок

(*Сидоров, 1992*). Сказанное определяется их топографической и промысловой выигрышностью. Вне сомнения, такие участки были наиболее близко расположены к воде, они хорошо дренированы и раньше обсыхают. Наконец, они наиболее приспособлены для рыболовства и непосредственного выхода к озеру, то есть, оптимальны для жизни. В качестве такого «выигрышного», «истокового», «створового» и следует рассматривать данный топографический полигон. Следовательно, перед нами не «мыс озёрной террасы на тихой заводь», как утверждает М. Г. Жилин, «глядя из раскопа», а типичный каскад в виде двух озёр, разделенных створом – сравнительно узкой горловиной с хорошо доступной проточной водой. При этом оба озера дренируются руслом, соединяющей их реки (протоки). Именно на створе, на обоих его удобных берегах, в узловых, выигрышных во всех отношениях точках ландшафта, периодически могли возникать стоянки первобытного населения. Ибо люди в то время ещё не были «вырваны из природы» и умело пользовались всеми её преимуществами. Такая реконструкция места определяет не только водный режим всей системы, седиментацию осадков, но и, в конечном итоге, особенности периодически возникавших здесь стоянок, процессов обживания этого места и условиями обитания, характер слоёв памятника, а, значит, и всю археологическую картину.

Продолжение моренной гряды на планах М. Г. Жилина (2002в, с. 114;

2005, с. 114) видно на левом берегу р. Лахости и обведено горизонталью высотой 3 м. Судя по всему, изначально сильное течение протоки на перекате обнажало моренное дно, удаляло поступающие сюда рыхлые наносы, вынося их в нижнее озеро. В конечном итоге данное обстоятельство способствовало обмелению последнего. Одновременно в заводях, неизбежно сопровождающих перекаты, могло происходить образование локальных шлейфов, слоистость которых возникала естественным путём, главным образом, за счёт весенних паводков. Как известно, шлейфы не откладываются поперёк текущей воды (на стрежени водотока), где они размываются и откуда выносятся, их вектор ориентирован вдоль русла. Следовательно, их дислокация с севера на юг определяется меридиональным местоположением палеоозёрного каскада и топографией места. Если оба водоёма локализованы М. Г. Жилиным верно, то шлейфы могли формироваться лишь к югу от суходолов, в заливах мысовидных уступов моренного створа, с их тыльной стороны. В тех случаях, когда сюда с места поселения спорадически попадали артефакты, скорость формирования шлейфов определяла возможность их стратиграфического «разведения» по разным прослоям.

К сожалению, в публикациях остро не хватает высотной привязки раскопов друг к другу – это затрудняет понимание древнего рельефа и общего характера залегания слоёв. Если бы были связаны между собой высоты разных раскопов, это в значительной мере прояснило бы

всю картину. Однако и по опубликованным планам (Жилин, 2002в, с. 107, 114, 118) видно, что перепады высот здесь достаточно велики для равнинных участков. Современная поверхность раскопов 1 и 2 различается друг от друга не менее чем на 1 м, а перепады материка (древней поверхности) в пределах раскопов составляют более 1,5 м на расстоянии около 30 м. Это для берегов равнинных озёр, тем более, озёрных террас, весьма много. Учитывая абрис древней протоки, имеющиеся высотные отметки местности и толщину донных отложений, можно утверждать, что первый суходол может располагаться только к западу (он частично вскрыт в раскопе 1), северу и северо-западу от раскопа 2, а второй – на мысу левого берега Пра-Лахости (частично вскрыт в раскопе 4). То есть там, где масштабные раскопки не производились.

Известно, что базисом эрозии любой протоки является уровень нижележащего озера (Квасов, 1975). Зарастание нижнего озера неизбежно ведёт к подъёму воды не только в нём, но и к замедлению течения в самой протоке, к берегам которой могли быть приурочены памятники. Это и привело к изменению режима седиментации наносов, отражённому в смене их составляющих, что фактически и было зафиксировано М. Г. Жилиным, но не было правильно понято им. В этой связи следует отметить, что именно как сугубо водные отложения (сапропели и органогенный ил) на основе комплексного биоморфного анализа их и интерпретировала О. Н. Успенская

(Зарецкая, Успенская, Жилин, 2002, с. 118). Одновременно со всей очевидностью это означает, что вскрытые раскопами участки не могут быть суходолами и местами поселений, а вот местом выноса с суходолов и аккумуляции в водной среде артефактов они не просто могут быть, но таковыми и являлись.

Говоря об интерпретации данных, следует отметить, что значительные колебания уровня озера не могут определяться климатическим фактором, как это объясняется, например, А. С. Алешинской, Ю. А. Лаврушиным и Е. А. Спиридоновой (Алешинская, Лаврушин, Спиридонова, 2001; Спиридонова, Алешинская, 1999, 2002), и мнение которых разделяет М. Г. Жилин. Ещё Д. Д. Квасовым со всей очевидностью было доказано, что в зоне избыточного увлажнения, а рассматриваемый торфяник, безусловно, относится к ним, уровни озёр зависят не от количества атмосферных осадков, а от высоты порога стока (Квасов, 1975). Даже незначительный подъём уровня озера автоматически вызывает многократное увеличение проходящего по руслу объёма воды, что в равнинных условиях бывает только во время весенних паводков, которые продолжаются всего несколько дней и не приводят из-за своей краткости к формированию террас.

Здесь принципиально отметить следующее обстоятельство. Любое, даже незначительное, увеличение количества проходящей по дренирующему руслу воды, приводит к расчистке русла от скопившихся в нём наносов, быстро-

му врезанию дна, а вслед за тем – неминому падению уровня озера. Таким образом, в Средней полосе увеличение количества осадков неизбежно и практически сразу же вызывает падение уровня озёр, их регрессию. И наоборот – их уменьшение ведёт к зарастанию русел, а, следовательно, к заболачиванию котловины и озёрной трансгрессии. При этом речь идёт только о колебаниях уровня озёр в пределах 0,3 м. Представить трансгрессию высотой в 1 м на равнинном озере, как это следует из реконструкции М. Г. Жилина, невозможно. Ибо она требует увеличения объёма воды в озере в сотни раз, чего на практике даже во время весенних паводков на протяжении всего голоцена в Восточной Европе никогда не наблюдалось. Таким образом, никакого основания связывать с подобными паводками и стоянки на р. Лахости нет. Вместе с тем, многослойность памятника лишней раз подчёркивает закономерность его геоморфологической позиции на озёрном створе и выигрышное топографическое положение данного места.

Слои, которые М. Г. Жилин воспринимает как торфяные, О. Н. Успенская совершенно обоснованно определяет в качестве сапропелей (Зарецкая, Успенская, Жилин, 2002). Но если торф формируется в зонах избыточного увлажнения (на мелководьях) и в прибрежных частях водоёмов при недостатке кислорода, то сапропель – это чисто водное образование. И никакие стоянки в нём, следовательно, возникать не могли. Зато шлейфы в заводях в непосредственной

близости от суходолов вполне могли формироваться.

Судя по датам, наиболее древний нижний слой 8 раскопа 3 «укладывается» в промежутке 10060 и 9940 л. н., причём – по данным М. Г. Жилина – он оказался отложен на размытой моренной поверхности. Кстати, доказательств этому тоже не приводится, и это может быть обычный речной аллювий. Никаких признаков того, что археологический материал появился здесь в связи с регрессией озера, также нет. Напротив, сколько можно судить по представленным данным, характер вмещающих отложений – чисто водный, русловой, ведь это сапропель. Если это так, а это, безусловно, так, предположение о регрессии строится исключительно на наличии здесь археологического материала, а никак не на морфологии отложений, что вряд ли верно. При этом слой мощностью 15 см М. Г. Жилин разделяет на три горизонта, разрыв в датировках которых составляет 100–200 лет, и культурная принадлежность которых разная. Следует заметить, что слой сапропеля в момент попадания в него культурных остатков, если эти события одновременны, плотным быть не может. Разделение артефактов по прослойкам можно связывать, таким образом, с характером их оседания в сапропеле. Обычно они проецируются на уплотнённые горизонты размыва, которые и создают его слоистость. Следовательно, эти стратиграфические горизонты связаны не со временем бытования (на местах раскопов) стоянок и озёрными регрессиями (или

паводковыми сбросами), а, напротив, с трансгрессиями, когда в условиях высокой воды в протоке возникают периоды «затишья» и происходит спокойное осадконакопление с образованием в карманах-завоях прибрежных шлейфов. Разумеется, в «шлейфовой ситуации» возможна не только прямая, но и обратная стратиграфия, когда на локальных участках размыва в желобах-промоинах поздние изделия оказываются ниже более ранних. При этом важно то, что «правильный» порядок радиоуглеродных дат по древесине в ряде случаев может сохраняться, так как отражает не моменты переотложения в сапропель конкретного археологического материала, а естественную историю водоёма с неизбежным накоплением в водной среде органики и, прежде всего, топлива. Ибо древесина, как хорошо известно, далеко не всегда связана с деятельностью человека, она накапливается в водной среде в силу объективных обстоятельств. Такие периодические размывы и врезки русла хорошо объяснимы весенними половодьями, хотя в условиях заболачивания паводки на озёрах далеко не всегда бывают катастрофичными. Проследить же археологически подобные внедрения в напластования задача архисложная и практически не решаемая при раскопках траншеями шириной в 2 м, как это было и при раскопках обсуждаемого памятника.

Есть и иное объяснение наблюдаемой картины. Существуют достоверные данные, когда расслоение единого горизонта залегания артефактов по мерным признакам с формированием раз-

ных прослоев («уровней обитания») удаётся зафиксировать в естественных и экспериментальных условиях (Wood, Johnson, 1978; Rankama, 1999; Rankama, 2004; Kankaanpää, Rankama, 2005; Rankama, Kankaanpää, 1999; Rankama, Kankaanpää, 2005). Этими же исследованиями подтверждена и прямо противоположная картина, когда разновозрастные материалы оказываются спроецированными в единый горизонт или слой. Разумеется, к реальным уровням обитания в Становом 4 эта картина может не иметь никакого отношения и отражать лишь ложную ассоциацию, но выяснить это можно было исключительно за счёт предметного изучения. В любом случае реальная картина может быть увидена и зафиксирована лишь опытным полевым исследователем, имеющим навыки геоархеологии, отсутствовавшими в конкретном случае.

Таким образом, знание естественных процессов формирования культурных слоёв (Wood, Johnson, 1978; Rankama, 1999; Kankaanpää, Rankama, 2005; Rankama, Kankaanpää, 1999; Культурные слои..., 2006; Грачева, Сорокин, Малясова и др., 2006) позволяет со всей определённо-стью утверждать, что разные горизонты (уровни) залегания изделий так называемых бутовской и иеневской культур в едином литологическом слое Станового 4, если они действительно имели место, как и признаки их взаимодействия в Дмитровской 1, Беливо 4А, Брагино, Журавце 1, Иенево 2, Крапивце, Староконстантиновской III, IV и других стоянках имеют весьма прозаическое объясне-

ние – почвенную дистурбацию, а никак не случаи взаимодействия древнего населения. Богатый археологический полевой опыт, лишённый беспристрастного естественнонаучного взгляда «со стороны», как показывает практика, весьма обманчив и приводит к неверным выводам. Недаром Марк Блок в «Апологии истории» написал: «...непосредственное наблюдение – почти всегда иллюзия, и как только кругозор наблюдателя чуть-чуть расширяется, он это понимает» (Блок, 1986, с. 31).

Вернёмся, однако, к Становому 4. В отношении литологического слоя 8, в котором культурные слои IIIа и IV залегают отдельными линзами (Жилин, 2002в, с. 113; Жилин, 2005, с. 31), необходимо отметить следующее. Поскольку пространственная фиксация самих линз и находок, заключённых в них не производилась, структура напластований М. Г. Жилиным зафиксирована не была и реальное соотношение так называемых бутовских и иеневских артефактов, залегающих там, также установлено не было. Более того, анализ полевой документации со всей очевидностью показал, что утверждение М. Г. Жилина о промежуточном залегании прослойки с иеневскими находками между прослоями с материалами так называемой бутовской культуры вообще не соответствует действительности. И дело здесь не в том, что профили раскопов разных лет не стыкуются между собой, характер напластований определён М. Г. Жилиным неверно и торф им спутан с сапропелем – это документально подтверждено

комплексным биоморфным анализом, выполненным О. Н. Успенской (*Зарецкая, Успенская, Жилин, 2002*). А в том, что им были генерализованы напластования разных участков раскопа 3, в результате чего и была создана искусственная стратиграфия с «промежуточным залеганием» небольшой (23 предмета) иеневской коллекции. Реальность такова, что симметрия и асимметрия залегают в РАЗНЫХ частях раскопа 3, при этом в западной части под основным слоем III с симметрией лежит линза (IV) с единственным тоже симметричным черешковым наконечником, причём, вполне позднемезолитическим. А дату в 10 тысяч лет имеет никак не сам этот наконечник, а вмещающий его сапропель. А вот слой IIIa с асимметрией залегал в центральной части раскопа 3, и тоже в основании сапропеля. И никакого инокультурного каменного инвентаря под этой прослойкой не было вообще. Впрочем, если бы галечник копался, в нём наверняка тоже были бы находки, но он был принят за материк и не вскрывался. Следует добавить, что скромная иеневская коллекция перекрывалась, как и в западной части раскопа 3, основным слоем с симметричными наконечниками, то есть, как в Истоке 1 и Шильцевой Заводи 5, асимметрия в Становом 4 тоже предшествовала симметрии, а никак не перекрывала её. Совершенно очевидно, что раскопки стоянки Становое 4 производились без предварительной проработки специальной естественнонаучной литературы. А полученная аналитика при реконструкции либо

вообще не использовалась М. Г. Жилиным, либо применялась выборочно, лишь в той мере, в какой она не нарушала ранее сформировавшихся археологических представлений.

Можно также заметить, что достоверных данных для культурной интерпретации материалов нижних слоёв вообще недостаточно. Так называемая бутовская принадлежность «самого нижнего» слоя IV, из которого происходит всего около 100 каменных изделий (*Жилин, 2004*), базируется на единственном «постсвидерском» наконечнике, а так называемый иеневский слой представлен всего 23 предметами, где орудий вообще единицы (*Аверин, 2002*).

Наконечники, как известно, летают. Если изъять из нижнего слоя Станового 4 единственный имеющийся там экземпляр, причём позднего, а отнюдь не раннего типа, никакой культурной специфики этот материал вообще иметь не будет. Ибо там нет ни микролитов с затупленным краем и их производных, ни других культуроопределяющих форм, а есть лишь ножевидные пластинки без вторичной обработки, которые никакой культурной спецификой, разумеется, не отличаются. Насколько опрометчиво атрибутировать слой по одному единственному предмету показывает стоянка Ивановское 7, где нижний слой был также отнесён М. Г. Жилиным к так называемой бутовской культуре, причём даже не по наконечнику, а по единственной двойной, массивной развертке (*Жилин, Костылева, Уткин и др., 2002, с. 23*). Это более чем

странно, ибо если они и встречаются, то исключительно в памятниках иеневской культуры, например, в коллекциях Тростенского озера.

Иеневская принадлежность скудного кремневого инвентаря слоя Ша (Аверин, Жилин, 2001; Аверин, 2002) тоже требует проверки. Да, там имеются три предмета охотничьего вооружения, традиционно относимые к ней, однако для иеневских комплексов совершенно не характерны скребки на коротких отщепах и осколках, а также мелкие аморфные нуклеусы, которые присутствуют в литологическом слое 8. Вызывают значительное сомнение и костяные пазовые наконечники. Дело в том, что в Волго-Окском междуречье вкладышевое вооружение характерно для рессетинской, заднепилевской, пургасовской и култинской культур, а вот иеневская индустрия вкладышевого вооружения не предусматривает. Следовательно, присутствие костяных пазовых оправ в «иеневском» слое не просто более чем странно, но и служит явным свидетельством его смешанности. В этой связи можно предположить, что эти малочисленные материалы, включая культуроопределяющие формы, могли оказаться внизу именно в результате переотложения, а не в соответствии с предлагаемой читателям стратиграфией. На болотных поселениях обратная стратиграфия в пределах локальных участков памятников – явление рядовое. При этом могли перемещаться как иеневские, так и любые другие вещи. Таким образом, для точной культурной атрибуции материалов обоих нижних

слоёв требуется новое накопление материалов и приведение доказательств надёжности стратиграфии.

Надо отметить и ещё одно немаловажное обстоятельство. Когда М. Г. Жилин помещает в поздний дриас материал с поздним по облику наконечником, то этим он снимает, фактически, вопрос о происхождении так называемой бутовской культуры от свидерской в результате миграции населения последней с территории Повисленья и Полесья на восток, в Волго-Окское междуречье. Ибо эти культуры становятся практически синхронными, и никакого места, в этом случае, для трансформации свидерской индустрии в так называемую буютовскую, как вслед за Л. В. Кольцовым ещё недавно полагал М. Г. Жилин (Кольцов, 1977; Кольцов, Жилин, 1999), просто не остаётся (Сорокин, 2002, 2004). Интересно, что теперь к такому же выводу стал склоняться и сам М. Г. Жилин, предположивший, что индустрия IV слоя Станового 4 генетически восходит к индустрии нижнего, финально-палеолитического слоя Золоторучья 1 (Жилин, 2004, с. 111; Жилин, 2005, с. 35). Анализ исходных данных показывает, что этот тезис, как и свидерская гипотеза генезиса культур наконечников с вентральной ретушью остаётся ничем не подкреплённым предположением (Сорокин, 1990, 2002, 2004).

Вернёмся, однако, к памятнику. Трактовку в качестве площадки поселения исключает присутствие в раскопах 2 и 3 многочисленных кольев заколов и верши. Гораздо логичнее предположить их нахождение в водной среде. Отметим

и удобство места для сооружения заколов в случае признания, предлагаемой здесь, топографии памятника. Что касается верши, то не очень понятны необходимость и возможность продольного расщепления ивовых прутьев для её плетения. Отсутствие фото позволяет предположить, что это обычная «псевдоверша», которые в изобилии встречаются на торфяниковых стоянках. Ошибочная интерпретация параллельно лежащих лучин в качестве верш хорошо иллюстрируется статьей В. М. Лозовского (1997). Напротив, полевые данные со всей очевидностью показывают, что скопления параллельно ориентированных друг другу лучин образуются естественным путём в результате давления грунта. Разнообразные лучины служат самой массовой находкой в торфяных слоях, где присутствует древесина. Их количество даже превышает число кольев. В ряде случаев они образуют целые пласты, отдельные пластинки в которых лежат параллельно друг другу. Имеются случаи переслаивания целых пластов и отдельных лучин, причём часто в разных направлениях. В археологической литературе эти скопления обычно интерпретируются в качестве рыболовных верш. Практика показала ошибочность такой стандартной реконструкции. Как удалось установить в ходе работ на Заболотском торфянике, некоторые породы древесины под давлением грунта расслаиваются по годичным кольцам и затем дробятся на фрагменты. Они стандартны и производят впечатление полученных искусственно. Тем не менее, находки в Замостье 5 деревянных предметов

с размочаленной и расслоившейся на «лучины» одной частью и целой цилиндрической другой со всей очевидностью свидетельствует в пользу их естественного продуцирования. Таким образом, «самовоспроизводство» лучин оказалось процессом вполне естественным, а не искусственным. Если же согласиться с тем, что М. Г. Жилиным действительно зафиксирована верша, её местоположение косвенно свидетельствует о «водном характере» того культурного слоя, где она найдена. Об этом же говорят и многочисленные колья, интерпретируемые в качестве заколов. Как известно, заколы на суше не строят. Впрочем, и вершами рыбу тоже ловят в воде, да и сохраниться в ней у верши шансов существенно больше, чем на суходоле.

Не больше доказательств регрессии озера и «низовой» приуроченности стоянки приведено и для слоя III, материалы которого М. Г. Жилин относит к среднему этапу так называемой бутовской культуры. Этот слой характеризуется им как чёрный разложившийся торф, погребённая почва (Жилин, 2002в, с. 108, 109). Этому, однако, противоречит обилие в нём кольев и присутствие песчаных прослоек, которые служат чётким показателем его руслового формирования. Нет здесь и никаких конструкций и даже кострищ. Противоречат подобной интерпретации и данные, приводимые О. Н. Успенской (*Зарецкая, Жилин, Успенская, 2002*). Следовательно, все это говорит об ином, чем полагает М. Г. Жилин, генезисе самого слоя и другом расположении суходола памятника.

Структура верхневолжского слоя, как и всех нижележащих, мезолитических, тоже типично шлейфовая. Даже на крупных черепках здесь отсутствует «нагар», а среди находок имеются орудия рыболовства и рыбы кости. Всё это указывает на «подводный» характер отложений, в которых они заключены. Поскольку материал в зависимости от его характера, веса и мерных признаков тонул в сапропеле и детритовой взвеси на разную глубину, то совсем неудивителен разброс полученных для него дат в 400 лет, которые относятся, судя по всему, не к археологическому материалу, а к вмещающему их слою. Можно предположить, что он отлагался сравнительно длительное время, и начал формироваться существенно раньше, чем полагает М. Г. Жилин. При этом в нём могла консервироваться древесина из более древних перемытых отложений, а не только строго синхронная времени его формирования. Единственный, достоверный образец здесь получен, вероятно, только по горизонтально лежащей доске (7030 ± 100 л. н.), которая из-за своих габаритов вряд ли могла глубоко провалиться во взвесь, и сама, фактически, является артефактом. Эта дата для верхневолжской культуры достаточно ранняя, но вполне приемлемая.

Характер залегания прочего материала на песчаной прослойке – показатель того, что он проваливался во взвесь до более плотного слоя – горизонта размыва, который обычно слагается песками. Совершенно такой же, судя по всему, и характер попадания скудно-

го льяловского материала в слой, определяемый М. Г. Жилиным как торф, а О. Н. Успенской – как сапропель (*Зарецкая, Успенская, Жилин, 2002*). Точка зрения О. Н. Успенской, основывающейся на аналитических данных комплексного биоморфного анализа, представляется более убедительной, хотя она и осталась не развернутой в статье. Отсюда со всей очевидностью проистекает и интерпретируемый нами характер участка памятника.

В этой связи интересно сравнить данные по стратиграфии раскопа 2, приводимые в двух статьях М. Г. Жилина. Первая из них, была, по-видимому, написана до того, как О. Н. Успенской было сделано заключение о составе слоёв, хотя она и оказалась опубликованной одновременно с этими данными (*Жилин, 2002; Зарецкая, Успенская, Жилин, 2002*). Вторая статья вышла тремя годами позднее (*Жилин, 2005*). Их сравнение показывает, казалось бы, практическую идентичность описания стратиграфии, однако запись культуросодержащих слоёв во второй статье немного расширена. И в этом суть. Да, здесь сохраняется их определение в качестве торфов, но к этому термину добавлено небольшая приписка «или сапропель» (*Жилин, 2005, с. 24*). Со всей очевидностью можно утверждать, что интерпретация культуросодержащих слоёв как торфов допускает двойственность толкования и подразумевает, в том числе, возможность их «нешлейфовой», говоря иначе: сухопутной интерпретации. Признание того, что это сапропели или илы, не оставляет

такой возможности, поэтому М. Г. Жилин смазывает суть, когда пишет между терминами «торф» и «сапропель» союз «или». Такой незамысловатой уловкой он обходит данные О. Н. Успенской и остаётся фактически на прежней точке зрения. То есть продолжает настаивать, что отложения, исследованные им, суходольные. На самом деле, правда, безусловно, О. Н. Успенская, когда, исходя из данных комплексного биоморфного анализа, интерпретирует эти отложения в качестве сапропелей и илов. А, значит, перед нами водные отложения и шлейфы слоёв, а не сами культурные слои и суходолы памятников.

Таким образом, всё изложенное выше позволяет со всей очевидностью утверждать, что в раскопах 2 и 3 М. Г. Жилиным были вскрыты не суходольные, а водные отложения, прослой подводной части шлейфов. Поэтому предполагать здесь наличие площадок стоянок так называемой бутовской, иеневской, верхневолжской или льяловской культур достоверных оснований нет. Суходолы должны быть выше по склону, к северу и северо-западу от раскопов М. Г. Жилина. Действительно, судя по имеющимся данным, раскоп 1 – это часть типично суходольного участка с характерным для него распределением материала. В силу этого в нём, в отличие от раскопов 2 и 3, и не происходило столь быстрого накопления отложений, когда напластования могли быть раз-

делены на чёткие прослой (горизонты), о чем красноречиво свидетельствует его стратиграфия. Это же подтверждают и действия М. Г. Жилина, который отказался от его расширения и ограничился всего 16 кв. м площади. К сожалению, большая часть раскопа 1 оказалась перемыта в позднее время. Материал этого переотложения, судя по всему, был спроецирован на площадь раскопа 3 в слой IVa (Жилин, 2002d, 2005). На площади раскопа 2 следов перемыта нет. Следовательно, артефакты переносились потоком, который мог быть связан с прогибом, отмеченным на плане севернее стоянки, но остался вне поля зрения М. Г. Жилина.

Итак, схема развития геоморфологической ситуации, исходя из приводимых в статьях М. Г. Жилина сведений, палеогеографии района и данных биоморфного анализа была иной. Равновесия два предположения.

Первая ситуация. Первоначально на створе озера⁴ возникает, по-видимому, стоянка, культурная атрибуция которой на имеющихся материалах решена быть не может. Её так называемая бутовская атрибуция из-за малочисленности и невыразительности комплекса, а также позднего облика единственного «постсвидерского» наконечника вызывает серьёзное сомнение, как и вообще его чёткое стратиграфическое положение. Хорошо известно, что наконечники летают, поэтому «упавшая с неба стрела»

⁴ Нельзя исключать, что памятники располагались по обоим берегам створа, но левобережный уступ остался почти не исследованным, и данные по нему практически отсутствуют (Жилин, 2002в, 2005).

может глубоко проникнуть в грунт, особенно обводнённый, и оказаться в конкретном слое случайно. Весь же остальной материал никакой культурной спецификой вообще не обладает, ведь в нём, как отмечалось, отсутствуют культуроопределяющие типы изделий. Абсолютно нельзя исключить и того, что предмет может происходить из незафиксированной в ходе раскопок промоины. В этой связи необходимо заметить, что методика раскопок памятников траншеями двухметровой ширины, которую применял при раскопках Станового 4 и других стоянок М. Г. Жилин, совершенно недопустима. Ибо она нацелена исключительно на добывание материала и вскрытие значительных площадей, а никак не на изучение структуры культурного слоя. В узкой канаве, в которую превращается раскоп, невозможно в принципе проследить ни промоин, ни перекопов, ни сооружений, исключая очень маленькие из них. И то, как правило, случайно. И промоины, и перекопы, и сооружения, и следы строительной и иной деятельности можно увидеть и понять только в одном случае, если разово вскрывается площадь не менее 3 м шириной. Учитывая особенности торфяниковых памятников, оптимальная для работы площадь составляет 3–5 м шириной и не более 10 м длиной. Такие размеры хороши не только для визуального наблюдения хода раскопок, фиксации артефактов и сооружений, но и для вскрытия до материка отложений в случае, если их мощность не превышает 2 м. Таким образом, если ставить задачу получения полноценно-

го источника, недопустимо портить его узкими траншеями. В этом случае и соотношение разнокультурных изделий удастся установить объективно. Нужно принимать в расчёт и то обстоятельство, что местоположение конкретных предметов в слоях сапропелей и их стратиграфическая приуроченность определяются чаще мерными и весовыми характеристиками артефактов, а также характером деструкции слоёв, чем культурно-функциональными мотивами.

Следует подчеркнуть: эта стоянка была приурочена к створу озёрной котловины или, иначе, горловине озёрного каскада, запираемой моренной грядой, то есть фактически – берегу (или обоим берегам) протока. Её жилая площадка располагалась севернее раскопа 2, на суходоле, и осталась в процессе раскопок неисследованной. Единичные артефакты попадали на моренное дно протока (на «пляж») в результате делювиальных и почвенных процессов или сезонных смывов. Наконец, они могли попадать туда и в результате жизнедеятельности «на воде», но эти единичные изделия никак не служат свидетельством того, что «стоянка возникла на пляже в результате озёрной регрессии» (Жилин, 2002в, 2005). Косвенно суходольная интерпретация нижних слоёв исключается и общим числом каменных изделий – 23 и 100, найденных в них (Аверин, Жилин, 1997; Жилин, 2004б). Нижнее озеро в это время было спущено, и протока имела вид порога.

Где-то около времени появления на суходоле стоянки предположительно

иеневской культуры нижнее озеро начинает заболачиваться. Это приводит к замедлению течения воды в протоке и началу формирования мелкоструктурных наносов литологического слоя 8. Для этого события достаточно было минимального подъёма воды, который мог произойти, например, в результате сооружения бобровой плотины. Подобные плотины традиционно возникают в слабопроточных водоёмах там, где обитают бобры, причём и место для этого абсолютно стандартное.

Затем в результате скопившегося объёма воды происходит, вероятно, прорыв этой плотины, неизбежно сопровождающийся врезом русла протоки и падением уровня нижнего озера. Естественная история водоёмов шла своим ходом. Далее, сколько можно судить по имеющимся данным, чередуются детритовые наносы косы в устье протоки, возникающие при небольшом снижении уровня нижнего озера, и прослой глины (ила?) – при его подъёме. Сюда откладываются мезолитические материалы, относимые к основному слою (III) с артефактами так называемой буттовской культуры. Но, в любом случае, отложения, в которых эти изделия были заключены, не являются суходольными.

Пески, которыми характеризуются неолитические слои, появляются в периоды падения уровня нижнего озера и при возникновении промоин, как в русле, так, вероятно, и на береговом склоне. Характер простираения песчаных наносов оказался не зафиксирован и не описан М. Г. Жилиным. Между тем, он мог бы

показать, возникали ли они в русле реки или на приплеске озёрного берега при его трансгрессии, или концентрировались в береговых промоинах. В результате, при постепенном заболачивании нижнего озера, его уровень сравнялся с верхним. Вызванное этим значительное обводнение обоих водоёмов привело к резкой активизации береговой эрозии, размыву и переотложению материала раскопа 1 на площадь раскопа 3. Это событие следует, вероятно, датировать не столько по радиоуглероду, сколько по самому археологическому материалу, причём наиболее позднему. Ибо, как правило, перемещаются, прежде всего, не собственно древние наносы, а вещи. И те, которые самые поздние из них, наиболее близки ко времени события. Нужно также учитывать, что «свежая» древесина, попавшая в слой переотложения, вовсе не синхронна культурным остаткам. Судя по всему, это событие произошло не ранее конца II тыс. до н. э. В это время поселение с сетчатой керамикой тянулось уже по гребню гряды, причём, значительно далее, чем отмечено М. Г. Жилиным.

Не очень удачно оказался расположен и раскоп 3. Русловые отложения, зафиксированные в нём, тоже оказались практически переотложены. Значительно интереснее были бы участки максимально приближенные к жилой площадке, но расположенные западнее раскопа 2. Как показывает практика, береговой шлейф не бывает широким, причём его чётко стратифицированная полоса, как правило, имеет всего 3–5 м в ширину.

Этот шлейф и следовало бы локализовать для пополнения коллекции.

Наименее удачно оказался расположен раскоп 4. В нём минимум находок и практическое отсутствие информационной значимости. Материал, собранный там, малочислен и археологически бесперспективен, а водный характер его отложений даже у М. Г. Жилина сомнения не вызвал (Жилин, 2005).

Теперь вторая ситуация. Первоначально, ещё в плейстоцене, на озёрном створе возникает стоянка, инвентарь которой оставлен населением иеневской культуры. Поверх неё формируется слой, включающие так называемые бутовские изделия. В результате делювиальных процессов происходит локальное разрушение слоёв и перемещение части артефактов в русло протока, где они оседают как на его каменистое дно, ниже которого они, естественно, смещены быть не могли, так и в перекрывающий его сапропель. При этом возможно формирование обратной стратиграфии. Возраст изделий и возраст отложений, в которых они оказались запечатанными, совсем не обязательно в этом случае одинаковы. Сапропелевые отложения при этом могут быть как синхронными времени переотложения археологических материалов, так и значительно более молодыми, что, по видимому, и имело место. Во всяком случае, это допускает плейстоценовый возраст для артефактов обоих нижних слоёв. Вместе с тем нельзя исключить и ещё одного варианта, когда возраст отложений будет более древним, чем находки, которые в них оказались перемещены.

Консервация изделий в русловых отложениях сопряжена с трансгрессией озера. Попадание артефактов вниз, на гравийное дно, возможно и в результате периодически возникавших промоин. Такие локальные размывы рыхлых отложений проследить чрезвычайно сложно, и при полевом исследовании Станового 4 они отмечены не были. Это неудивительно, особенно если вспомнить, как раскапывался памятник. Тем не менее, малочисленность каменных изделий в обоих нижних слоях делает подобный сценарий вполне оправданным. Последующее развитие ситуации 2 совпадает с тем, что описано выше. Что имело место в действительности, можно установить лишь в ходе нового полевого изучения памятника.

За отсутствием данных осталось неизвестным, что происходило на склоне моренной гряды, обращённом к большому озеру, на северном склоне створа, по обоим его берегам. Здесь равновероятны несколько вариантов:

- 1) берега подмывались волнами, и археологический материал оказался спроецирован на озёрное дно верхнего водоёма;
- 2) культурные отложения были законсервированы наносами, впадающего здесь, притока;
- 3) остатки не были перемещены и оказались перекрыты торфяными отложениями, сформировавшимися в позднее время.

Какой из этих вариантов оказался реализованным на практике, остаётся только предполагать, и установить его без новых раскопок невозможно.

Из геоморфологии и почвоведения хорошо известен ещё один абсолютно стандартный способ проецирования археологических материалов на гравийное дно. Он связан с объективными почвенными процессами, которым подвержены все археологические памятники. Об этом свидетельствует как наш совместный опыт работы с почвоведом Института географии РАН (Грачева, Сорокин, Малясова и др., 2006) на памятниках Заболотского торфяника, так и наблюдения западных исследователей. Специальное изучение постседиментационных процессов на стоянках зандровых низменностей Западной Европы, предпринятое комплексными экспедициями в конце 1980-х – начале 1990-х годов, со всей очевидностью показало, что артефакты финально-палеолитического и мезолитического времени, заключенные в аллювиальные отложения, проецируются в их основание. А в тех случаях, когда речной аллювий покоится на русловом галечнике и / или моренной гальке, весь археологический материал оседает на этих «пляжах». Таким образом, картина, наблюдаемая в Становом 4, отражает не обитание «на гравийном пляже» при выходе древней речушки Лахости из небольшого озера, как это утверждает М. Г. Жилин (2002, с. 113, 115; 2005, с. 33), а исключительно стандартный результат постседиментационной трансформации. Полигоны вертикального распределения материалов, приводимые в статье П. Вермеерша (Vermeersch, 1999, p. 162, 163), достоверно показывают, что в тех случаях, когда в га-

лечниках имелись «окна», изделия проецировались туда, значительно ниже их твердых, каменных поверхностей. И являли собой в результате своеобразные «котлы» или «полости», в которых происходила аккумуляция артефактов. Разумеется, чисто внешне эти «полости» аккумуляции походят на искусственные ямы, тогда как в реальности это продукт исключительно почвенной деструкции. Расслоение на фракции по мерным признакам и перемещение артефактов под воздействием почвенной деструкции с созданием разных горизонтов концентрации материалов со всей определённо подтвердили изыскания финской исследовательницы Т. Ранкамы (Rankama, 1995). И если в раскопах М. Г. Жилина этого прослежено не было, то исключительно из-за того, что он как традиционный полевой археолог воспринимал галечниковый слой за «материк» и не прокапывал его. В этом легко убедиться, вскрыв галечник хотя бы на косою штык.

Нет никакой необходимости связывать появление стоянок с регрессивными фазами развития озёр и ещё по одной немаловажной причине. В эти моменты берега озёр мало пригодны для обитания: они топкие. «Падающие» озёра открывают плоские поверхности пляжей, которые дренированы минимально и в силу своей высокой увлажнённости слабо приспособлены для жилья. Обвожённость места объясняется тем обстоятельством, что грунтовые воды выходят выше, из-под прежнего берегового уступа. В эти эпизоды места

для стоянок надо искать не на озёрах, не на их плохо обсыхающих берегах, а на берегах дренирующих озёра рек, или на прирусловых валах, впадающих в них речек, то есть вне конкретного полигона.

Напротив, в моменты трансгрессий берега озёр как раз и становятся пригодными для освоения, поскольку в это время «живая» вода подходит к твёрдому берегу, формируя береговой эрозионный уступ и поверхность размыва, чего на данном памятнике в ходе раскопок не было зафиксировано ни разу. Причина этого в том, что вся пачка отложенных раскопов 2 и 3 имеет не береговой, а подводный характер. Разница в слоях определяется различиями в их водном режиме. Памятники, судя по всему, существовали в летние периоды. Опыт показывает, что на зимних поселениях берег не осваивается столь интенсивно, как это имело место, когда бытовала стоянка, приуроченная к основному культурному слою.

Археологический материал периодически возникавших на протяжении раннего и среднего голоцена на створе стоянок неизбежно попадал в прибрежные подводные отложения протоки. Сами памятники располагались поблизости, но на более высоких участках, оставшихся, если исключить 16 кв. м раскопа 1, не исследованными. Перемещённые продукты жизнедеятельности «функционировавших рядом стоянок» и предметы, связанные с рыбной ловлей и другими водными занятиями населения, концентрировались неподалеку,

в водной среде, где оказались законсервированными сапропелями, и впоследствии частично раскопаны и собраны. Артефакты были добыты, но метаморфозы, происходившие с ними, не были «расшифрованы» в ходе полевых исследований.

В случае быстрого нарастания торфа или делювиальных процессов материал может аккумулироваться в прибрежье послойно. Его разделению способствуют отложения береговых и прирусловых валов. Сложнее обстоит дело с подводной свитой – шлейфами культурных слоёв. На минеральном дне изделия проецируются в одном прослое, и шлейфа не образуется. Если берег топкий или около подножия берега имеется глубоководный участок, здесь очень велики шансы аккумуляции наносов и формирования шлейфов. Наиболее вероятны такие условия в руслах тихих речек и стариц.

На прибрежных участках и, тем более, в шлейфах нет жилищ, крайне редко хозяйственные ямы и присутствуют весьма примитивные столбовые конструкции. Вместе с тем, их исследование, при учёте условий аккумуляции слоёв, даёт идеальные стратиграфические колонки и исключительно яркие находки, особенно из органических материалов. Шлейфы – практически неиссякаемый источник для всевозможных естественнонаучных исследований. Без преувеличения – это естественный архив документов природы и человеческой деятельности. Однако включать прибрежную зону и мелководье в состав жилой

площадки поселения и истолковать богатство находок как свидетельство их высокой производственной значимости или обжитости – абсолютное заблуждение. В то же время это совершенно особая часть поселения – зона аккумуляции. Без сомнения, отложения подводных шлейфов – ценнейший источник для реконструкции среды обитания человека, его бытового уклада, но всегда необходимо учитывать и специфику накопления таких слоёв. А суть их генезиса – водная среда, а никак не само место поселения. Только при понимании их реальной природы реконструкция может быть достоверной. Пассаж, предложенный М. Г. Жилиным, говорит об обратном.

Наивной представляется и его попытка связывать промысловые стоянки непосредственно с местом добычи рыбы. Место поселения определялось, прежде всего, наличием подходящих условий для жилья, среди которых первостепенное значение имеют освещённость, хорошая дренированность и подходы к воде. Два последних обстоятельства на берегах озёр встречаются не так часто. Всё это свидетельствует в пользу реконструкции участка в качестве озёрного створа, и вскрытых слоёв памятника – в виде шлейфов, а не суходолов.

Подозёрский торфяник, как отмечалось, – всего лишь небольшая часть в каскаде озёр, объединяемых руслом сброса ледниковых вод из Молого-Шекснинского и Костромского палеоозёр (Квасов, 1975). Ещё в бытность обширным зандровым озером по его периметру формиро-

вались береговые валы. Один из таких валов читается на плане-реконструкции М. Г. Жилина. Весьма характерный изгиб его западного склона располагается против широтно-ориентированного прогиба поверхности на противоположном берегу, который служил долиной притока, отодвигавшего своими наносами русло Пра-Лакости к востоку. Излучина на песчаной гриве в таком случае – довольно удобное место для поселения. Река, унаследовавшая жёлоб между береговым валом и выположенным берегом, подходила вплотную к гриве, что, по-видимому, способствовало выносу отсюда материалов и приводило к образованию шлейфов, зафиксированных в раскопах 2 и 3. Вероятно и существование стоянок на мысу, где располагался раскоп 1, но отсюда не происходило выноса материала в русло, разве что в момент максимальной активности речки-притока. Заполнение сапропелем русловых желобов неизбежно вызывало подъём уровня нижнего озера. Неолитические стоянки могли быть по обоим берегам створа, но наиболее удобное место располагается при устье речки. Этот мыс мог быть занят и в позднейшее время.

Нет сомнения, что стоянки возникали на озёрном створе во время трансгрессий. Материал в водную среду мог попадать как одновременно со временем обитания, так и после, в результате разрушения культурных слоёв. Реальная стратиграфия нижних слоёв (прямая или обратная) в ходе полевых исследований достоверно не установлена. Время возникновения наиболее древней

стоянки тоже не определено. Залегание материалов в дриасовых отложениях совсем не обязательно соответствует их возрасту. Он может быть как древнее, так и моложе. Консервация материалов в донных отложениях плейстоценового возраста могла происходить как в плейстоцене, так и в голоцене. В тех случаях, когда плейстоценовые отложения не были уничтожены полностью, их возраст, определённый по органике, может не иметь никакого отношения к археологическим материалам, спроецированным сюда, ибо связь погребённой древесины с археологическими изделиями ещё надо уметь доказать. Надо, без сомнения, знать и о дистурбации слоёв и проецировании археологических остатков на моренное дно, иначе можно природное явление принять за археологический «факт». И в очередной раз ошибиться.

«Бутовская» культурная принадлежность нижнего слоя (IV) является явной натяжкой. Как отмечалось, она недостоверна из-за малочисленности инвентаря и отсутствия культууроопределяющих форм. Эти же обстоятельства не позволяют связывать его с нижним слоем Золоторучья 1.

Культурные слои IIIa с иеневскими изделиями и IV с так называемыми «ранними бутовскими» залегают в одной и той же толще литологического слоя 8 (Жилин, 2002а-в, 2005). Поскольку во время раскопок производилась лишь выборочная фиксация находок, структура напластований М. Г. Жилиным не зафиксирована и реальное соотношение

разнокультурных артефактов установлено им не было. Более того, есть веские основания сомневаться в интерпретации, предложенной М. Г. Жилиным, стратиграфии.

Совершенно очевидно, что линза с иеневскими находками, мощность которой составляет всего 1–3 см (Жилин, 2002в, с. 113; Жилин, 2005, с. 31), достоверно датирована быть тоже не может. Приводимые для неё даты относятся исключительно к верхам литологического слоя 8 и отражают возраст перекрывающих отложений, а никак не самих находок. И даже, по-видимому, не время их переотложения. Не приходится абсолютизировать и то обстоятельство, что иеневские материалы подстилают напластования включающие артефакты, отнесенные М. Г. Жилиным к «среднему этапу бутовской культуры», в силу неясности их попадания в конкретную стратиграфическую позицию. Хотя, скорее всего, именно это и побудило к фальсификации полевых данных. Единственное, что не вызывает никакого сомнения, это тот факт, что все эти материалы происходят из водных отложений, а не с суходолов. Данное обстоятельство со всей очевидностью указывает, что локализация М. Г. Жилиным всех стоянок неверна.

Итак, реконструкция палеогеографической ситуации стоянки Становое 4, предложенная М. Г. Жилиным, противоречит очевидным фактам. Она содержит явные ошибки и вызывает ряд существенных замечаний, поэтому не может быть признана достоверной. Неверна и локализация суходолов.

Таким образом, реальная история освоения Подозёрского палеозера и обитания в его акватории установлены не были. И без продолжения работ на памятнике нельзя прояснить не только его чёткую геоморфологическую позицию, но и получить новые полноценные материалы, необходимые для культурной атрибуции всех культурных слоёв. Всё это не позволяет считать Становое 4 опорным памятником. Более того, можно со всей очевидностью утверждать, что признаки, предлагаемые М. Г. Жилиным в качестве опорных, таковыми не являются и не используются даже самим их автором в практической работе. Словом, всё вышло по известной русской пословице: хотелось как лучше, а получилось, как всегда!

Подводя краткие итоги сказанному, следует отметить, что всё вышеизложенное позволяет говорить о том, что многослойные памятники, включая «болотные поселения», значительно более сложны для своего восприятия, чем принято традиционно считать. При этом наличие «чистых» памятников и даже слоёв является отнюдь не рядовым явлением. Сме-

шанности материалов нельзя исключить ни для одной из зандровых стоянок (Сорокин, 2002), хотя, безусловно, и преувеличивать данное обстоятельство не стоит. Не надо забывать и того, что стратиграфия, наблюдаемая в момент раскопок, не является первозданной, а отражает заключительный этап длительного воздействия на культурные слои разнообразных природных процессов, существенно, особенно на торфяниках, трансформирующих всю картину, часто до неузнаваемости искажающих её и создающих новый визуальный и физический облик напластований. А это означает, что при изучении «болотных поселений» необходимо быть предельно деликатным и неторопливым, и во главу угла в процессе раскопок необходимо ставить не добычу сенсационных находок, а изучение характера слоёв, понимания объективных факторов их генезиса, причин, процессов и результатов трансформации. Только в этом случае есть шанс получить в итоге полноценные археологические источники и приблизиться к созданию объективной реконструкции прошлой действительности.

Список литературы

- Аверин В. А. Иеневский слой торфяникового поселения Становое 4 // Тверской археологический сборник / Отв. редактор – И. Н. Черных. Вып. 5. Тверь. 2002. С. 123–126.
- Аверин В. А., Жилин М. Г. Каменный инвентарь мезолитических слоёв поселения Становое 4 // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород, 2001. Вып. 5. С. 8–16.
- Алешинская А. С. Палеогеографические условия обитания древнего человека в мезолите в Волго-Окском междуречье (по палинологическим данным) / Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М. 2001. – 24 с.

- Алешинская А. С., Воронин К. В., Лаврушин Ю. А., Сидоров В. В., Спиридонова Е. А., Энговатова А. В. Древние охотники и рыболовы Подмосковья: по материалам поселений эпохи камня и бронзы – Воймежное 1. М.: ИА РАН. 1997. – 285 с.
- Алешинская А. С., Лаврушин Ю. А., Спиридонова Е. А. Геолого-палеоэкологические события голоцена и среда обитания древнего человека в районе археологического памятника Замостье 2 // Материалы международной конференции «Каменный век Европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры». Сергиев-Посад. 1–5 июля 1997. Сергиев-Посад. 2001. С. 248–254.
- Блок М. Апология истории или ремесло историка / Серия «Памятники исторической мысли». М.: Наука. 1986. – 256 с.
- Брюсов А. Я. Методы раскопок торфяниковых стоянок. М.: Восточная литература. 1963. – 14 с.
- Ванкина Л. В. Торфяниковая стоянка Сарнате. Рига: Зинатне. 1970. – 268 с.
- Геологический словарь: в 2-х томах / Отв. редактор – К. Н. Паффенгольц. М.: Недра. 1978. Т. 2. – 446 с.
- Грачева Р. Г., Сорокин А. Н., Малясова Е. С., Успенская О. Н., Чичагова О. А., Сулержицкий Л. Д. Погребенные почвы и культурные слои в условиях заболоченных равнин: возможности и ограничения методов археологических и природных реконструкций // Культурные слои археологических памятников. Теория, методы и практика исследований. Материалы научной конференции. М.: ИГ РАН, ИА РАН, НИА – Природа. 2006. С. 186–206.
- Жилин М. Г. Археологические исследования на Озерецком торфянике в 1990–1992 гг. // Тверской археологический сборник / Отв. редактор – И. Н. Черных. Вып. 1. Тверь. 1994. С. 47–52.
- Жилин М. Г. Некоторые итоги раскопок стоянки Озерки 5 в 1990–1994 гг. // Тверской археологический сборник / Отв. редактор – И. Н. Черных. Вып. 2. Тверь. 1996. С. 118–125.
- Жилин М. Г. Памятники мезолита и раннего неолита западной части Дубненского торфяника // Древности Залесского края. Материалы к международной конференции. Сергиев Посад. 1997. С. 164–196.
- Жилин М. Г. Адаптация мезолитических культур Верхнего Поволжья к каменному сырью // Тверской археологический сборник / Отв. редактор – И. Н. Черных. Тверь, 1998. Вып. 3. С. 25–31.
- Жилин М. Г. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М.: Эдиториал-УРСС. 2001. – 326 с.
- Жилин М. Г. Костяная индустрия мезолитической бутовской культуры в Верхнем Поволжье // СА. № 3. 2002а. С. 5–25.
- Жилин М. Г. Охота и рыболовство в мезолите Волго-Окского междуречья (по материалам торфяниковых поселений) // Материалы Северного археологического конгресса: Тез. докл. Екатеринбург, Ханты-Мансийск. 2002б. С. 112–122.
- Жилин М. Г. Стратиграфия и планиграфия многослойного поселения Становое 4 в Верхнем Поволжье // Тверской археологический сборник / Отв. редактор – И. Н. Черных. Вып. 5. Тверь. 2002в. С. 107–116.

- Жилин М. Г. Природная среда и хозяйство мезолитического населения центра и северо-запада лесной зоны Восточной Европы. М.: Academia. 2004а. – 144 с.
- Жилин М. Г. Мезолит Волго-Окского междуречья: Некоторые итоги изучения за последние годы // Проблемы каменного века Русской равнины / Отв. редактор – Х. А. Амирханов. М. 2004б. С. 92–139.
- Жилин М. Г. Некоторые итоги раскопок многослойного торфяникового поселения Становое 4 // КСИА. Вып. 219. М.: 2005. С. 21–36.
- Жилин М. Г., Костылева Е. Л., А. В. Уткин, А. В. Энговатова. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья. По материалам стоянки Ивановское VII. М.: Наука. 2002. – 245 с.
- Зарецкая Н. Е., Успенская О. И., Жилин М. Г. Возраст и генетические типы отложений двух разрезов многослойного поселения Становое 4 (Ивановская область) // Тверской археологический сборник / Отв. редактор – И. Н. Черных. Вып. 5. Тверь. 2002. С. 117–122.
- Квасов Д. Д. Позднечетвичная история крупных озер и внутренних морей Восточной Европы. Л.: Наука. 1975. – 278 с.
- Кольцов Л. В., Жилин М. Г. Мезолит Волго-Окского междуречья (памятники бутовской культуры). М.: Наука. – 157 с.
- Лозовский В. М. Рыболовные сооружения на стоянке Замостье 2 в контексте археологических и этнографических данных // Древности Залесского края. Материалы к международной конференции. Сергиев-Посад, 1997. С. 52–65.
- Лозовский В. М. Вопросы перехода от мезолита к неолиту в Волго-Окском междуречье (по материалам стоянки Замостье 2) // Материалы международной конференции «Каменный век Европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры». Сергиев-Посад. 1–5 июля 1997. Сергиев-Посад. 2001. С. 265–272.
- Ошибкина С. В. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М.: Наука. 1983. – 295 с.
- Ошибкина С. В. Веретье 1. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М.: Наука. 1997. – 205 с.
- Ошибкина С. В. Мезолит Восточного Прионежья: культура веретье. М. 2006. – 322 с.
- Сидоров В. В. Озерные системы бассейна р. Дубны в неолите // Тверской археологический сборник / Отв. редактор – И. Н. Черных. Вып. 2. Тверь. 1996. С. 249–258.
- Сидоров В. В. Стоянки Заболоцкого озера // Древности Залесского края. Материалы к международной конференции «Каменный век Европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры». Сергиев-Посад. 1–5 июля 1997. Сергиев-Посад. 1997. С. 104–143.
- Сидоров В. В. Многослойные стоянки Верхневолжского бассейна Варос и Языково // Многослойные стоянки Верхнего Поволжья. М.: ИА РАН. 1992. С. 4–113.
- Сидоров В. В. Прибрежные участки неолитических поселений // Материалы международной конференции «Каменный век Европейских равнин: объекты из органических мате-

- риалов и структура поселений как отражение человеческой культуры». Сергиев-Посад. 1–5 июля 1997. Сергиев-Посад. 2001. С. 224–226.
- Сидоров В. В., Балинский И. М. Раскопки на Тростыенском озере и Масловом болоте // АО–1973. М. 1974. С. 77, 78.
- Сидоров В. В., Сорокин А. Н. Многослойное поселение Замостье 5 // Древности Залесского края. Материалы к международной конференции «Каменный век Европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры». Сергиев-Посад. 1997. С. 144–163.
- Сидоров В. В., Сорокин А. Н. Раскопки многослойного поселения Замостье 5 // Тверской археологический сборник / Отв. редактор – И. Н. Черных. Тверь. 1998. Вып. 3. С. 226–237.
- Сидоров В. В., Сорокин А. Н. Многослойная стоянка Замостье 5 // Материалы международной конференции «Каменный век Европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры». Сергиев-Посад. 1–5 июля 1997. Сергиев-Посад. 2001. С. 142–146.
- Сорокин А. Н. Бутовская мезолитическая культура. М. 1990. –220 с.
- Сорокин А. Н. Заболотский торфяник: что сделано, что делать? // Тверской археологический сборник / Отв. редактор – И. Н. Черных. Тверь. 2000. Вып. 4. Т. 1. С. 131–136.
- Сорокин А. Н. Рецензия: Кольцов Л. В., Жилин М. Г. Мезолит Волго-Окского междуречья (памятники бутовской культуры) // РА. № 3. 2001. С. 154–162.
- Сорокин А. Н. Окская экспедиция в 1989–2002 гг. // 30 лет Отделу охранных раскопок. Сборник отдела охранных раскопок. Том 2. М. 2004. С. 81–85.
- Сорокин А. Н. Мезолит Волго-Окского бассейна // Проблемы каменного века Русской равнины / Отв. редактор – Х. А. Амирханов. М.: Научный мир. 2004. С. 69–91.
- Сорокин А. Н. К проблеме финального палеолита Центральной России // РА. № 2. 2006. С. 91–98.
- Сорокин А. Н. К проблеме финального палеолита Центральной России // РА. 2006. № 4. С. 87–94.
- Спиридонова Е. А., Алешинская А. С. Особенности формирования и структуры растительного покрова Волго-Окского междуречья в эпоху мезолита // Тверской археологический сборник / Отв. редактор – И. Н. Черных. Вып. 2. Тверь. 1996. С. 65–70.
- Среда обитания человека в голоцене по данным изотопно-геохимических и почвенно-археологических исследований (Европейская часть России) / Коллективная монография под ред. В. И. Николаева. М.: Триест. 2002. – 190 с.
- Танфильев Г. И. Болота и торфяники Полесья / Географические работы. М.: ГеграфГИЗ. 1953. С. 25–53.
- Торф // Геологический словарь. М. 1978. Т. 2. С. 320.
- Шер Я. А. Еще об археологических источниках и заключенной в них информации // Археолог: детектив и мыслитель. Сборник статей, посвященный 77-летию Льва Самойловича Клейна / Отв. редакторы: Л. Б. Вишняцкий, А. А. Ковалев, О. А. Щеглова. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета. 2004. С. 114–123.

- Kankaanpää J., Rankama T.* Early Mesolithic Pioneers in Northern Finnish Lapland // In *H. Knutsson (ed.)* Pioneer settlements and colonization processes in the Barents region. Vuollerim Papers on Hunter-Gatherer Archaeology. Volume 1. Vuollerim. 2005. P. 109–161.
- Rankama, T.* Detecting vertical Stratigraphy through Artifact Distributions: A case study from Prehistoric Finland // *Att tolka stratigrafi. Det tredje nordiska sttigrafimötet, Åland / Ed by G. Eriksdotter, S. Larsson and V. Londahl. Meddelanden från Ålands högskola. 1999. # 11. P. 87–99.*
- Rankama, T.* Site Formation Processes and Vertical Stratigraphy in Finland // *Papers of Sartryck ur Finskt Museum. Sartryck. 2004. P. 56–78.*
- Rankama T., Kankaanpää J.* More Pieces in Vertical Movement // *Dig it All. Papers Dedicated to Ari Siiriainen. The Finnish Antiquarian Society and the Archaeological Society of Finland. Helsinki. 1999. P. 45–63.*
- Rankama T., Kankaanpää J.* History and prehistory of Lake Vetsijärvi // *Quaternary studies in the northern and Arctic regions of Finland. Geological Survey of Finland, Special Paper / A. E. K. Ojala (ed.). 2005. # 40. P. 113–121.*
- Schild R.* Radiochronology of the Early Mesolithic in Poland // *Larsson L. (ed.). The Earliest Settlement of Scandinavia and its relationship to neighbouring areas / Acta Archaeologica Lundensia. 80. # 24. 1996.*
- Sidorov V. V., Sorokin A. N.* The discovery and investigation of a multi-layer settlement at Zamostje 5 on Russian Plain // *Anglo-Russian Archaeology Seminar: Recording System for Archaeological Projects / Ed. by Timothy Darvill, Gennadii Afanas'ev, & Eileen Wilkes. Bournemouth and Moscow: 2000. P. 5–9.*
- Vermeersch P. M.* Postdepositional Processes on Epipalaeolithic and Mesolithic Site in the Sandy Area of Western Europe // *L'Europe des derniers chasseurs: Epipaléolithique et Mésolithique. Actes du 5-e Colloque international UISPP, commission XII, Grenoble, 18–23 Septembre 1995 / Edite par Andre Trevenin, sous la direction scientifique de Pierre Bints. Paris. 1999. Editions du CTHS. P. 159–166.*
- Zhilin M. G.* Technology of the Manufacture of Mesolithic Bone Arrowheads on the Upper Volga // *European Journal of Archaeology. 1998. Vol. 1. № 2. P. 149–175.*
- Zhilin M. G., Matiskainen H.* Deep in Russia, deep in the bog: Excavations of Stanovoje 4 and Sahtysh 14, Upper Volga region // *Mesolithic on the Move / Larsson L., Kindgren H., Knutsson K., Leffler D., Akerlund A. (eds). Oxbow books. Oxford. 2003. P. 694–702.*
- Zhilin M. G.* The terminal Palaeolithic – early Mesolithic of the Upper Volga and colonization of the north-west of Eastern Europe // *Pioneer Settlements and colonization processes in the Barents regions / Helena Knutsson ed. Vuollerim Papers on Hunter-gatherer Archaeology. Volume 1. Vuollerim, 2005. P. 163–180.*
- Wood W. R., Johnson D. L.* A survey of disturbance processes in archaeological site formation // *Advances in Archaeological Method and Theory / M. B. Schiffer (ed.). New York. 1978. Vol. 1. P. 315–381.*

4: ЭТЮД О «ВОСТОЧНОЙ» ОРИЕНТАЦИИ¹

«Этот ряд очагов сохраняет традиционную ориентацию».

С. Ю. Лев. Из доклада «Очаги Зарайской стоянки»
на заседании Отдела каменного века
ИА РАН 25.04.2002

Анализ литературы показывает, что эпитет «восточный» стойко бытует для обозначения восточно-европейских индустрий эпохи каменного века. Характерно, что он «привязан» не только к финально-палеолитическим культурам аренсбург, лингби или федермессер (Кольцов, 1977, 1996; Кольцов, Жилин, 1999; Zhilin, 1999), но его же можно найти и в связке с верхнепалеолитическими культурами граветтом, ориньяком или селетом (*Восточный граветт*, 1998; Аникович, 1998; Сапожников, 2005) и даже среднепалеолитическим микокком (Колесник, 1998). Судя по широте использования, с которой он прилагается к самым разным по времени индустриям, технокомплексам и археологическим культурам, речь идёт о некоем закономерном явлении. Учитывая эту своеобразную массовость, попробуем разобраться с ролью «вос-

точной» ориентации на имеющихся материалах.

Не берусь судить, кто первым и когда стал использовать этот эпитет, тем более что вводился он, судя по всему, не разово, то есть применительно к граветту в одно время, в отношении микокка – в другое, а федермессера и аренсбурга – в третье. Тем не менее, не будет большой ошибкой утверждать, что в 1990-е годы он использовался уже довольно широко, более того, стал практически обиходным. Учитывая, что с незапамятных времен русские исследователи были последовательными сторонниками французской периодизации каменного века, уместно было бы предположить, что его корни лежат ещё в тех «пластах», где зарождалась российская археология. Действительно, первые отечественные палеолитические находки надо было с чем-то сравнивать. Исходя

¹ Воспроизводится по изданию: А. Н. Сорокин. Проблемы мезолитоведения. М.: Гриф и К. 2006. С. 95–104.

из авангардного развития в XVIII–XIX вв. французской школы палеолитоведения, вполне естественно предположить, что здесь как нельзя кстати оказались французские материалы и схемы. Однако ориньяк, солютре, мадлен, азиль и тарденуаз, «помещённые на русскую почву», должны были, разумеется, претерпеть известную трансформацию. Сказать, что эти индустрии присутствуют и в материалах Русской равнины, при том количестве данных, которое было, основания не хватало. Так, по-видимому, и была подготовлена почва для эпитета «восточный». Вроде и граветт или азиль, но не совсем такие, как во Франции, а своеобразные. Этим нюансом и могло стать изобретение прилагательного, за которым скрывалось некое едва уловимое и малообъяснимое логически сходство восточно-европейских и западно-европейских материалов. Между тем, ни в XIX, ни в первой четверти XX вв., несмотря на широкое использование французской терминологии, изобретение этого термина все же не происходит. В этой связи достаточно вспомнить капитальные труды А. С. Уварова (1881) или В. А. Городцова (1905, 1923). Нет его и позднее у Г. А. Бонч-Осмоловского (1940) или П. П. Ефименко (1938, 1958). Более того, анализ фундаментальной монографии П. П. Ефименко – крупнейшего отечественного исследователя палеолита и наиболее последовательного сторонника французской системы классификации (Ефименко, 1938) – показывает, что для него не только материалы, но и сама

Европа была единой. Хотя он и упоминает четырежды словосочетание «восточная Европа» (Ефименко, 1938, с. 550, 593, 624, 625) и единственный раз «западная Европа» (Ефименко, 1938, с. 550), но во всех случаях пишет оба этих прилагательных со строчной буквы.

Нет эпитета «восточный» и в работах С. Н. Замятниной (1961), монографиях А. А. Формозова по проблемам этнокультурной истории каменного века (Формозов, 1959, 1977), Г. П. Григорьевой (1968) или Р. К. Римантене (1971) и даже томах серии «Археология СССР», посвящённых палеолиту (1984) и мезолиту (1989). Тем не менее, термин «восточный граветт» в качестве противопоставления граветту Франции был предложен, как выясняется, Д. Гаррод ещё в 1936 г. Правда, в русской литературе об этом стало известно значительно позднее (Синицын, 1997, с. 60; Амирханов, 1998, с. 16; Аникович, 1998, с. 37; Булочникова, 1998, с. 67).

По мнению Х. А. Амирханова, «это понятие возникло на самой высокой волне миграционистских построений Д. Гаррод» (Амирханов, 1998, с. 17). Более того, как оказалось, данный эпитет эпизодически употреблялся и отечественными исследователями, в том числе, упоминавшимся выше П. П. Ефименко, а также М. Д. Гвоздовер (Ефименко, 1956; Гвоздовер, 1958). Использовался, но до конца 1980-х гг. в обиход не вошёл. Судя по всему, вторым своим рождением применительно к граветту (точнее, граветтёну) он обязан Г. П. Григорьеву (Григорьев, 1989; Амирханов, 1998, с. 19).

Здесь, однако, следует заметить, что «как и в первый раз, в конце 1930-х годов... был продемонстрирован типичный пример того, когда понятие, претендующее на место научного термина, возникает прежде, чем его определение и ясность в отношении подразумеваемого под ним явления» (Амирханов, 1998, с. 19).

По мнению Х. А. Амирханова, «как бы ни сыпали «граветтами», «бареттами», «флешеттами» и т. д. для доказательства глубинной разнородности западного и восточного граветта, доказать всем этим можно лишь только то, что не требует дополнительных доказательств, а именно: что конкретные археологические культуры Западной Европы отличаются от конкретных культур Центральной и Восточной Европы» (курсив – Х. А.; Амирханов, 1998, с. 20). Он также полагает, что «понятие «восточный граветт» не содержит смысла иного, чем обозначение граветтоидных памятников Центральной и Восточной Европы. Пользуясь выражением С. Н. Замятни-на, это – наименование, подменяющее объяснение» (Амирханов, 1998, с. 32). Не оставляет, однако, сомнение, что степень этой очевидности явно преувеличена. И если подобная разница столь ясна, то почему это граветт, хотя бы и «восточный», а не что-то иное?

В то же время М. В. Аникович считает, что «... сочетание в конкретных индустриях признаков, присущих разным технокомплексам, может обуславливаться разными причинами: культурным влиянием (взаимодействием разных археологических культур, при-

надлежащих разным технокомплексам) и культурной трансформацией (естественной сменой культурных традиций, в результате которой меняются не только отдельные типы, но и основные культурные характеристики)» (Аникович, 1998, с. 38). При этом он забыл только одно, но существенное и не менее актуальное объяснение, которое заключается в более прозаичном – естественном смешении материалов.

М. В. Аникович также полагает: «неправомерно ставить вопрос о происхождении граветтоидного технокомплекса «вообще»; эта проблема должна решаться отдельно не только для каждого региона (Западной, Центральной и Восточной Европы), но и для каждой конкретной археологической культуры» (Аникович, 1998, с. 38, 39). И далее: «вернёмся к терминам «восточный граветт» и «восточный эпиграветт». Проведённый обзор показывает, что нет никакой необходимости пытаться определить эти термины на понятийном уровне: специфика восточноевропейских индустрий, содержащих остря и пластины с притупленным краем (в том числе и комплексов виллендорфско-костёнковского типа) по отношению к западно-европейским прекрасно выражается через понятие «археологическая культура», а их известное сходство – через понятие «технокомплекс». Однако, в виду «живучести» этих терминов можно попытаться сохранить их как условные дефиниции, как эмпирические обобщения, – если только удастся определить их содержание таким образом, чтобы оно не было

тавтологичным: не вполне перекрывалось бы выделяемыми АК и ТК» (*Аникович*, 1998, с. 63, 64). А вот здесь уже с ним совершенно нельзя согласиться, ибо если рассматривать по отдельности «каждую ножку сороконожки», то за частностями целое можно вообще не увидеть никогда. Полагаю, любое явление нужно выделять и оценивать по сути, иначе нет смысла в его вычленении. Актуален и другой аспект. Не скрывается ли за сходством исключительно малая вариабельность каменной техники? В ряде случаев, эта её запрограммированность определяет малое разнообразие форм, допускает их конвергентное возникновение и продуцирует в результате похужесть материалов. И отличить два этих явления – актуальная задача, стоящая перед исследователем. И никакие попытки уйти от этого, скрыться за терминами не прибавят ничего для постижения сути явления и, следовательно, решения проблемы.

Что касается эппалеолита или мезолита Русской равнины, сходство этих материалов со свидерскими нашло свое выражение сначала в «свидерской стадии эппалеолита Восточной Европы» (*Воеводский*, 1934, 1940, 1950). Затем, несколько позднее утверждения в советской литературе термина «мезолит» (*Формозов*, 1959, 1977), при характеристике самого туманного заключительного отрезка плейстоцена – финального палеолита незаметно внедрился и эпитет «восточный». Судя по всему, применительно к финально-палеолитическим комплексам, первым в отечественной литературе этот эпитет стал применять

Л. В. Кольцов (1977). Главу 3 своей компиляции по финальному палеолиту и мезолиту Южной и Восточной Прибалтики о памятниках позднего мадлена он снабдил подзаголовком «восточный вариант культур федермессер» (*Кольцов*, 1977, с. 16). Здесь следует обратить внимание не столько на злосчастное прилагательное, сколько на множественное число, присвоенное культуре федермессер, что является явной ошибкой. Однако напрасно искать здесь какое-либо пояснение как самого эпитета «восточный», так и обоснование выделения нового варианта, а, тем более, нескольких культур федермессер.

В качестве основной территории «групп» федермессер (*Кольцов*, 1977, с. 16) он перечисляет Северо-Запад ФРГ, Голландию и Северную Бельгию. Кроме того «находки, близкие группам федермессер, известны с территории ГДР и Южной ФРГ» (*Кольцов*, 1977, с. 16) и в междуречье Одера и Вислы (Польша). Эти последние он и объединяет в «восточный вариант культур федермессер» (*Кольцов*, 1977, с. 39), присоединяя к ним «ряд стоянок на территории СССР, например, типа Журавка». Заметив при этом, что «польские мадленские стоянки имеют только самые общие черты сходства с поселениями групп федермессер с территории ФРГ» (*Кольцов*, 1977, с. 39). Таким образом, судя по всему эпитет «восточный» они получили вследствие того, что находятся вне исконного ареала и за их, по-видимому, опосредованную типологическую близость. Хотя, разумеется, никаких типологических штудий при

этом – и этот факт следует подчеркнуть особо – реально проведено не было.

Интересно, что в той же компиляции и коморницкая культура обозначена как «восточный вариант культуры дуфензе» (Кольцов, 1977, с. 136). Ареал дуфензе – по Л. В. Кольцову – охватывает пространства от «Южной Англии до Одера», а варианта – локализован территорией современной Польши. Он полагает, что «обе этих культуры (? – А. С.) представляют собой единое целое» (Кольцов, 1977, с. 159). Однако, несмотря на данное высказывание и фактически единую географическую территорию, делает абсолютно алогичный вывод: «Следовательно, можно считать коморницкую культуру восточным вариантом культурной области дуфензе» (Кольцов, 1977, с. 159). Понять по тексту, чем «вариант» отличается от культуры дуфензе невозможно, так как эти сведения попросту отсутствуют. Не вызывает, однако, сомнения, что в обоих случаях речь идёт не просто о вольном обращении с археологической таксономией, но и элементарном непонимании Л. В. Кольцовым дефиниций, которыми он оперирует. Тот факт, однако, что в 1960–1970-е гг. он был по сути дела единственным узким специалистом по финальному палеолиту и мезолиту и работал в головном институте страны, определил, что со второй половины 1970-х гг. словосочетания «восточный вариант культуры федермессер», «восточный федермессер», «восточный постлингби» или «восточный аренсбург» (Кольцов, 1977; Koltsov, Zhilin, 1999; Zhilin, 1996, 2006; Жилин, 2004) вошли в обиход.

Между тем, если рассуждать логически, введение данного эпитета предполагает: раз есть «восточный», то неизбежно должны быть и другие географические направления, точнее варианты этих культур. На самом деле ничего подобного в зарубежной литературе нет. Во всяком случае, никакая «восточная ориентация» индустрий, если исключить эпизод с «восточным граветтом» Д. Гаррод, там всерьёз не обсуждалась. Достаточно вспомнить капитальные труды по эпохе финального палеолита А. Руста (Rust, 1937), В. Тауте (Taute, 1968) или Г. Швабедиссена (Schwabedissen, 1954). Нет его и у крупнейших польских исследователей Р. Шильда (Shild, 1975), Я. Козловского и С. Козловского (Kozlowski J., Kozlowski S., 1975). Даже Р. К. Римантене в своём капитальном труде по финальному палеолиту, эпипалеолиту и мезолиту Литвы, говоря о мадленских стоянках региона, не использует географического принципа и не противопоставляет их специально западным материалам. Напротив, она со всей определённостью говорит о мадленских памятниках на территории Литвы (Римантене, 1971). Не использует его и украинский исследователь Л. Л. Зализняк (Зализняк, 1989; Зализняк, 1999). Хотя все эти авторы, особенно Л. Л. Зализняк, и оперируют широко данными по памятникам Русской равнины, ни в одной из работ этого эпитета нет. Правда, в его последней по времени монографии, возможно, как дань моде, этот эпитет все же появляется (Зализняк, 2005). Попробуем определить точнее, что же скрывается за вышеназванным термином?

В целях экономии места не будем рассматривать другие работы Л. В. Кольцова 1970–1980-х гг., но уместно совершить краткий экскурс в его статьи конца XX – начала XXI веков. Так в одной из них он пишет: «мы (! – А. С.) предлагаем понимать под археологической культурой группу археологических памятников, обладающих культурным, хронологическим и территориальным единством» (Кольцов, 1996, с. 5). Изрекая это откровение, Л. В. Кольцов забывает сослаться на работы своих предшественников А. Я. Брюсова, М. Е. Фосс и Н. Н. Гуринной, откуда он всё это и переписал. С той лишь разницей, что они говорили не об аморфной «группе» неких памятников, а об этносах, материальным выражением которых и служит эта дефиниция. Впрочем, в другой своей статье, он утверждает: «хотелось бы для начала напомнить, что за чисто гносеологическим понятием «археологическая культура» стоит определённый реальный этнос – реальные группы людей, оставившие для археологов орудия труда и предметы быта в определённом наборе, живших на ограниченном хронологическом отрезке в своеобразных экологических условиях» (Кольцов, 2002, с. 46). Не правда ли до боли знакомо?! И, опять же, без ссылок на предшественников, в том числе и Ю. Н. Захарука, первым в отечественной литературе отнёсшим это понятие к категории гносеологических (Захарук, 1976). Зато у Л. В. Кольцова можно прочесть: «понятие «археологическая культура»... облегчает нам оперирование археологиче-

ским материалом, найденным при раскопках» (Кольцов, 1996, с. 5). Подобное утверждение, как и то, что «до него этой проблемой специально никто не занимался» (Кольцов, 2005, с. 46) или его слова: «оставившие для археологов...» ничего, кроме грустной улыбки, вызвать не могут.

Практика показывает, что основная масса археологических источников смешана и их синкретизм вызван феноменом натурации (Сорокин, 2000, 2002), то есть является результатом глобального природного воздействия, а никак не продуктом аккультурации. Специальные исследования показывают: то, с чем мы имеем дело, лишь в малой доле «дело рук человеческих». Это относится не только к археологическим культурам, но и тем комплексам, которыми мы оперируем, которые, прежде чем они станут гносеологической реальностью, надо «очищать» и «критиковать» (Клейн, 2004). Однако и докопавшись до творений человека, мы не выйдем на этнос не только в силу размытости самого этого понятия (Тишков, 2003), но ещё и потому, что большинство вещей и в современном мире полиэтничны. Это не означает, что артефакты не содержат «этнической информации», она есть, но её суть не лежит на поверхности. Она скрыта гораздо глубже, чем это виделось в 1950–1970-е годы и представляется до сих пор Л. В. Кольцову.

Идеи Л. В. Кольцова о «восточных индустриях» были подхвачены М. Г. Жилиным. Однако и в его статьях напрасно искать содержательного объяснения по-

нятий «восточный вариант культуры федермессер», «восточный федермессер», «восточный постлингби» или «восточный аренсбург» (Жилин, 2004; Zhilin, 1996, 2005). Не оставляет ощущение, что за их терминологией скрыто не только незнание материала, но и неумение системного подхода к решению проблемы.

Со всей очевидностью берусь утверждать, что археологическая культура – это не средство, изобретённое для удобства археологов «оперирования археологическим материалом, найденным при раскопках» (Кольцов, 1996), а инструмент познания прошлой действительности. Это гносеологическая категория пространственно-временной связи ископаемых объектов (Сорокин, 2002). Следовательно, понятием «археологической культуры каменного века» закодированы, прежде всего, экономическая составляющая и хозяйственно-культурный тип древнего населения, находящие своё выражение в тех материальных остатках, которые изучаются методом археологии. Сходство индустрий и артефактов – объективное проявление традиций популяций в их постоянном процессе адаптации к изменяющимся экологическим условиям. Поэтому ареал археологической культуры каменного века – это «размах их пространственных колебаний в пределах кормовых территорий» (Сорокин, 2002, 2004). Отсюда памятники с остриями типа федермессер, где бы они ни встречались, – это и есть культура федермессер. А стоянки с лингбийскими наконечниками – это и есть памятники культуры Лингби вне за-

висимости от места их фиксации конкретным полевым исследователем и тех территориальных лакун, которые в силу разной изученности имеются на географической карте Европы. При этом все рассуждения про «восточные» варианты – это лишь словесная эквилибристика, за которой нет никакого реального содержания. Ибо все эти эпитеты и варианты совершенно не учитывают экологию, экономическую основу и образ жизни человека в эпоху каменного века. Фактически они отражают лишь схему ради схемы, классификацию ради классификации и не более того.

В настоящее время дефиниции французской школы палеолитоведения наиболее активно используются нашими украинскими коллегами А. Ф. Гореликом, Д. Ю. Нужным, Л. Л. Зализняком, А. В. Колесником и другими. Например, И. В. Сапожников, рассматривая материалы степной зоны Украины, пишет, что «для позднего палеолита этой территории присущи ориньякоидный, граветтоидный и селетоидный технокомплексы» (Сапожников, 2005, с. 6). При этом в раннюю пору (около 32 – 22 тыс. лет ВР) «известны проявления ориньякоидного, граветтоидного и селетоидного технокомплексов» (Сапожников, 2005, с. 21). В среднюю пору верхнего палеолита (22 – 16,5 тыс. лет ВР), в её начале «все без исключения комплексы являются ориньякоидными, точнее – эпиориньякскими» (Сапожников, 2005, с. 21), в середине «их специфика определена терминами граветтоидный эпиориньяк... и ориньякоидный эпиграветт»

(Сапожников, 2005, с. 21). И на верхнем уровне «зафиксировано существование только эпиграветтских индустрий» (Сапожников, 2005, с. 21). А для заключительной поры верхнего палеолита региона (16,5 – 10,3 тыс. лет ВР), по его мнению, «характерно присутствие индустрий граветтоидного технокомплекса в эпиграветтском и финальноэпиграветтском проявлениях» (Сапожников, 2005, с. 21). Нет нужды цепляться к терминам и спрашивать: так «присущи ориньякоидный, граветтоидный и селектоидный технокомплексы» (Сапожников, 2005, с. 6) или «известны их проявления» (Сапожников, 2005, с. 21) и в каком соподчинении термин «проявление» находится с системой классификации и как он определяется? Нет необходимости задавать и другие вопросы, например, ориньякоидные или всё же эпиориньякоидные комплексы характерны для начала средней поры, и в чём их принципиальное различие? Или чем отличается «граветтоидный эпиориньяк» от «ориньякоидного эпиграветта» (Сапожников, 2005, с. 21), если, по его утверждению, «они не содержат процентных показателей тех или иных групп орудий или изделий» (Сапожников, 2005, с. 6)? Важнее другое, как он объясняет сохранение столь длительное время на одной территории вышеуказанных традиций? Однако этот вопрос остаётся безответным.

Пытаясь оценить развитие во времени различных технокомплексов, И. В. Сапожников пишет, что «на протяжении многих лет ... появление в регионе более или менее выразительных культур-

ных явлений объяснялось миграциями населения» (Сапожников, 2005, с. 22). Однако, «здесь реально зафиксированы ... лишь миграция свидерского населения на территорию Крымского полуострова» и «переселение в Днепровское Надпорожье небольшой группы людей из Северо-Восточной Румынии» (Сапожников, 2005, с. 20). При этом, «последнюю из них – как он полагает – пока ещё трудно назвать настоящей массовой миграцией» (Сапожников, 2005, с. 22). Не совсем ясно, что скрыто за выражением «более или менее выразительные культурные явления» и почему массовые миграции являются «настоящими», а иные таковыми не являются? Он считает, что «в противном случае значительная часть древнейшей истории юга Восточной Европы может превратиться «в сложную и мозаичную картину» бесконечной цепи миграций, которая не поддаётся научному осмыслению» (Сапожников, 2005, с. 22). И утверждает, что «современный уровень знаний позволяет проследить на юге Восточной Европы вполне логичное существование генетической культурной последовательности (ориньяк – граветт – эпиориньяк – эпиграветт – финальный эпиграветт в разных вариантах), что допускает в принципе проживание в этом регионе на протяжении большей части позднего палеолита родственного населения близкого происхождения» (Сапожников, 2005, с. 22, 23). Если согласиться с ним, невольно возникает вопрос, что же было основой оседлого образа жизни населения степной зоны в верхнем и финальном

палеолите? И не противоречат ли этому данные, приводимые самим И. В. Сапожниковым, о сезонности памятников региона (Сапожников, 2003, 2005)? Полагаю, что для вывода об оседлости верхне- и финально-палеолитического населения степной зоны имеющихся данных недостаточно. Да и сведения по североамериканским индейцам – охотникам на бизонов, к которым он обращается, никак не свидетельствуют об этом. По-видимому, это просто неудачно высказанная мысль, ибо она противоречит тому, что им было написано о степной природно-хозяйственной области (ПХО) в монографии, посвящённой публикации материалов Большой Аккаржи (Сапожников, 2003), где недвусмысленно говорится о сезонной подвижности населения степной зоны. Более того, уверен, что миграционная гипотеза непротиворечиво увязывает воедино присутствие граветтских, оринькских и селетских технокомплексов вне их исходной территории, наблюдения о сезонности памятников, приводимые И. В. Сапожниковым, и типологический состав археологического материала, которым он оперирует. Однако лишь в том случае, если под миграциями понимать не некие немотивированные «массовые» (по И. В. Сапожникову) переселения из одного места в другое, а сезонные возвратно-поступательные кочевья первобытного населения, ареал которых определяется маршрутами сезонных кочевий основных промысловых видов. Причём эти миграции далеко не обязательно ограничиваются конкретным, изучаемым полигоном. Это

и позволяет сохранять длительное время традицию населения в пределах одной и той же экологической ниши, под которой нужно понимать не конкретный исследуемый участок, а всю степную зону. Более того, хорошо объясняет существование общностей на территориях, значительно превосходящих по площади, и изучаемый И. В. Сапожниковым полигон, и упомянутую зону.

Признавая право на существование точки зрения И. В. Сапожникова о присутствии в регионе и степной зоне Украины ориньякоидных, эпиориньякоидных технокомплексов (ТК), граветтоидного эпиориньяка и ориньякоидного эпиграветта или селетоидной линии развития, хотелось бы, однако, получить ответ, за счёт чего возникало и поддерживалось их внутреннее единство? Говоря иначе, чем объясняется сходство «западных» и «восточных» технологий, если уж использовать для этого географические дефиниции? И чем, как ни миграциями ориньякского, граветтского или селетского населения объяснить появление в степной зоне Украины всех этих индустрий? В противном случае придётся допустить их независимое возникновение и существование от носителей, иначе говоря, технологий без людей. Уверен, технокомплексы и технологии не существуют сами по себе. В каменном веке не было иных способов передачи информации и технологий, кроме как от человека к человеку, путём наследования и передачи навыков или взаимодействия. Поэтому, установив где-то присутствие селета, ориньяка или

граветта, мы обязаны допустить миграцию их носителей в конкретное изучаемое место, где эти технологии зафиксированы археологически. И мотивацией таких передвижений служит экология и «провоцируемая» ею та самая сезонная подвижность, о которой говорит И. В. Сапожников. Передача идей и технологий иным способом в это время просто невозможна. И наследовать что-то (посториньяк, постселет, постграветт, эпиориньяк, эписелет, эпиграветт и т. д., и т. п.) можно либо генетически, либо передачей навыков в единой среде, либо путём взаимодействия. В противном случае это не будет ни «пост», ни «эпи». А раз сходство есть, и оно недвусмысленно обозначено И. В. Сапожниковым терминологически, значит, следует признать и миграции носителей этих традиций, хотя бы в качестве «первотолчка». Этим и удобна теория археологических культур, ибо на уровне терминологии она лишена конкретной «технологической привязки», хотя и может фиксировать её на уровне генезиса.

Не вызывает сомнения, что в первобытную эпоху при всём примитивизме и малой вариабельности каменной индустрии сходство не возникало само по себе, из ничего, и даже не материализовалось из воздуха. Оно могло «прийти» лишь с конкретными людьми – творцами конкретных технологий. И никак иначе.

Если согласиться с утверждением И. В. Сапожникова, что «около 13 тыс. лет тому назад значительная эпиграветтская культурная общность распалась, и на юге

Восточной Европы до начала мезолита существовали два меньших массива населения, которые оставили памятники финально-эпиграветтских шан-кобинской и рогаликско-царинковской археологических культур» (Сапожников, 2005, с. 24), то снова возникает ряд вопросов. Например, что понимать под термином «значительная общность»? И как определить размеры и содержание «меньших массивов населения»? Или, наконец, с каким из «меньших массивов» следует связать население свидерской культуры, явно не относящееся ни к шан-кобинской, ни к рогаликско-царинковской культурам. А, если это нечто иное, тогда, почему массивов только два, а не три? Не исключаю, что именно лакунарность наших знаний и слабость источниковедческой базы не позволяют пока выработать детальную и целостную историко-культурную картину. Остался нерешённым и «вечный» вопрос, чем объясняется присутствие на Крымском полуострове свидерских комплексов (Сапожников, 2005, с. 22)? Хотя автор и говорит, что «единственной миграцией, зафиксированной методами археологии... можно признать только появление свидерского населения в Крыму» (Сапожников, 2005, с. 23), на самом деле, эта гипотеза лишь частично объясняет реалии. Ибо, в свидерских крымских комплексах (Бибииков, Станко, Коен, 1994) нет костных останков северного оленя – главного вида, на котором было специализировано свидерское население, то есть отсутствует главный мотив подобной миграции. Впрочем, что бы ни послужило конкретной при-

чиной этой миграции, её следует рассматривать не как спонтанное, немотивированное переселение, а как сезонные кочевья свидерского населения в процессе адаптации к новым объектам охоты. И только так. В противном случае не будет ни этих памятников, ни продолжения традиций данной индустрии.

На мой взгляд, миграционная гипотеза позволяет непротиворечиво увязать воедино присутствие граветтских, оринькских, как и лингбийско-аренсбургских технокомплексов вне их исходных территорий. Она даёт основание логически объяснить и сохранение традиций, и возникновение новаций, и их передачу. Более того, она отменно поддаётся научному осмыслению. Однако лишь в том случае, если под миграциями понимать не некие немотивированные «массовые» переселения из одного места в другое (Сапожников, 2005; Кольцов, 2005), а сезонные возвратно-поступательные кочевья первобытного населения, ареал которых определяется маршрутами сезонных кочевий основных промысловых видов. Причём эти сезонные миграции далеко не обязательно ограничиваются конкретным, изучаемым полигоном. Территория археологической культуры шире ареала полевых исследований любого из археологов, а в ряде случаев не только речных бассейнов, но и современных государственных границ. Ибо закономерности, лежащие в основе первобытных обществ иные, чем у современных государств и интересов политиков. Маятниковые миграции и сезонно-подвижный образ

жизни позволяют сохранять длительное время традицию населения в пределах одной и той же экологической ниши. Более того, хорошо объясняют существование общностей на территориях, значительно превосходящих по площади, изучаемый каждым конкретным полевым исследователем полигон. Не побоюсь сказать: «Движение было смыслом их жизни!». Оно же определяло, в конечном счёте, и «ареалы традиций», фиксируемых археологически.

Территория археологической культуры в каменном веке – это абстракция, гносеологическая категория, как и само понятие «археологическая культура» (Захарук, 1976), а не ареал с жесткими контролируруемыми границами. Её нужно воспринимать лишь как географическое пространство, среду обитания, нишу, в пределах которой популяция жила по сезонному циклу. Население Восточной Европы в палеолите и мезолите было столь малочисленно, что весьма правдоподобной представляется ситуация, когда некая группа обитала на летней стоянке, зимнего стойбища не было, и наоборот. Фактически это «временная последовательность разных форм пространственной организации производственного коллектива». Из-за малочисленности групп охотников-собирателей контролю подчинялся лишь «фрагмент» видимого пространства и не более того. Ни о каком контроле над территорией речи не может быть в принципе. Да и была ли, если вдуматься, реальная пересекаемость маршрутов?

Границы археологических культур финального палеолита и мезолита, следовательно, совпадают с ареалом годичных, хозяйственных циклов. Фактически это размах пространственных колебаний популяции в пределах кормовой территории, который в целом никак не мог контролироваться и обороняться. Этого просто некому было делать. По этой же причине он не мог, по видимому, полностью перекрываться ареалом другой популяции. Ибо население этого времени было чрезвычайно мало по сравнению с теми необъятными приледниковыми пространствами, которые им приходилось осваивать. И в случаях археологического совпадения ареалов разных культур речь скорее должна идти о последовательности событий, одновременности обитания, то есть, территориальном совпадении разведенных во времени событий. Из-за того, что ареал популяции мамонтов был одним, бизона – другим, а северного оленя – третьим и разными были их «пищевые» характеристики, территории хозяйственного освоения, которые должны были эксплуатировать разные группы первобытного населения, ориентированного на каждый из этого вида животных при условии, что подобная специализация существовала, тоже радикально отличались. Следовательно, та картина, которая фиксируется археологически, – это результат суммирования и наложения друг на друга изменявшихся во времени маршрутов кочевого населения. Фактически, это спрессованная на плоскости последовательность

разновременных событий, а никак не отражение одновременной заселённости территории, одновременно бытовавших групп населения и параллельно существовавших разных типов памятников – базовых и временных стоянок, охотничьих и рыбацких лагерей, мест забоя и разделки животных, мастерских и т. д., и т. п.

Это спроецированная на карту (точнее, на одну «европейскую плоскость») история реальных событий, происшедших с людьми в течение всего времени существования конкретных популяций, пока мы в состоянии проследить их признаки по материальным далеко не всегда многочисленным и разнообразным остаткам. Этим, по видимому, и объясняется наложение ареалов синхронных культур, но у нас чрезвычайно мало данных для их строгого соотнесения. Разумеется, если население какой-либо культуры существовало длительное время, и за этот период происходило изменение климата, ландшафтных зон или другие глобальные природные подвижки, то первоначальный ареал не будет совпадать с финальным. Однако это абсолютно не означает, что в каждом конкретном случае речь должна идти о «суммировании территорий». Хотя, разумеется, проследить такой дрейф – задача архисложная.

Сказанное отнюдь не означает полную нивелировку коллекций всех памятников в пределах каждой из культур. Различия остаются, но разница в мерных признаках и особенности в стилистике обработки изделий на стоянках

одной и той же культуры, разделенных многими сотнями километров друг от друга, не являются доказательством их разной культурной принадлежности. Более того, они легко объяснимы. Как это показал для североамериканских материалов канадский археолог и этнолог Брайен Гордон, долгое время живший среди индейцев-охотников на карибу, все эти показатели связаны по преимуществу с сезонностью памятников и их неодинаковой удаленностью от источников сырья. Выявленные им различия между инвентарем «летних» и «зимних» стоянок оказались столь существенными, что если не знать того факта, что все они были оставлены одной и той же группой населения, а сравнивать между собой только каменный инвентарь, его можно было бы отнести к разным археологическим культурам (Gordon, 1997). Сюда же, к негативным факторам «культуроразличения» можно добавить, по-видимому, временные показатели и индивидуальные особенности производителей. Но главными, всё же, являются два первых признака. Вот почему нет необходимости выделять отдельную подольскую (Синицына, 1996, 2000; Васильев, Абрамова, Григорьева и др., 2005) или красносельскую культуры (Залізняк, 1999) и связывать их происхождение с Бромме-Лингби. Ибо это и есть материальные культуры одного и того же «лингбийского» населения, которое кочевало вслед за северным оленем по бескрайним просторам приледниковой зоны Европы в экологической нише финального плейстоцена. Говоря

другими словами, различия в инвентаре «восточных» и «западных» памятников – это не что иное, как «изобретение» кабинетного типолога. Это всего лишь неверная интерпретация наблюдаемого, которая зиждется на прямолинейном объяснении данных без учёта удаленности от источников сырья, общего характера биологических ресурсов (экологической емкости ландшафта), сезонности памятников и навыков разных производителей. А отнюдь не реконструкция, базисом которой служат все эти особенности и сложная взаимозависимость «человек – природная среда».

Заселение новых территорий, освобожденных от ледника, не было авантюрой, случайным актом, а было процессом их хозяйственного освоения, являлось своего рода «заполнением пространства», «вживанием населения в территорию». Этот процесс осуществлялся людьми, хорошо адаптированными к условиям северных широт, и совершался он перманентно по мере активизации дегляциации. Расширение географической емкости ландшафта происходило в ходе освобождения от влияния ледникового покрова приледниковых земель, и было объективным процессом общепланетарного масштаба. Человек был чрезвычайно слаб, чтобы влиять на ход климатических изменений, однако если он хотел выжить, то был обязан приспособиться к любым изменениям среды. Это не означает, что адаптация была осознанной. Но те, которые выжили, на видовом уровне уловили и выработали нужные для жизни в экстремальных

условиях среды качества. Справедливо и то, что «заполнение ландшафта» осуществлялось не сразу, а через известный промежуток времени, лишь тогда и в той мере, когда и поскольку для этого созревали необходимые предпосылки. На сезонные передвижения людей этого времени, следовательно, нужно смотреть в контексте образа жизни первобытного населения и соответствующего ХКТ, например, для эпохи финального плейстоцена – охотников тундровой и зарождавшейся лесной зон. Миграции при этом следует представлять не как однонаправленное движение к Северу, а как возвратно-поступательные, челночные передвижения, подчинённые объективному годовому природному циклу и экологии главных промысловых видов. В конкретном случае – северного оленя. Система хозяйства, при которой в орбиту хозяйственной деятельности были вовлечены, удаленные на значительное расстояние друг от друга участки территории Циркумполярной Европы, и были жизненно необходимы длительные сезонные миграции, могла сложиться и существовать лишь при охоте на северного оленя. Для конкретной рассматриваемой территории – это конец плейстоцена, время финального палеолита. Ибо северный олень – это единственное животное Северной Европы, для которого длительные сезонные кочевья являются нормой, стереотипом поведения (Сыроечковский, 1986; Сейбутис, 1974, 1980; Крупные хищники., 1978; Палеогеография Европы., 1982; Динамика ландшафтных компонентов.,

2002). И если есть люди, которые способны на него охотиться, археологически может возникнуть «общность территорий», значительно удаленных друг от друга. Ибо охотники на северного оленя неизбежно будут совершать кочевья на значительные расстояния вслед за бесчисленными стадами северного оленя (Симченко, 1976; Сыроечковский, 1986; Дзенискевич, 1987) и неминуемо, следовательно, оставлять материальные признаки своего присутствия там.

В этой связи следует в очередной раз обратить внимание на ошибочность традиционного графического обозначения миграций древнего населения стрелками. Ибо речь должна идти не столько о переселениях каких-либо популяций в каком-либо одном направлении, сколько о сезонных возвратно-поступательных миграциях населения, то есть, передвижении (перемещении) и обратном возвращении населения в исходную точку. Следовательно, верны не однонаправленные стрелки, а «челночные колебания». А общая поступательность перемещений, их вектор, обеспечивались экологией приледниковой зоны: постепенным расширением пространства и, следовательно, ойкумены за счёт прогрессирующего уменьшения ледникового покрова. Если реконструкция хозяйственно-культурного типа для этого времени верна, условия хозяйства охотников на северного оленя могли существовать и реализовываться исключительно в виде «челночных» возвратно-поступательных миграций. И никак иначе. Вот почему однонаправленное

графическое изображение передвижений первобытного населения формирует неточную и однобокую картину миграций в каменном веке. По сути: идёт вразрез с историзмом. Ибо эти миграции не были ни массовыми, ни, тем более, потоками. Напротив, они были малочисленными и сезонными, а, главное, – возвратно-поступательными, то есть шли в обоих направлениях, подчиняясь биологическим законам поведения основных объектов охоты. Конечно, переселение людей на новые земли происходило и в финальном палеолите и в мезолите. Но не эти единичные переселения определяли суть миграций этих эпох, ибо для них было больше присуще не переселение людей на новые территории, а поэтапное освоение новых земель и расширение ойкумены путём сезонных, возвратно-поступательных миграций. При этом глобальные, положительные изменения природной среды в конце плейстоцена – начале голоцена неизбежно вели к расширению территории и создавали благоприятные возможности для её освоения. Это не значит, что такие возможности постоянно реализовывались, а означает только одно, что возникала сама возможность их реализации.

В ряде случаев крайние точки ареала, фиксируемого памятниками археологии, – это и есть размах пространственных перемещений населения в пределах кормовых территорий. Малочисленность первобытных коллективов, живущих на краю ойкумены, и особенность хозяйственного цикла охотников

на северного оленя определяли и образ их жизни. Из этого следует: когда северный олень был в тёплое время года в тундре на пастбищах, это были северные, приледниковые территории, и всё население было, вероятно, именно там. А в холодное время вслед за северным оленем группы населения откочёвывали южнее, в том числе и на возвышенности Центральной России, где проще было перезимовать и оленям, и людям.

И только эволюция климата и палеосреды, резко изменившие картину мира, на которые впоследствии наслоились особенности новейшей политической истории, возведшие межгосударственные границы, привели к тому, что археологическая мозаика никак не хочет складываться в чёткую и логически связную картину. Причём, сама эта картина всё так и остаётся абстракцией в виде отдельных «территориально обособленных мазков», плохо связанных друг с другом, изученность которых зависит от количества исследователей и их финансовых возможностей.

Интересные наблюдения о передвижении охотников на северного оленя имеются у С. Н. Лисицына (*Васильев, Абрамова, Григорьева и др., 2005*). На основе западноевропейских данных он утверждает, что миграции этих популяций имели не широтный, а меридиональный характер. В основе его рассуждений лежат наблюдения за распределением памятников культуры федермессер. Не оспаривая конкретных археологических данных, следует заметить, что это высказывание не только не учитывает

всю их совокупность, но и противоречит этнографическим наблюдениям. Так, Г. И. Дзенискевич (1987), Ю. Б. Симченко (1976) и Е. Е. Сыроечковский (1986) приводят достоверные сведения, что передвижения северного оленя были значительно сложнее и сочетали меридиональные и широтные векторы движения. Аналогичными были и маршруты этнографических охотников на оленей. Таким образом, С. Н. Лисицын, судя по всему, возводит в абсолют единичное наблюдение, точнее не встраивает локальные данные в систему. Система же предполагает определённую и достаточно обширную территорию и включение в ареал не только «западных», но и «восточных» памятников.

Подводя итоги сказанному, следует заметить, что эпитет «восточный» имеет не археологическое, а сугубо географическое содержание. Если вдуматься, станет очевидным, что на практике он служил и служит, той ширмой, за которой скрываются объективные причины сходства, наблюдаемого в «западных», «восточных», «северных» и «южных» комплексах

и индустриях. Фактически этим термином подменяется реальная аналитическая работа по установлению закономерностей данного явления, нежелание разобраться в сути феномена, а в ряде случаев и элементарное неумение работать с реальными материалами.

Возможно, однако, что затронутый вопрос о «восточной ориентации» покажется несвоевременным и неактуальным. Позволю себе не согласиться с этим. В литературе так много всевозможных, но бессодержательных штампов и высокопарных рассуждений, что попросту утеряна суть самих понятий. В том числе и таких основополагающих, как археологическая культура или технокомплекс. Не вызывает сомнения, что на место штампов о «взаимодействии и взаимовлиянии культур», «контактных зонах индустрий», «параллельном существовании разных линий развития» и т. д. должна прийти трезвая оценка стандартных археологических понятий и определение их реального содержания. Попытку в этом направлении и представляет собой данное исследование.

Список литературы

- Амирханов Х. А. Восточный граветт или граветтоидные индустрии Центральной и Восточной Европы // Восточный граветт / Отв. редактор – Х. А. Амирханов. М.: Научный мир. 1998. С. 15–34.
- Аникович М. В. Днепро-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от «восточного граветта» к «восточному эпиграветту» // Восточный граветт / Отв. редактор – Х. А. Амирханов. М.: Научный мир. 1998. С. 35–66.
- Археология СССР: Палеолит СССР / Отв. редактор – П. И. Борисковский. М.: Наука. 1984. – 383 с.
- Археология СССР. Мезолит СССР / Отв. редактор – Л. В. Кольцов. М.: Наука. 1989. – 352 с.

- Бибииков С. Н., Станко В. Н., Коен В. Ю. Финальный палеолит и мезолит горного Крыма. Одесса: Весть. 1994. – 240 с.
- Бонч-Осмоловский Г. А. Палеолит Крыма. Выпуск 1. Грот Киик-Коба. М., Л.: Издательство Академии наук СССР. 1940. 226 с.
- Булочникова Е. В. Вчера и сегодня понятия «восточный граветьен» // Восточный граветт / Отв. редактор – Х. А. Амирханов. М.: Научный мир. 1998. С. 67–72.
- Васильев С. А., Абрамова З. А., Григорьева Г. В., Лисицын С. Н., Сеницына Г. В. Поздний палеолит Северной Евразии: палеоэкология и структура поселений. СПб. 2005. – 108 с.
- Воеводский М. В. К вопросу о ранней (свидерской) стадии эппалеолита на территории Восточной Европы // Труды 2 Международной конференции Ассоциации по изучению четвертичного периода. Вып. 5. М. 1934. С. 230–245.
- Воеводский М. В. К вопросу о развитии эппалеолита в Восточной Европе // СА. Вып. V. 1940. С. 144–150.
- Воеводский М. В. Мезолитические культуры Восточной Европы // КСИИМК. Вып. XXXI. 1950. С. 96–119.
- Восточный граветт / Отв. редактор – Х. А. Амирханов. М.: Научный мир. 1998. – 332 с.
- Гвоздовер М. Д. Авдеевская стоянка и ее место среди памятников позднего палеолита // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 1958. –23 с.
- Гвоздовер М. Д. Кремневый инвентарь Авдеевской верхнепалеолитической стоянки // Восточный граветт / Отв. редактор – Х. А. Амирханов. М.: Научный мир. 1998. С. 224–278.
- Городцов В. А. Материалы для археологической карты долины и берегов реки Оки // Труды 12 Археологического съезда. Т. 1 / Под редакцией графини П. С. Уваровой. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова. 1905. С. 515–672.
- Городцов В. А. Археология. Т. I: Каменный период. М.-Пг.: Государственное издательство. 1923. – 404 с.
- Григорьев Г. П. Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. Л.: Наука, Ленинградское отделение. 1968. – 175 с.
- Григорьев Г. П. Виллендорфовско-костёнковское единство в его природном окружении // Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита (по материалам Восточной Европы и США). Тезисы докладов советско-американского симпозиума. Ленинград, июль 1989 г. Л. 1989. С. 10, 11.
- Григорьев Г. П. Отношение восточного граветьена к Западу // Восточный граветт / Отв. редактор – Х. А. Амирханов. М.: Научный мир. 1998. С. 73–80.
- Дзенискевич Г. И. Атапаски Аляски. Очерки материальной и духовной культуры (конец XVIII – начало XX вв.). Л.: Наука, Ленинградское отделение. 1987. – 153 с.
- Динамика ландшафтных компонентов и внутренних морских бассейнов Северной Евразии за последние 130000 лет. Атлас-монография: Развитие ландшафтов и климата Северной Евразии. Поздний плейстоцен – голоцен – элементы прогноза. Вып. 2. Общая палеогеография / Под ред. профессора А. А. Величко. М.: ГЕОС. 2002. 232 с.

- Ефименко П. П. Первобытное общество. Очерки по истории палеолитического времени. Л.: Государственное социально-экономическое изд-во. 1938. – 636 с.
- Ефименко П. П. Костёнки 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1958. – 452 с.
- Ефименко П. П. К вопросу о характере исторического процесса в позднем палеолите Восточной Европы // СА. Вып. 26. 1956. С. 28–53.
- Жилин М. Г. Некоторые итоги раскопок стоянки Озерки 5 в 1990–1994 гг. // Тверской археологический сборник / Отв. редактор – И. Н. Черных. Тверь. 1996. Вып. 2. С. 118–125.
- Жилин М. Г. Мезолит Волго-Окского междуречья: некоторые итоги изучения за последние годы // Проблемы каменного века Русской равнины / Отв. редактор – Х. А. Амирханов. М.: Научный мир. 2004. С. 92–139.
- Зализняк Л. Л. Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита. Киев. Наукова думка. 1989. – 174 с.
- Зализняк Л. Л. Фінальний палеоліт північного заходу Східної Європи (культурний поділ і періодизація). Київ. НаУКМА. 1999. – 284 с.
- Зализняк Л. Л. Фінальний палеоліт і мезоліт континентальної України. Культурний поділ і періодизація // Кам'яна доба України. Вип. 8. Київ: Шлях. 2005. – 184 с.
- Замятнин С. Н. Очерки по палеолиту. Л. 1961. М., Л.: Изд-во Академии Наук СССР. 1961. – 176 с.
- Захарук Ю. Н. Археологическая культура: категория онтологическая или гносеологическая? // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: Наука. 1976. С. 3–10.
- Квасов Д. Д. Позднечетветичная история крупных озер и внутренних морей Восточной Европы. Л.: Наука. 1975. – 278 с.
- Клейн Л. С. Введение в теоретическую археологию. Книга I: Метаархеология. СПб.: Бельведер. 2004. – 470 с.
- Колесник А. В. «Восточный микок» – миф или реальность? // Археологический альманах. № 8. Донецк, 1999. С. 37–50.
- Кольцов Л. В. Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М.: Наука. 1977. – 216 с.
- Кольцов Л. В. Некоторые аспекты изучения археологических культур // Тверской археологический сборник / Отв. редактор – И. Н. Черных. Вып. 2. Тверь. 1996. С. 5–8.
- Кольцов Л. В. Формирование мезолитических культур Северной Евразии // Тверской археологический сборник / Отв. редактор – И. Н. Черных. Вып. 5. Тверь. 2002. С. 46–53.
- Кольцов Л. В. Формирование мезолитических культур Северной Европы // Тверской археологический сборник / Отв. редактор – И. Н. Черных. Вып. 5. Тверь. 2005. С. 46–53.
- Кольцов Л. В., Жилин М. Г. Мезолит Волго-Окского междуречья (памятники бутовской культуры). М.: Наука. 1999. – 157 с.
- Крупные хищники и копытные звери: Лес и его обитатели. М.: Лесная промышленность. 1978. – 294 с.
- Палеогеография Европы за последние 100 тысяч лет. Атлас-монография / Под ред. профессора А. А. Величко. М.: Наука. 1982. – 156 с.

- Римантене Р. К.* Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс: Изд-во «Минтис». 1971. – 203 с.
- Сапожников И. В.* Большая Аккаржа. Хозяйство и культура позднего палеолита Степной Украины. Киев: ШЛЯХ. 2003. – 303 с.
- Сапожников И. В.* Пізній палеоліт степів південного заходу України: хронологія, періодизація і господарство // Автореф. дис. ... док. ист. наук. Київ: ИА НАНУ. 2005. – 39 с.
- Сейбутис А. А.* Палеогеография, топонимика и этногенез // Известия АН СССР. Серия географическая. № 6. М. 1974. С. 40–53.
- Сейбутис А. А.* Проблема этногенеза балтов и славян в свете палеогеографии // Природа. № 11. 1980. С. 78–85.
- Симченко Ю. Б.* Культура охотников на оленей Северной Евразии. Этнографическая реконструкция. М.: Наука. 1976. – 313 с.
- Синицын А. А.* «Западный граветт» Восточной Европы // «Восточный граветт». Тезисы докладов международного коллоквиума (Зарайск – Москва, 1–7 сентября 1997). М. 1997. С. 60–63.
- Синицын А. А.* Хронология Восточного граветта // «Восточный граветт». Тезисы докладов международного коллоквиума (Зарайск – Москва, 1–7 сентября 1997). М. 1997. С. 63–66.
- Синицына Г. В.* Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях / Археологические изыскания. Вып. 39. СПб. 1996. – 52 с.
- Синицына Г. В.* Финальный палеолит и ранний мезолит – этапы развития материальной культуры на Верхней Волге // Тверской археологический сборник / Отв. редактор – И. Н. Черных. Вып. 4. Т. 1. Тверь. 2000. С. 61–71.
- Сорокин А. Н.* Парадоксы источниковедения мезолита Восточной Европы // Тверской археологический сборник / Отв. редактор – И. Н. Черных. Тверь. 2000. Вып. 4. Т. 1. С. 37–48.
- Сорокин А. Н.* Мезолит Жиздринского полесья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы. М.: Наука. 2002. – 251 с.
- Сорокин А. Н.* Мезолит Волго-Окского бассейна // Проблемы каменного века Русской равнины / Отв. редактор – Х. А. Амирханов. М.: Научный мир. 2004. С. 69–91.
- Сыроечковский Е. Е.* Северный олень. М.: Агропромиздат. 1986. – 256 с.
- Тишков В. А.* Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука. 2003. – 545 с.
- Уваров А. С.* Археология России. Каменный период. М.: Синодальная типография, 1881. – 490 с.
- Формозов А. А.* Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М.: Изд-во АН СССР. 1959. – 124 с.
- Формозов А. А.* Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. М.: Наука. 1977. – 144 с.
- Garrod D. A. E.* The Upper Palaeolithic Age in Britain. Oxford: Oxford University Press. 1926. – 211 p.
- Gordon B.* The Enigma of the Far Northeast European Mesolithic: Reindeer Herd Followers or Semi-sedentary Hunters? Toronto: Toronto University Press, 1997. – 286 p.

- Koltsov L. V., Zhilin M. G.* Tanged points cultures in the upper Volga Basin // Tanged points cultures in Europe. Read at the International archaeological symposium, 1993 / *S. Kozłowski & L. Zaliznyak (eds.)*. Lublin, 1999: Maria Curie-Sclodowska University Press. – Lublin. 1999. P. 346–360.
- Kozłowski J. K., Kozłowski S. K.* Pradzieje Europy od XL do IV tysiąclecia p. n. e. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe. 1975. – 504 p.
- Rust A.* Das Altsteinzeitliche Rentiejäger lager Meiendorf. Neumunster. 1937. – 186 p.
- Schwabedissen H.* Die Federmesser-Gruppen des nordwesteuropäischen Flachlands. Zur Ausbreitung des Spadt-Magdalenien. Neumunster: Karl Wachholtz Verlag. 1954. Vol. 9. – 210 p.
- Schild R.* Późny paleolit // *Prahistoria Ziemi Polskich. Paleolit i Mezolit. T. I.* / Edited by *W. Chmielewski, W. Hensl*. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk. 1975. P. 159–338.
- Sorokin A. N.* On the problem of influence of Volga-Oka Mesolithic to the origine of Kunda culture // *L'Europe des derniers chasseurs: epipaleolithique et mesolithique. Actes du 5-e colloque international UISPP, commission XII, Grenoble, 18–23 septembre 1995.* Paris; Editions du CTHS. 1999. P. 425–428.
- Taute W.* Die Stielspitzen-Gruppen in Nordlichen Mitteleuropa. Ein Beitrag zur Kenntnis der späten Altsteinzeit. Fundamenta, Reihe A, Band 5. Köln: Graz. 1968. – 512 p.
- Zhilin M. G.* The Western Part of Russian the Late Palaeolithic – early Mesolithic // *The Earliest Settlement of Scandinavia. Acta Archaeologica Lundensia / L. Larson (ed)*. 1996. Series in 8°. # 24. P. 273–284.
- Zhilin M. G.* New Mesolithic peat sites on the upper Volga // Tanged points cultures in Europe. Read at the International archaeological symposium, 1993/S. *Kozłowski & L. Zaliznyak (eds.)*. Lublin, 1999: Maria Curie-Sclodowska University Press. – Lublin, 1999. Lublin. 1999. P. 295–310.
- Zhilin M. G.* The terminal Palaeolithic – early Mesolithic on the Upper Volga and colonization of the northwest of Eastern Europe // *Pioneer settlements and colonization processes in the Barents region // Vuollerim Papers on Hunter-gatherer Archaeology / Ed. by H. Knutsson. Volume 1.* Vuollerim. 2005. P. 163–180.

5: ДИАЛОГ О ГЕНЕЗИСЕ КУЛЬТУРЫ КУНДА¹

«Распространение изделий пуллийских типов на обширной территории отражает формирование устойчивой системы связей населения родственных постсвидерских культур... Не обмен сырьем был целью этих контактов... В основе этой системы, вероятно, лежала необходимость регулярных экзогамных брачных связей, что в условиях сильной разреженности раннемезолитического населения вело к вовлечению в эти связи обширных территорий.»

Жилин, 2000, с. 76

История вопроса или вопрос истории?

О генезисе кундской культуры сказано уже так много (*Indreko, 1948, 1964; Формозов, 1959, 1977; Shild, 1965; Янитс Л., 1966; Римантене, 1971; Kozlowski, 1972, 1989; Kozlowski J., Kozlowski S., 1975; Weickowska, 1975; Jaanits L., Jaanins K., 1978; Zagorskis, 1987; Zagorska, 1980, 1996; Лозе, 1977, 1986; Загорска, 1981; Кольцов, 1977, 1998; Янитс К., 1980; 1985; Янитс, 1990; Jaanits K., 1981; Ошибкина, 1983, 1997; Сорокин, 1986, 1987, 1990, 1996; Гурина, 1989; Зализняк, 1989, 1991; Зализняк, 1995, 1999; Тимофеев, 1993; Ксензов, 1994, 1997; Zhilin, 1996; Ostrauskas, 1996*), что добавить к этому, казалось бы, уже нечего. Тем не менее, появление на рубеже веков серии работ по данной проблематике (*Butrimas,*

Ostrauskas, 1999; Koltsov, Zhilin, 1999; Sorokin, 1999; Sulgostowska, 1999; Зализняк, 1999; Кольцов, Жилин, 1999; Жилин, 2000, 2001; Ксензов, 2001; Сорокин, 2000, 2002; Ostrauskas, 2000; Сулгостовска, 2001) показывает, что тема эта далеко не исчерпана. Стал понятен и другой её аспект: генезис кундской культуры чаще рассматривается как нечто давным-давно установленное, доказанное и не подлежащее сомнению. Между тем подобные попытки освещения темы «широкими мазками» и «как само собой разумеющееся» не только не проясняют сути вопроса, но и отчётливо показывают, что «за деревьями уже не видно леса». Совершенно очевидно, что дело не в том, что после развала СССР многим исследователям стал недоступен конкретный материал, и основным источником информации становятся не коллекции,

¹ Воспроизводится по статье: А. Н. Сорокин. Диалог о генезисе кундской культуры // Тверской археологический сборник / Отв. редактор – И. Н. Черных. Тверь, 2006. Вып. 6. Т. 1. С. 97–115.

а статьи и другие литературные издания, из которых конкретные сведения извлечь обычно невозможно. И даже не столько в происхождении конкретной кундской культуры, сколько в общетеоретической неразработанности самого понятия «генезис археологической культуры». Автор далёк от мысли поставить точку в дискуссии, однако считает своевременным напомнить свои взгляды по данному вопросу.

В литературе доминирует точка зрения о происхождении кундской культуры на основе свидерской культуры. Отличаясь в частности, она едина в главном – свидерских корнях кундской индустрии. Несмотря на значительное число приверженцев, эта гипотеза не отвечает основному принципу – достоверности. У меня нет сомнения в том, что генезис кундской культуры, точнее, её раннего (пуллийского) этапа связан с рессетинской культурой. Подробнее эта идея изложена в ряде статей (Сорокин, 1986, 1987, 1990, 1996, 2000, 2002, 2004; Sorokin, 1999) и здесь нет необходимости их пересказывать, хотя отдельные аспекты роли рессетинского населения в происхождении пуллийского населения будут неизбежно затронуты ниже. Из работ того же времени наиболее развернуто представления сторонников свидерских корней кундской культуры излагаются в статьях В. П. Ксензова (2001) и М. Г. Жилина (2000). Первая из них содержит обстоятельное изложение точек зрения всех современных исследователей по данному вопросу, что позволяет мне не касаться данного аспекта темы. Помимо это-

го, она интересна своей выразительной критикой моей «рессетинской» гипотезы генезиса кундской культуры (Ксензов, 2001, с. 32). Статья М. Г. Жилина обращает на себя внимание тем, что раскрывает механизм возникновения кундской культуры. Без сомнения, здесь находит своё логическое завершение, сформулированная Л. В. Кольцовым, «закономерность образования археологических культур» как результат «сложения» их комплексов (Кольцов, 1979). С моей точки зрения, гипотеза Л. В. Кольцова – всего лишь изложение стандартного способа механического смешения археологического материала, а никак не генезиса археологических культур, но подробнее об этом ниже.

Путь анализа или анализ пути?

Несмотря на значительные успехи, достигнутые за последние 25 лет в изучении кундской культуры, стоянка Пулли так и остаётся самым древним её памятником. Поэтому вопрос о происхождении кундской культуры напрямую связан с проблемой генезиса пуллийской индустрии. Вне зависимости от того, какой путь исследования – анализа или синтеза – коллекции Пулли избрать, в результате требуется установить круг аналогов и определить на этой основе источник пуллийской индустрии.

Стоянка Пулли была открыта в 1967 г. Л. Ю. Янитсом и исследована на площади 1159 кв. м в 1968–1973 и 1975–1976 гг. (Jaanits L., Jaanits K., 1975, 1978; Jaanits K., 1981; Яанитс, 1980; 1990). Мощность куль-

турного слоя составляет от 0,1 до 0,15 м и лишь местами она достигает 0,2 м. Плотность находок невелика, и равна в среднем 2 экз. на 1 кв. м. Всего в ходе раскопок было найдено 2319 каменных изделий, в том числе – по данным К. Л. Янитса – 283 предмета со следами вторичной обработки (Янитс, 1990).

Основная масса артефактов выполнена из мелового, чёрного, слабо прозрачного кремня высокого качества, ближайшие месторождения которого находятся в Литве и Белоруссии. Изделия из других пород камня представлены единичными экземплярами (Янитс, 1990, с. 8–9). Таким образом, наличие «импортного» сырья косвенно указывает на пришлый характер пуллийского населения в Эстонии. Об этом же говорит и то обстоятельство, что в максимум Валдайского оледенения территория Прибалтики была скрыта под материковым льдом. Её постепенное освобождение от материкового льда происходило на протяжении 13–12 тыс. л. н., а территория Эстонии, наиболее северная в регионе, вообще освободилась не ранее 11000 л. н. (Квасов, 1975; Янитс, 1990, с. 8). Значит, только с финального палеолита возникла потенциальная возможность её освоения (Палеогеография Европы..., 1982; Долуханов, 1969; Квасов, 1975). Возникают законные вопросы, откуда пришло это население, и кем были эти первопроходцы? Традиционным ответом служит: «мадленские и свидерские охотники на северного оленя», и указывается на юго-восточное направление «миграционных потоков» (Риман-

тене, 1971; Кольцов, 1977; Янитс, 1985; Янитс, 1990; Зализняк, 1991, Зализняк, 1995, 1999). Мне представляется, что число первопроходцев было несколько иным, чем об этом традиционно принято говорить, причём, среди предков пуллийского населения следует назвать и обитателей Центра Русской равнины, точнее, население рессетинской культуры (Сорокин, 1986, 1987а-в, 1989а, б, 1990, 1994, 2000, 2002, 2004; Sorokin, 1999).

Компоненты индустрии или индустрия компонентов?

При анализе материалов Пулли, прежде всего, возникают два вопроса: первый – о единстве комплекса, второй – о компонентах охотничьего вооружения. На первый из них однозначного ответа нет, так как памятник в силу объективных причин не исследовался по методике пространственной фиксации. Кроме того, незначительна и мощность культурного слоя, поэтому даже с трехмерной фиксацией вероятность разделения материала на отдельные комплексы была бы невелика. В этой связи замечу, что в качестве доказательства «чистоты» материала нельзя принять иногда звучащий аргумент, что слой памятника перекрыт двухметровым слоем песка – отложениями Анцилового озера, которые законсервировали его. Ибо, до этого события мог пройти достаточный отрезок времени, чтобы находки были перемешаны под воздействием почвенных процессов, то есть, «законсервирован» мог быть и уже смешанный материал. Повод для сомнения

в единстве материала дают и радиокарбоновые данные, но об этом ниже.

Охотничье вооружение считается основным признаком при выделении археологических культур эпохи мезолита (Формозов, 1959), поэтому для решения вопроса генезиса пуллийской индустрии следует установить компоненты пуллийского охотничьего вооружения и их возможное происхождение. Они включают:

1) асимметричные наконечники стрел с боковой выемкой без плоской ретуши на брюшке,

2) асимметричные наконечники стрел с боковой выемкой с плоской ретушью на брюшке,

3) микролиты с затупленным ретушью краем,

4) микролиты с затупленным ретушью краем и основанием,

5) шиповидные острия,

6) прямоугольники,

7) симметричные черешковые наконечники стрел с плоской ретушью на брюшке,

8) симметричные черешковые наконечники стрел с полукрутой ретушью на брюшке.

Нет нужды включать в этот список вкладыши из фрагментированных пластин. Они присутствуют практически в любой мезолитической коллекции и не имеют, следовательно, какой-либо культурной специфики. Попытаемся теперь определить, где же есть аналоги всех перечисленных типов и что может служить их прототипами?

Тип 1 – асимметричные наконечники стрел с боковой выемкой без плоской

ретуши на брюшке. Одна из наиболее широко распространённых форм в верхнем палеолите Восточной Европы. Присутствует на Дону в Гагарино и памятниках Костёнковско-Борщёвского района (Палеолит Костёнковско-Борщёвского района., 1982; Археология СССР: Палеолит СССР, 1984; Тарасов, 1979, 1987; Особенности развития., 2002), в Авдеево на р. Сейм (Гвоздовер, 1998) а также в Хотылёво 2 на р. Десне (Заверняев, 1974) и Зарайской стоянке на р. Осётр (Амириханов, 2000). Есть этот тип и в коллекциях рессетинской культуры (тип А), причём, как ранних, так и поздних из них (Сорокин, 1989, 2002). Отсутствует в свидерской культуре (Prahistoria., 1975; Kozłowski J., Kozłowski S., 1975; Зализняк, 1989; Зализняк, 1999). В Пулли он представлен единственным экземпляром, причём не очень выразительным, «пережиточным».

Тип 2 – асимметричные наконечники стрел с боковой выемкой с плоской ретушью на брюшке – представлен в Пулли единственным экземпляром. Особенностью служит то, что плоская ретушь занимает не только кончик пера, но и часть корпуса. Его прототипом могут быть наконечники Хотылёво 2, Гагарино и Авдеево, причём как по форме, так и по вторичной обработке. Напротив, в чистых памятниках свидерской культуры асимметричные наконечники не известны. Более того, у них иной характер вторичной обработки: на асимметричных наконечниках непременно присутствует крутая дорсальная краевая ретушь, отсутствующая на свидерских

изделиях. Единственное, что их объединяет, – это плоская вентральная ретушь на пере, но хорошо известно, что она не является «достоянием» исключительно свидерской культуры. Более того, эта ретушь хорошо известна и в Хотылёво 2, и в Гагарино, и в Авдеево, где она служит одним из основных формообразующих приёмов обработки, а также в памятниках, не входящих в круг восточного граветта (Амирханов, 1997; Восточный граветт, 1998; Археология СССР: Палеолит СССР, 1984; Слободин, 1999; Neolithic in Turkey, 1999). Этот тип присутствует и в рессетинских стоянках, но степень обработки брюшка не столь велика (Сорокин, 1989, 2002).

Тип 3 – микролиты с затупленным ретушью краем – представлен в Пулли, по данным К. Янитса (Янитс, 1990), 69 экз. Это самый массовый тип охотничьего вооружения памятника, а также наиболее распространённый тип микролитов в мезолите Восточной Европы (Kozłowski, 1972, 1989; Kozłowski J., Kozłowski S., 1975; Prahistoria., 1975; Телегин, 1986; Зализняк, 1984, 1991; Зализняк, 1995, Galinski, 1997). Они также весьма характерны для «восточного граветта», каменнобалковской культуры и т. д. Это основной тип микролитов в рессетинской и так называемой бутовской культурах (Сорокин, 1989, 1990, 2002). В то же время он совершенно не известен в свидерских стоянках. Нет его и в коморницких материалах (Kozłowski, 1972, 1989; Prahistoria., 1975; Зализняк, 1991; Galinski, 1997), хотя некоторые обломки острий типа Ставинога и могут их напоминать.

Тип 4 – микролиты с затупленным ретушью краем и основанием – относится к редким типам изделий, в Пулли он представлен тремя экз. Здесь их особенностью служит выемка на скошенном конце, которая мало объяснима функционально. Если предмет использовался в качестве бокового вкладыша составного лезвия, выемка, как правило, отсутствует. Однако если предположить, что это редуцированное косое остриё, то такая форма вполне вероятна. Подобный тип эпизодически встречается в памятниках «восточного граветта», каменнобалковской и рессетинской культурах, присутствует в некоторых так называемых бутовских и яниславицких стоянках, хотя в двух последних скошенное основание бывает, как правило, прямым. Этот тип абсолютно не известен в свидерской культуре и не характерен для коморницкой культуры (Kozłowski, 1972, 1989; Kozłowski J., Kozłowski S., 1975; Prahistoria., 1975; Зализняк, 1991; Galinski, 1997, 2001).

Тип 5 – шиповидные острия из микропластин. В Пулли представлен двумя экз., абсолютно не известен в свидерской и коморницкой культурах, зато весьма характерен для рессетинской культуры (тип Б), где отличается значительным разнообразием, и включает как острия с микрорезцовыми сколами, так и без них, лишь с одним ретушированным краем (Сорокин, 1987а-в, 1989а, б, 2002). Может также иметь на ретушированном краю шиповидный выступ. Сходство пуллийского острия с рессетинскими определяется, помимо ре-

дуцированного шиповидного выступа, и такой важной особенностью, как ориентация изделия – использование бугорковой части в виде боевого конца. Не вызывает сомнения, что данные изделия в Пулли есть не что иное, как один из вариантов рессетинских острий. Кроме того, присутствие в Пулли микро-резцов подтверждает подобную атрибуцию данных изделий.

В Пулли шиповидные острия (тип 5) находят своё логическое продолжение в микролитах с затупленным краем и основанием (тип 4), о чём свидетельствует имеющаяся на них выемка. Для бокового вкладыша она не обязательна, однако, как дань традиции, вполне уместна. Следует обратить внимание и на следующую деталь: эти предметы можно использовать не только в качестве своеобразных боковых вкладышей с шипом, но часть из них, если судить по целому наконечнику из девятого слоя Замостья 5, может быть фрагментами черешков всё тех же рессетинских наконечников типа Б.

Что касается самой микрорезцовой техники, то расцвета она, бесспорно, достигла в мезолите, однако изобретена была уже в верхнем палеолите, причём, была хорошо известна и в граветтских памятниках (Павлов, Хотылёво 2, Гагарино), линию развития которых – по мнению автора – продолжает рессетинская культура.

Тип 6 – прямоугольники – представлен в Пулли двумя экз. Этот тип микролитов достаточно редок и, вероятно, не выделяется в самостоятельный, а явля-

ется всего лишь разновидностью микролитов с затупленным краем и основанием (тип 4). Абсолютно не известен в свидерской культуре, встречается в некоторых так называемых бутовских стоянках (Петрушино, Микулино, Елин Бор) в количестве одного-трех предметов, эпизодически присутствует в яниславицких комплексах, в коморницких материалах не известен. Один прямоугольник входит в комплект кинжала из нижнего рессетинского слоя стоянки-могильника Минино 2 (Сорокин, Выборнов, Королев и др., 2003). Прямоугольники имеются в Гагарино, и серийно присутствует в каменно-балковских материалах.

Наличие или отсутствие прямоугольников, как и любых других единичных вещей, в комплексах, скорее всего, случайно. Во всяком случае, они могут не выделяться из морфологического ряда микролитов с затупленным краем в качестве самостоятельной формы. Их спорадическое появление может быть обусловлено технологически, когда возникает необходимость точной подгонки вкладышей в оправу. Вместе с тем, однозначно можно утверждать, что из числа обсуждаемых культур прямоугольников достоверно нет в свидерской.

Тип 7 – симметричные черешковые наконечники стрел с плоской ретушью на брюшке – представлен в Пулли единственным экземпляром, но он наиболее выразителен в комплексе. Перо обработано плоской пильчатой ретушью, совершенно не характерной для свидерской культуры. Кроме того, плоской ретушью обработан значительно боль-

ший участок поверхности брюшка, чем у свицерских наконечников, а частично утраченный черешок увенчан шипообразными краями. С некоторых пор этот тип принято считать «типично пуллийским» (Кольцов, 1977; Зализняк, 1991; Зализняк, 1995, 1999; Жилин, 2000). Оба этих элемента не характерны для свицерских наконечников, зато абсолютно аналогичные изделия, насколько можно судить по фрагментам, встречены в Ресете 3 (3 экз.) (Сорокин, 2002), Веретье 1 (1 экз.) (Ошибкина, 1983, 1997) и некоторых так называемых бутовских стоянках (Бутово 1, Заборовье 2) (Кольцов, Жилин, 1999; Жилин, 2000). Имеются они и в материалах других стоянок раннего (пуллийского) этапа кундской культуры (Ostrauskas, 2000).

Целые симметричные иволистные наконечники стрел в Пулли отсутствуют. Из-за невыразительности имеющихся обломков их присутствие в комплексе достоверно не устанавливается, поэтому невозможно судить не только об оформлении целых форм таких наконечников, но и привести им корректные аналогии.

Тип 8 – симметричные черешковые наконечники стрел с полукрутой ретушью на брюшке. Аналогов в свицерской культуре также не имеет, так как полукрутая ретушь здесь хоть и используется эпизодически, но с дорсальной, а не вентральной поверхности. Более всего они напоминают наконечники типа хинтерзее, отождествляемые с аренсбургской культурой, но сходство не буквальное (Taute, 1968). Кроме того, на свицерских наконечниках непременно при-

сутствует плоская ретушь на брюшке, отсутствующая в Пулли (Kozłowski J., Kozłowski S., 1975; Prahistoria., 1975; Зализняк, 1989; Зализняк, 1995, 1999). Аналогичные изделия встречены в поздних рессетинских памятниках, и других так называемых постсвицерских культурах (Кольцов, 1977). В Пулли он представлен двумя целыми экземплярами и шестью обломками. Кроме того, в коллекции имеются девять невыразительных обломков наконечников, по которым целые формы не восстанавливаются.

Итак, бинарность охотничьего вооружения Пулли не вызывает никакого сомнения. Чётко представлен «рессетинский компонент», который доминирует в комплексе. Подчинённое положение занимают колющие симметричные наконечники, так называемого постсвицерского типа. Анализ показывает, что все восемь из восьми типов охотничьего вооружения Пулли, включая и так называемые «постсвицерские», имеют аналогии в материалах рессетинской культуры, преимущественно, её позднего этапа. В памятниках раннего этапа этой культуры присутствуют лишь наконечники с боковой выемкой (типы 1 и 2) и весь спектр микролитов с затупленным краем (типы 3–6). Поздние рессетинские памятники наряду с микролитами дают и симметричные колющие наконечники, как черешковые (типы 7 и 8), так и чёткие иволистные экземпляры, достоверно не выделяемые в Пулли.

Анализ показывает, что только два типа (7 и 8) из восьми, имеющих в Пулли, напоминают свицерские

наконечники. Их традиционно называют «поствидерскими», хотя прямых аналогий там, как ни странно, они не имеют. Все остальные отношения к свидерской культуре не имеют вообще.

Полагаю, что вывод из всего сказанного может быть только один: «разложение» комплекса пуллийского охотничьего вооружения на составляющие со всей очевидностью показывает, что пуллийское и рессетинское охотничье вооружение полностью соответствует друг другу. И, напротив, пуллийское и свидерское вооружение не имеет между собой ничего общего, кроме единственного приёма вторичной обработки – плоской вентральной ретуши. Таким образом, если «рессетинский компонент» в Пулли достаточно многообразен, осязаем и в численном отношении составляет наибольшую часть коллекции, то симметричные наконечники менее многочисленны и практически не имеют чётких аналогий в свидерской культуре. Следовательно, тезис о свидерских истоках пуллийского охотничьего вооружения, как и индустрии в целом, неверен и от него следует отказаться. Значит, как это ни парадоксально звучит, свидерские истоки «постсвидера» в Пулли, при всей их, казалось бы, очевидности, ещё надо доказать.

Если брать все типы охотничьего вооружения стоянки Пулли по отдельности, то круг аналогий, как отмечалось, весьма широк. Хотя чаще всего в этом списке в качестве прототипов будут присутствовать находки памятников «восточного граветта» (Археология СССР: Палеолит

СССР, 1984; Палеолит Костёнковско-Борщёвского района., 1982; Амирханов, 1997, 2000; Восточный граветт, 1998; Особенности развития., 2002). Если же рассматривать охотничье вооружение Пулли в совокупности, то круг аналогий резко сузится. Не вызывает сомнения, что комплекс в целом повторяется лишь в одной культуре – рессетинской, причём наиболее близок Пулли материал её эпонимной стоянки – Ресеты 3 (Сорокин, 1987а-в, 1989а, б; 2002; Sorokin, 1999). Здесь следует сказать и о том, что ни Прибалтика, ни Белоруссия, ни Польша не дают полных аналогов пуллийской индустрии, которые бы по времени ей предшествовали (Гурина, 1966, Taute, 1968; Prahistoria., 1975; Ксензов, 1994, 1997, 2001; Kozłowski, 1972, 1989; Kozłowski J., Kozłowski S., 1975; Залізник, 1989; Залізник, 1995, 1999; Galinski, 1997; Butrimas, Ostrauskas, 1999; Ostrauskas, 2000; Симашко, Брзозовски, 2002). В то же время Ресете 3 предшествуют такие финально-палеолитические памятники, как Суконцево 8, 9 и Таруса 1. Сравнение, следовательно, приводит к трём выводам: 1) истоки пуллийской индустрии в Прибалтике, Белоруссии и Польше отсутствуют; 2) выявлено существенное несходство свидерского и пуллийского охотничьего вооружения; 3) установлена тождественность набора пуллийского вооружения материалам волго-окской стоянки Ресета 3 (Сорокин, 2002).

Легко также заметить, что Пулли даёт пережиточные формы охотничьего вооружения, меньшее их разнообразие по сравнению с Ресетой 3 и пример деградации микрорезцовой техники,

то есть хронологически этот памятник позднее Ресеты 3. Вместе с тем, очевидно и другое, что Ресета 3 и Пулли не дают однозначного ответа на вопрос о «чистоте» самих коллекций. Известно, что финально-палеолитические (Суконцево 8, 9, Таруса 1) и некоторые пребореальные (?) памятники рессетинской культуры (Усть-Тудовка 4, нижний слой), несмотря на присутствие в них асимметричных наконечников с плоской ретушью на брюшке (тип Б), выразительного «постсвидера» не дают. А в тех материалах, которые синхронны или позднее Ресеты 3, «постсвидер» уже присутствует (Альба 1 и 3, Ланино, Борки, Нижние Котицы, Лужки Б, Култино 3, Прислон, Золотилово и др.). При этом даже если коллекции не сортированы, далеко не всегда можно говорить об их механическом смешении, хотя это и наиболее вероятно. Существенную роль в смешении археологических материалов, помимо природных процессов (Сорокин, 2000, 2002), играют многие современные полевые методики. Вот почему появление так называемых «постсвидерских» наконечников в поздних памятниках рессетинской и ранних стоянках кундской культур – это та проблема, которую предстоит ещё разрабатывать и которая требует существенного улучшения источниковедческой базы. Совершенно очевидно также, что круг аналогий этим изделиям и, соответственно, поиск истоков не должен замыкаться исключительно на свидерской культуре, так как и форма этих изделий, и плоская вентральная ретушь распро-

странены гораздо шире, чем территория и хронологические рамки свидерской культуры. Плоская ретушь на наконечниках имеется в материалах значительно более древних (Палеолит Костёнковско-Борщёвского района., 1982; Археология СССР: Палеолит СССР, 1984; Восточный граветт, 1998; Особенности развития., 2002), а также в стоянках значительно удалённых от территории Восточной Европы (Мочанов, 1977; Амирханов, 1997; Слободин, 1999; Хлобыстин, 1998; Мочанов, Федосеева, 2002; Neolithic in Turkey, 1999). В верхнем палеолите Русской равнины наконечник с плоской ретушью на брюшке представлен в таких памятниках, как Авдеево и Костёнки 1 (Ефименко, 1958; Аникович, 1998; Гвоздовер, 1998; Палеолит Костёнковско-Борщёвского района., 1982). Есть плоская ретушь также на наконечниках из Хотылёво 2 (Заверняев, 1974), Гагарино (Тарасов, 1965; 1979, 1986) и Зарайской стоянки (Амирханов, 2000). В литературе даже не исключается, что генезис самой свидерской культуры мог быть связан с какой-то из перечисленных индустрий (Tautе, 1968). Вот почему нельзя абсолютно исключить того, что материалы, объединяемые термином «восточный граветт», могут иметь непосредственное отношение к генезису свидерской культуры и «постсвидера». Во всяком случае, линия развития от Хотылёво 2 и Гагарино к рессетинской, кундской и так называемой бутовской культурам (Sorokin, 1999; Сорокин, 2004) представляется не просто осязаемой, но и вполне естественной, чего совершенно нельзя сказать о линии

Свидер – Кунда (Пулли). Следует отметить и тот факт, что классические «постсвидерские» наконечники есть в неолитических стоянках Аравийского полуострова (Амирханов, 1997) и Анатолии (Neolithic in Turkey, 1999), синхронных по времени ранним кундским памятникам. Не говоря уже о совсем дальних территориях (Мочанов, 1977; Хлобыстин, 1998; Слободин, 1999; Мочанов, Федосеева, 2002). Однако вряд ли в настоящее время можно всерьёз говорить о какой-либо связи населения Аравийского и Анатолийского полуостровов, Европейских равнин и отдалённых районов Сибири друг с другом, как и об обмене между населением всех этих территорий.

Присутствие «постсвидерского» охотничьего вооружения в памятниках побережья Охотского моря (Слободин, 1999), Таймыра (Хлобыстин, 1998) и Якутии (Мочанов, 1977; Мочанов, Федосеева, 2002) отмечу особо, ибо по времени они синхронны восточноевропейскому «постсвидеру», но удалены значительно дальше, чем даже Аравийский полуостров или Турция. Это обстоятельство полностью исключает идею заимствования и даже, вероятно, возможность миграций. Однако прежде чем конкретизировать проблему «постсвидера» следует вернуться к стоянке Пулли и остановиться на её возрасте.

Даты памятника или памятник датам?

Для стоянки получено пять радиоуглеродных дат: 9600±120 л. н. (ТА-245) и 9575±115 л. н. (ТА-176) для ниж-

ней части слоя, 9300±75 л. н. (ТА-175) и 9285±120 л. н. (ТА-284) для верхней части слоя. А очаг, обложенный камнями, датирован 9350±60 л. н. (ТА-949) (Jaanits, 1981; Янитс, 1990, с. 10; Loze, Liiva, 1990). Л. Ю. и К. Л. Янитсы – исследователи памятника, полагают, что он однослойный и относится к пребореалу (Jaanits L., Jaanits K., 1978). Пребореальный возраст памятника подтверждает и пыльцевая диаграмма (Янитс, 1990).

Комментируя эти сведения, М. Г. Жилин пишет, что «памятник однослойный», при этом, «последняя дата наиболее точно показывает время заселения стоянки, остальные данные ей соответствуют» (Жилин, 2001, с. 26). Чтобы убедиться в справедливости обоих утверждений, достаточно произвести несложную процедуру по вынесению дат на полигон. Совершенно очевидно, что имеющиеся данные чётко распадаются надвое, и перекрываемый интервал первой группы составляет 9480–9690 л. н. или 210 лет, второй – ещё более узок и соответствует 9290–9375 л. н. или 85 годам. При этом хронологический интервал между обеими сериями (9480 против 9375) равен 105 годам, что вполне ощутимо, особенно учитывая общие для выборок интервалы образцов. Несложно также заметить, что первый из интервалов маркирует низ слоя, а второй – его верх, где зафиксирован и каменный очаг. Следовательно, ни о каком соответствии дат друг другу, на котором настаивает М. Г. Жилин, не может быть и речи. Напротив, эти данные дают все основания полагать, что могло быть не менее двух разных этапов

заселения памятника. Таким образом, всё сказанное позволяет поставить под сомнение и тезис о единстве материала, тем более, что бинарность комплекса Пулли совершенно очевидна.

Конечно, было бы заманчиво видеть за двумя «горизонтами обитания» подтверждение его бикультурности, и отождествить первый эпизод с рессетинским комплексом, а второй – с «постсвидерским», однако для этого необходимо провести изучение полевых описей и установить точные «адреса» охотничьего вооружения. Несмотря на то, что памятник раскапывался без трехмерной фиксации, есть веские основания полагать, что планиграфические наблюдения могут быть полезны при решении данного вопроса. Впрочем, учитывая общую толщину слоя, вероятность строгого разведения разных горизонтов обитания всё же крайне невелика.

Косвенным подтверждением смешанности материала Пулли служит стоянка Лепакозе, в нижнем слое которой есть пуллийский (=рессетинский) наконечник с боковой выемкой (типа А), но отсутствуют «постсвидерские» (Янитс К., 1975; Jaanits K., 1978). К сожалению, этот комплекс, выполненный, как и Пулли, из «импортного» кремня, довольно малочислен, чтобы служить веским основанием выдвигаемого положения. И, тем не менее, бинарность коллекции Пулли, наличие нестыковки и перерыва в его радиоуглеродных датах на фоне монокультурности нижнего слоя Лепакозе дают основание для постановки вопроса о «чистоте» и единстве коллекции Пулли.

Если генезис «рессетинского компонента» в Пулли очевиден, то вопрос о свидерских истоках «постсвидера» значительно сложнее, и его следует рассмотреть особо.

«Постсвидер» или «пост» Свидера?

Имеющиеся в настоящее время данные позволяют со всей очевидностью утверждать, что приём плоского ретуширования брюшка наконечников, как и форма многих этих изделий, не «привязаны» к конкретным эпохам, территориям или культурам. Полагаю поэтому, что увязывать их появление в кундской культуре, исходя из принципа территориально-хронологической близости, исключительно со свидерским наследием достаточного основания нет. Перед нами, следовательно, проблема, которая требует для своего решения не только дальнейшей специальной разработки и подключения независимых естественнонаучных методов датирования, но и существенного улучшения всей источниковедческой базы. Эту базу во многом фактически придётся создавать заново, так как требуются и структурно целостные памятники, и использование методики пространственной фиксации при их полевом изучении и моделировании в ходе камеральной обработки.

Следует признать, что наличие на брюшке пуллийских наконечников плоской ретуши не свидетельствует однозначно о свидерской традиции: очень многое изменилось с 1950–1970-х гг. в представлениях о мезолите и значительно

расширился круг источников. Стало понятно, что подобный приём не только достаточно широко представлен в памятниках «восточного граветта» Русской равнины, но и присутствует в Хотылёво 2 и Гагарино, индустриях-предшественниках рессетинской индустрии. Точно так же, как то, что эта ретушь имеется на дистальных частях и некоторых рессетинских наконечников. То есть, этот приём находит своё логическое объяснение в хронологической и генетической цепочке, которая выстраивается от верхнепалеолитических памятников Хотылёво 2 (Заверняев, 1974) и Гагарино (Тарасов, 1979, 1981) через финально-палеолитические стоянки Таруса 1, Суконцево 8, 9 вплоть до пребореальных (?) памятников – Ресеты 3, 2 и, наконец, Пулли (Сорокин, 1987а-в, 1995; Sorokin, 1999). Это не значит, что я настаиваю только на этом единственном источнике техники плоского ретуширования в рессетинской и кундской культурах. Но я убежден, что перед нами не просто стадияльное сходство рессетинских и ранних кундских материалов, а и их прямая генетическая цепочка и последовательность.

Вместе с тем, безосновательно отрицать сам факт, что плоское вентральное ретуширование служит своеобразной «визитной карточкой» свидерской культуры. Несмотря на наличие этого приёма в памятниках «восточного граветта» и возможные «восточно-граветтские» истоки самой свидерской культуры, целиком отбрасывать идею свидерских истоков «постсвидера» пока рано. Однако хочу ещё раз подчеркнуть, что данная

гипотеза требует своего надёжного обоснования и должна быть не предметом декларации, а специального исследования и критического анализа. Во всяком случае, этот переход, если он был, не может быть объяснён только, как результат адаптации свидерского населения в раннем голоцене к условиям лесной зоны. Ибо во всех исконных свидерских землях – и на территории Польской, и на территории Полесской низменностей, которые в мезолите также входили в лесную зону, никакого «постсвидера» нет (Taute, 1968; Prahistoria., 1975; Kozłowski S., 1972, 1989; Kozłowski J., Kozłowski S., 1975; Galinski, 1997; Зализняк, 1989, 1991; Зализняк, 1995, 1999). Напротив, здесь развиваются коморницкая и яниславицкая культуры, генетически не имеющие никакого отношения к Свидеру, как и сложению пуллийской индустрии. Правда, в некоторых стоянках этих культур присутствуют наконечники с плоской ретушью на брюшке, традиционно обозначаемые термином «постсвидерские», но причины их появления в этих комплексах никем не обсуждались и не объяснялись, как и не предпринималось специальных попыток установления их генезиса. Прояснению ситуации не способствует и крайняя малочисленность независимых дат. В вопросе о роли свидерской культуры в генезисе так называемых постсвидерских культур немаловажно и то обстоятельство, что содержание самого этого термина достаточно неопределённо и что до сих пор никем не было произведено корректного сравнения культур, относимых к этому кругу.

Полагаю, что для корректного доказательства «свидерской гипотезы» в генезисе кундской и всех прочих «постсвидерских» культур не хватает, по крайней мере, двух немаловажных обстоятельств:

1) доказательства производного характера так называемых постсвидерских наконечников с плоской вентральной ретушью именно от наконечников свидерской культуры;

2) надёжных источников, зафиксированных с помощью пространственной методики.

Таким образом, доказательство свидерских корней «постсвидера» должно базировать не только на фронтальной проработке имеющихся данных, но и напрямую зависит от качественного улучшения всей источниковедческой базы. Поэтому уместно согласиться с М. Н. Желтовой, которая считает, во-первых, «что на настоящий момент кажется возможным независимое существование идеи наконечника на пластине с минимумом вторичной обработки в разное время и на разных территориях, поскольку эта идея очень проста и абсолютно функциональна». И, во-вторых, что «настал черёд дать ответ на вопросы, где границы свидерской культуры, как она трансформируется во времени, и являются ли формально схожие мезолитические материалы связанными с ней генетически или как-нибудь иначе?» (Желтова, 2000, с. 20).

Интересно, что и сам С. К. Козловский, предложивший на рубеже 1960–1970-х гг. термин «постсвидер» (Kozłowski S., 1972), ещё в конце 1980-х гг.

писал, что «у нас нет сведений, которые бы позволяли нам датировать этап свидерской дисинтеграции (распада) и перехода в постсвидер» (Kozłowski S., 1989, с. 166). Не появились такие данные и позднее.

Традиция трансформаций или трансформация традиций?

М. Г. Жилин, однако, утверждает что «трансформация индустрии свидерских памятников типа Саласпилс-Лаукскола в индустрию ранней кундской культуры в течение первой половины пребореала органично вписывается в развитие наиболее ранних постсвидерских индустрий» (Жилин, 2000, с. 72). Не буду останавливаться на терминах, что нет «ранней кундской культуры», как и «ранних постсвидерских индустрий». В специальной литературе давно уже утвердился довольно свободный подход к русскому языку и терминам. Скажу лишь, что Саласпилс-Лаукскола не имеет радиокарбоновых дат (Zagorska, 1972, р. 80–98; 1993, р. 97–117; 1994, р. 14–28; 1996, р. 181–190; 1999, р. 131–166), поэтому утверждение, что её индустрия «органично вписывается» куда бы то ни было, остаётся пока ничем не подкреплённым предположением. И не более того. Напротив, сравнение свидерских и «постсвидерских» комплексов приводит меня к прямо противоположному выводу: в свидерской и пуллийской индустриях имеются качественные различия, как в технике первичного расщепления, так и вторичной отделки, а также составе обрабатывающих орудий и охотничьего вооружения.

В свидерской культуре господствует односторонний торцевой принцип расщепления челновидных ядрищ, в Пулли – круговое скалывание с призматических и конических нуклеусов. Здесь не просто разный принцип расщепления, крепления, но и вращения ядрищ в ходе раскалывания. Не лишним будет отметить и практическое отсутствие в Пулли челновидных нуклеусов, что было бы логично в случае родства двух этих индустрий. На наличие связи между свидерской и кундской индустриями могло бы указывать не столько то, что в некоторых стоянках свидерской культуры появляются призматические и конические ядрища, характерные для «поствидера», а то, что в «постсвидерских» памятниках эпизодически встречаются челновидные свидерские нуклеусы. Как раз этого и не наблюдается ни в кундских, ни в других так называемых постсвидерских материалах.

В свидерской индустрии целью первичного расщепления служит получение пластинчатых сколов, в пуллийской – основой является микропластинчатая техника. В первом случае вкладышевая техника практически не известна. Характерно, что даже в Яново и других свидерских стоянках Посожья, где микролитизм заготовок определялся размерами исходного сырья, не происходит изобретение вкладышевой техники (Копытин, 1977, 1991, 1999). В Пулли, напротив, – это основа индустрии и охотничьего вооружения. Более того, даже технологические отходы первичного расщепления в них разнятся составом и количественно.

В свидерских памятниках не известна микрорезцовая техника, в Пулли она маркируется микрорезцами. В свидерских материалах не используется крутое краевое ретуширование, в Пулли – это наиболее характерный приём вторичной обработки.

Орудийный набор двух культур значительно различается, причём состав небольшой коллекции Пулли существенно разнообразнее набора любой самой крупной свидерской коллекции. Среди обрабатываемых орудий Пулли нет срединных резцов, столь характерных для свидерских стоянок, многообразнее формы скребков и нет топоров с перехватом из отщепов, зато, хоть и во фрагментах, представлены двусторонне обработанные топоры и тесла подтрапециевидных и подовальных очертаний, которые присутствуют и в рессетинских стоянках. Кстати, это те самые бифасы, в наличии которых сомневается В. П. Ксензов (Ксензов, 2001). В свидерской культуре отсутствует вкладышевое охотничье вооружение, напротив, в Пулли оно разнообразно и численно значительно превышает колющие наконечники.

М. Г. Жилин, однако, полагает, что «единственной инновацией, которую невозможно вывести из свидерской культуры, является распространение различных микролитов с затупленным краем, наибольшей серией представленных в Пулли» (Жилин, 2000, с. 72). Он ошибается, это далеко не единственная инновация. Из свидерской культуры нельзя вывести технику первичного

расщепления Пулли, микрорезцовую технику, формы многих обрабатывающих орудий, всю микролитическую группу и вкладышевое вооружение, как и его разнообразие.

«Для решения этого вопроса – продолжает он дальше – очень интересны материалы поселения Милуки в Северо-Восточной Польше, где в слое 8 вместе с типичными пуллийскими кремневыми изделиями встречены микролиты с затупленным краем (острия типа Ставинога), характерные для коморницкой культуры. Условия залегания – по утверждению М. Г. Жилина – исключают возможность попадания в этот культурный слой посторонних примесей» (Жилин, 2001, с. 73). Действительно, для коморницкой культуры характерны острия типа Ставинога (Коморница), но в Пулли их нет, как нет и коморницких треугольников и прочего, характерного для этой культуры, охотничьего вооружения (Kozłowski S., 1972, 1989; Kozłowski J., Kozłowski S., 1975; Prahistoria., 1975; Зализняк, 1991; Зализняк, 1995; Galinski, 1997, 2001). Кроме того, острия это совсем не одно и то же, что и микролиты с затупленным краем. А по поводу того, что исключено случайное попадание двух коморницких острий в кундский (? – А. С.) слой – тоже не соглашусь. Механическое смешение материала – это как раз самое обычное явление, абсолютно стандартная и, более того, закономерная ситуация. Закон натурации подробно описан (Сорокин, 2000, 2002) и нет необходимости повторяться. Единственное, на что следует

обратить внимание – это его объективность. Природа смешивает все материалы вне зависимости от их культурной принадлежности и возраста. При этом механическому смешению подвергаются изделия абсолютно всех культур, население которых обитало на конкретной территории, только из-за их случайного планиграфического совпадения, которое неизбежно, ибо приоритеты в выборе мест проживания в каменном веке у всех были одинаковы. Не вижу никакого основания, чтобы для свидерской и коморницкой культур в этом отношении было какое-либо исключение.

Не кажется убедительной и фактологическая база в три микролита из двух слоёв и одного колющего наконечника, которой оперирует М. Г. Жилин для доказательства свидерско-коморницкого взаимодействия. Как не является аргументом «кундского влияния на бутовскую культуру» (Жилин, 2000) и сортированная коллекция Прислона (Жилин, Фролов, Крымов, 1996) или фактически подъёмный материал раскопок Бутово 1 (Кольцов, 1969, 1971; Кольцов, Жилин, 1999). Напротив, М. Г. Жилин абсолютно уверен, что «стоянка Милуки отмечает контакт пуллийского населения с коморницким. В результате таких контактов, как он полагает, население раннего этапа кундской культуры и воспринимает от носителей коморницкой культуры микролиты с затупленным краем, которые по мере распространения дальше на восток изготавливаются в пуллийской технологии и быстро трансформируются в микропластинки

и остря, характерные для раннего этапа культуры кунда» (Жилин, 2000, с. 73). Вопрос о «скорости трансформации» и роли «восточной ориентации» памятников в генезисе пуллийской индустрии оставляю на усмотрение писавшего это. Возникает, тем не менее, законное сомнение: с чего бы это люди заимствовали остря типа Ставинога и тут же, без всякой видимой причины, начали изготавливать их в пуллийской технологии, которой, кстати, пока ещё нет? А, тем более, активно трансформировать? Любое усвоение заимствованного начинается с его копирования, попыток добиться максимального сходства с оригиналом. Но копий нет, а есть изделия абсолютно не похожие на коморницкие. Предположить, что это произошло от неумения «учеников», – абсурдно, так как образцы их оригинальных изделий вполне совершенны. Значит, вывод один: заимствования микролитов у коморницкого населения не было.

Для того чтобы что-либо изменять в любом направлении, нужна отработанная технология, образцы для подражания или веские причины. Нет, однако, ни одного, ни другого, ни третьего. Точнее, образцы для подражания есть, но не в коморницкой, а в рессетинской культуре, конкретно, в Рессете 3. В этой связи следует обратить внимание на два крупных костяных наконечника копий из нижнего слоя Менино 2, датированного по радиоуглероду возрастом 10–10,5 тыс. л. н., оснащенных микролитами с затупленным краем, прямоугольником и микролитами с затупленным

краем и основанием (Сорокин, Выборнов, Королев и др., 2003). По возрасту этот слой синхронен материалам свидерской культуры, древнее стоянок коморницкой культуры и значительно древнее Пулли. Не вызывает сомнения, что микролиты и вкладышевое вооружение были хорошо известны в Волго-Окском бассейне ещё до появления Пулли. Так кто же и у кого заимствовал?

Тот факт, что заимствования у населения коморницкой культуры не было, подтверждает и сам М. Г. Жилин, когда в том же абзаце он пишет: «Пулли и нижний слой поселения Звейниевки 2 дали выразительные серии изделий из кости и рога раннего этапа культуры кунда. Примечательно, что стоянка Милуки, где встречено большое количество фаунистических остатков, почти не дала изделий из кости и рога. Это же характерно и для стоянки Лайти. Вероятно, роль подобных изделий, особенно предназначенных для оснащения метательного вооружения, в коморницкой культуре была незначительной» (Жилин, 2000, с. 72, 73). При этом сам М. Г. Жилин совершенно не замечает никакого противоречия в сказанном. На самом деле, отсутствие аналогов в костяном вооружении со всей очевидностью говорит о невозможности заимствования пуллийским населением, обладающим развитой вкладышевой техникой, как микролитов, так и целых вкладышевых наконечников от населения коморницкой культуры, у которого всего этого пока нет или находится в зачаточном состоянии. Ибо форма микролитов опре-

деляется характером оправ и способами крепления вкладышей, то есть технологически взаимообусловлена. И заимствовать можно лишь всю технологическую цепочку, целые формы изделий, а не два-три выпавших из оправы вкладыша. Точно также неверна и точка зрения Т. Остраускаса о заимствовании микролитов от населения кудлаёвской культуры, так как оно ещё и моложе пуллийского (*Ostrauskas, 2000*).

Уместно обратить внимание и на следующее. Свицерский и «постсвицерский» наконечники как форма самодостаточны, они предполагают лишь наличие древка, при этом сама стрела не требует дополнительного оснащения боковыми вкладышами. Рессетинские наконечники могут использоваться и как самостоятельная форма и как головная часть составного наконечника. Во втором случае требуются дополнительные боковые вкладыши. В этом качестве могли использоваться микролиты без ретуши, микролиты с затупленным ретушью краем, микролиты с затупленным ретушью краем и основанием, прямоугольники. Как показывает один из двух упомянутых наконечников копий из Минино 2, – все эти микролиты могут быть в одном комплекте (*Сорокин, Выборнов, Королев и др., 2003*).

Что касается технологического аспекта, то рессетинское охотничье вооружение – это единая сопряжённая группа (*Сорокин, 1987а-в, 1999, 2004*), причём микролиты со скопленным концом также с полным правом в неё могут входить. Абсолютно то же самое наблюда-

ется не только в рессетинской культуре, но и в Пулли.

Напротив свицерские наконечники, как отмечалось, самодостаточны и не требуют никаких микролитов. Если они и встречаются вместе, то микролиты являются вкладышами другой категории наконечников – составных, пазовых. Фактически, это две разных линии развития охотничьего вооружения. Это две абсолютно самостоятельных категории охотничьего вооружения, дополняющие друг друга, но существующие независимо. В этом их принципиальное отличие. Следовательно, и по этому показателю между рессетинской и пуллийской индустриями связь вполне естественна, чего нельзя сказать о свицерской и пуллийской индустриях. На этом фоне попытка увязывания коморницких острий со свицерскими («постсвицерскими») наконечниками, предпринятая М. Г. Жилиным (*Жилин, 2000*), – это желание во что бы то ни стало объединить несоединимое и разнородное.

Особо следует сказать и о таком общем техническом приёме для рессетинской и пуллийской индустрий, как микрорезцовая техника, которой нет в «чистых» свицерских памятниках, да и в коморницких материалах она присутствует лишь спорадически (*Prahistoria., 1975; Kozlowski, 1989; Galinski, 1997, 2001*). Мне возражает В. П. Ксензов, который в одной из своих работ пишет: «А. Н. Сорокин предложил свою довольно интересную точку зрения на происхождение кундской культуры (*Сорокин, 1987*), согласно которой

ранние кундские памятники (Пулли) основаны населением рессетинской культуры, проникшим в Восточную Прибалтику на рубеже плейстоцен-голоцен. Указывается и один из возможных маршрутов движения рессетинского населения – по Западной Двине, который, по мнению исследователя, фиксирует памятники Золотилово и Крумплево. Существование рессетинской культуры в Волго-Окском бассейне, безусловно, является фактом... Однако, отсутствие в Пулли своеобразных наконечников рессетинского типа (изделия из микропластин с затупленным крутой ретушью краем шиповидным выступом и микрорезцовым сколом), микрорезцовой техники, скребел и бифасов вряд ли можно объяснить только более молодым возрастом памятника в сравнении с рессетинскими стоянками (Суконцево 8, 9)» (Ксензов, 2001, с. 32). С этим категорически нельзя согласиться. В том, что В. П. Ксензов ошибается, говоря об отсутствии микрорезцовой техники в Пулли и своеобразных наконечников, понятно из анализа составляющих охотничьего вооружения Пулли, который приведён выше. Подобное утверждение, без сомнения, основано на том, что В. П. Ксензов, как похоже и М. Г. Жилин, коллекции Пулли целиком не видел и знаком с её материалами лишь по публикациям. Однако, ни Л. Ю. Янитс, ни К. Л. Янитс об этой технике не знали, поэтому и не упомянули её в своих работах. Таким образом, сторонники «свидерских корней» упускают из виду важнейшую черту

пуллийской индустрии – микрорезцовую технику, которой в свидерской культуре никогда не было, конечно, если не принимать в расчёт смешанные коллекции. Между тем, она достоверно фиксируется в коллекции Пулли по микрорезцам, что служит одним из весомых аргументов в пользу их родства.

Тождество рессетинских и пуллийских материалов состоит и в том, что острия пуллийских и рессетинских наконечников оформлялись одинаково – на бугорковой части. Характерно, что именно о такой ориентации пуллийских микролитов говорит и М. Г. Жилин. Говорит, но не усматривает в этом никакой закономерности (Жилин, 2000, с. 73). На самом деле то, что оба шиповидных острия и микролиты с затупленным краем и основанием в Пулли – это редуцированные рессетинские острия, со всей очевидностью убеждает факт расположения колющего боевого конца с проксимальной стороны. Удаление микрорезцовым сколом бугорковых частей заготовки – это стандартная процедура в тех индустриях, где присутствует микрорезцовая техника. А её наличие в Пулли документируется присутствием в коллекции микрорезцов, хотя микрорезцовых сколов на самих остриях и не прослеживается. Впрочем, микрорезцовые сколы имеются далеко не на всех наконечниках с боковой выемкой и в Рессете 3 (Сорокин, 2002).

Анализ коллекций Рессеты 3 и Пулли показывает их тождество, хотя в первой из них разнообразие типов и выше, однако и коллекция в 2,5 раза превышает

ет пуллийскую. Из-за того, что в Пулли присутствуют микрорезцы, микрорезцовая техника, шиповидные острия и бифасы, а охотничье вооружение и микрорезцовая техника выглядят поздними на фоне рессетинских материалов, и можно связывать их воедино. А также со всей очевидностью говорить о развитии в Пулли рессетинских традиций, а не наоборот (Сорокин, 1986, 1987а-в, 1990, 2002, 2004; Sorokin, 1999).

Вместе с тем, В. П. Ксензов совершенно прав, указывая на отсутствие в Пулли скрёбел, которые эпизодически встречаются в некоторых рессетинских коллекциях. Однако никакого противоречия в этом нет. Ибо, было бы странно, если бы скребла присутствовали в мезолитическом микролитоидном комплексе Пулли, сделанном из импортного сырья и удаленном от ближайших источников сырья на значительное расстояние.

На прочих аспектах сравнения свидерских и «постсвидерских» материалов останавливаться не буду, они достаточно подробно рассмотрены в уже опубликованной работе (Сорокин, 2001). В этой связи уместно привести мнение польской исследовательницы С. Сулгостовской, специально анализировавшей проблему сходства кундской и свидерской индустрий (Sulgostowska, 1999). Она считает, что различия между ними столь значительны, что их родство не представляется настолько очевидным, как это казалось ранее. В своей статье С. Сулгостовская верно отмечает два обстоятельства:

1) наличие существенных различий в кундской и свидерской индустриях

в первичном расщеплении, вторичной обработке и типологии;

2) сходство этих индустрий прослеживается лишь в одном техническом приеме – плоской вентральной ретуши. При этом она абсолютно справедливо добавляет, что плоская ретушь ни хронологически, ни культурно не «привязана» лишь к свидерской культуре, не является её атрибутом. Таким образом, С. Сулгостовская связывает эти индустрии, скорее, по пластинчатости комплексов (Sulgostovska, 1999, p. 91), чем по их реальному типологическому набору и вторичной отделке, что, конечно же, абсолютно недостаточно для визуализации этих связей, если они вообще были.

К аналогичным выводам при сравнении свидерских наконечников с «постсвидерскими» наконечниками Оленеостровского могильника пришли В. Ф. Филатова и М. Н. Желтова. Обе они высказали мнение «о возникновении оленеостровского типа стрел, вероятнее всего, в местной среде» (Филатова, 1987; Желтова, 2000). Здесь, однако, надо учитывать тот хронологический разрыв, который имеется между Оленьим островом и свидерскими стоянками. К такому же выводу об отсутствии сходства между свидерской и так называемой бутовской индустриями независимо от них пришёл и я (Сорокин, 1986, 1989, 1990, 2001, 2002; Кравцов, Сорокин, 1991).

Обмен сырьём или «сырьё» обмена?

Широко известно «импортное» происхождение кремня в Пулли, однако М. Г. Жилин в качестве аргумента

о влиянии мезолита Прибалтики на мезолит Волго-Окского междуречья использует это обстоятельство весьма странным образом, говоря, что часть кремня чёрного цвета в Верхнем Поволжье появилась благодаря «пуллийскому населению». Среди прочих Верхневолжских памятников с «пуллийским влиянием» он упоминает и стоянку Суконцево 3 (Жилин, 2000, с. 76–77). Всё это не может не вызвать естественного недоумения. Во-первых, ни М. Г. Жилиным, ни кем-либо другим не был произведён петрографический, микроэлементный или какой-либо другой естественнонаучный анализ кремня, подтверждающий идентичность кремневого верхневолжского и эстонского сырья. Без этого все его дальнейшие рассуждения на тему сходства или идентичности сырья теряют всякий смысл. Во-вторых, собственного чёрного кремня, как и любого другого высококачественного сырья в Пулли нет, а вот в Суконцево 3 и в других Верхневолжских памятниках он есть. Можно понять психологию древних людей, которые несли с собой в Пулли высококачественный кремень, но Верхнее Поволжье не Эстония и носить сюда чёрный кремень – абсурд. В-третьих, именно чёрный кремень различных оттенков и прозрачности, вопреки утверждению М. Г. Жилина, в изобилии представлен в том же Суконцево 3. Для подтверждения сошлюсь даже не на данные собственных раскопок этого памятника 1985 г., а на сведения Л. В. Кольцова, который копал памятник годом позднее. Приведу всего одну цитату из его

полевого отчёта: «Коллекция, полученная со стоянки Суконцево 3, составляет 6954 каменных предмета, включая сырьё, орудия и отходы их производства. Для производства орудий использовался меловой валунный и галечный кремень различных цветов, при преобладании чёрного кремня довольно высокого качества» (Кольцов, 1987, с. 4).

Таким образом, заключение М. Г. Жилина о том, что чёрный кремень на верхневолжских стоянках с «кундским чертами», включая Суконцево 3, принесён пуллийским населением и что он «импортный» (Жилин, 2000), явно не соответствует действительности. Более того, спектральный анализ кремня, выполненный В. А. Галибиным для ряда мезолитических (в том числе кундских) и неолитических памятников Восточной Прибалтики, включая Эстонию, со всей очевидностью показал, что все образцы происходят из Селижаровского и Ржевского месторождений Волговерховья (Галибин, Тимофеев, 1993; Тимофеев, 1993). Значит и этот тезис, обосновывающий кундское влияние на мезолит Волго-Окского бассейна, несостоятелен.

Трансформация или трансформации?

В связи с проблемой «импорта сырья» возникают и другие вопросы, например: почему чёрный кремень несли из Эстонии, где его нет, в Верхнее Поволжье, где он в изобилии? Или почему в то же время «шоколадный» кремень, столь характерный для польских свидерских памятников, не несли ни в Эсто-

нию, ни в Верхневолжский регион? Вероятно потому, что свидерского населения в них не было. Или потому, что норма удаления «шоколадного» кремня от шахт составляет 250 км (Сулгостовска, 2001), и, если нужно было двигаться дальше на новые земли, осваивать их, то высококачественное сырьё и даже готовые изделия предпочитали не носить с собой, а довольствовались местным. Тем более, отправляясь за тридевять земель с целью вступления, как это полагает М. Г. Жилин, в экзогамный брак! (Жилин, 2000, с. 76). Ибо заселение новых территорий не было авантюрой, случайным актом, а было процессом их хозяйственного освоения, являлось своего рода «заполнением пространства», «вживанием в территорию». Этот процесс осуществлялся перманентно по мере освобождения от ледникового покрова приледниковых земель, говоря иначе, расширения географической ёмкости ландшафта. Однако справедливо и то, что «заполнение ландшафта» осуществлялось не сразу, а через известный промежуток времени, лишь тогда и в той мере, когда и поскольку для этого созревали необходимые предпосылки. Так, судя по всему, и было в то время, когда рессетинское население стало осваивать территорию нынешней Эстонии.

Если допустить обыденность контактов раннемезолитического населения друг с другом, остаётся абсолютно непонятной мотивация этих контактов. Кроме того, из всех работ сторонников «контактной гипотезы» менее всего

понятен сам механизм заимствования. Конечно, в результате обмена можно (гипотетически) получить ту или иную диковинную вещь или даже несколько вещей. И что дальше? Начнут ли аборигены изготавливать аналогичные у себя? Нет, не начнут, ибо нет навыка их изготовления, да и с какой стати «чужеродное» изделие будет использоваться как своё собственное, например, наколочки для охоты, и приносить при этом удачу? Скорее следует предположить, что мотивация заимствования могла заключаться в использовании предмета в целях вредоносной магии. Тогда это скорее не контакты, а кражи, последние же по сути своей не могут быть массовыми, тем более, приводить к сложению какой бы то ни было новой археологической культуры. Кроме того, подобного рода гадание, этот полёт фантазии мало того, что уведёт нас от реалий, но в любом случае будет бездоказательным.

Можно предположить, что какой-то чужеземец оказывался в новом для него коллективе. Закроем глаза на то, что такая ситуация не может быть массовой и радикально изменить облик индустрии. Разрешат ли этому пришельцу изготавливать его традиционное вооружение или обяжут использовать то, которое в ходу в данном коллективе? В целях самосохранения, вероятней второй вариант. А даже если и разрешат, много ли этот чужак делает в одиночку и приведёт ли это к радикальному изменению материальной базы принявшего его коллектива?

По-видимому, нет, но в любом случае это не механизм «запуска» новой культуры. Кроме того, по сути своей, это всё вопросы, не имеющие корректных ответов. Значит, сам «механизм заимствования» должен «быть обстоятельно прописан», чего сторонниками «свидерских корней» до сих пор не сделано. При этом этнография здесь может быть лишь иллюстрацией возможных механизмов, а никак не доказательством факта их реального существования в то время, с которым мы имеем дело, исследуя мезолит. Те примеры, которые можно почерпнуть из этнографии, относятся к обществам, хоть и «диким» с точки зрения европейской цивилизации, но на самом деле находящимся на достаточно высокой ступени общественного развития. Как показывают данные по австралийским аборигенам, у них действительно существовали разветвленные системы обмена (Берндт Р. М., Берндт К. Х., 1981), но к мезолиту эти аналоги не применимы уже хотя бы потому, что плотность населения в Австралии была значительно выше, чем в мезолите Европейских зандровых низменностей. И именно высокая плотность населения являлась основой «института обмена» в Австралии.

Задача исследования состоит, на самом деле, не столько в установлении этнографических образцов и примеров, сколько в их персонификации или, иначе, археологическом воплощении, говоря иначе, материализации и проверке гипотез надёжными археологическими данными. Вот почему предположение

М. Г. Жилина об обмене сырьём и прочих заимствованиях неверно.

Ошибка сложения или сложение ошибок?

Традиционная для археологической литературы модель образования археологических культур, базирующаяся на идее контактов населения и известная, поэтому, как «контактная», в мезолитоведении наиболее пространно изложена Л. В. Кольцовым (Кольцов, 1979). Выведенная им «закономерность сложения мезолитических культур» сводится к «слиянию признаков разных культур» воедино. Подкрепленная – по верной оценке самого Л. В. Кольцова – «далеко не математической формулой сложения признаков разных культур» вместе (Кольцов, 1979, с. 24), она и подразумевает простое суммирование элементов в прямом значении этого термина. При таком примитивном понимании генезиса археологических культур эта «материализация» идеи есть не что иное, как отражение (фиксация) стандартного способа механического смешения разнородных материалов, а никак не процесс или, если угодно, механизм возникновения археологических культур (Сорокин, 2000, 2002). Сказанное не означает, что образование какой-либо археологической культуры невозможно в результате некоего технического симбиоза, точнее, как продукт взаимодействия (контакта) разных этносов. Синкретизм инвентаря возможен как своеобразное отражение результата метисации, изготавливающего его населения, но не в том

виде, как это описано в упомянутой статье Л. В. Кольцова (*Кольцов, 1979*) или предстает в изложении М. Г. Жилина (*Жилин, 2000*). Да и о каком влиянии или взаимовлиянии культур вообще, в соответствии с нормами русского языка, можно говорить?!

Доказательство слияния индустрий должно базироваться не на присутствии находок разных культур в одном месте: памятнике, слое или коллекции, поскольку это наиболее реальный результат механического смешения материалов, а на наличии в комплексах метисных изделий и технологий (*Сорокин, 2000, 2002*). Но о них ни Л. В. Кольцов, ни М. Г. Жилин ничего не говорят. Реальность при этом такова, что даже если предложенная мной идея о «находках-маркёрах» ошибочна, это все равно не отменяет феномена натурации, объективности его действия. Напротив очевидно, что нельзя делать вывод о контактах населения, исходя лишь из взаимовстречаемости вещей. Ибо их механическое смешение под воздействием почвенных процессов происходит объективно и не требует какого-либо участия человека (*Сорокин, 2000, 2002*). Вот почему факт совместного залегания находок в одном слое недостаточен для вывода о взаимодействии людей.

Характерно, что подъёмный материал, который и послужил в основном для Л. В. Кольцова той основой, на которой он возвёл свою гипотезу «сложения археологических культур» (*Кольцов, 1979*), действительно очень часто обладает синкретическими признаками, и эти

«комплексы» повсеместно повторяются в массовом количестве. Но материал ими обладает именно потому, что он смешанный и подъёмный. Не важно, что часть его получена путём раскопок. Он не потому подъёмный, что лежит на поверхности и доступен археологу и каждому любопытствующему для сборов, хотя такого материала и большинство среди того, чем оперировал Л. В. Кольцов, а из-за того, что в ходе полевого исследования утратил свой контекст – место в структуре памятника. Любой раскопочный материал, полученный без его трехмерной фиксации при использовании всех традиционных полевых методик – раскопок по условным горизонтам, литологическим слоям и даже вертикальными зачистками, – а иначе до начала 1980-х годов и не копалось, всё равно фактически является подъёмным, так как структура памятника неизбежно уничтожалась в ходе этих раскопок.

Повторяемость сходных и, тем не менее, механически смешанных «комплексов», не важно, каким путём полученных, неизбежна из-за того, что приоритеты выбора места жительства в каменном веке у всех групп населения были одинаковы. И артефакты всех времён и народов, живших в разное время на одной и той же территории в определённых узловых географических точках, неизбежно в той или иной мере смешивались, когда утрачивали своё пространственное положение. Причина этого лежит как в объективных природных процессах, так и, пожалуй, ничуть не в меньшей мере, в субъективных

обстоятельствах – полевой методике раскопок памятников. Таким способом происходит не только «метисация» вещей, но и дублирование смешанных материалов. Следовательно, закономерность состоит не в «сложении признаков разных культур вместе при доминанте одной из них» (Кольцов, 1979), а в том, что механическое смешение разнородных материалов под воздействием почвенных процессов и, увы, археологов абсолютно неизбежно и закономерно. И этот закон носит название натурации (Сорокин, 2000, 2002).

Совершенно очевидно, что возникновение новых признаков и, как итог, – сложение новой археологической культуры – может происходить и без заимствования извне, в результате внутренней эволюции. Эта модель, известная как «трансформационная», как нельзя лучше подходит к объяснению генезиса и кундской, и всех других так называемых постсвидерских индустрий при условии их родства.

Орудийный набор любого первобытного коллектива, а, значит, и археологической культуры, складывался не в результате того, что кто-то когда-то где-то у кого-то заимствовал те или иные понравившиеся вещи и начинал их использовать. Он складывался в процессе усвоения, наследования и развития вековых традиций и опыта конкретных обществ каждым последующим поколением потомков у своих собственных родителей и через них опосредованно – у всех предков. И достигалось это как путём непосредственной пере-

дачи навыков в ходе обучения детей их родителями конкретным трудовым операциям и нормам жизни (= права), так и косвенно – всем стилем и образом жизни общества, в котором ребёнок родился и рос. Это не значит, что сказанное исключает всякую возможность контактов древнего населения, заимствования от соседей в результате обмена тех или предметов или навыков их изготовления. Это означает только одно – вспомогательную функцию подобных контактов, её исключительность и даже в чём-то экстремальность, а не повседневность и обыденность. Вот почему «контактная гипотеза» и не может быть «нормой генезиса археологических культур» эпохи каменного века.

Первобытное собирательство или первобытность «собирательства»?

Когда Л. В. Кольцов, М. Г. Жилин или другие авторы говорят о заимствовании тех, или иных изделий, создаётся впечатление, что мезолитические люди занимались своеобразным «собирательством разбросанных орудий». И то там, то тут подбирали микролиты, наконечники стрел или другие предметы охотничьего вооружения и включали их в собственный обиход. Это более чем странно само по себе, во-первых, и логически не объяснимо, во-вторых. Если что-то и заимствовалось, то не в виде того или иного микролита, наконечника или клинка топора, рукоятки, оправы или муфты – это только археолог имеет дело при раскопках с отдельны-

ми изделиями, а чаще – всего лишь их фрагментами. Все эти чудеса с «собираанием» возникают лишь в голове и практике кабинетного археолога, который имеет дело не с «живой» материальной культурой, а с объектами, существенно трансформированными временем. Это мы, как правило, получаем в своё распоряжение и общаемся не с целыми предметами, а с их фрагментами, по которым можно лишь приблизительно догадываться об облике, некогда существовавшего, артефакта и его функции. Например, к нам в руки попадает не лук и стрелы, а лишь наконечники стрел или их обломки, не скребки, резцы, топоры или тесла в оправках или с рукоятками, а лишь нетленные каменные части этих инструментов и т. д. В этой связи достаточно вспомнить всего два широко известных эпизода, первый из них связан с наконечниками костёнокского типа, которые выдающийся отечественный трасолог С. А. Семёнов интерпретировал отнюдь не как наконечники стрел, а как проколки (Семёнов, 1957). А второй – с 222 трапециями мезолитической стоянки Гиржево, 82,6% которых – по мнению Г. Ф. Коробковой – использовались «в домашнем производстве для разделки мяса, обработки дерева, кости и рога, первичной выделки шкур и их прокалывания, срезания дикорастущих трав и злаков» (Сапожникова, Сапожников, 1986, с. 36), а никак не в качестве поперечно-лезвийных наконечников стрел. Из-за того, что мы имеем дело с фрагментами (кусками) реальных вещей и создаётся иллюзия,

будто древние обитатели Великих Европейских задровых равнин обменивались чем-то вроде каменных вкладышей или наконечников. На самом деле древние люди могли заимствовать (или менять) друг у друга только целые вещи: кинжалы, копья, составные наконечники стрел и другие предметы в виде костяных, деревянных или роговых оправ с полным набором вставленных в них микролитов или вкладышей. И если мы не находим эти изделия комплексно, то не было и заимствований. В настоящее время раскопано достаточное число торфяниковых стоянок, чтобы говорить об этом со всей очевидностью. Реальность такова, что достоверных фактов заимствований и контактов археологический материал нам, увы, не даёт. А даёт он лишь многочисленные примеры того, как мезолитические микролиты и наконечники встречаются вместе с неолитической и другой, более поздней керамикой и исследователи упорно твердят о переживании традиций, хотя речь должна идти не более чем о механическом смещении разновременных материалов. Но даже если какие-либо заимствования и были, они не могли из-за их эпизодичности привести к радикальному изменению облика культуры, тем более, сложению новой, неважно какой – кундской или песочноровской.

Когда М. Г. Жилин говорит, что микролиты с затупленным краем, отсутствующие в свидерской культуре, могли быть «заимствованы из коморницкой культуры», а производные от них формы «могли быть изобретены пуллийским

населением» (Жилин, 2000), это могло бы соответствовать действительности, если бы речь шла об одном-двух, причём комплектных, типах изделий. «Заимствованным» же и «изменённым» в Пулли по сравнению со свидерским оказалось фактически всё охотничье вооружение, техника первичной и вторичной обработки, состав обрабатывающих орудий и т. д. Причём и так называемого пуллийского постсвидера, как это ни парадоксально, нет в свидерских материалах, что весьма странно при их гипотетическом родстве. В то же время в Ресете 3 присутствуют все типы изделий, найденные в Пулли, и, в отличие от Пулли, не в пережиточном виде, поэтому речь и идёт о наследовании в Пулли рессетинских традиций, а не наоборот. Впрочем, на рессетинскую традицию нужно смотреть несколько шире, в контексте образа жизни первобытного населения и ХКТ охотников тундровой и лесной зон, рассматривая эти миграции как сезонные и возвратно-поступательные. Таким образом, стоянка Пулли, по крайней мере, её рессетинский компонент, – это результат (отражение, фиксация) сезонного, хозяйственного цикла рессетинских охотников на северного оленя и лося. Да, в Пулли, судя по имеющимся данным (Янитс, 1990), северный олень уже не представлен, а есть лишь лесные виды животных «во главе» с лосем, но Пулли моложе Ресеты 3 по всем своим технико-типологическим показателям и такая трансформация индустрии, следовательно, вполне объективна. И по времени, и по мотивации.

Предположение о более раннем возрасте Пулли по сравнению с рессетинскими материалами и миграции пуллийского населения в Волго-Окский бассейн не снимает вопроса истоков пуллийской индустрии, прототипов которой в Прибалтике нет. Не объясняет и не снимает его и постсвидерская гипотеза, даже в её модифицированном варианте, изложенном М. Г. Жилиным (Жилин, 2000). Причём, если задаться вопросом: есть ли основания для реконструкции «экзогамных брачных связей» по кремнёвому инвентарю, то ответ может быть только отрицательным.

Факты свидетельствуют, что индустрия Пулли является ничем иным, как развитием рессетинских традиций, то есть отражает факт появления и обитания в Прибалтике населения рессетинской культуры. Возможность сезонных миграций рессетинского населения из Волго-Окского бассейна на северо-запад и обратно определяется, во-первых, геоморфологической ситуацией конца ледникового – начала голоценового времени (Долуханов, 1969; Квасов, 1975; Сейбутис, 1974, 1980; Палеогеография Европы., 1982), а, во-вторых, условиями хозяйства первобытного населения. Западная Двина при этом была той единой водной системой, тем естественным коридором, по которому осуществлялась связь Верхнего Поволжья и Прибалтики. Археологически это фиксируется находками рессетинских острий от Верхневолжских озёр (Ланино, Нижние Котицы, Торг, Золотилово) через территорию Белоруссии (Крум-

плёво, Замошье) до Пулли и Лепакозе в Эстонии и стоянок Литвы. Возможно, что были и иные пути передвижения рессетинского населения, но этот устанавливается документально со всей очевидностью. Интересно, что тот же маршрут, но лишь в одну сторону, упоминает и М. Г. Жилин, когда пишет, что «один из путей контактов раннемезолитического населения ... вел из Прибалтики по Западной Двине через верховья Волги на её левые притоки и вглубь Волго-Окского междуречья» (Жилин, 2000, с. 78). При этом, по-видимому, всерьёз полагая, что он сделал это первым.

Типологически и технологически рессетинская (Сорокин, 1987а-в, 1989а-в, 2002; Sorokin, 1999), пуллийская (ранний этап культуры кунда) (Янитс, 1990; Ostrauskas, 2002) и так называемая бутовская культуры (Сорокин, 1990) составляют единую хронологическую и генетическую цепочку (Сорокин, 1987а-в, 1989а-в, 1990, 2002, 2004; Кравцов, Сорокин, 1991; Sorokin, 1999). Их объединяет последовательность в развитии техники первичного расщепления, постепенное угасание микрорезцовой техники, прогрессирующая микролитизация инвентаря и типологическая преемственность в формах обрабатывающих орудий и предметов охотничьего вооружения. И если в Прибалтике, по-видимому, нет продолжения пуллийской традиции, то в Волго-Окском бассейне эта цепочка, по-видимому, не прерывается. Объяснение метаморфозы заключается в особенностях природного окружения пребореального – начала бореального времени,

когда глобальная смена растительной зональности привела к перемене видового состава фауны – основных объектов охоты и радикальному изменению традиционных маршрутов сезонных миграций населения. Не вызывает сомнения, что материалы рессетинской культуры позволяют со всей очевидностью говорить не просто о родстве волго-окского населения и населения кундской (точнее, пуллийской) культуры Прибалтики, но о том, что это было одно и то же население: предки и их потомки.

Потребность «естества» или естество потребностей?

Не вызывает никакого сомнения, что сходство инвентаря Пулли и Ресеты 3 не могло возникнуть и быть следствием экзогамных браков, как об этом пишет М. Г. Жилин (Жилин, 2000): никто не позволит чужаку делать в коллективе «неродовые» изделия, тем более, чтобы они стали доминировать. Если сходство форм и могло возникнуть, то не как результат экзогамных браков, присутствие которых в мезолите ещё надо доказать, а как отражение реалий хозяйственной деятельности человека – основы его жизнеобеспечения.

Система хозяйства, при которой в орбиту хозяйственной деятельности были вовлечены, удалённые на значительное расстояние друг от друга, участки территории Восточной Европы, и были жизненно необходимы длительные сезонные миграции, могла сложиться и существовать лишь при охоте на северного оленя. Для конкретной

рассматриваемой территории – это конец плейстоцена, время финального палеолита. Ибо северный олень – это единственное животное Средней полосы, для которого длительные сезонные кочевья являются нормой, стереотипом поведения (Сейбутис, 1974, 1980; Сыроечковский, 1986; Палеогеография Европы..., 1982). И если есть люди, которые способны на него охотиться, археологически может возникнуть «общность территорий», значительно удаленных друг от друга. Ибо охотники на северного оленя неизбежно будут совершать кочевья на значительные расстояния вслед за стадами северного оленя (Симченко, 1976; Сыроечковский, 1986; Дзенiskeвич, 1987) и неминуемо, следовательно, оставлять материальные признаки своего присутствия там.

Напротив, лось – животное слабо кочующее (Крупные хищники..., 1978). В то время, когда он стал основным объектом охоты, сходство инвентаря в памятниках, удаленных друг от друга на 800–1000 км, возникнуть не могло. Экология вида (лося) определяла отсутствие экономической мотивации для длительных кочевек и у человека, на него охотившегося. Конечно, переселение каких-либо групп населения куда-либо, даже на значительные расстояния, нельзя исключать ни для какого периода человеческой истории, включая и каменный век (Человек заселяет..., 1997). И примеры этого имеются. Однако длительные сезонные миграции в качестве нормы поведения, которые фиксируются археологически, а имен-

но об этом и идёт в конкретном случае речь, экономически целесообразны лишь в одном случае – при ориентации на северного оленя в качестве основного объекта охоты, в качестве основы жизнеобеспечения человека. При охоте на лося необходимость длительных сезонных кочевий могла поддерживаться в качестве стереотипа поведения лишь как традиция и не более того. Она могла наследоваться как элемент (стереотип) традиционного уклада (образа) жизни, быть освященной традицией и потому сохраняться какое-то время, какой-то переходный период, пока шла адаптация и привыкание к новым экологическим нишам, новым чуждым и непривычным объектам охоты. Но сама она при охоте на лося в качестве экономически целесообразной модели поведения возникнуть не могла. Всё это означает только одно: истоки сходства Пулли и Ресеты 3 надо искать не в пребореале, а ещё в конце плейстоцена. В том времени, когда территория Прибалтики, освободившаяся вслед за Верхним Поволжьем от ледника, стала экологической нишей для северного оленя, а ХКТ охотников на северного оленя был единственно возможным естественным укладом с точки зрения экологии территории приледниковой Европы. Экология лося никак не могла вызвать к жизни стереотипа кочевий человека на длительные расстояния, но он мог поддерживаться и освящаться традицией, благодаря чему существовать и в то время, когда складывалась или уже сложилась лесная зона, и когда лось стал основой существования.

Территория «связи» или связь территорий?

Судя по тексту статьи, М. Г. Жилин всерьёз полагает, что «необходимость регулярных экзогамных брачных связей ... в условиях сильной разреженности раннемезолитического населения вела к вовлечению в эти связи обширных территорий» (Жилин, 2000, с. 76). Опусти замечание о стилистической нелепости цитаты. Для меня, напротив, очевидно другое, что территория археологической культуры в мезолите – это абстракция, гносеологическая категория, как и само понятие «археологическая культура» (Захарук, 1976), а не ареал с жёсткими контролируруемыми границами. Её нужно воспринимать лишь как географическое пространство, среду обитания, нишу, в пределах которой популяция жила по сезонному циклу. Население на рассматриваемых территориях в мезолите было столь малочисленно, что весьма вероятной (правдоподобной) представляется ситуация, когда некая группа мезолитического населения обитала на летней стоянке, зимнего стойбища не было, и наоборот. Фактически это «временная последовательность разных форм пространственной организации производственного коллектива». Из-за малочисленности групп охотников-собирателей контролю подчинялся лишь «кусочек» видимого пространства и не более того. Ни о каком контроле над территорией речи не могло быть в принципе.

Границы археологических культур финального палеолита и мезолита, следо-

вательно, фактически совпадают с ареалом годичных, хозяйственных циклов. Из-за того, что у охотников на северного оленя он был одним, у охотников на мамонта – другим, а у охотников на лося – третьим, разными были и площади (территории), которые были способны прокормить, адаптированное к этим видам, население. Не вызывает сомнения, что для финального палеолита и мезолита – это территория определяется «поведением сопровождения» (=симбиоз волк-олень). Таким образом, территория археологической культуры в мезолите – это, вероятно, размах сезонных перемещений популяции в пределах кормовой территории, который мог перекрываться ареалом другой популяции, но в целом никак не мог контролироваться и обороняться. Этого просто некому было делать. Та картина, которая фиксируется археологически, – это результат суммирования и наложения друг на друга изменявшихся во времени маршрутов кочевого населения. Фактически, это спрессованная во времени последовательность разновременных событий, а никак не отражение одновременной заселённости территории, одновременно бытовавших групп населения и параллельно существовавших базовых и временных стоянок, охотничьих и рыбацких лагерей, мест забоя и разделки животных, мастерских и т. д.

Это спроецированная на географическую карту история реальных событий, происходивших с людьми в течение всего времени существования конкретных популяций, пока мы в состоянии проследить их признаки по конкретным

материальным остаткам. Этим, по-видимому, и объясняется наложение ареалов синхронных мезолитических культур, но у нас чрезвычайно мало данных для их строгого соотнесения. Поэтому во всех случаях совпадения «территории разных культур», которые фиксируются археологически, надо ещё доказать, что население в них обитало одновременно, а не последовательно, чтобы люди могли контактировать между собой и заимствовать что-либо друг у друга. Это приводит нас к пониманию археологической культуры как гносеологической категории пространственно-временной взаимосвязи ископаемых материалов.

Численность человека каменного века как любого биологического вида определялась законом выживания (естественным отбором) и регламентировалась объёмом и составом биомассы, её разнообразием. В тех случаях, когда ареалы разных популяций пересекались, а из-за малочисленности обитателей окраинных земель ойкумены и огромных необъятных пространств Восточной Европы это было крайне редко, люди как хищники, скорее всего, воевали друг с другом, а не кидались друг другу в объятия (Поршнев, 1979). Практическое отсутствие документальных свидетельств военных столкновений подтверждает вывод о разреженности и малочисленности мезолитических групп, уникальности реальных контактов и взаимодействий людей. Вот почему многочисленные реконструкции контактных зон и метисных памятников, базирующиеся на случаях совместного залегания находок, чаще всего лишь плод

воображения, а никак не доказанная фактами реальность (Сорокин, 2000, 2002). Это всего лишь констатация массового природного механического смешения вещей, а не «продукт» взаимодействия этносов. Хотя, безусловно, и абсолютной повсеместной замкнутости (изоляции) людей быть не могло.

Туда-сюда, сюда-туда или туда-сюда-обратно?

В связи с проблемой миграций хочу обратить внимание на следующее. В археологической литературе, как правило, схемы миграций населения традиционно обозначаются стрелками, идущими в каком-либо одном направлении. Например, заселение Прибалтики аренсбургским населением отмечается, как однонаправленное передвижение с запада на восток: с Северо-Германской низменности в Понеманье (Римантене, 1971). А свидерским населением – с юго-запада на северо-восток: из Польской и Полеской низменностей в Верхнее и Среднее Поднепровье, и т. д. (Залізняк, 1999, с. 210). Тем самым как бы определяется направление миграционных потоков в момент заселения конкретной территории. Одновременно с этим фактически подспудно понимается, что эта территория была постоянно или длительное время заселена носителями конкретной археологической культуры. «Однонаправленность передвижений и воздействия» подразумевает и М. Г. Жилин, говоря о «влиянии кундской культуры на мезолит Волго-Окского бассейна» и указывая западно-двинский путь (Жилин, 2000).

Не следует думать, что Прибалтика в молодом дриасе и начале пребореала была центром Вселенной. Эта территория в то время была глухой периферией, которая только-только с финального палеолита становилась приспособленной для обитания и начинала осваиваться. А территория Эстонии стала пригодной для жизни и того позднее, вероятно, лишь с раннего мезолита. К тому времени Волго-Окское междуречье было уже давно заселённой и обжитой территорией, и его население неизбежно находилось, если не на более высокой ступени общественного развития, то уж технологического и адаптивного – вне всякого сомнения. По сравнению с южными территориями и Волго-Окский бассейн был на краю ойкумены, захолустьем, но всё же располагался немного ближе к центрам мировой цивилизации, был чуть более и чуть дольше Прибалтики обжит. Следовательно, его обитатели были более развиты и цивилизованны. Поэтому его коренное население, известное по стоянкам рессетинской культуры, используя экологические условия конца плейстоцена – начала голоцена, наряду с другими группами, и могло начать осваивать новые территории. Для кундского же населения потенциальная возможность отправиться на «поиски семейного очага» возникла значительно позднее. Вместе с тем, если предложенная реконструкция хозяйственно-культурного типа для этого времени верна, условия хозяйства охотников на северного оленя могли существовать и реализовываться лишь в виде сезонных

возвратно-поступательных миграций. А даже если и не было подобной узкой специализации, сезонно-подвижный образ жизни отменить данное обстоятельство никак не могло и изменить суть кочевий тоже. Ибо условия природной среды рубежа эпох (плейстоцена – голоцена) не позволяли жить оседло. Следовательно, однонаправленное графическое изображение передвижений первобытного населения идёт вразрез с историзмом и формирует неточную и однобокую картину миграций в каменном веке. Ибо эти миграции не были ни массовыми, ни, тем более, потоками. Напротив, они были малочисленными и, главное, – сезонными. Недаром их ещё называют маятниковыми, что наиболее верно отражает их суть. Экология видов животных – основных объектов охоты – и их поведение определяли хозяйственную стратегию людей и образ их жизни. Поэтому миграции шли в обоих направлениях, подчиняясь биологическим законам поведения основных объектов охоты. Конечно, переселение людей на новые земли происходило и в каменном веке, но не эти единичные переселения определяли суть миграций эпохи мезолита, ибо для него было больше присуще не переселение людей на новые территории, а поэтапное освоение новых земель и расширение ойкумены путём сезонных, возвратно-поступательных миграций. При этом глобальные, положительные изменения природной среды, а мезолит именно это время, неизбежно вели к расширению территории и создавали благоприятные возможности для

её освоения. Это не значит, что такие возможности постоянно реализовывались, это означает только одно, что возникала сама возможность их реализации.

Вряде случаев крайние точки ареала, фиксируемого памятниками археологии, – это и есть размах пространственных перемещений мезолитического населения в пределах кормовых территорий. Малочисленность первобытных коллективов, живущих на краю ойкумены, и особенность хозяйственного цикла охотников на северного оленя определяли и образ их жизни. Из этого следует: когда северный олень был в теплое время года в тундре на пастбищах, это была территория Прибалтики, и рессетинское население было, вероятно, всё именно там. А в холодное время вслед за северным оленем всё население откочевывало южнее, на возвышенности Центральной России, где проще было перезимовать и оленям, и людям. Следовательно, сходство пуллийского комплекса с изделиями рессетинских стоянок Волго-Окского бассейна и местоположение конкретных памятников отражает не просто стадийное сходство материалов, но и служит отражением реальных сезонных миграций рессетинско-пуллийского населения. А конкретные археологические памятники указывают на крайние точки маршрутов их маятниковых передвижений.

Можно задаться вопросом, а насколько физически реальны эти перемещения? Произведём несложный расчёт. Если принять стандартный день пути пешехода за 30 км, то расстояние в 900 км

(именно столько разделяет верхневолжские рессетинские стоянки и Пуллы) он преодолеет за 30 дней. По времени, учитывая скорость пешего хода в 5 км // час, отрезок в «день пути» преодолевается всего за шесть часов. Таким образом, ещё 18 часов в сутки остаётся для сна, отдыха и трудовой деятельности. Для передвижения на расстояние в 1500 км, а это средний сезонный маршрут кочевий северного оленя, требуется 50 суток. Что тоже хорошо вписывается в амплитуду ежегодных сезонных кочевий и северного оленя и этнографических охотников на северного оленя. Замечу, кстати, что в археологическом отношении этот расчёт важен для уточнения ареала археологических культур конца плейстоцена – начала голоцена, когда Европа оставалась приледниковьем и «экологической нишей» названного животного.

Переход от позднего ледниковья к голоцену не был стремителен (во всяком случае, происходил не на жизни одного поколения) и, судя по всему, не был катастрофичен. Более того, этому способствовала и общая тенденция потепления климата. Поэтому древнее население, сохранявшее привычный образ жизни и продолжавшее охотиться на северного оленя, с распространением лесов имело возможность постепенно переключаться на лесные виды животных. Судя по имеющимся данным, переход к неотермальным условиям не был катастрофичен и для северного оленя, который, будучи тундровым животным, прекрасно адаптировался и к условиям лесной зоны. При этом его ареал, как

и в позднее ледниковье, продолжал охватывать территорию Центральной России и Прибалтику ещё вплоть до недавнего времени, более того, зафиксирован этнографически (*Сейбутис*, 1974, 1980; *Сыроечковский*, 1986; Крупные копытные.., 1986). А перемены наступили лишь во второй половине XIX в., и были вызваны строительством железных дорог, а никак не особенностями экологии. Лесная разновидность северного оленя малочисленнее тундровой разновидности. Судя по всему, это и потребовало включения и активизации механизмов адаптации. Те, кто не хотел утрачивать старый уклад, откочевали вслед за тундровым оленем севернее, те, кто решил остаться, – переориентировались на более спокойного, слабо кочующего лося и другие лесные виды животных. Вероятно, поэтому в фауне Пулли и нет уже костей северного оленя. Люди, жившие в Пулли, приспособились к лесному окружению, и надобность в длительных кочевьях отпала. Но навыки изготовления привычных форм вещей никуда не исчезли, они освящались традицией и поэтому поддерживались к жизни. «Пережиточность» пуллийских форм по сравнению с рессетинскими служит тому ярким подтверждением.

Доминирование лося в составе фауны в голоцене происходило по мере становления лесной зоны постепенно на протяжении пребореала и бореала. Это и определило, с одной стороны, плавный дрейф в приоритетах охоты и, с другой, – сохранение связей названных территорий Прибалтики и Централь-

ной России в раннем мезолите, которое археологически фиксируется материалами ранних этапов кундской и так называемой бутовской культур. Вместе с тем, природные изменения были достаточно радикальны, серьёзны и быстротечны, чтобы привести к изменению адаптивной приспособляемости человека и вызвать, в конечном итоге, изменения в материальной культуре. Это, а не экзогамные браки стало главной причиной первоначального сходства и всё усиливающего различия инвентаря памятников (и археологических культур) Прибалтики и Центральной России.

Начало конца или конец начала?

Всё вышеизложенное позволяет сказать, что аргументы сторонников свидерской гипотезы как не убеждали, так и не убеждают ни своими теоретическими посылами, ни конкретными механизмами их реализации. Гипотеза генезиса археологических культур в результате сложения их компонентов (*Кольцов*, 1979) исходит из постулата всеобщности (ничем не ограниченных в пространстве и времени) контактов разных групп населения друг с другом. Но такой механический и повсеместный синкретизм ничем не подкрепляется, кроме случаев взаимного сочетания разных в культурном отношении находок в одном месте. Он недостаточен для образования новой культуры, хотя более чем достаточен для механического смешения разнородных материалов и многочисленных археологических мифов о контактах населения,

контактных зонах, синкретизме, поликультурности и т. п. (Сорокин, 2000, 2002).

Отсутствие пространственной структуры в распределении артефактов, раскопки по условным и литологическим горизонтам неизбежно приводят на практике к одному и тому же эффекту – уничтожению пространственного распределения материала, его произвольной группировке и, следовательно, механическому смещению. Такие рукотворные «комплексы» не дают «гибридных находок и технологий» или такие находки-маркёры в них единичны, а факты их метисности спорны, что подтверждает вывод о генезисе «комплексов», в которых они найдены, в результате механического смещения, но никак не в виде продуктов аккультурации. Значительный вклад в трансформацию потенциальных источников вносят и природа. Процесс естественного смещения материалов – своеобразный природный замысел, результат которого внешне сходен с плодами контактов людей – происходит без какого-либо их непосредственного участия и называется натурацией. Непредвзятый анализ мезолитических источников показывает, что натурация, а никак не аккультурация, является основным механизмом образования комплексов с поликультурными признаками – «кривого зеркала этнокультурных процессов» мезолита (Сорокин, 2000, 2002).

Возможно, не всех убедят приведённые выше доводы, но это будет недостаток не самой идеи, а формы её изложения и аргументации. Модель «сложения» археологических культур в транскрипции Л. В. Кольцова и его последователей неверна по своей сути. Эволюционная или, иначе, трансформационная модель соответствует историческим реалиям и является отражением экономического базиса древнего общества, а значит, ближе к объяснению прошлой действительности. Эволюционная гипотеза корректнее объясняет генезис пуллийской индустрии. Хотя это абсолютно не означает, что «контактную» гипотезу, в том числе и в генезисе индустрии кундского населения, следует отвергнуть или забыть, напротив, её следует разрабатывать, но иными способами, чем это делалось до сих пор.

Таким образом, в дискуссии о генезисе пуллийской индустрии, похоже, действительно пора поставить если не точку, то повернуть её совсем в иное русло – теоретического осмысления стандартных археологических понятий. И делать это нужно, опираясь не на «правила сложения» культур, «влияния кундской культуры Прибалтики на мезолит Верхнего Поволжья» или регламентацию «регулярных экзогамных брачных связей», а исключительно на экономический базис древних обществ и данные надёжных источников.

Список литературы

- Амирханов Х. А. Неолит и постнеолит Хадрамаута и Махры. М.: Научный мир. 1997. – 264 с.
- Амирханов Х. А. Восточный граветт или граветтоидные индустрии Центральной и Восточной Европы? // Восточный граветт / Отв. редактор – Х. А. Амирханов. М.: Научный мир. 1998. С. 15–34.
- Амирханов Х. А. Зарайская стоянка. М.: Научный мир. 2000. – 248 с.
- Археология СССР: Мезолит СССР / Отв. редактор – Л. В. Кольцов. М.: Наука. 1989. – 352 с.
- Археология СССР: Палеолит СССР / Отв. редактор – П. И. Борисковский. М.: Наука. 1984. – 383 с.
- Берндт Р. М., Берндт К. Х. Мир первых австралийцев. М.: Наука. 1981. – 448 с.
- Восточный граветт / Отв. редактор – Х. А. Амирханов. М.: Научный мир. 1998. – 329 с.
- Галибин В. А., Тимофеев В. И. Новый подход к разработке проблемы выявления источников кремневого сырья для культур каменного века Восточной Прибалтики // Археологические вести. Вып. 2. СПб. 1993. С. 13–19.
- Гвоздовер М. Д. Кремневый инвентарь Авдеевской верхнепалеолитической стоянки // Восточный граветт / Отв. редактор – Х. А. Амирханов. М.: Научный мир. 1998. С. 224–278.
- Гурина Н. Н. К вопросу о позднепалеолитических и мезолитических памятниках Польши и возможности сопоставления с ними памятников Северо-Западной Белоруссии // МИА. Вып. 126. М.: Наука. 1966. С. 14–34.
- Гурина Н. Н. Новые данные о каменном веке Северо-Западной Белоруссии // МИА. Вып. 131. М.-Л.: Наука. 1965. С. 141–203.
- Гурина Н. Н. Мезолит Латвии и Эстонии // Археология СССР. Мезолит СССР / Отв. редактор – Л. В. Кольцов. М.: Наука. 1989. С. 55–62.
- Гурина Н. Н. Мезолит Литвы и Белоруссии // Археология СССР. Мезолит СССР / Отв. редактор – Л. В. Кольцов. М.: Наука. 1989. С. 46–54.
- Дзенискевич Г. И. Атапаски Аляски. Очерки материальной и духовной культуры (конец XVIII – начало XX вв.). Л.: Наука, Ленинградское отделение. 1987. – 153 с.
- Долуханов П. М. История Балтики. М.: Наука. 1969. – 116 с.
- Ефименко П. П. Костёнки 1. М., Л.: Изд-во АН СССР. 1958. – 480 с.
- Желтова М. Н. Некоторые технико-морфологические особенности свидерской индустрии // Тверской археологический сборник / Отв. редактор – И. Н. Черных. Тверь. 2000. Вып. 4. Т. 1. С. 15–21.
- Жилин М. Г. О связях населения Прибалтики и Верхнего Поволжья в раннем мезолите // Тверской археологический сборник / Отв. редактор – И. Н. Черных. Тверь. 2000. Вып. 4. Т. 1. С. 72–79.
- Жилин М. Г. Костяная индустрия мезолита Восточной Европы. М. Эдиториал УРСС. 2001. – 328 с.
- Жилин М. Г., Фролов А. С., Крымов Е. Ю. Мезолитическая стоянка Прислон 1 на верхней Волге // Тверской археологический сборник / Отв. редактор – И. Н. Черных. Вып. 2. Тверь. 1996. С. 126–133.

- Заверняев Ф. М.* Новая верхнепалеолитическая стоянка на р. Десне // СА. 1974. № 4. С. 142–161.
- Загорска И. А.* Ранний мезолит на территории Латвии // Известия Академии наук Латвийской ССР. Рига. 1981. № 2. С. 53–65.
- Зализняк Л. Л.* Мезолит Юго-Восточного полесья. Киев: Наукова думка. 1984. – 120 с.
- Зализняк Л. Л.* Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита. Киев: Наукова думка. 1989. – 175 с.
- Зализняк Л. Л.* Население Полесья в мезолите. Киев: Наукова думка. 1991. – 159 с.
- Зализняк Л. Л.* Фінальний палеоліт України // Археологія. 1995. Вип. 1. С. 3–21.
- Зализняк Л. Л.* Ранній мезоліт України // Археологія. 1995. Вип. 3. С. 3–16.
- Зализняк Л. Л.* Фінальний палеоліт північного заходу Східної Європи (культурний поділ и періодизація). Київ: НАУКМА. 1999. – 284 с.
- Захарук Ю. Н.* Археологическая культура: категория онтологическая или гносеологическая? // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: Наука. 1976. С. 3–10.
- Верещагина И. В., Гурина Н. Н., Крылова Т. Б., Синицына Г. В., Тимофеев В. И., Шумкин В. Я.* Каменный век Верхневолжского региона (по материалам Верхневолжской экспедиции ЛОИА АН СССР – ИИМК РАН). Вып. 2 / Археологические изыскания. Выпуск 55. СПб. 1997. – 228 с.
- Кларк Дж. Д.* Доисторическая Африка. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. 1977. – 264 с.
- Квасов Д. Д.* Позднечетветичная история крупных озер и внутренних морей Восточной Европы. Л.: Наука. 1975. – 278 с.
- Кольцов Л. В.* Раскопки Бутовской стоянки в 1966 г. // КСИА. Вып. 117. М. 1969. С. 62–68.
- Кольцов Л. В.* Мезолитическая стоянка Бутово по раскопкам 1967 г. // КСИА. Вып. 126. 1971. С. 87–93.
- Кольцов Л. В.* Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М.: Наука. 1977. – 216 с.
- Кольцов Л. В.* О характере сложения раннемезолитических культур Северной Европы // СА. 1979. № 4. С. 15–25.
- Кольцов Л. В.* О характере взаимоотношений соседних культур в мезолите Северной Европы // Тверской археологический сборник / Отв. редактор – И. Н. Черных. Тверь. 1998. Вып. 3. С. 75–79.
- Кольцов Л. В., Жилин М. Г.* Мезолит Волго-Окского междуречья (памятники бутовской культуры). М.: Наука. 1999. – 157 с.
- Копытин В. Ф.* Мезолит Юго-Восточной Белоруссии // КСИА. Вып. 149. М. 1977. С. 60–66.
- Копытин В. Ф.* Памятники финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья. Могилев. 1991. – 87 с.
- Копытин В. Ф.* Финальный палеолит и мезолит Верхнего Поднепровья // Tanged points cultures in Europe. Read at the International archaeological symposium, 1993 / S. Kozłowski & L. Zaliznyak (eds.). Lublin, 1999: Maria Curie-Skłodowska University Press. – Lublin, 1999. P. 256–267.

- Кравцов А. Е., Сорокин А. Н. Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита. М. 1991. – 74 с.
- Крупные хищники и копытные звери. М.: Изд-во «Лесная промышленность». 1978. – 295 с.
- Ксензов В. П. Мезолитические культуры Белорусского Подвинья и Поднепровья // Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Минск. 1994. – 33 с.
- Ксензов В. П. Мезолит Белорусского Подвинья // РА. № 3. 1996. С. 5–22.
- Ксензов В. П. Финальный палеолит и мезолит Поднепровья Беларуси // РА. № 1. 1997. С. 5–20.
- Ксензов В. П. Культура кунда // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск. 2001. Вып. 16. С. 20–35.
- Масалитина Г. А., Смирнов А. С., Сорокин А. Н., Прошкин О. Л. Археология Калужской области // Археологическая карта России. Очерки археологии регионов. М. 2001. С. 142–180.
- Мочанов Ю. А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск. 1977. – 264 с.
- Мочанов Ю. А., Федосеева С. А. Археология, палеолит северо-восточной Азии: внетропическая прародина человечества и древнейшие этапы заселения человеком Америки // Труды Приленской археологической экспедиции (доклад для Международного Северного археологического конгресса, г. Ханты-Мансийск, 9–14 сентября, 2002 г. Якутск. 2002. – 60 с.
- Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы (материалы Международной конференции, посвященной 120-летию открытия палеолита в Костёнках. ИИМК РАН, XI. 1999) // Костёнки в контексте палеолита Евразии. Исследования. Вып. 1 / Ред. – А. А. Синицын, В. Я. Сергин, Дж. Ф. Хаффекер. СПб. 2002. – 256 с.
- Ошибкина С. В. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М.: Наука. 1983. – 295 с.
- Ошибкина С. В. Веретье 1. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М.: Наука. 1997. – 205 с.
- Палеогеография Европы за последние сто тысяч лет: Атлас-монография / Под ред. профессора А. А. Величко. М.: Наука. 1982. – 156 с.
- Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. Некоторые итоги полевых исследований 1879–1979 гг. / Под редакцией Н. Д. Праслова и А. Н. Рогачева. Л. 1982. – 286 с.
- Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М.: Наука. 1979. – 235 с.
- Сапожникова Г. В., Сапожников И. В. О функциях геометрических микролитов (по материалам стоянки Гиржево) // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наукова думка. 1986. С. 36–41.
- Сейбутис А. А. Палеогеография, топонимика и этногенез // Известия АН СССР. Серия географическая. № 6. М. 1974. С. 40–53.
- Сейбутис А. А. Проблема этногенеза балтов и славян в свете палеогеографии // Природа. № 11. М. 1980.
- Семёнов С. А. Первобытная техника // МИА. Вып. 54. М.-Л.: Наука. 1957. – 240 с.
- Семёнов С. А. Развитие техники в каменном веке. М.-Л.: Наука. 1968. – 362 с.
- Симашко Е., Брзозовски Е. Исследовательский проект в Милуки: междисциплинарное изучение пойменной стоянки эпохи раннего мезолита в Польше // Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. Екатеринбург. 2002. С. 274–275.

- Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. Этнографическая реконструкция. М.: Наука. 1976. – 313 с.
- Слободин С. Б. Археология Колымы и континентального Приохотья в позднем плейстоцене и раннем голоцене. Магадан. 1999. – 235 с.
- Сорокин А. Н. Рессетинская культура // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. М. 1986.
- Сорокин А. Н. О происхождении кундской культуры // Вопросы древнейшей истории Верхнего Поочья. Калуга. 1987а. С. 11–14.
- Сорокин А. Н. Культурные различия в мезолите бассейна р. Ока // КСИА. М. 1987б. Вып. 189. С. 41–46.
- Сорокин А. Н. Рессетинская культура // Социально-экономическое развитие древних обществ и археология. Сборник статей молодых ученых. М. 1987в. С. 133–140, 192, 193.
- Сорокин А. Н. Рессетинская культура (к проблеме изучения памятников рубежа плейстоцен-голоцен в центре Русской равнины) // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга. 1989а. С. 14–15.
- Сорокин А. Н. Рессетинская культура // Археология СССР. Мезолит СССР. М. 1989б. С. 84–86, 260.
- Сорокин А. Н. К проблеме происхождения бутовской культуры // СА. 1989в. № 2. С. 24–34.
- Сорокин А. Н. Бутовская мезолитическая культура. М. 1990. – 220 с.
- Сорокин А. Н. Еще раз о происхождении кундской культуры // Международная конференция «К 100-летию В. И. Равдоникаса». Тезисы докладов. СПб. 1994. С. 66–68.
- Сорокин А. Н. О связях населения бассейна реки Оки в раннем мезолите // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань. 1997. Вып. 6. С. 10–39.
- Сорокин А. Н. Мезолит Жиздринского полесья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы // Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.: ИА РАН. 2000. – 46 с.
- Сорокин А. Н. Рецензия: Л. В. Кольцов, М. Г. Жилин. Мезолит Волго-Окского междуречья (памятники бутовской культуры). М.: Наука. 1999 // РА. 2001. № 3. С. 154–162.
- Сорокин А. Н. О мезолите Жиздринского полесья // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Калуга. 2001. С. 84–90.
- Сорокин А. Н. Мезолит Жиздринского полесья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы. М.: Наука. 2002. – 251 с.
- Сорокин А. Н. Диалог о генезисе культуры кунда // РА. № 3. 2004. С. 79–88.
- Сорокин А. Н. Мезолит Волго-Окского бассейна // Проблемы каменного века Русской равнины / Отв. редактор – Х. А. Амирханов. М.: Научный мир. 2004. С. 69–91.
- Сорокин А. Н. Окская экспедиция в 1989–2002 гг. // 30 лет Отделу охранных раскопок. Сборник отдела охранных раскопок. Том 2. М. 2004а. С. 81–85.
- Сорокин А. Н., Выборнов А. А., Королёв А. И., Ставицкий В. В. Исследования на Заболотском палеозере // АО-2001. М. 2003. С. 212–214.
- Сулгостовска С. Поселенческая модель финального палеолита, мазовецкие кремневые мастерские и обитаемые стоянки // Материалы международной конференции «Каменный

- век Европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры. Сергиев Посад. 2001. С. 90–98.
- Сыроечковский Е. Е.* Северный олень. М.: Агропромиздат. 1986. – 256 с.
- Тарасов Л. М.* Палеолитическая стоянка Гагарино (по раскопкам 1962 г.) // МИА. Палеолит и неолит СССР. Т. V. Вып. 131. М.-Л.: Наука. 1965. С. 111–140.
- Тарасов Л. М.* Гагаринская стоянка и её место в палеолите Европы. Л.: Наука. 1979. – 168 с.
- Тимофеев В. И.* Памятники мезолита и неолита региона Петербурга и их место в системе культур каменного века Балтийского региона // Древности Северо-Запада России / Отв. редакторы – В. М. Массон, Е. Н. Носов, Е. А. Рябинин. СПб. 1993. С. 8–34.
- Филатова В. Ф.* Кремневые наконечники стрел в мезолите Карелии // СА. 1987. № 3. С. 14–27.
- Формозов А. А.* Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М.: Изд-во АН СССР. 1959. – 124 с.
- Хлобыстин Л. П.* Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культуры Севера Евразии. СПб. 1998. – 342 с.
- Человек заселяет планету Земля. Глобальное расселение гоминид // Сборник материалов международного симпозиума «Первичное расселение человечества». М.: Наука. 1997. – 303 с.
- Шер Я. А.* Еще об археологических источниках и заключенной в них информации // Археолог: детектив и мыслитель. Сборник статей, посвященный 77-летию Льва Самойловича Клейна / Отв. редакторы: Л. Б. Вишняцкий, А. А. Ковалёв, О. А. Щеглова. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета. 2004. С. 114–123.
- Янитс Л. Ю.* Новые данные по мезолиту Эстонии // МИА. Вып. 126. М.-Л.: Наука. 1966. С. 114–123.
- Янитс К. Л.* Происхождение и развитие кундской мезолитической культуры // Шестой международный конгресс финно-угроведов. Тезисы докладов. Сыктывкар. 1985. Т. 4. С. 125.
- Янитс К. Л.* Мезолитическая стоянка в Лепакосе (центральная Эстония) // Известия Академии наук Эстонской ССР. Таллин. 1975. № 24/1. С. 70–73.
- Indreko R.* Mesolitische und fruhneolitische Kulturen in Osteuropa und Westsibieren. Stockholm. 1964.
- Butrimas A., Ostrauskas T.* Tanged points cultures in Lithuania. Lublin. 1999. P. // Tanged points cultures in Europe. Read at the International archaeological symposium, 1993 / S. Kozlowski & L. Zaliznyak (eds.). Lublin, 1999: Maria Curie-Sclodowska University Press. P. 267–271.
- Jaanits K.* Eesti mesoliitised tulekivist nooleotsikud // Известия Академии наук Эстонской ССР. Таллин. 1973. № 3. С. 305–314.
- Jaanits L., Jaanits K.* Fruhmolithische Siedlung in Pulli // Известия Академии наук Эстонской ССР. Таллин. 1975. № 1 (Вып. 24). С. 64–70.
- Jaanits L., Jaanits K.* Ausgrabungen ger fruhmesolithischen Siedlung von Pulli // Известия Академии наук Эстонской ССР. Таллин. 1978. № 1 (Вып. 27). С. 56–63.
- Jaanits K.* Neur ausgrabungen in Lepakose // Известия Академии наук Эстонской ССР. Таллин. 1978. № 1 (Вып. 27). С. 323–326.

- Jaenits K.* Die mesolithischen Siedlungsplätze mit Feuersteininventar in Estland // Mesolithicum in Europa. 2 International Symposium. Potsdam. April, 1978. Berlin. 1981. P. 389–399.
- Galinski T.* Mezolit Europy. Szczecin. 1997. – 260 p.
- Galinski T.* Mesolithicum of Europe. Szczecin. 2001. – 248 p.
- Koltsov L. V., Zhilin M. G.* Tanged points cultures in the upper Volga Basin // Tanged Points cultures in Europe. Read at the International archaeological symposium, 1993 / *S. Kozłowski & L. Zaliznyak (eds.)*. Lublin, 1999: Maria Curie-Sclodowska University Press. P. 295–310.
- Kozłowski S. K.* Pradzije ziem polskich od IX do V tysiąclecia p. n. e. Warszawa. 1972. – 210 p.
- Kozłowski S. K.* Mesolithic in Poland. A new approach. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego. 1989. – 246 p.
- Kozłowski S. K.* A Survey of early Holocene Cultures of the Western Part of Russian Plain // The Mesolithic in Europe / Papers Presented at the Third International Symposium, Edinburgh, 1985 / *C. Bonsal – ed.* Edinburg. 1991.
- Kozłowski J. K., Kozłowski S. K.* Pradzieje Europy od XL do IV tysiąclecia p.n.e. Warsawa. 1975. – 504 p.
- Loze I., Liva A.* Radiocarbon datings of the Mesolithic of Eastern Baltic (after materials of habitation sites) // *Latvijas zinātņu akadēmijas vestis*. Riga. 1990. #10. P. 78–85.
- Neolithic in Turkey. The Cradle of Civilization: New Discoveries // Ancient Anatolian civilizations series. Vol. 3 / *Ed. by M. Ozdoğan, N. Başgelen*. Istanbul: Arkeoloji Ve Sanat Yayınları. 1999. 236 p., 203 p. pl.
- Ostrauskas T.* Mesolithic Kunda culture. A glimpse from Lithuania // *De temporibus antiquissimis ad honorem Lembit Jaenits*. Tallinn. 2000. P. 167–180.
- Prahistoria ziem Polskich. Paleolit i mezolit / *W. Chmielewski, R. Schild, H. Wieckowska – eds.* Wrocław: Zakład Narodowy Imienia Ossolińskich. 1975. T. 1. – 458 p.
- Schild R.* Nowy przemysł cyklu magdalenskiego w Polsce // *Archeologia Polski*. Wrocław, Warszawa, Kraków. 1965. T. 10. P. 115–150.
- Schild R.* Pozny paleolit // *Prahistoria ziem Polskich. Paleolit i mezolit*. Wrocław: Zakład Narodowy Imienia Ossolińskich. 1975. P. 159–338.
- Sorokin A. N.* On the problem of influence of Volga-Oka mesolithic to the origine of Kunda culture // *L'Europe des derniers chasseurs: epipaleolithique et mesolithique. Actes du 5-e colloque international UISPP, commission XII, Grenoble, 18–23 septembre 1995*. Edite par Andre Trevenin, sous la direction scientifique de Pierre Bintz. Paris: Editions du CTHS, 1999a. P. 425–428.
- Sorokin A. N.* Neighbours of the Butovo culture on the Upper Volga and Oka river // Tanged points cultures in Europe. Read at the International archaeological symposium, 1993 / *S. Kozłowski & L. Zaliznyak (eds.)*. Lublin, 1999: Maria Curie-Sclodowska University Press. 1999b. P. 311–317.
- Sulgostowska S.* Final Palaeolithic Masovian Cycle end Mesolithic Kunda culture relations // Tanged points cultures in Europe. Read at the International archaeological symposium, 1993 / *S. Kozłowski & L. Zaliznyak (eds.)*. Lublin. 1999. P. 85–92.

- Taute W.* Die Stielspitzen-Gruppen in Nordlichen Mitteleuropa. Ein Beitrag zur Kenntnis der späten Altsteinzeit. *Fundamenta*, Reihe A, Band 5. Köln: Graz. 1968. – 512 p.
- Weickowska H.* Społeczności łowiecko-rybackie wczesnego holocenu // *Prahistoria ziem Polskich. Paleolit i mezolit*. Wrocław. 1975. P. 339–434.
- Zagorska I.* Das Frühmesolithikum in Lettland // *Mesolithikum in Europa. 2-nd Internationales Symposium Potsdam, 3 his 8 April, Bericht, Veröffentlichungen des Museums für Ur- und Frühgeschichte Potsdam 14/15 / B. Gramsch (ed.)*. Berlin. 1981b. P. 73–82.
- Zagorska I.* The Mesolithic in Latvia // *Acta Archaeologica*. 1994. # 63. P. 97–117.
- Zagorska I.* Salaspils Laukskolas akmens laikmeta apmetne (Salaspils Laukskola Stone Age settlement) // *Arheologua un etnografua*. Riga: Latvijas vestures Instituta APGADS. 1994. XVI. P. 14–28 (*in Latvian*).
- Zagorska I.* Vēlā paleolita krama kātveida bultu gali Latvija // *Arheologua un etnografua*. Riga: Latvijas vestures Instituta APGADS. 1996. XVI. P. 181–190. (*in Latvian*).
- Zagorska I.* Late Palaeolithic Finds in the Daugava River Valley // *The Earliest Settlement of Scandinavia and its Relationship with neighbouring Areas / L. Larsson (ed.) / Acta Archaeologica Lundensia*. 1996. Series in 8°. # 24. P. 263–272.
- Zagorska I.* The Earliest Settlement of Latvia // *Environmental and Cultural History of the Eastern Baltic Region / PACT: Journal of the European Network of Scientific and Technical Cooperation for Cultural Heritage / Ed. by U. Miller, T. Haskens, V. Lang, A. Raukas and S. Hicks*. Belgium: Rixensart. 1999. # 57. P. 131–156.
- Zagorskis F.* Zvejnieku akmens laikmeta kapulauks. Riga. 1987. – 132 p.
- Zhilin M. G.*, 1996. The Western Part of Russia in the Late Palaeolithic – early Mesolithic // *Earliest Settlement of Scandinavia / Ed. L. Larson. Acta Archaeologies Lundensia. Series in 8°; No. 24* Stockholm: Almquist & Wiksell International. P. 273–284.

Архивные материалы

- Кольцов Л. В.* Отчет о полевых работах первого отряда Калининской экспедиции в Ржевской районе Калининской области в 1986 г. М. 1987 // Архив ИА РАН. P-1. № 11750.
- Янитс К. Л.* Кремневый инвентарь стоянок кундасской культуры / Дис. ... канд. ист. наук. Таллин. 1990 // Архив ИА РАН. P-2. № 2450.

6: СЫРЬЕВЫЕ СТРАТЕГИИ В ПРАКТИКЕ ПАЛЕОЛИТА¹

Введение

Обращение к тем или иным фундаментальным понятиям археологии происходит далеко не всегда специально, как говорят – по задумке авторов. Не знаю как другим, а мне почему-то чаще приходится сталкиваться с ними не при чтении специальной литературы и не тогда, когда рецензирую или сам пишу заявки в известные всем отечественные фонды, и даже не тогда, когда участвую в академических программах, а совсем неожиданно. Причём там, где, казалось бы, подобной проблематике не то чтобы совсем не место, но её там трудно ожидать. Как показала практика, многие фундаментальные проблемы чаще всего обнажаются в ходе решения вполне рядовых вопросов. Не берусь судить, как у других, а со мной подобное обычно происходит при рецензировании статей молодых и начинающих исследователей. А также тогда, когда приходится писать отзывы на авторефераты или рукописи кандидатских диссертаций.

Юные авторы, то ли в силу избыточной энергии, то ли переизбытка сваливающейся на них информации, то ли от своего максимализма и не всегда глубокого знания предмета, о котором они берутся писать или судить, умудряются поднять и походя «решить» такие глобальные вопросы, пласты и темы, над которыми безуспешно бьются многие поколения археологов. Свобода в суждениях, однако, далеко не всегда бывает им присуща, гораздо чаще встречаются штампы, характерные и для маститых исследователей. Но мы настолько уже привыкли к подобным клише и профессиональному сленгу в работах коллег старшего поколения, что практически не обращаем на них внимания, и только тогда, когда они звучат чуть более угловато или резко, неожиданно для себя мы вдруг осознаём, что «король-то голый». Разумеется, подобное встречается далеко не во всех работах начинающих исследователей, но тем и ценны бывают произведения юных и наиболее из них талантливых, что нет-нет, да и пре-

¹ Воспроизводится по статье: А. Н. Сорокин. Сырьевые стратегии в практике палеолита // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2014. Т. 7. С. 81–96.

доставляют возможность старикам взглянуть на стандартные понятия археологии под новым, неожиданным углом или задуматься, а что же стоит за азбучными истинами, за нашими стандартными расхожими представлениями о том или ином понятии, феномене? Вот и непосредственным поводом для этого очерка послужил автореферат начинающего, но, безусловно, одаренного исследователя – Е. В. Дороничевой (2013а), исключительно волею случая доставшийся мне на рецензирование. Темой автореферата служит использование сырья населением Северо-Западного Кавказа в среднем и верхнем палеолите. В силу своих профессиональных пристрастий я никак не могу отнести себя к числу исследователей мустье и даже верхнего палеолита, хотя и бывал на ряде классических памятников, однако вопросы добычи, транспортировки и применения сырья, а также образа жизни и поведения первобытного человека служат предметом и моего пристального интереса. Более того, они являются общими для всего каменного века вне зависимости от конкретных пристрастий тех или иных исследователей. Вот почему я и взял на себя смелость не только поучаствовать в обсуждении этой темы, но и вынести свои суждения на суд читателей. Итак, перейду к изложению конкретного отзыва.

Вводные замечания

В современной археологии всё большую роль начинают приобретать естественнонаучные методы исследования, что неудивительно, ибо их применение

позволяет существенно расширить познавательные возможности традиционных видов археологических источников. Одним из таких методов служит петроархеологический, блестящее применение которого продемонстрировано Е. В. Дороничевой. Изучение образцов сырья и артефактов из кремня и обсидиана с помощью петрографии, спектрометрии и рентгенофазового анализа позволяет с высокой долей вероятности определить происхождение минералов и «привязать» стоянки к конкретным месторождениям. Это чрезвычайно важно для выяснения образа жизни древнего населения, его миграций, общей поселенческой структуры, реального жизненного пространства и, в конечном итоге, служит прояснению конкретной истории региона. Всего Е. В. Дороничевой были изучены коллекции шести стоянок, на которых просмотрено 15169 каменных артефактов (Дороничева, 2013а, с. 4–5). Это весьма выразительная выборка, особенно если учесть, что практически все памятники многослойные. Кроме того, ею было обследовано в поле 15 месторождений кремня (Дороничева, 2013а, с. 10). По тексту, правда, не ясно, какое количество образцов подверглось петрографическому и рентгенофазовому изучению? Тем не менее, впервые материалы обширного региона Северо-Западного Кавказа были подвергнуты фундаментальной проработке, что позволило достоверно определить месторождения, из которых поступали сырьевые ресурсы в течение значительного отрезка времени (более 100 тыс. лет).

Историографический очерк

Следует заметить, что впервые петрография начала использоваться в нашей стране применительно к стоянкам каменного века ещё в 1950–1960-е гг. Значительную роль в этом сыграли работы канд. геол.-минер. наук Г. М. Ковнурко (1962, 1963, 1971), в которых был очерчен ареал карбоновых и меловых месторождений кремня на территории Восточной Европы и определена сырьевая база ряда известных к тому времени индустрий. К сожалению, этот сюжет оказался неизвестен Е. В. Дороничевой. А вот положительный опыт спектрографического изучения В. В. Наседкиным армянского обсидиана (*Наседкин, Формозов, 1965*) и В. Ф. Петрунем (1969, 1971) кремневых изделий ряда мустьерских стоянок Крыма, включая Староселье и Кабази, она, что отрадно, упоминает. Напомню и то, что в начале 1990-х гг. В. И. Тимофеевым (*Галибин, Тимофеев, 1993; Тимофеев, 1993*) на основе спектрального анализа кремня, выполненного В. А. Галибиным, было доказано распространение в эпохи мезолита и неолита качественного мелового фиолетового кремня из месторождений Верхнего Поволжья в Прибалтику. Это позволило исключить тезис о влиянии населения кундской культуры на популяции Центральной России (*Жилин, 2000*) и пересмотреть традиционную схему заселения Прибалтийского региона (*Сорокин, 2004, 2006*). Наряду с теми сведениями, которые приводит в своей рукописи Е. В. Дороничева, особенно если их расположить в хронологической последова-

тельности, становится понятным, что петрографическое изучение сырья и артефактов успешно проводилось и в нашей стране, причём ничуть не позднее, чем в Западной Европе.

Обсуждение проблемы

Не буду детально анализировать главы 2 – «Источники исследования», 3 – «Методика исследования» и 4 – «Месторождения кремня, связанные со стоянками палеолита на Северо-Западном Кавказе». Замечу лишь, что все они выполнены на высоком научном уровне и показывают профессиональное владение диссертантом методикой аналитических исследований, знание материала и литературы. Остановлюсь подробнее на содержании главы 1 – «История изучения источников каменного сырья и способов их использования человеком среднего и позднего палеолита Западной Евразии» и трех аналитических глав: 5 – «Сырьевые стратегии древнего человека в среднем палеолите Северо-Западного Кавказа», 6 – «Сырьевые стратегии древнего человека в позднем палеолите Северо-Западного Кавказа» и 7 – «Сравнительный анализ сырьевых стратегий в среднем и позднем палеолите на Северо-Западном Кавказе», а также коснусь основных выводов работы. Необходимо сразу отметить, что главное достоинство диссертации Е. В. Дороничевой состоит в том, что ей удалось определить реальные источники сырьевых ресурсов, которыми пользовались на конкретных стоянках. Немаловажен и тот факт, что ею освоена и пунктуально применена

на практике адекватная методика петроархеологического анализа материалов конкретного полигона. Нет сомнения, что работа Е. В. Дороничевой заслуживает самой высокой оценки, она вызывает законный интерес и требует, после незначительной стилистической правки, скорейшей публикации. Тем не менее в ней содержится ряд дискуссионных положений и утверждений, которые не просто необходимо обозначить, но и попытаться переосмыслить до передачи рукописи в издательство. Полагаю, что наименее удачно написана историографическая глава 1. Поскольку она чрезвычайно скупо изложена в автореферате, приходится прибегнуть к самой рукописи (Дороничева, 2013б). Несмотря на её общую содержательность, историографический раздел требует переформатирования, ибо начат он с Франции. Работы французских исследователей имеют бесспорное значение для палеолитоведения и мировой науки в целом, однако начинать данный раздел всё же было бы лучше с территории России, изучению материалов которой и посвящена рецензируемая работа. И тут уместно сначала обратиться к истории изучения Кавказа в целом или его конкретного Северо-Западного региона. А здесь, как известно, приоритетное значение имеют работы С. Н. Замятина (1934, 1961), А. А. Формозова (1965, 1971, 1977), П. У. Аутлева (1973, 1994), В. П. Любина (Любин, 1970, 1977, 1984, 1989, 1994; Любин, Беляева, 2009), Н. О. Бадера (1984), В. Е. Щелинского (Щелинский, 1974; Щелинский,

Кулаков, 2005) и Х. А. Амирханова (1986). Разумеется, не лишне в их числе будет вспомнить Л. В. Голованову и В. Б. Дороничева (Голованова, 1994; Голованова, Дороничева, 2003; Голованова, Дороничев, Левковская и др., 2006; Дороничев, Голованова, Барышников и др., 2007), материалы полевых исследований которых составили фундамент обсуждаемой рукописи.

Основная масса сведений, как по Восточной, так и Западной Европе, которая приводится в главе 1, весьма поздняя: за редким исключением это публикации 1990-х – начала 2000-х гг. Досадно, но в историографии нет анализа работ Г. А. Бонч-Осмоловского по Киик-Коббе (1940), П. П. Ефименко по Костёнкам 1 (1958), А. А. Формозова по Крыму (1958) и Прикубанью (1965, 1971, 1977), Ю. Г. Колосова по крымским мустьерским стоянкам в окрестностях г. Белогорска (1983, 1987), В. П. Любина (1970, 1977, 1984, 1989, 1994) по мустьерским памятникам Кавказа. А ведь это реальная отечественная классика. Да и вопросов использования сырья, в рамках обсуждаемых тем, все они, так или иначе, касались. Пропущены в главе 1 работы Р. Шильда (Schild, 1964, 1975, 1976, 1989) по финальному палеолиту Польши, где имеется детальный разбор «сырьевого вопроса», а среди публикаций З. Сулгостовской упомянута единственная статья 2006 г. (Sulgostowska, 2006), тогда как её статьи 1989, 1999, 2001 гг. и монография 2005 г. (Sulgostowska, 1989, 1999, 2005; Сулгостовска, 2001) о структуре свидерских поселений и сырьевой базе остались Е. В. Дороничевой неизвестными.

Сведения по памятникам Русской равнины довольно скудны и начинаются почему-то со статьи В. И. Беляевой 2006 г. (Дороничева, 2013б, с. 18, 19). Правда, чуть ниже написано: «Самый подробный анализ использования кремня в костёнковских памятниках принадлежит П. И. Борисковскому (1963)» (Дороничева, 2013б, с. 20). Потом, однако, перечисляются достаточно поздние работы по территории Украины (Сапожникова, Коробкова, Сапожников, 1995; Степанчук, 2006, Колесник, 2003) и вдруг совсем неожиданно вспоминается более ранняя работа по сырью мустьерских стоянок Крыма, принадлежащая В. Ф. Петруню (1969, 1971). Не ясно, почему отмечены поздние работы украинских исследователей В. П. Чабая (2004) и В. Н. Степанчука (2002, 2006) по мустьерским стоянкам Крыма (Дороничева, 2013б, с. 22–24). Зато совсем не упомянуты труды Г. А. Бонч-Осмоловского (1940), А. А. Формозова (1958, 1959, 1977) и Ю. Г. Колосова (1983, 1986), чей вклад в изучение мустьерской культуры Крыма в целом и вопрос о сырьевых ресурсах конкретных стоянок в частности – неоспорим. Краткая история изучения памятников Кавказа, размещенная после Леванта, тоже стартует почему-то с 1990-х гг., а основополагающая монография В. П. Любина (1977) упоминается значительно позже публикаций начала 2000-х гг. (Дороничева, 2013б, с. 26–28). Верно отмечая, что история изучения сырьевых стратегий на Северном Кавказе начинается с исследований Ильской стоянки С. Н. Замятниным (1934), повествование почему-то тут же

перескакивает на 1980-е и 2000-е гг. (Дороничева, 2013б, с. 29). Полагаю, нет необходимости продолжать, и сказанного достаточно, что глава 1 требует серьезной переработки.

Теперь, что касается аналитической части. Не подвергая сомнению полевые наблюдения и лабораторные исследования, детально описанные и лежащие в основе работы (главы 2–4), остановлюсь лишь на некоторых выводах Е. В. Дороничевой, которые изложены в ряде случаев достаточно прямолинейно, но допускающих, по моему мнению, иную, чем предложено, интерпретацию. Сначала о понятии «сырьевые стратегии». В автореферате его толкование отсутствует, но оно имеется в основном тексте, что, правда, не совсем равноценно. Е. В. Дороничева пишет: «Понятие “сырьевые стратегии” включают в себя изучение месторождений сырья, методов его транспортировки, расстояний, на которые оно переносилось, и вариантов использования» (Дороничева, 2013б, с. 64). При этом отмечает, что «Каменное сырьё в материалах стоянок делилось на “местное” (доставлявшееся с расстояния 2–5 км) и “приносное” (приносившееся с расстояния более 5 км)» (Дороничева, 2013б, с. 67). Попробуем с этим разобраться подробнее. В «Словаре иностранных слов» даются два толкования термина «стратегия», первое из них – это «высшая область военного искусства, охватывающая вопросы теории и практики подготовки вооруженных сил к войне и её ведению». Второе – «искусство руководства общественной, политической борьбой,

общий план ведения этой борьбы...» (Словарь иностранных слов, 1989, с. 486). Как видим, ни то, ни другое не подходит к понятию «сырьевые стратегии», прежде всего потому, что корректного доказательства наличия такого целеполагания у неандертальцев, если судить по литературе, нет. Да и с сапиенсами дело обстоит не лучше. Значит, речь в конкретном случае идёт лишь об обычном заимствовании иностранного термина, но кальки не всегда хороши. Впрочем, диссертант вправе, разумеется, использовать любые термины, если они адекватно отражают понятия, и им нет русских эквивалентов, что не совсем так в конкретном случае. Во всяком случае, для разнообразия в тексте вполне можно было использовать и более нейтральные понятия, как освоение (использование) сырьевых ресурсов, выбор залежей или поиск месторождений и добыча сырья. Тем не менее, отрясаясь от словарных значений, если следовать логике Е. В. Дороничевой, под стратегией следует понимать выработку осознанного алгоритма поведения. Попробуем разобраться, насколько это могло иметь место в древности? Прежде всего напомним, что Е. В. Дороничева озаглавила свою работу как «сырьевые стратегии древнего человека» и один из основных выводов, к которому она приходит, состоит в том, что неандертальцы довольствовались главным образом местным, часто низкокачественным камнем (Дороничева, 2013а, с. 19). В этой связи возникает вопрос, можно ли вообще назвать стратегией сбор сырья в местах обитания? Или это, напротив, отсутствие

какой бы то ни было стратегии? Думаю, скорее, второе. Полагаю, за подобным выбором (предпочтением) скрывается не модель поведения, а совсем другое: технологическая обусловленность, точнее её полное отсутствие, своеобразная сырьевая неприхотливость. Недаром и распространён на изучаемых территориях Северо-Западного Кавказа был микок, когда требования к сырью были минимальными, и пригодным для расщепления был практически любой более-менее колющийся материал. А вот поиск месторождений качественного кремня – это реальные усилия (действия) или, если следовать терминологии Е. В. Дороничевой, «стратегии», но доказательств их присутствия у неандертальцев в тексте не приведено. Следовательно, вопрос о наличии оных в популяциях неандертальцев остаётся открытым. Вслед за этим возникает новый вопрос, а были ли они присущи сапиенсам?

Поведенческая модель

Чтобы ответить на данный вопрос, придётся рассмотреть другой сюжет, связанный с зональностью. Здесь приходится заметить, что используемое Е. В. Дороничевой деление на три зоны разной удаленности стоянок от источников каменного сырья (ближняя – до 5 км, средняя – 5–70 км и дальняя – 70–300 км) (Дороничева, 2013а, с. 12, 13), хоть и заимствовано из западной литературы, довольно далеко от действительности, ибо оно достаточно произвольно и не соотносится с практическими возможностями человека. Мало

того, что невозможно, как справедливо отмечает Е. В. Дороничева, подсчитать конкретный километраж в условиях гористой местности и пересечённого рельефа, здесь практически никак не учитывается бытовая составляющая образа жизни и физические возможности первобытного человека. А также остаётся вне поля зрения сезонная цикличность передвижений первобытных коллективов, которую никто пока достоверно не отменил и возможность которой Е. В. Дороничева допускает (*Дороничева, 2013б, с. 17, 18, 35, 68, 151, 177*). Полагаю, что в конкретном случае рациональнее подходить не с произвольными цифрами, а с иной, вполне практической, меркой. Совершенно очевидно, что при расчётах в качестве таковой должен использоваться не случайный километраж, а вполне адекватный и хорошо известный шаг в «день пути». Несложный подсчёт показывает, что при пешем образе жизни сходить за камнем и вернуться к месту стоянки в течение одного дня можно в среднем на расстояние не более 20–25 км. То есть в соответствии с «днём пути» общая длина маятникового перехода могла составлять порядка 40–50 км. Это и есть реальная ближняя зона передвижений. Разумеется, поправку надо делать на пересечённость местности и другие неблагоприятные условия, которые могут это расстояние резко сократить, но вряд ли до 5 км. Не повредит учесть и время, затраченное на сборы, что также могло реально сказываться на преодолеваемых расстояниях. Но это как раз и позволяет говорить о мак-

симально возможной протяженности маршрута, а не об абсолютной и, тем более, идеальной. Средняя зона не может превышать двухдневных переходов с одной ночной остановкой. В цифрах это составит, по-видимому, те же 40–50 км, но в одну сторону, и столько же предстоит пройти на следующий день уже с грузом – в обратную. Подобный переход осуществим на взятых в дорогу съестных припасах, без существенного пополнения оных. Передвижение на расстояние свыше 50 км в подобном же темпе невозможно. Для этого потребуется или специально организованная «экспедиция» или транспортировка сырья в рамках годового, хозяйственного цикла, когда движение с грузом осуществляется спорадически, от одной временной стоянки до другой, от мест летнего проживания к местам зимовки или наоборот, пока груз не будет благополучно доставлен на базовую стоянку. Точнее, это будет не столько груз, сколько изделия, использовавшиеся в быту и «кочующие» вместе с человеком. Судя по всему, именно такие перемещения ресурсов и были характерны для первобытного населения. Но в этих случаях придётся говорить не о «сырьевой стратегии», а об общей мобильности населения в рамках сезонной цикличности. Понятно также, что при подобном алгоритме в запасах практически не остаётся необработанного сырья, носить которое вообще нецелесообразно, будет отмечаться единичность, точнее случайность, нуклеусов и заготовок, малочисленность крупных форм и, напротив, многочисленность

комбинированных и переоформленных орудий мелких размеров. Это и показывают археологические реалии, когда удаётся проследить взаимосвязь артефактов с конкретными месторождениями, разделенными расстояниями в 500–800 и более километров (*Gordon, 2003, Сулгостовска, 2001*). Таким образом, подсчёт показывает, что всё сырьё в радиусе до 50 км является «местным», а всё, что выше этой цифры – «импортным» или «приносным». Это означает, что в результате понятие «стратегии» превращается в банальную сезонную цикличность, основанную на памяти, как единственном способе сохранения и передачи информации в первобытном обществе, и годовом хозяйственном цикле. Возникает вопрос, можно ли разделить специальный «поход за камнем» от его транспортировки в ходе сезонных кочевок? Думаю, исключено, ведь археология фиксирует лишь сам факт перемещения предметов в пространстве, но никак не скорость транспортировки и даже не то, происходило ли это в один сезон или процесс длился несколько лет. Фактически, в случае удачи археологически фиксируется общая протяженность маршрута, но не его конкретные отрезки и время их преодоления. Значит, вывод о мобильности тоже остаётся за рамками строгого наблюдения. Есть и другая сторона. Привязанность к «местным месторождениям» вообще лишает всякой основы идею мобильности, ибо она может фиксироваться исключительно присутствием экзотических артефактов и никак иначе. Повторюсь, если ис-

пользуется экспонированная на поверхности «местная» залежь, вопрос передвижений популяций археологически вообще неразрешим. Лишь энное число пунктов одного времени может локализовать ареал и сделать территорию культуры осязаемой, но это не имеет отношения к вопросам сырьевых стратегий, впрочем, как и мобильности.

Миграции животных, как известно, определяются климатом, экологией, сменой времен года, этологией конкретных видов и неременной естественной сезонной цикличностью. Никому не приходит в голову рассматривать передвижения животных в пространстве как стратегию. Следовательно, и в отношении доисторических популяций должны быть продуманы и выработаны критерии, позволяющие отличить их естественные сезонные подвижки (кочевья, миграции) от осознанного поведения, целеполагания или, иначе, стратегии. Я вынужден склоняться к первому – биологической практике выживания вида и естественном характере сбора сырья, ибо для тех времен, о которых идёт речь, преднамеренную организацию специальных походов за камнем предполагать не приходится. Во всяком случае, доказать это невозможно. Всё сказанное свидетельствует, что любые заимствования должны быть осознанными, поэтому основные понятия археологии, в том числе, казалось бы, ясные и очевидные, требуют своего теоретического обоснования и практической разработки, а не слепого калькирования. Не буду останавливаться

на других, применяемых часто без пояснения, понятиях, как круговая, радиальная, резидентная и логистическая мобильность, стоянки активного обитания или довольно неопределённом своим географическим содержанием термине «Западная Евразия», которым открывается глава 1 диссертации. Но более всего неудачно использование Е. В. Дороничевой термина «эпипалеолит» (Дороничева, 2013а, с. 4, 14, 16, 17, 21), куда она относит материалы, возраст которых определяется в 17–10 тыс. л. н. Следует упомянуть, что использует она его без всякого пояснения, как в автореферате, так и в рукописи. Однако не всякое заимствование полезно.

О терминологии и стилистике

Как известно, «эпи» – это первая часть сложных слов, обозначающая «расположение поверх чего-либо, после чего-либо, следование за чем-либо» (Словарь иностранных слов, 1989, с. 602). Если дословно, то в конкретном случае он должен обозначать «после палеолита», т. е. это синоним мезолита. В этой связи уместно напомнить, что термин эпипалеолит использовался в таком значении вплоть до середины XX в., когда после дискуссии 1950–1960-х гг. ему на смену и пришёл другой, ныне принятый, – «мезолит». Последняя, кто употреблял термин «эпипалеолит», была Р. К. Римантене (1971), которая подразумевала под ним голоценовые стоянки, в инвентаре которых имеются пережиточные палеолитические черты. Реанимация этого слова в работе Л. В. Головановой и В. Б. Дороничева

(2012) вряд ли удачна, ибо им они обозначают позднеплейстоценовые памятники, позднепалеолитический возраст которых никем под сомнение не ставится. В настоящее время устоявшимся считается подразделение верхнего палеолита на ранний и поздний этапы или раннюю и позднюю пору, хронологические рамки которых заключены в интервалы 40–20 и 20–10 тыс. л. н. Более того, в рамках позднего этапа в европейской литературе выделяется эпоха финального палеолита (14/13,5–10 тыс. л. н.). На этом фоне возвращение термина эпипалеолит ничего, кроме путаницы, не прибавляет.

В ряде случаев в рукописи присутствует довольно прямолинейное и однозначное, причём не всегда верное, толкование полевых наблюдений. Например, в разделе 7.3 Е. В. Дороничева утверждает: «... перемещение обсидиана позволяет говорить об определённых контактах, существовавших с начала верхнего палеолита между этими группами населения... Анализ изделий из обсидиана, которые поступали с юга Грузии, в ранних верхнепалеолитических слоях Мезмайской пещеры подтверждает культурные связи населения этих территорий» (Дороничева, 2013б, с. 172). Или другое: «Анализ изделий из обсидиана, который поступал с юга Грузии в ранние верхнепалеолитические слои Мезмайской пещеры, подтверждает культурные связи населения Северо-Западного и Южного Кавказа...» (Дороничева, 2013б, с. 179). Возникает вопрос, почему это контакты и связи, а не использование разными популяциями одних

и тех же месторождений, причём в разное время и независимо друг от друга при практическом отсутствии каких-либо связей или контактов? Но ответа, разумеется, нет.

В разделе «7.1 Месторождения кремня и расселение человека» утверждается: «В начале верхнего палеолита происходят значительные изменения в стратегиях использования сырья. Вероятно, с внедрением пластинчатой техники расщепления, люди стали способны транспортировать большее количество нужного им качественного сырья на большие расстояния» (Дороничева, 2013б, с. 167). Здесь явно имело место совсем иное: пластинчатая техника невозможна на плохом некачественном сырьё – это заставляло людей целенаправленно искать месторождения, фактически привязывало человека к сырьевым источникам, следовательно, дело не в способности или появлении каких-то новых возможностей, а в примате необходимости транспортировки камня к местам обитания. Ниже Е. В. Дороничева продолжает: «Это нашло отражение в том, во-первых, что стоянки верхнего палеолита были менее привязаны к местным источникам каменного сырья. А во-вторых, это сделало группы ранних сапиенсов более мобильными, чем были неандертальцы, что также, вероятно, способствовало активному широкому расселению ранних сапиенсов и освоению новых экологических ниш...» (Дороничева, 2013б). Оба утверждения неточны, во-первых, потому, что плохие желваки не представляли для сапиенсов с пластинчатой техноло-

гией производственного интереса, поэтому речь о «меньшей привязанности» не идёт. И, во-вторых, потому что основу выживания человека составляет не камень, а пищевые ресурсы. Судя по всему, мобильность (подвижность) сапиенсов определялась весьма прозаично: отсутствием достаточного количества фауны рядом с месторождениями качественного сырья. А вот микокская технология неандертальцев, не требовавшая качественного сырья и позволявшая довольствоваться тем, что имелось в избытке, делала их независимыми от конкретных месторождений и, естественно, территорий. Их способность использовать любое сырьё делало их свободными в выборе мест обитания. В этом отношении технический прогресс оказался куда как более зависимым и привязал сапиенсов к месторождениям качественного сырья.

Не могу согласиться и с утверждением, прозвучавшем в разделе «7.3 Способы транспортировки сырья», что «... возможность транспортировать сырьё в виде нуклеусов была связана... с внедрением пластинчатой техники расщепления. Это повысило мобильность человека, и было существенным прорывом по сравнению с неандертальцами, привязанными к источникам местного сырья» (Дороничева, 2013б, с. 172). Смее утверждать, что мобильность человека не зависит от технологии каменного производства, напротив, пластинчатая технология жёстко привязывает человека к источникам качественного сырья, и, значит, ограничивает способность к передвижениям. Передвигаться

его заставляет другое, более важное обстоятельство: отсутствие достаточного объёма пищи в местах сосредоточения качественных сырьевых запасов, что и позволяет фиксировать реальные границы территории обитания сапиенсов, в отличие от ареала неандертальцев. По мнению Е. В. Дороничевой, «...местное сырьё в Мезмайской пещере использовалось только для получения ретушированных отщепов и почти никогда из него не делались пластинки, микропластинки, скребки и резцы, изготавливавшиеся из приносного высококачественного сырья» (Дороничева, 2013б, с. 173). Здесь то же самое: спутаны причина и следствие. Качество местного сырья не позволяло получать из него пластинки и микропластинки, поэтому они и не изготавливались из плохих желваков и, напротив, отсутствие качественного сырья вынуждало человека отправляться за ним к местам его залегаания. Вызывает возражение и утверждение, что «в верхнем палеолите пластинчатая технология расщепления обеспечила человеку меньшую зависимость от локальных ресурсов, более высокую мобильность и возможность расширения территории обитания» (Дороничева, 2013б, с. 178). Уверен, что в действительности всё было с точностью до наоборот: из-за изобретения и внедрения пластинчатой технологии люди вынужденно стали более избирательны в своих предпочтениях. Они просто обязаны были отказаться от некачественного сырья, это жестко привязало их к сырьевой базе. Увеличилась ли при этом

мобильность, сказать невозможно. Да, археологические материалы благодаря качественному кремню позволяют чётче фиксировать территории обитания сапиенсов, ибо легко узнаваемы в отличие от изделий неандертальцев. А вот хозяйственная территория неандертальцев на фоне нелокализуемых площадей плохого каменного сырья не очень поддаётся очерчиванию. Повторюсь, ориентация неандертальцев на местное сырьё не говорит об их низкой мобильности. Неприхотливость к сырью – это всего лишь показатель «всеядного» характера их каменной технологии. А разнесённость месторождений и артефактов в пространстве у сапиенсов тоже не указывает на их высокую подвижность, а отражает исключительно кормовую территорию популяций, ибо время движения нам, увы, неизвестно.

Есть, к сожалению, в тексте и стилистические погрешности, из которых упомяну всего три. Первая из этих фраз завершает автореферат: «В верхнем палеолите поступление обсидиана с юга Грузии на Северо-Западный Кавказ, наряду с культурной близостью, дают основание говорить о существовании контактов между этими территориями... (здесь и далее курсив мой – А. С.)» (Дороничева, 2013а, с. 24, 25). Две другие значатся в основном тексте. Там, в разделе «7.2 Мобильность и освоение территорий» можно прочесть: «... Так как в изученных коллекциях Кавказа минусский кремль представлен единичными орудиями, мелкими осколками и чешуйками, то можно предположить,

что *неандертальцы* Северо-Западного Кавказа, индустрии которых были близки памятникам Приазовья, имели контакты с этими территориями... Данные по обсидианам позволяют говорить о связях стоянок восточного микока региона с Центральным Кавказом (200–250 км)» (Дороничева, 2013б, с. 169–170). А в разделе «7.3 Способы транспортировки сырья» использовано не менее неудачное выражение: «... можно предположить, что более широкие ареалы, в том числе перемещений каменного сырья, были характерной чертой неандертальцев восточного микока...» (Дороничева, 2013б, с. 177). В этой связи остаётся лишь сожалеть о трагической судьбе бедных неандертальцев и напомнить, что общаться и контактировать могут исключительно люди, причём друг с другом, а никак не с территориями!

Заключение

В завершении обзора необходимо, однако, сказать следующее. Основная масса высказанных замечаний не служит свидетельством некачественной работы Е. В. Дороничевой. Напротив, дискуссионность выдвигаемых положений – ещё одна, причём главная и ценнейшая черта обсуждаемой диссертации. В отзыве очерчен круг спорных проблем, которые предстоит решать, и таких проблем немало. А это означает, что основные изыскания ещё впереди. Отрадно то,

что для этого диссертантом уже создана надёжная источниковедческая база, освоена и апробирована корректная методика. Не вызывает сомнения, что рецензируемая диссертация представляет собой законченное исследование, отличающееся новизной, актуальностью и фундаментальностью. Она имеет чёткую практическую значимость. Автореферат полностью соответствует тексту рукописи. Е. В. Дороничева без сомнения заслуживает присуждения искомой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.06 – археология.

В заключение хочу добавить следующее. К тому времени, как выйдет этот очерк, пройдёт обсуждение рукописи, вызвавшей у меня столько эмоций. Нет сомнения, что защита закончится положительно. Во всяком случае, я очень надеюсь, что мои замечания не сильно осложнят процедуру обсуждения, хотя известное беспокойство, разумеется, они уже доставили Е. В. Дороничевой и ещё доставят. На фоне тех благостных отписок, которые у неё уже имеются, этот отзыв не только наиболее пространственный, но и максимально критичный. Разумеется, дело не в моей предвзятости или неистовом желании насолить юному исследователю. К счастью, я весьма далёк от этого. Надеюсь, что и читатель правильно поймёт мое желание разобраться в затронутой теме и не сочтёт случайный повод для этого чем-то неуместным.

Список литературы

- Амирханов Х. А. Верхний палеолит Прикубанья. М.: Наука. 1986. – 113 с.
- Аутлев П. У. История исследования палеолита Губского бассейна // П. У. Аутлев, В. П. Любин. Неандертальцы Гупсского ущелья на Северном Кавказе. Майкоп. 1994. С. 12–21.
- Аутлев П. У. Мустьерская стоянка в Губском навесе 1 // Кавказ и Восточная Европа в древности. М. 1973. С. 19–25.
- Бадер Н. О. Поздний палеолит Кавказа // Археология СССР. Палеолит СССР / Отв. редактор П. И. Борисковский. М. 1984. С. 272–301.
- Беляева В. И. Сырье и стоянки верхнего палеолита // Производственные центры. Источники, «дороги», ареал распространения²: материалы тематической научн. конф. СПб. 2006. С. 27–30.
- Бонч-Осмоловский Г. А. Грот Киик-Коба / Палеолит Крыма. М.; Л. 1940. Вып. 1. – 226 с.
- Борисковский П. И. Малоизученные поселения древнего каменного века в Костёнках // Очерки по палеолиту бассейна Дона / МИА. Вып. 121. Л. 1963. С. 166–191.
- Галибин В. А., Тимофеев В. И. Новый подход к разработке проблемы выявления источников кремневого сырья для культур каменного века Восточной Прибалтики // Археологические вести. Вып. 2. СПб. 1993. С. 13–19.
- Голованова Л. В. Проблема перехода от раннего к среднему палеолиту на Северо-Западном Кавказе. СПб.: ИИМК РАН. 1994. – 129 с.
- Голованова Л. В., Доронищев В. Б. Средний палеолит Кавказа // Археологический альманах. СПб. 2003. № 13. С. 18–66.
- Голованова Л. В., Доронищев В. Б. Имеретинская культура в верхнем палеолите Кавказа: прошлое и настоящее // Первобытные древности Евразии. К 60-летию А. Н. Сорокина. М. 2012. С. 59–102.
- Голованова Л. В., Доронищев В. Б., Левковская Г. М., Лозовой С. П., Несмеянов С. А., Поспелова Г. А., Романова Г. П., Харитонов В. М. Пещера Матузка. СПб.: Островитянин. 2006. – 194 с.
- Доронищев Е. В. Сырьевые стратегии древнего человека в среднем и позднем палеолите на Северо-Западном Кавказе: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб. 2013а. – 26 с.
- Доронищев В. Б., Голованова Л. В., Барышников Г. Ф., Блэквелл Б. А. Б., Гарутт Н. В., Левковская Г. М., Молодьков А. Н., Несмеянов С. А., Поспелова Г. А., Хоффекер Д. Ф. Треугольная пещера. Ранний палеолит Кавказа и Восточной Европы. СПб.: Островитянин. 2007. – 270 с.
- Доронищев Е. В. Сырьевые стратегии древнего человека в среднем и позднем палеолите на Северо-Западном Кавказе: дис. ... канд. ист. наук. СПб. 2013б. – 352 с.
- Ефименко П. П. Костёнки 1 / П. П. Ефименко. М., Л.: Изд-во АН СССР. 1958. – 480 с.
- Жилин М. Г. О связях населения Прибалтики и Верхнего Поволжья в раннем мезолите // Тверской археологический сборник / Отв. редактор – И. Н. Черных. Тверь. 2000. Вып. 4. Т. 1. С. 72–79.

² Стилистически неверно – А. С.

- Замятнин С. Н. Итоги последних исследований Ильского палеолитического местонахождения // Труды второй междунар. конф. АИЧПЕ. М.; Л. 1934. Вып. 5. С. 2–11.
- Замятнин С. Н. Очерки по палеолиту. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1961. – 176 с.
- Ковнурко Г. М. К изучению свойств кремня // КСИА. 1962. Вып. 92. С. 97–99.
- Ковнурко Г. М. О распространении кремня на территории Европейской части СССР (к вопросу о применении кремня в древней технике) // Новые методы в археологических исследованиях. М.; Л. 1963. С. 234–240.
- Ковнурко Г. М. Состав, происхождение и вопросы патинизации конкреций кремня: автореф. дис. ... канд. геол.-минерал. наук. Л.: ЛОИА. 1971. – 20 с.
- Колесник А. В. Средний палеолит Донбасса // Археологический альманах. Донецк. 2003. № 12. – 294 с.
- Колосов Ю. Г. Мустьерские стоянки района Белогорска. Киев: Наукова думка. 1983. – 208 с.
- Колосов Ю. Г. Аккайская мустьерская культура. Киев: Наукова думка. 1986. – 223 с.
- Любин В. П. Нижний палеолит // Каменный век на территории СССР. М.: Наука. 1970. С. 19–42.
- Любин В. П. Мустьерские культуры Кавказа. Л.: Наука. 1977. – 283 с.
- Любин В. П. Ранний палеолит Кавказа // Археология СССР. Палеолит СССР. М.: Наука. 1984. С. 45–93.
- Любин В. П. Палеолит Кавказа // Палеолит Кавказа и Северной Азии: Палеолит мира. Л. 1989. С. 7–142.
- Любин В. П., Аутлев П. У. Каменный инвентарь мустьерского слоя // Неандертальцы Гупского ущелья на Северном Кавказе. Майкоп. 1994. С. 99–141.
- Любин В. П., Беляева Е. В. Сырьевая база каменных индустрий Кавказа в раннем и среднем палеолите // С. Н. Бибииков и первобытная археология. СПб. 2009. С. 59–86.
- Наседкин В. В., Формозов А. А. Вулканическое стекло из стоянок каменного века Краснодарского края и Чечено-Ингушетии // Археология и естественные науки. М.: Наука. 1965. С. 167–170.
- Петрунь В. Ф. О материале каменных орудий Крымского палеолита // КСИА. 1969. Вып. 117. С. 3–12.
- Петрунь В. Ф. К петрографической характеристике материала каменных орудий палеолита // Палеолит и неолит СССР / МИА. Вып. 173. Л.: Наука. 1971. Т. 6. С. 282–297.
- Римантене Р. К. Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс: Минтис. 1971. – 203 с.
- Сапожникова Г. В., Коробкова Г. Ф., Сапожников И. В. Хозяйство и культура населения южного Побужья в позднем палеолите и мезолите. Одесса – СПб: ИИМК РАН. 1995. – 198 с.
- Словарь иностранных слов. – М.: Русский язык. 1989. – 624 с.
- Сорокин А. Н. Диалог о генезисе культуры кунда // РА. 2004. № 3. С. 79–88.
- Сорокин А. Н. Диалог о генезисе кундской культуры // Тверской археологический сборник / Отв. редактор – И. Н. Черных. Тверь. 2006. Вып. 6. Т. 1. С. 97–115.
- Степанчук В. Н. Поздние неандертальцы Крыма. Киик-Кобинские памятники. Киев: Стилос. 2002. – 215 с.

- Степанчук В. Н. Нижний и средний палеолит Украины. Черновцы: Зелена Буковина, 2006. – 463 с.
- Сулгостовска З. Поселенческая модель финального палеолита: мазовецкие кремневые мастерские и обитаемые стоянки // Каменный век Европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры. Сергиев Посад. 2001. С. 90–98.
- Тимофеев В. И. Памятники мезолита и неолита региона Петербурга и их место в системе культур каменного века Балтийского региона // Древности Северо-Запада России / Отв. редакторы – В. М. Массон, Е. Н. Носов, Е. А. Рябинин. СПб. 1993. С. 8–34.
- Формозов А. А. Пещерная стоянка в Староселье и ее место в палеолите / МИА. Вып. 71. М.: Наука. 1958. – 126 с.
- Формозов А. А. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М.: Изд-во АН СССР. 1959. – 124 с.
- Формозов А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М.: Наука. 1965. – 160 с.
- Формозов А. А. Каменноостская пещера – многослойная стоянка в Прикубанье // Палеолит и неолит СССР / МИА. Вып. 173. Л. 1971. Т. 6. С. 100–116.
- Формозов А. А. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. М.: Наука. 1977. – 144 с.
- Чабай В. П. Средний палеолит Крыма. Симферополь: Шлях. 2004. – 323 с.
- Щелинский В. Е. Свойства кремневого сырья и техника изготовления орудий мустьерской эпохи // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М. 1974. С. 52–57.
- Щелинский В. Е., Кулаков С. А. Ильская мустьерская стоянка. Раскопки 1920–1930-х гг. СПб.: Европейский дом. 2005. – 95 с.
- Binford R. L. Organization and formation processes: looking at curated technologies // Journal of Anthropological Research. 1979. № 35. P. 255–273.
- Gordon B. The Enigma of the Far Northeast European Mesolithic: Reindeer Herd Followers or Semi-Sedentary Hunters? // Mesolithic on the Move. Oxford: Oxbow Books. 2003. P. 115–118.
- Schild R. Paleolit schyłkowy i koncowy // Materiały do Prahistorii Ziemi Polskich. Warszawa. 1964. – 276 p.
- Schild R. Późny paleolit // Prahistoria Ziemi Polskich. Paleolit i Mezolit. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk. 1975. T. 1. P. 159–338.
- Schild R. Flint Mining and Trade in Polish Prehistory as seen from the Perspective of the Chocolate Flint in Central Poland. A Second Approach // Acta Archaeologica Carpathica. 1976. # 16. P. 147–174.
- Schild R. The Formation of Homogeneous Occupation Units («Kschemenitsas») in Open-Air Sandy Sites and its Significance for the Interpretation of Mesolithic Flint Assemblages // The Mesolithic in Europe. Edinburg. 1989. P. 89–98.
- Sulgostowska Z. Prahistoria międzyrzeczca Wisły, Niemna i Dniestru u schyłku plejstocenu. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe. 1989. – 256 p.

- Sulgostowska Z.* Distribution of flints during the Late Paleolithic and Mesolithic in the Oder, Dnestr and Daugava basins // Stone Age-Mining Age. Der Ansmitt, Beiheft 19, 2005/VIII International Flint Symposium, 13–17 september 1999, Bochum, Allemagne. 2006. P. 469–474.
- Sulgostowska Z.* Final Palaeolithic Masovian Cycle and Mesolithic Kunda culture Relations // Tanged points cultures in Europe. Read at the International archaeological symposium, 1993 / *S. Kozłowski & L. Zaliznyak (eds.)*. Lublin, 1999: Maria Curie-Sclodowska University Press. Lublin. 1999. P. 85–92.
- Sulgostowska Z.* Kontakty społeczności późnopaleolitycznych i mezolitycznych między Odrą, Dźwiną i górnym Dniestrem. Studium dystrybucji wytworów ze skał krzemionkowych. Warszawa: Institut Archeologii i Etnologii PAN. 2005. – 348 p.
- Sulgostowska Z.* Distribution of flints during the Late Paleolithic and Mesolithic in the Oder, Dnestr and Daugava basins // Stone Age-Mining Age. Der Ansmitt, Beiheft 19, 2005 / VIII International Flint Symposium, 13–17 September 1999, Bochum, Allemagne. 2006. P. 469–474.

7: ОТЛОЖЕННЫЕ ИННОВАЦИИ ИЛИ НЕСОСТОЯВШИЕСЯ ИЗОБРЕТЕНИЯ?

«Где начало того конца, которым заканчивается начало?»

Козьма Прутков

«Всё новое – это хорошо забытое старое»

Народная мудрость

Введение: постановка проблемы

Не приходится сомневаться, что любое событие имеет свою реальную историю: оно когда-то начинается и через какое-то время заканчивается. Это же в полной мере относится и к жизни артефактов. Все они однажды зарождаются, достигают максимума распространения и, наконец, бесследно выбывают из употребления. И только попав в руки археолога, они неожиданно получают свою вторую жизнь. Тем не менее, при всей, казалось бы, простоте ситуации, отследить начало зарождения любого события, явления и артефакта бывает чрезвычайно сложно, если вообще возможно. Картину осложняет ещё и то, что многие события и явления повторяются, а вещи разных эпох бывают внешне до удивления похожими друг на друга. И только придирчивый источниковедческий анализ спорадически позволяет заметить

различия между ними и установить призрачность внешнего сходства, или, напротив, показать их практическую идентичность и взаимосвязь.

Не так давно в противовес гипотезе первобытных революций (Чайлд, 1952; Шнирельман, 1989; Башилов, 1999; Вишняцкий, 2000, 2006, 2008) в трудах Л. Б. Вишняцкого получила логическое развитие позиция эколога-демографического эволюционизма, разработавшего оригинальную модель «отложенных инноваций» (Вишняцкий, 2010). Ничего не имея в принципе против эволюционизма, хочу, тем не менее, высказать некоторые соображения по части вышеупомянутой модели, ибо она вызывает известные сомнения.

При разработке гипотезы «отложенных инноваций» Л. Б. Вишняцкий исходит из посылки, что значительное число изобретений, получивших развитие на поздних этапах человеческого общества, стало известно намного раньше их

массового внедрения в жизнь. Он пишет: «...многие культурные инновации, имевшие место в преистории, были потенциально возможны задолго – часто за тысячи и десятки тысяч лет – до их реализации на практике». И добавляет: «Чтобы стать культурно значимой и археологически уловимой инновацией, вновь изобретённая или заимствованная черта (вещь, идея или вид поведения) должна быть востребована, внедрена в практику, а хронологическая дистанция между первым и вторым может быть огромной» (Вишняцкий, 2010, с. 37). Полностью согласен с утверждением о востребованности обществом и необходимостью практического внедрения любого нововведения. В противном случае оно не состоится и вряд ли вообще его следы будут зафиксированы археологически. А вот положение о том, что хронологическая дистанция между изобретением и его реальным внедрением «может быть огромной – в тысячи и десятки тысяч лет» по обстоятельствам, на которых остановлюсь ниже, вызывает законное сомнение.

Подходя к логическому выводу из вышеизложенного, Л. Б. Вишняцкий формулирует главную идею: «Для обозначения тех случаев, когда широкому распространению культурного явления предшествует длительный период, в течение которого оно, будучи в принципе известным, не проявляется сколько-нибудь заметно ни в живой культуре, ни в археологическом материале, можно использовать термин «отложенные инновации» (Вишняцкий, 2010, с. 37).

В качестве примеров, иллюстрирующих модель «отложенных инноваций», он приводит широко известные данные, что «глиняные изделия и шлифованные каменные орудия впервые появляются в ряде районов Европы и Азии уже в середине верхнего палеолита, 20–25 тыс. л. н.» (Вишняцкий, 2010, с. 37). И продолжает: «будучи достаточно хорошо известными людям того периода, они всё же остаются долгое время редкостью, не получая большого распространения. Последнее происходит лишь в неолите, когда два названных палеолитических изобретения действительно становятся культурно значимой инновацией, и их повсеместное внедрение в практику даже маркирует начало новой археологической эпохи» (Вишняцкий, 2010, с. 37). Таким образом, если воспринимать буквально, вместо революционных скачков в качестве двигателей исторического прогресса (или в дополнение к ним) Л. Б. Вишняцкий предлагает модель перманентного эволюционного развития явлений и технологий. Суть этого процесса, судя по всему, состоит в длительном внутриутробном этапе созревания предпосылок взрыва, когда изобретение формально состоялось, но зародыш подобно бактерии находится в анаэробном состоянии, зримо не проявляясь и лишь ожидая своего часа, когда наступят благоприятные условия для его развития и расцвета. Действительно, оба примера, которые он приводит, существуют и им сложно что-либо возразить, ибо шлифованные изделия и керамика как будто реально

появляются ещё в верхнем палеолите, но только в неолите они становятся символами эпохи¹. Тем не менее, попробуем разобраться, так ли обстоит всё на самом деле или в данном случае мы сталкиваемся с подменой понятий?

Обсуждение гипотезы

В этой связи зададимся вопросом, а что именно появляется в верхнем палеолите – керамика и шлифованные орудия – или нечто иное лишь внешне сходное с тем, что будет определять понятие неолита? Полагаю, что ответ на этот вопрос сложнее, чем он выглядит на первый взгляд. Изучение проблемы показывает, что в отношении керамики далеко не всё обстоит столь примитивно, как на словах, и слабо обожжённые изделия, происходящие из граветтских слоев стоянок Дольни Вестонице, Павлов (*Svoboda, Czudek, Havlicek et al., 1994; Soffer, Vandiver, 1997*) или Зарайская и Костёнки I (*Амирханов, 2000, с. 182; Цетлин, 2000; Праслов, 1992*), – это всё же никак не керамическая посуда. А ведь именно её мы, прежде всего, и имеем в виду, когда оперируем термином «керамика» в связке с понятием «неолит». И дело не только в степени обжига и морфологии тех самых «окатышей», которые выдаются за керамику, а в том, что эти артефакты – подчеркну это особо – не являются фрагментами посуды.

Скорее всего, комочки слабообожжённой глины, находимые на граветтских стоянках, имеют к керамике весьма опосредованное отношение, несмотря на то, что они реально побывали в огне. Причём, судя по всему, оказались они в огне не случайно, а намеренно, но попали они туда не из-за того, что из них пытались изготовить посуду, а совсем по другому поводу. Выскажу предположение, что эти ожелезнённые глины попадали в огонь преднамеренно, но не потому, что человек делал сосуды и готовил в них пищу, а исключительно из-за специфической технологии получения широко распространённого неорганического красителя – охры. Как известно, охра представляет собой природный пигмент – гематит (Fe_2O_3), состоящий из смеси гидрата окиси железа и глины (*Менделеев, 1897, с. 507*). Само её название переводится с греческого, как изжелта-бледная или бледно-жёлтая. Охра в изобилии встречается в природе. Её натуральный цвет жёлтый, а основные оттенки – от светло-жёлтого до коричнево-жёлтого и тёмно-жёлтого. Красная охра готовится большей частью обжиганием жёлтой охры, в результате по своему составу она представляет собой не что иное, как смесь безводной окиси железа с глиной. Немаловажно и то, что в результате обжига происходит не только изменение цвета и полученные окатыши

¹ Нет смысла останавливаться на дискуссии о путях неолитизации в формах агро- и агонеолита (*Хлобыстин, 1978, с. 94; Хлобыстин, 1998; Долуханов, 2003; Мазуркевич, Долбунова, Кулькова, 2013; Васильева, Лозовский, Ошибкина и др., 2013*), что неизбежно увело бы повествование в сторону. Достаточно принять за данность факт того, что и керамика, и шлифованные орудия по-прежнему служат эпохальными признаками неолита (*Археология: Неолит., 1998*).

можно использовать в качестве карандашей, но и то, что их проще становится дробить, растирать и применять как порошок в обрядовых действиях.

Не вызывает сомнения, что охра имела в жизни палеолитического человека весьма важное и до конца пока ещё не оценённое значение. На это указывает её широкое использование в погребальном обряде и наскальной живописи (Бадер, 1998; Житенев, 2012, 2014). Можно вспомнить и факты окрашенности культурных слоев многих верхнепалеолитических стоянок. Меж тем, хоть охра и является природным минералом, имеющим широкое распространение, далеко не всякое исходное сырьё можно использовать в качестве красителя без предварительной подготовки. Судя по всему, потребность в красящих веществах и должна была с неизбежностью вызвать технологию их производства. В отличие от угля, который легко получить в неограниченных количествах обжигом любой органики и который составляет до известной степени один из компонентов естественной среды обитания человека, полноценные минеральные красители имеются далеко не везде. И человек должен был найти способ их получения и закрепить данную технологическую операцию. Тут, как нельзя кстати, и пригодились железистые глины, при известном обращении с которыми стабильно достигался необходимый эффект. Широкое распространение этого природного минерала при соответствующей потребности рано или поздно обязано было привести к тому, что

количественные наблюдения за случайно попадавшими в костёр и менявшими цвет кусками глины привели к качественному сдвигу – закреплению опыта трансформации материала и фиксации на практике данной технологической операции. В результате из насущной общественной потребности в красящих веществах вполне естественным путем и сформировалась технология «прожаривания» железистых глин, имевшая вполне практический выход – уплотнение исходного вещества и придания ему яркой цветности. При этом длительность и степень каления непосредственно сказывались на колере конечного продукта. Помимо прочего процедура обжаривания сырья позволяла использовать заготовку, как в виде карандашей, так и после её измельчения – в виде порошка. Широчайшее пролонгированное распространение данной технологии по всему свету в разное время не позволяет считать, что она является некой отложенной инновацией. Судя по всему, мы имеем дело с многократными и независимыми случаями её зарождения естественным путём. Не удивительно в этой связи, что её воспроизводство не ограничено ни временем, ни пространством.

Таким образом, технология «обогащения» железистого глинистого сырья и получения из него охры, кроме внешнего сходства конечного продукта с терракотой и использованием для этого обжига, не имеет ничего общего с гончарным производством. Морфология окатышей из Дольних Вестониц,

Павлова, Костёнок I и Зарайска (*Svoboda, Czudek, Havlicek et al.*, 1994; *Soffer, Vandiver*, 1997; *Праслов*, 1992; *Амирханов*, 2000; *Цетлин*, 2000) такова, что ничем иным, кроме производства охристых палитр она, вероятнее всего, быть не может². Это означает, что утверждение об изобретении керамического производства «уже в середине верхнего палеолита, 20–25 тыс. л. н.» (*Вишняцкий*, 2010, с. 37) не совсем верно и желаемое выдается за действительное. Отмечу также, что в настоящее время возраст даже наиболее древних из известных керамических сосудов из Восточной Азии существенно моложе цифр, озвученных Л. Б. Вишняцким (*Кузьмин*, 2013). При этом никаких отложенных инноваций и перерывов в развитии соответствующих керамических культур, насколько можно судить по имеющимся материалам, не наблюдается (*Жущиховская*, 2004; *Ветров*, 2008, 2010).

Что касается шлифовки, дело, по видимому, обстояло аналогичным образом. Судя по всему, здесь мы тоже имеем дело с зарождением технологии естественным путем. Хорошо известно, что в процессе работы заготовки и особенно их рабочие и аккомодационные участки подвергаются снашиванию и стачиванию. Заполированность в результате использования артефактов происходит на них естественным образом, являясь – по существу – одним из стандартных видов сработанности (*Семёнов*, 1957,

1968; *Семёнов, Коробкова*, 1983). Это относится как к органическому сырью (кость, рог, бивень), так и камню. Чем мягче и пластичнее материал, тем – при соответствующих условиях – реальнее и быстрее конечный результат. Наиболее просто шлифуются костяные и роговые орудия, впрочем, и мягкие породы камня не составляют в этом ряду особого исключения. Из подобного практического навыка и вырастает естественным образом «изобретение» шлифованного изделия. Причём даже в тех индустриях, где шлифовка хорошо известна, во многих случаях ограничивались её необходимым минимумом. Шлифовалось не всё подряд, а исключительно рабочие лезвия (в скобках ещё раз замечу, что происходило это чаще в процессе их срабатывания, а никак не изначально). А, кроме того, первоначально обрабатывались исключительно мягкие породы камня, которые и срабатываются (шлифуются) обычно естественным путем. В отличие от них полировка кремня, диорита, нефрита, базальта и других твердых пород – это уже более позднее, чем палеолит, время. И оно вполне сопрягается с тем, что в отечественной литературе обозначают термином неолит. Таким образом, и этот тезис Л. Б. Вишняцкого оказался не совсем точен.

Должны ли мы предполагать присутствие «отложенных инноваций» или передачу традиций внеконтактным пу-

² Нельзя исключать ситуации, при которой в случаях малого содержания в глине гематита необходимого красочного эффекта на выходе не достигалось, и окатыши оказывались – по существу – керамическим шлаком. Вероятность такого исхода весьма высока в силу того, что образцы породы выбирались «на глазок». Это может объяснить значительные запасы готовой, но неиспользованной продукции в вышеупомянутых стоянках.

тем, когда изучаем микрорезцовую технику, если она известна почти по всему Старому свету (Кларк, 1978; Палеолит мира., 1978; Excavations at..., 1997; Палеолит мира., 1989; *Dicrosq*, 2001; *Нужный*, 1992, 2006 Сапожников, Сапожникова, 2011)? Или логичнее предположить, что она неизбежно появлялась в тех случаях, когда к этому приводило развитие пластинчатых индустрий и потребность во вкладышевых орудиях. Оговорюсь: могла приводить, но отнюдь не всегда приводила, ибо известно достаточное число пластинчатых и микропластинчатых индустрий, в которых не известно микрорезцовой технологии.

А были ли некие «отложенные инновации», когда речь идёт о возникновении вкладышевой техники и геомикролитов? Нет и ещё раз нет. В противном случае всё свелось бы к постоянному поиску единственного источника их изобретения, последующего внутриутробного существования в безвоздушном пространстве и неожиданному немотивированному распространению.

Совершенно очевидно, что в каменном веке ноосферы (Вернадский, 1997) не существовало, и единственным способом передачи информации было непосредственное общение одного человека с другим. При этом не некая мифическая субстанция, как флогистон, а лишь конкретная популяция являлась носителем знания. Это означает, что изобретение в эпоху первобытности не могло существовать само по себе, «не проявляясь – как утверждает Л. Б. Вишняцкий – сколько-нибудь заметно ни в жи-

вой культуре, ни в археологическом материале» (Вишняцкий, 2010, с. 37). Оно неотделимо от конкретных биологических носителей и способно существовать исключительно вместе с ними, в их головах, в живой культуре и тех следах, которые впоследствии фиксируются археологически. Разумеется, далеко не все следы сохраняются до реального археолога, но это не отменяет самой необходимости носителя знания. Без него никакие инновации существовать не в состоянии. Подчеркну особо, речь идёт не о конкретном изобретателе тех или иных артефактов или технологий, а именно о носителе информации, технологий и норм, вне зависимости от того, кто выступает в данном качестве, – отдельный индивид или социум в целом. Впрочем, для эпохи первобытности вернее будет говорить как раз о социуме, ибо роль отдельной личности в то время вряд ли была значительной (Поршнев, 1979). Во всяком случае, никаких реальных примеров этого археология и история нам не дают. А, кроме того, закрепление инновации, её внедрение в обиход и превращение в жизненную потребность и, следовательно, традицию в любом случае невозможно силами одного человека. Для этого в качестве стартовых необходимы усилия социума, а впоследствии – и нескольких поколений. Лишь с возникновением ноосферы и письменности виртуальная реальность способна оторваться от своего биологического носителя и существовать без него, принимая обличье действительности. Чего никак нельзя сказать о временах каменного века.

Малочисленность обитателей ойкумены, чрезвычайная редкость и специфичность реальных форм их общения не создавали особых возможностей для постоянной передачи технологий и навыков, а также их поддержания в течение длительного периода времени (тысячелетиями) вне конкретных популяций. Повторюсь: информационная среда того времени неотделима от своего биологического носителя – человека, а отдельный индивид – от социума. Первобытный социум – это единственная реальная форма её существования. Это означает, что его отсутствие неизбежно ведёт к прерыванию любого, а не только нового, знания, технологического навыка, норм, технологий и т. д. Отсюда логичен вывод: одно и то же изобретение будет материализоваться в истории многократно, вне всякой связи с предшествующими инновациями. В этом отношении уместно сказать, что патент на изобретение велосипеда не привёл к тому, что его перестали изобретать. Велосипеды как изобретали, так и продолжают изобретать и далеко не всегда каждая новая модель создаётся на базе уже известной или оказывается прогрессивнее своих предшественниц. При соответствующей потребности общества и наличии изобретателя одно и то же изобретение будет происходить многократно вне всякой связи с предшествующими «самобеглыми колясками». Это даёт основание считать гипотезу «отложенных инноваций» не выдерживающей критики.

Сказанное позволяет высказать предположение о необходимости разработ-

ки, наряду с другими, гипотезы «несостоявшихся изобретений», под которыми целесообразно понимать в ряде случаев гениальные, но затухшие инновации, то есть изобретения, появившиеся до своего реального часа, общественной потребности в них и не нашедшие – в силу обстоятельств – своего развития. Говоря иначе, не имеющие истории внедрения. Так было, например, с вертолётom, бипланом, парашютом и подводной лодкой, изобретенными Леонардо да Винчи, чертежи которых были случайно обнаружены среди его бумаг лишь в середине XX века. А все реальные открытия этих аппаратов состоялись, как известно, независимо от него в первой половине XX столетия и по праву принадлежат другим людям – нашим современникам.

С одной стороны всё это подчеркивает величие гения Леонардо да Винчи, предвидевшим появление подобных аппаратов ещё за четыре столетия до их реальной материализации, с другой – совершенно очевидно, что подобный факт удалось установить исключительно благодаря наличию письменности и – шире – информационной среды. И, наконец, с третьей – данный случай – классический пример несостоявшихся открытий, а никак не отложенных инноваций.

Не вызывает сомнения, что только микрокосм, передаваемый внутри коллектива на уровне традиции и внешним способом – контактами популяций, способен материализовать и сохранять инновации, ретранслировать их во вре-

мени и пространстве. Да, не во всех случаях эти «цепочки традиций и трансформаций» можно проследить археологически: уж очень мало сохраняет Лета достоверных свидетельств и полноценной информации. Но археологическая фиксация сходств и тождеств предметов и явлений должна неизбежно приводить к попыткам отслеживания цепочек связей на доступных материалах или, напротив, требовать получения доказательств их отсутствия. И только в случае удачи можно будет определить, имело ли место сохранение и развитие знания, контакт и передача информации, технологии, инновации и т. д. или мы имеем дело с реальным возвратом к старому изобретению? Говоря иначе: изобретением очередного велосипеда.

Биологические контакты половых партнеров – представителей разных культур (этносов), реально фиксируемые методами популяционной генетики, имели, безусловно, место в истории. Несмотря на их специфичность, они неоднократно приводили к значительным последствиям, включая мутации. Однако в силу их характера они совершенно не тождественны общению разных популяций, видов и этносов, а также обучению, обмену, передаче и воспроизводству технологий и технологических цепочек. Ибо рождение малыша от скрещивания разноэтнических и разнотехнологичных индивидуумов не означает автоматическую передачу ему половым (внутриутробным, генетическим) путем новых знаний и – тем более – способностей к изобретательству.

Впрочем, это ни в малой степени не умаляет роли наследственности. Основная масса знаний и норм, которыми индивид на заре жизни овладевает, достаются ему в процессе обучения по месту его физического обитания, обычно – в родительской среде. В случае раздельного проживания родителей он унаследует исключительно те познания, которые получит по своему фактическому месту жительства от одного из родителей и микрокосма конкретного социума. И никак иначе. Разумеется, сказанное не означает, что выросший способный индивид не в состоянии будет что-то изобрести, но это будет его изобретение, базисом которого является его собственный социум. Подобное изобретение не будет иметь прототипа в знаниях чуждого ему родителя или, иначе, биологического предка, с которым он проживает раздельно.

В настоящее время линейное развитие рода человеческого не представляется столь же очевидным, как ещё четверть века тому назад (Вонг, 2014; Вуд, 2014). Если это так, то необходимо признать, что орудийная деятельность могла быть характерной для всех (или большинства) из ныне известных ветвей человечества. Одновременно это означает, что она не может быть признана в качестве «отложенного изобретения», которое неизвестно где и как сохранялось и немотивированно передавалось неизвестно кому и от кого. Это свидетельствует об ином: биологические закономерности развития прямоходящих существ на каком-то этапе неизбежно

приводили к зарождению трудовой деятельности. Следом в её рамках осуществлялось «изобретение» костяной и деревянной индустрий, каменной техники и т. д., и т. п. В основе же всего этого лежит видовое свойство гоминид – прямохождение и сопутствующее ему высвобождение верхних конечностей. Здесь необходимо оговориться, что термин изобретение во всех этих случаях мало уместен, ибо речь идёт исключительно о биологическом свойстве высокоорганизованной материи, а никак не о порождении разума. В этом отношении будет справедливо заметить не только то, что труд создал самого человека, но человека породила животнoобразная форма труда (Поршнеv, 1974).

При многолинейности развития логично предположить, что каменная техника, костяная и роговая индустрии реально появлялись и какое-то время сопровождали соответствующую ветвь человеческого ствола, всё более очеловечивая её, а если эта ветвь оказывалась тупиковой, то и они исчезали вместе с её носителями. Не должна нас при этом удивлять и похожесть технологий расщепления камня, кости, рога, бивня и т. д., так как подобных способов существует вполне конечное число, а отнюдь не бесконечное множество. До известной степени это как семь шейных позвонков сухопутных животных или пять пальцев у основной массы биологических видов. Путем «экспериментов» природа эволюционным путем «пришла» к своим конечным и – замечу – единичным результатам. И механизм биологической

адаптации в виде орудийной деятельности не был в этом ряду, судя по всему, исключением.

Вместо заключения

Все сказанное означает, что реальная исследовательская задача заключается не только в изобретении гипотез, что немаловажно и даже необходимо, но и в их прагматической оценке. Только поиск реальных критериев проверки любой идеи и постижение реальных механизмов бытования первобытных коллективов способны продвинуть нас хотя бы на небольшой шаг вперёд в постижении реальной истории первобытного общества. А для этого при изучении древностей требуется использовать не кабинетные познания, а знание реальных состояния биогеоценозов, биологических и социальных возможностей самого человека и условий функционирования информационной палеосреды. Только в этом случае из абстрактных соображений при практическом выявлении параллелей, тождеств, одинаковых технологий и сюжетов и познания их истоков можно установить, с чем в каждом конкретном случае мы имеем дело? С развитием, сохранением и передачей традиций в генетически однородной среде, их наследованием, прямым или опосредованным заимствованием от чуждых популяций или – напротив – бесконечным изобретением того, что с некоторых пор получило название азбучного велосипеда? Полагаю, ответ очевиден. Модель «отложенных инноваций» не учитывают формы су-

ществования информационной среды первобытного общества и являются в силу этого тупиковой гипотезой антропосоциогенеза.

Считаю нецелесообразным заниматься проверкой множества озвученных в тезисах Л. Б. Вишняцкого (2010) сюжетов. Вполне достаточно будет ограничиться каким-либо одним из них и предметно изучить. Причём не на уровне много – мало, похоже – не похоже, а на уровне сравнения

статистически значимых показателей. И здесь необходимы совместные усилия палеобиологов, палеопсихологов и геоархеологов. Это и позволит чётче сформулировать сами задачи, отобрать репрезентативные для сравнения комплексы и, возможно, разработать адекватную поведенческую модель антропосоциогенеза. Надеюсь, время покажет, были ли в итоге хоть какие отложенные инновации среди так и несостоявшихся изобретений?

Список литературы

- Амирханов Х. А. Зарайская стоянка. М.: Научный мир. 2000. – 248 с.
- Археология: Неолит Северной Евразии / Отв. редактор – С. В. Ошибкина. М.: Наука. 1996. – 379 с.
- Бадер О. Н. Сунгирь. Палеолитические погребения // Позднепалеолитическое погребение Сунгирь (погребения и окружающая среда). М.: Научный мир. 1998. С. 5–158.
- Башилов В. А. «Неолитическая революция» в Центральном Андах. Две модели палеоэкономического процесса. М.: Наука. 1999. – 206 с.
- Вернадский В. И. О науке. Т. 1. Научное знание. Научное творчество. Научная мысль. Дубна: Феникс. 1997. – 576 с.
- Васильева И. Н., Лозовский В. М., Ошибкина С. В., Сеницына Г. В. Древнейшая керамика Восточной Европы. Комментарии // Российский археологический ежегодник. СПб.: Университетский издательский консорциум. 2013. Вып. 3. С. 110–133.
- Ветров В. М. Древнейшие следы керамического производства в Восточной Азии (проблемы возникновения, периодизации, терминологии) // Антропоген, палеоантропология, геоархеология, этнология Азии. Иркутск: Оттиск. 2008. С. 28–34.
- Ветров В. М. Древнейшая керамика на Витиме. Некоторые вопросы датирования и периодизации в каменном веке Восточной Азии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы междунар. науч. конф. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та. 2010. С. 37–44.
- Вишняцкий Л. Б. «Верхнепалеолитическая революция»: география, хронология, причины // Stratum plus. 2000. № 1. С. 245–271.
- Вишняцкий Л. Б. Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и переход к верхнему палеолиту // Автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб.: ИИМК РАН. 2006. – 37 с.
- Вишняцкий Л. Б. Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и причины верхне-палеолитической революции. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского госуниверситета. 2008. – 251 с.

- Вишняцкий Л. Б.* Феномен «отложенных инноваций» и вопрос о механизме развития культуры в преистории // Третий Российский культурологический конгресс с международным участием «Креативность в пространстве традиции и инновации»: Тезисы докладов и сообщений. Санкт-Петербург: ЭЙДОС. 2010. С. 37–38.
- Вонг К.* Эволюция: перезагрузка // В мире науки. 2014. № 11. С. 4–9.
- Вуд Б.* В поисках утраченной родни // В мире науки. 2014. № 11. С. 11–17.
- Долуханов П. М.* Неолитизация Европы: хронология и модели // Неолит – энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы. СПб.: ИИМК РАН. 2003. С. 193–206.
- Житенев В. С.* Новые исследования свидетельств художественной деятельности в Каповой пещере // КСИА. 2012. Вып. 227. С. 304–313.
- Житенев В. С.* Красочные пигменты Каповой пещеры: археологические и естественнонаучные исследования // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда / Отв. редакторы А. Г. Ситдииков, Н. А. Макаров, А. П. Деревянко. Казань. 2014. С. 70–72.
- Жуциховская И. С.* Очерки истории древнего гончарства Дальнего Востока России. Владивосток: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. 2004. – 310 с.
- Кларк Дж. Д.* Доисторическая Африка. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. 1977. – 264 с.
- Кузьмин Я. В.* Происхождение керамики в Евразии: современное состояние вопроса // Российский археологический ежегодник. СПб.: Университетский издательский консорциум. 2013. Вып. 3. С. 8–26.
- Мазуркевич А. Н., Долбунова Е. В., Кулькова М. А.* Керамические традиции в раннем неолите Восточной Европы // Российский археологический ежегодник. СПб.: Университетский издательский консорциум. 2013. Вып. 3. С. 27–109.
- Менделеев Д. И.* Охра, минерал // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб. 1897. Т. XXIIа. С. 507.
- Нужний Д. Ю.* Розвиток мікролітичної техніки в кам'яному віці. Київ: Наукова думка. 1992. – 188 с.
- Нужний Д. Ю.* Розвиток мікролітичної техніки в кам'яному віці. Київ: Наукова думка. 2006. Вип. 2. – 226 с.
- Палеолит мира. Палеолит Ближнего и Среднего Востока / Отв. редактор – П. И. Борисковский. Л.: Наука. 1978. – 264 с.
- Палеолит мира. Палеолит Кавказа и Северной Азии / Отв. редактор – П. И. Борисковский. Л.: Наука. 1989. – 270 с.
- Поршнев Б. Ф.* О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М.: Мысль. 1974. – 288 с.
- Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. М.: Наука. 1979. – 235 с.
- Праслов Н. Д.* О керамике верхнего палеолита в Северной Евразии // Археологические вести. Вып. 1. СПб.: ИИМК РАН. 1992. С. 28–39.

- Сапожников И. В., Сапожникова Г. В. Каменный век Северо-Западного Причерноморья // *Stratum plus* / Отв. редактор – Л. Б. Вишняцкий. СПб, Кишинев, Одесса, Бухарест. 2011. № 1. С. 15–149.
- Семёнов С. А. Первобытная техника // *МИА*. Вып. 54. М.-Л.: Наука. 1957. – 240 с.
- Семёнов С. А. Развитие техники в каменном веке. М.-Л.: Наука. 1968. – 363 с.
- Семёнов С. А., Коробкова Г. Ф. Технология древнейших производств. Л.: Наука. 1983. – 256 с.
- Хлобыстин Л. П. Возраст и соотношение неолитических культур Восточной Сибири // *КСИА*. 1978. Вып. 153. С. 93–99.
- Хлобыстин Л. П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур Севера Евразии. СПб. 1998. – 342 с.
- Цетлин Ю. Б. Заключение о находках предметов из глины на Зарайской верхнепалеолитической стоянке // *Амирханов Х. А. Зарайская стоянка*. М.: Научный мир. 2000. С. 240–243.
- Чайлд Г. У истоков европейской цивилизации. М.: Изд-во иностранной литературы. 1952. – 466 с.
- Шнирельман В. А. Возникновение производящего хозяйства: Проблема первичных и вторичных очагов. М.: Наука. 1989. – 444 с.
- Ducrocq T. Le Mesolithique du bassin de la Somme // *Publications du CERP*, n° 7, 2001. Centre d'Etudes et de Recherches Perhistoriques Universite des Sciences et Technologies de Lille. 2001. – 253 p.
- Excavations at the high Altitude Mesolithic Site of Laghetti Del Cresto (Bovengo, Brescia – Northern Italy) // Edited by *Carlo Baroni and Paolo Biagi*. Ateneo di Brecia. Accademia di Scienze Lettere ed Arti. 1997. – 109 p.
- Svoboda J., Czudek T., Havlicek P., Lozek V., Macoun J., Prrichystal A., Svobodova H., Vlcek E. Paleolit Moravy a Slezska / *The Dolni Vestonice Studies*. Volume 1. Brno. 1994. – 209 p.
- Soffer O., Vandiver P. The Ceramics from Pavlov 1–1957 Excavations // *Pavlov 1 – Northwest. The upper Palaeolithic Burial and its Settlement Context / The Dolni Vestonice Studies*. Volume 4. Brno. 1997. P. 383–401.

РЕЗЮМЕ

Введение

Резюме: Мне посчастливилось прийти в археологию около полувека назад, в романтический период развития науки. В пору расцвета социализма и планового хозяйства (вторая половина 1960-х гг. – середина 1980-х гг.) советское государство вело активное народнохозяйственное строительство и финансировало масштабные полевые археологические изыскания. Работа в Отделе новостроечных и хоздоговорных экспедиций Института археологии АН СССР (позднее – РАН) позволила исследовать значительное число разновременных памятников, начиная от позднего палеолита и вплоть до современности. По мере накопления профессионального опыта перестали удовлетворять многие стандартные интерпретации добытых материалов и феноменов. Основой для ревизии существующих представлений стали идеи геоархеологии, воплотившей в себя лучшие традиции отечественной и мировой науки. В процессе работ стала воочию понятна необходимость профессиональной источниковедческой критики. Многие геоархеологические объекты объявляются опорными, однако на практике они не отвечают критериям достоверности и надёжности. «Девальвация понятия подлинности и достоверности грозит причинить науке глубокий вред» (Беляев, 2011, с. 63).

Любые идеи преходящи. Если эта книга станет, хотя бы, маленьким шажком в бесконечном процессе познания, цель, которую ставил себе её автор, можно считать достигнутой.

Introduction

Summary: I happened to enter the world of archaeology around half a century ago, at a time when science was very much an aspirational pursuit. From late 1960s to mid-1980, the Soviet economy was booming, large-scale infrastructure projects were on the rise and the Soviet state was happy to invest in extensive archaeological research on the land earmarked for infrastructure development. The Department of Rescue Archaeology at the Institute of Archaeology (part of the USSR Academy of Sciences, now Russian Academy of Sciences) was buzzing with activity. A wide range of sites, dating from late Palaeolithic to recent history, was researched. As the wealth of data and my professional experience grew, I began to doubt many of the conventional theories and ways in which data was interpreted. My personal moment of truth came when I began to study geoarchaeology (which, to my mind, marries the best science and technology from all over the world). The more I looked at conventional wisdom through a geoarchaeological lens, the more

strongly I felt that much of the Soviet literature needs a fresh, critical approach. The significance of many geoarchaeological objects has been grossly overestimated. "The erosion of the ideas of authenticity and reliability is an enormous threat to science" (*Belyayev*, 2011, p. 63).

Ideas come and go. If this book becomes a tiny step in a never-ending journey of knowledge, my ultimate aim as its author will be reached.

1: Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы

Резюме: Очерк посвящён проблеме генезиса мезолитических источников с поликультурными признаками. Содержит определение термина «источниковедение мезолита» и анализ специфики в качестве источников памятников названного времени. Формулируется основная задача источниковедения мезолита: установить зависимость характера и состояния источников от геоморфологии и ландшафта, в котором они формируются и существуют. Далее предлагаются модели формирования культурных слоёв, структуры распределения артефактов, трансформации слоёв и структуры под воздействием почвенных процессов в «горизонты залегания находок», объясняется суть археологического восприятия мезолитических источников. Рассматривается роль естественной сортировки археологических материалов в трансформации источников, определяется обыденность ситуации, при которой находки могут быть перемещены, а слои смешаны, и подчёркивается необходимость реальной оценки этих процессов при полевых исследованиях и на уровне интерпретации материала. Анализ приводит к выводу о том, что для установления пространственной структуры памятника и определения «чистоты» материалов положительный результат даёт полевая методика фиксации находок по трём координатам с последующим построением пространственных моделей.

Рассматривается содержание термина «контактная зона» в этнографии и археологии. Учёт специфики «контактных зон» в археологии позволяет рассмотреть модели археологической вариативности взаимодействия древнего населения при разном числе участников и выделить варианты «первичной и вторичной метисации». Показаны причины невозможности археологического выделения результатов «вторичной метисации», рассмотрены условия, влияющие на археологическую вариативность. Определены формы взаимодействия населения и их археологическое воплощение, показана стандартность археологически наблюдаемой ситуации, когда на одном памятнике в пределах одного слоя присутствуют разновременные материалы. Излагаются причины «культурно» и «естественно» образованных комплексов и варианты различия характера контакта – культурного или природного. Предлагается модель «маркёров контакта» разных этносов, включающая гибридные (метисные) находки и технологии. Осуществляется проверка модели на мезолитических материалах Восточной Европы. Приводятся примеры неправильной интерпретации многочисленных естественно образовавшихся метисных материалов в качестве продуктов якобы этнического взаимодействия. В итоге делается вывод о всеобщности на территории полесий Восточной Европы памятников с синкретическими признаками и механической природы их образования. Рассматриваются причины и условия «естественной метисации» материалов.

Выдвинута гипотеза о роли природных процессов в массовом разрушении и смещении культурных слоёв, вызывающих естественное образование поликультурных «комплексов». В качестве механизма, который вызывает трансформацию археологических памятников и приводит к образованию синкретических источников, рассматриваются процессы почвообразования и педотурбации – наиболее глобальные и постоянно действующие в природе. На значительном числе примеров доказано, что их глобальное воздействие служит главной причиной метаморфоз, происходящих с археологическими источниками.

Установлено, что присутствие находок на дневной поверхности из-за процессов почвообразования и педотурбуции не просто главный признак разрушения культурного слоя, но и основной механизм естественного смещения разновременных археологических материалов, «контакта» разновременных вещей и образования метисных «комплексов». Предлагается формулировка закона природного генезиса «поликультурности» – натурации (от латинских слов *nature* – природа и *ratio* – мысль, замысел или иначе – природный «замысел»). Натурация – это механизм природного генезиса археологического источника. Рассматриваются условия и факторы действия феномена натурации, особенности его действия на ландшафтных низменностях и геоморфологических образованиях иного генезиса. Производится проверка гипотезы по материалам Восточной Европы. Приводится критика положений о процессах аккультурации в мезолите Восточной Европы. Рассматривается негативная роль в появлении поликультурных источников традиционной полевой методики и особенностей типового поведения полевых исследователей в выборе объектов раскопок.

Предлагается вывод о непосредственной связи характера отложений, в которых залегают слои мезолитических стоянок Восточной Европы, и состояния археологических источников. Обсуждаются суть главного парадокса источниковедения и механизма метаморфоз, воздействующих на «потенциальный источник», пути и способы формирования объективного археологического источника. Предлагаются способы и методы установления природы поликультурности (аккультурации или натурации): критика источника, пространственное распределение материалов, ремонт, оценка геоморфологической приуроченности памятников и генезиса их слоёв, состав и механизм разрушения слоёв и изменения в пространственной структуре памятника, корреляция и сравнение памятников разных регионов друг с другом, статистическая обработка массовых материалов. Выражается мнение, что в качестве основы для этнокультурных построений в археологии необходимо доказательство источниковедческой надёжности изучаемых материалов.

1: The Problem of analysis of sources on East European Mesolithic

Summary: This part discusses genesis of the sources on the Mesolithic characterized by multicultural features. The term “analysis of sources on the Mesolithic” is defined specific indications of the sites dated to this period are regarded from this point of view. The main objective of the Mesolithic sources’ analysis is formulated, namely, establishing dependence of the sources’ character and state on geomorphologic and landscape situation where the sites emerged and existed. The models of formation of cultural deposits are suggested, as well as those of the structure of artefacts’

distribution, transformation of the layers and structures into “horizons of finds’ deposits” under the influence of soil processes. The essence of archaeological perception of the Mesolithic sources is accounted for. The author considers the role played by natural assorting archaeological finds in the process of the sources’ transformation, the situation when the finds can be moved and the layers confused is described as common. The necessity of adequate evaluation of these processes in the course of the field works, and both on the level of the material interpretation is stressed. The analysis of sources has led to a conclusion that the most productive field method is that of recording finds according three coordinates system with subsequent constructing three-dimensional model: it permits to establish spatial structure of the site and evaluate purity of the material.

The meaning of “contact zone” term in ethnology and archaeology is regarded. Taking into account its specifics in archaeology, it is possible to consider the models of archaeological variability in interacting ancient population with different number of the participants, and to single out the variants of primary and “secondary metisation”. The causes for impossibility of archaeological tracing of the results of “secondary metisation” are shown, and the conditions determining archaeological variability regarded. The author establishes the forms of population’s interaction and their archaeological realization, archaeological situation characterized by coexistence of material of different age within a single site or layer is determined as standard. The causes for “culturally” and “naturally” formed associations are given, as well as variants of distinguishing between cultural or natural character of the contacts. As models for “contact markers” between different ethnic groups hybrid (metis) finds and technologies are accepted and checked against the background of East European Mesolithic. The thesis is illustrated by the examples of incorrect interpretation of numerous naturally formed metis assemblages as the products of ethnic interconnection. Conclusions are presented on the universal character of the sites displaying mechanically formed syncretic indications within East European marshy woodlands. Causes and conditions of “natural metisation” of material are discussed.

A hypothesis is put forward concerning the role of natural processes in mass destruction and confusing cultural deposits, which provoked natural formation of multicultural “associations”. Soil-formation and soil-destruction – global and constantly functioning processes in the environment – are viewed as a mechanism of archaeological sites’ transformation and emergence of syncretic sources. It is established that their global influence is responsible for the metamorphoses archaeological sources underwent.

It is stressed that the finds observed on the ground surface due to the soil-formation and soil-destruction processes are not only the main mark of the cultural deposit disturbance, but also the principal factor in natural mixing archaeological material of different age. Explanation of mechanism of asynchronous artefacts and metis “associations” is suggested. A law of naturation (from Latin words *natura* and *ratio*, nature and idea, project, or in other words – natural project) as a natural genesis of multicultural is formulated. Naturation is the mechanism of archaeological source’s natural genesis. Conditions and factors of its functioning are regarded, including the peculiarities observed within outwashed plains and geomorphological phenomena of different origin. The hypothesis is checked against East European material. Some theses on acculturation processes in East European Mesolithic are criticized. Negative role both of traditional field methods in occurrence

multicultural sources is shown, and some features of typical field investigators' behavior in selecting object for the excavations.

The author comes to a conclusion on the immediate relation between the deposits where East European Mesolithic sites are discovered and the state of archaeological sources. He reveals the essence of the main paradox in sources' analysis and mechanism of the metamorphoses influencing "potential source", modes and patterns of formation of objective archaeological source, role of intuition and facts' reliability. The modes and methods for establishing the character of multiculture (acculturation or naturation) consist in source's analysis, dimensional distribution of the material, reconstruction; evaluation of geomorphological position of the sites and genesis of their cultural deposits, composition and process of their destruction, as well as changes in site's spatial structure; correlation and comparison of sites from different regions, statistical processing mass material. Reliable source is viewed as the only base for ethno-cultural reconstructions in archaeology.

2: К проблеме мезолитической подосновы неолитических индустрий Северной Евразии

Резюме: В отечественной историографии получила широкое распространение гипотеза генезиса раннеолитических культур на «местной мезолитической основе». В процессе изысканий установлено, однако, что данная гипотеза не учитывает такие важнейшие факторы, как генезис культурных слоёв, тафономизацию остатков и роль в этом почвенных процессов. Источниковедческая критика показывает, что в условиях медленной седиментации, характерной для финального плейстоцена – голоцена Северной Евразии, под воздействием объективных почвенных процессов при совпадении разновременных мест обитания друг с другом включение в более поздний инвентарь материалов предшествующего времени осуществляется без какого-либо участия человека. Феномен естественного взаимодействия артефактов отражает стандартную закономерность, характерную для всех равнинных стоянок Северной Евразии, по существу является их атрибутом. Открытый автором феномен натурации служит реальным выражением несостоятельности идеи генезиса раннеолитических индустрий на местной мезолитической подоснове. Равнинные археологические источники в массе своей не позволяют вообще корректно решать проблему генезиса раннеолитических комплексов. Вопрос о генетической подоснове раннеолитических индустрий имеет решение исключительно на стратифицированных объектах разовой аккумуляции с использованием всего спектра естественнонаучных методов и с учетом природных и педогенных процессов.

2: For the umpteenth Time about Mesolithic Subbase of Neolithic Industries

Summary: The chapter has been criticized the widespread hypothesis of the genesis of Early Neolithic cultures in the "local Mesolithic basis". During the survey it founds that this hypothesis does not take into account such important factors as the genesis of cultural layers, taphonomization of residues and soil in this process. Plain archaeological sources for the most part do not allow properly solve the problem of the genesis of Early Neolithic complexes. The question of the

underlying cause of genetic Early Neolithic industries has a solution only for a single accumulation of stratified objects using the full range of natural science methods and taking in to account natural and pedogenesis processes.

3: «Болотные поселения»

Резюме: Интерпретация палеогеографической ситуации стоянки Становое 4, предложенная исследователем памятника М. Г. Жилиным, строится на представлении о формировании культурных слоёв как жилых площадок. На самом деле, на основании результатов комплексного биоморфного анализа можно утверждать, что в ходе раскопок во всех случаях им были исследованы отложения подводных шлейфов, отложившихся в протоке. Это существенно меняет представление о месте и условиях существования разновременных стоянок, о достоверности и «чистоте» выделяемых комплексов и позволяет утверждать, что подобная реконструкция неверна.

3: "Wetland settlements"

Summary: The palaeogeographic representation of Stanovoye 4 suggested by the site's original researcher M. Zhilin is based on a view that the cultural layers had formed in/within pockets of "dry lands". However, an integrated biomorphic analysis has revealed that it had been excavated a subfluvial sediment in the bed of an ancient creek. This allows us to challenge the original interpretation, including the location of asynchronous settlements and their local environment, as well as the credibility and integrity of any complexes as identified by M. Zhilin.

4: Этюд о «восточной» ориентации

Резюме: Эпитет «восточный» стойко бытует для обозначения восточно-европейских индустрий эпохи каменного века. Анализ данных свидетельствует, что за этим термином скрывается не только реальное сходство ряда западно- и восточноевропейских материалов, но и слабость теоретической базы археологии, незнание конкретного материала и неумелые попытки скрыть всё это за терминологической наукообразностью.

Технокомплексы и технологии не существуют сами по себе. В каменном веке не было иных способов передачи информации и технологий, кроме как от человека к человеку, путём непосредственной передачи навыков от учителя к ученику. Поэтому, установив где-то присутствие селета, ориньяка или граветта, федермессера, лингби или аренсбурга мы обязаны допустить миграцию носителей этих индустрий в конкретное изучаемое место, где эти технологии были зафиксированы археологически. Передача идей и технологий иным способом в это время просто невозможна. Реальное сходство «западных» и «восточных» индустрий, если использовать для этого географические дефиниции, объясняется исключительно миграциями первобытного населения. В противном случае придётся допустить их независимое возникновение и существование от носителей, то есть технологий без людей. Единичные похожие изделия, формы и сходные технологические приёмы могут возникать конвергентно, однако полное сходство в эпоху первобытности не возникает само по себе. Оно может «прийти» лишь с конкретными людьми – творцами и носителями конкретных

технологий. «Границы сходства» в эпоху каменного века определяются физическими возможностями людей и образом их жизни. Сезонные миграции выступают в качестве единственных, реальных двигателей исторических процессов первобытности, определяют сходство и трансформацию индустрий и культур на обширных территориях. Это даёт основание снять с повестки проблему «восточной ориентации» в археологии.

4: Sketch on “an east Orientation”

Summary: The epithet “east” persistently exists for a designation of the East Europe industries of epoch of the Stone Age. The analysis of the data testifies, that behind this term conceal not only real similarity a number of eastern and western European materials but also weakness of theoretical base of archaeology, ignorance of a concrete material and clumsy attempts to hide it all in terminological scientism. Technological complexes and technologies do not exist in themselves. In the Stone Age were no different ways of transmission of information and technologies apart from person to person by direct transmission the skills from teacher to apprentice. Therefore, having established somewhere the presence of Szeletian, Aurignacian or Gravettian, Federmesser, Lungbu or Ahrensburgian we are obliged to allow the presence of migration the bearers of industries in a concrete place where these technologies have been fixed archaeologically. Transmission of ideas and technologies in a different way in this time is almost impossible. Real similarity of “western” and “eastern” industries, using for this purpose geographical definitions, could be explained only by migrations of ancient people. Otherwise we will have to allow their independent origin and existence from bearers, i. e. technologies without people. Individual similar products and similar technological methods can appear convergent, however full similarity can “come” only with concrete people – creators and bearers of concrete technologies. “Borders of similarity” in epoch of the Stone Age are defined by physical potential of people and way of their life. Seasonal migrations are unique, real engines of historical processes of primitiveness which define similarity and transformation of the industries and cultures in extensive territories. It gives the basis to remove from agenda a problem of “east orientation” in archaeology.

5: Диалог о генезисе культуры кунда

Резюме: Очерк содержит критику доминирующей в литературе «контактной» гипотезы формирования археологических культур и основанной на ней «свидерской концепции» генезиса культуры кунда. «Закономерность образования археологических культур как результат сложения их комплексов» (Кольцов, 1979; Жилин, 2000) служит – по мнению автора – отражением стандартного способа механического смешения разнородных материалов, а никак не механизмом возникновения археологических культур.

Кундская (пуллийская) индустрия является развитием в раннем голоцене традиций финально-палеолитического населения Русской равнины, известного по стоянкам рессетинской культуры. Вывод об их идентичности основывается на сходстве инвентаря и современной палеогеографической реконструкции для территории Центральной России и Прибалтики рубежа плейстоцена-голоцена, когда основой хозяйственной деятельности населения служила охота на северного оленя. Тождество удаленных друг от друга памятников возникает как

отражение сезонных (маятниковых) миграций, ибо охотники на северного оленя неизбежно были вынуждены передвигаться на значительные расстояния вслед за его стадами и неминуемо маркировали маршруты этих кочевий материальными признаками своего присутствия. Эволюционная гипотеза генезиса археологических культур, предлагаемая в работе, отражает экономический базис древнего общества, и, значит, ближе к объяснению прошлой действительности. Эта модель корректнее раскрывает и генезис культуры кунда.

5: Dialogue on the Kunda Culture Genesis

Summary: A series of papers on the Kunda culture's genesis, which have appeared within the boundary of XX–XXI centuries, shows that this problem is far from being exhausted. Yet another thing is quite obvious: the problem lies not only in the field of evaluation of this very culture's genesis, but in the lack of theoretical grounds which could help define this notion in general.

The hypothesis of the Kunda culture's genesis from the Svider culture is domineering in historical literature. Most elaborately it has recently been outlined by M. G. Zhilin (2000). He grounds his views in the idea of «combination of historic complexes» (*Koltsov, 1979*) which results in formation of an archaeological culture, this idea being, as it becomes clear, a mere reflection of the standard method of mechanical mixing of heterogeneous materials, and not the mechanism of the archaeological culture's formation. Thus, the analysis of the basic notions of M. G. Zhilin's article shows both theoretical and source study inadequacy of the "Svider hypothesis" of the Kunda culture's genesis.

The Kunda (the Pulli) economy sprang up as the Early Holocene development of traditions of the Late Palaeolithic population of the Russian plain, well known due to the Resseta culture monuments. Their identity is based on the similarity of inventory, as well as on the palaeogeographical reconstruction of the transition from Pleistocene to Holocene at the territory of the Central Russia and the Baltic Basin, when the main occupation of the population was the reindeer hunting. The similarity of the remote monuments appears to be the reflection of seasonal to and from migration, as the reindeer hunters were supposed to follow their herds' routs, and thus mark their own migration by some sort of material evidence.

An archaeological culture's territory is an abstraction, a gnoseological category, as is the very notion of "archaeological culture" (*Zakharuk, 1976*), and not an area with strictly fixed borders. It is supposed to be viewed upon as a geographic area, where the population lived according to the seasonal cycle. The frontiers of archaeological cultures of the Stone Age should inevitably coincide with the annual cycles areas, while the archaeological pattern should be looked upon as the superposition of the migrants' routs changing with the time. This is history reflected on the map, the consequence of diachronic events, and not the reflection of simultaneous peopling of the territory, as well as of parallel existence of different groups of population. The area of an archaeological culture of the Stone Age is the span of fluctuations within the feeding territory, which could be just as well covered by another population's territory, out in any case could not be controlled as a whole. In other words, an archaeological culture of the Stone Age Epoch is a gnoseological category of the spacio-temporal relation of ancient materials.

The evolutionary hypothesis of the archaeological cultures' genesis proposed here, reflects the economic basis of the ancient society, and therefore is closer to the explanation of the past reality.

Thus the discussion concerning the genesis of the Kunda culture should be turned into the theoretical channel, if not stopped. This discussion ought to be based not on such notions as those of “combinations of cultures”, or “the Baltic Basin Kunda culture’s influence on the Upper Volga Mesolithic”, or of regulations of the “exogenous marital connections”, but on the study of the ancient societies’ economy and relevant reliable sources.

6: Сырьевые стратегии в практике палеолита

Резюме: Понятие «сырьевые стратегии населения» является одним из фундаментальных в геоархеологии. Наиболее активно данное направление развивается, начиная с 1970-х гг. в Западной Европе, особенно во Франции. Понятие «сырьевые стратегии» включают изучение месторождений сырья, методов его транспортировки, расстояний, на которое оно переносилось, и способов использования. Добыча сырья относится к «базовым стратегиям жизнеобеспечения» (Binford, 1979, p. 259). Применение естественнонаучных методов изучения сырьевых ресурсов с помощью петрографии, спектрометрии и рентгено-фазового анализа позволяет определить происхождение минералов, «привязать» стоянки к конкретным месторождениям, прояснить образ жизни древнего населения и его миграций. Все это вывело дисциплину на качественно новый уровень.

Практика показывает, что стандартное деление каменного сырья на «местное» (доставлявшееся с расстояния 2–5 км) и «приносное» (транспортировавшееся с расстояния более 5 км) не учитывает особенностей видового поведения человека, сезонной цикличности его передвижений и характера сырьевой зависимости.

Если под стратегией понимать выработку осознанного алгоритма поведения, неизбежно возникает вопрос, насколько первобытному населению было свойственно целеполагание в выборе месторождений и видов сырья, то есть стратегия? Биологическая практика выживания вида предполагает естественный характер сбора сырья в ходе сезонных кочевий населения, ибо для среднего и верхнего палеолита преднамеренную организацию специальных походов за камнем предполагать не приходится. Значит, в отношении доисторических популяций должны быть выработаны критерии, позволяющие отличить их естественные сезонные подвижки (кочевья, миграции) от осознанного поведения или, иначе, стратегии.

6: Raw Materials Strategies in Paleolithic Practice

Summary: The concept of “raw materials strategy of population” is one of the fundamental in geoarcheology. This direction is the most actively developing since the 1970-s. in Western Europe, especially in France. The concept of “raw materials strategy” includes the exploring deposits of raw materials, the methods of transportation, the distance at which it is tolerated, and the methods of use. The raw material extraction refers to the “basic livelihood strategies” (Binford, 1979, p. 259). Application of natural science methods to study natural resources using petrography, X-ray spectrometry and phase analysis permit to determine the origin of the minerals, “fix” parking to specific fields, to clarify the lifestyle of ancient people and their migrations. All of this has brought discipline to a new level. Practice shows that the standard division of stone raw material for “local” (delivered from a distance of 2–5 km) and “brought” (bring a distance of 5 km) does not include the features of specific

human behaviour, seasonal cycles of its movements and the nature of dependence on raw materials. If a strategy is the production of conscious algorithm of behaviour, the question inevitably arises as primitive population was typical of goal-setting in the selection of raw materials and fields, that is the strategy? Biological species survival practice involves natural character collection of raw materials during the seasonal migrations of the population, because for the Middle and Upper Palaeolithic deliberate organizing special trips for the stone does not have to assume. That means in relation to prehistoric populations should be developed criteria to distinguish their natural seasonal shifts (nomadic migration) of conscious behaviour or otherwise strategy. Keywords: Mousterian, Upper Palaeolithic, North-West Caucasus, raw-materials strategies, production and transportation of raw materials, geoarcheology theory, seasonal cycle, petroarcheology, spectrometry.

7: Отложенные инновации или несостоявшиеся изобретения?

Резюме: Очерк посвящён критике гипотезы «отложенных инноваций», в соответствии с которой «значительное число изобретений, получивших развитие на поздних этапах человеческого общества, стало известно значительно раньше – часто за тысячи и десятки тысяч лет – до их массового внедрения в жизнь».

Источниковедческая критика показывает, что в условиях каменного века невозможно длительное сохранение культурного явления в скрытом виде, когда оно «не проявляется сколько-нибудь заметно ни в живой культуре, ни в археологическом материале». Это следует из того, что единственным носителем информации служит первобытный коллектив, и любая инновация может ретранслироваться во времени и пространстве исключительно в виде живой культуры и тех следов, которые впоследствии фиксируются археологами. А все случаи появления похожих явлений и артефактов – при отсутствии цепочек традиционных связей, передаваемых наследственным путём и контактами популяций, – являются продуктами вторичных открытий так и несостоявшихся некогда изобретений.

7: Deferred Innovations or Failed Inventions?

Summary: This chapter is concerned with critic of “deferred innovations” hypothesis whereby “the most of inventions that were done in later stages of human society’s progress had been known long before its mass adoption”. Source studies show that the long-continued hidden preservation of cultural phenomenon in Stone Age environment when it doesn’t appear in real culture or archaeological materials is impossible. It follows from that prehistoric community was the singular holder of information and every innovation could be relayed in time and space only as real cultural remains that archaeologists record in our times. All the cases of appearances of similar phenomena and artefacts without chains of traditional relations transferred by ancestral and communication way is the products of repeated discoveries of failed inventions.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЧПЕ	– Ассоциация по изучению четвертичного периода
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АЭМК	– Археология и этнография Марийского края
КСИА	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии РАН
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
М.-Л.	– Москва – Ленинград
РА	– Российская археология
РАЭ	– Российский археологический ежегодник
СА	– Советская археология
СПб	– Санкт-Петербург
СЭ	– Советская этнография
ТАС	– Тверской археологический сборник
Труды ГИМ	– Труды Государственного исторического музея
ХКТ	– хозяйственно-культурный тип

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	5
1: Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы.....	17
2: К проблеме мезолитической подосновы неолитических индустрий Северной Евразии.....	97
3: «Болотные поселения».....	114
4: Этюд о «восточной» ориентации.....	147
5: Диалог о генезисе культуры кунда.....	167
6: Сырьевые стратегии в практике палеолита.....	208
7: Отложенные инновации или несостоявшиеся изобретения?	224
Резюме.....	236
Список сокращений	246

Научное издание

Сорокин Алексей Николаевич

Очерки источниковедения каменного века

Технический редактор: Н. В. Лопатин
Дизайн и верстка: В. Б. Степанов
Корректурa: В. Н. Токмаков, Л. Б. Орлова

Подписано в печать 16.02.2016. Формат 60×84/8
Усл. печ. л. 31,0. Уч.-изд. л. 17,65
Тираж 250 экз. Зак. № 225

Институт археологии РАН
117036, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19

Отпечатано в ООО «Аквариус»
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а
Тел.: +7 (4872) 49-73-73, +7 (4872) 49-76-96
E-mail: grif-tula@mail.ru, aquarius-press@mail.ru

ISBN 978-5-94375-191-2

9 785943 175191 2